Великие и Легендарные

100 ТАЙН ВТОРОЙ МИРОВОЙ

КЛУБ СЕМЕЙНОГО ДОСУГА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Вот уже почти 70 лет прошло со времен Великой Отечественной войны, но интерес к этой теме не спасает. Самая кровопролитная и чудовищная война оставила после себя множество неразгаданных тайн. Однако время постепенно раскрывает загадки военных лет. В этой книге вы узнаете о 100 из них: кто предал «Молодую гвардию» и что случилось на исторической встрече в Тегеране, куда исчезли сокровища Роммеля.

- 100 тайн Второй мировой
  - Предсказание судьбы Польши
  - Что вез крейсер «Эмеральд»
  - Правда о Катынском расстреле
  - Жертва операции «Летчик»
  - «Шторх», который стал «аистом»
  - Трагедия парохода «Ленин»
  - Как балтийцы бомбили Берлин
  - Об ошибках Клима Ворошилова
  - Трагедия на Ладоге
  - Неудавшийся «Тайфун»
  - Кто виноват в катастрофе «Армении»
  - Погибший экипаж крейсера «Сидней»
  - Тайный груз судна «Вильгельм Густлофф»
  - «Петропавловск», ставший «Маратом»
  - Планы «Блау»: война за черное золото
  - Откуда взялось серебро на рынках Манилы
  - Гибель теплохода «Сванетия»
  - Летательные аппараты Виктора Шаубергера
  - Загадка непостроенного моста
  - Исчезнувший бомбардировщик
  - Провал операции «Длинный прыжок»
  - Афера проекта «ХХ»
  - Конец «Шарнхорста»
  - Неудавшееся покушение на Сталина
  - Удар по Югославии — операция «Ход ферзя»
  - Как утонула подводная лодка «Тэнг»
  - Вторая столица Германии — Кенигсберг
  - Спецхранилище для ценностей «черного ордена»
  - Последняя боевая операция
  - Главный символ Великой Победы
  - Загадочный «Лагерь дождевого червя»

- Где находится легендарная Янтарная комната
- Секрет нацистского золота
- «Самая наступающая армия»
- Почему фюрер пощадил Великобританию
- Начало блицкрига
- Трагедия в Мерс-эль-Кебире
- Еврейские солдаты фюрера
- Секреты «русского» люфтваффе
- Ходынский аэродром — режим особой секретности
- Жертвы «Атлантиса»
- Настоящий автор «Священной войны»
- Вся правда о «катюше»
- Предсказание для Рудольфа Гесса
- Что делал Сталин в Куйбышеве в 1941 году
- Приговоренные приказом № 270
- «Освободить Ленинград от блокады»
- Создатель «Прощания славянки»
- Фальшивомонетчики Второй мировой
- «Русских военнопленных не существует»
- Анархистская республика Каминского
- Тайна вторжения Гитлера в Америку
- «Ни шагу назад»: раскрытые тайны штрафбатов
- Тридцатая батарея береговой обороны
- Загадки заградотрядов
- Секреты битвы под Ржевом
- Защищавшие «дом Павлова»
- Трагедия волжско — татарского легиона
- Последний приют фюрера
- Что делали японские диверсанты в Сибири
- Оригинальная идея Скорцени
- Кто был среди власовцев
- Секретное хранилище нацистской документации
- Советские генералы в немецком плену
- Секреты американских людей — амфибий
- Объект бактериологического оружия
- Действия «черного ордена» в Антарктиде
- Тайна сотрудничества США и Германии
- Охота на Сталина
- Николай Гастелло или Александр Маслов?
- Эмиль Морис — «первый солдат СА»
- «Жил в Ростове Витя Черевичкин…»
- Жизнь и смерть «Лиса пустыни»
- Настоящие предатели «Молодой гвардии»
- Рыцарь «черного ордена» Вальтер Шелленберг

- Кто такие гвардейцы широнинцы
- Диверсант № 1 — Отто Скорцени
- Самый молодой летчик Второй мировой войны
- Адское пламя для Адольфа Эйхмана
- Взлет и падение Петра Грищенко
- «Имперский укольщик» Теодор Морелль
- Кто стал прототипом радистки майора Вихря
- Справедливой ли была казнь Рихарда Зорге?
- На чьей стороне был Вильгельм Канарис
- Ольга Чехова — «государственная актриса Германии»
- «Дутый лев» Вернер фон Бломберг
- Дело барона Фрича: опальный генерал
- Пилот Иван Федоров
- Когда на самом деле умер Рудольф Гесс
- Александр Покрышкин — трижды Герой Советского Союза
- «Серый кардинал» Мартин Борман
- Подвиг Лидии Лисовской
- Тайна «майора Мартина»
- Последние дни рейхсфюрера
- «Чужой» генерал
- Покушения на фюрера
- Настоящий человек Алексей Маресьев
- Афера с «дневниками Гитлера»
- «Хотелось скорее прогнать фашистов с нашей земли…»

100 тайн Второй мировой

Предсказание судьбы Польши

В 1938 году стало очевидно, что грядет большая война. Гитлер прекрасно понимал, что ему необходимо стать единоличным главнокомандующим, иначе ему постоянно придется сталкиваться с открытым или глухим, однако неизменно ожесточенным сопротивлением «солдат старой школы» — генералитета из бывших офицеров времен кайзера Вильгельма II и Первой мировой войны. Они не принимали жестокости фашизма, не имевшей никакого здравого смысла, не разделяли идеологической фанатичности и с плохо скрываемым презрением относились к нацистским руководителям, которые в основном не имели должного военного образования и опыта, как руководить войсками.

Однако Гитлер, всерьез уверовавший в свою высшую миссию, считал, что часть генералитета, в надежде на возрождение былого военного могущества Германии, все же поддержит его. Поэтому фюрер издал декрет, в котором взял на себя непосредственное и личное командование всеми вооруженными силами.

Никто из генералов не посмел возразить Гитлеру, хотя все отлично понимали: такой властью в Германии ранее не обладал никто! Даже легендарный канцлер Отто Бисмарк и кайзер Вильгельм II. Отныне путь к следующей мировой войне оказался полностью открытым.

Генералы Франц Гальдер и Вальтер фон Браухич по приказу Гитлера спешно готовили планы нападения на страны Европы, разрабатывая стратегию и тактику ведения военных действий против Советского Союза. 15 марта 1938 года на площади Героев в Вене Гитлер объявил о присоединении Австрии к Германии, нарушив запрет, который был наложен на их объединение Версальским мирным договором, подписанным в 1919 году. Далее последовал Мюнхенский сговор и как итог — раздел Чехословакии.

Следующей была Польша, которая интересовала Гитлера и немецких генералов возможностью захвата Данцига, получением значительного «жизненного пространства» и вожделенным приближением германской армии к границам СССР. Было и еще одно «экономическое» обстоятельство: взлетая с аэродромов на территории Польши, немецкая авиация существенно сокращала полетное время к целям на советской территории (не следует забывать, что своих запасов нефти немцы не имели).

Гитлер увлекался мистикой, пророчествами, разного рода провидцами и предсказателями. Зная об этом, министр

пропаганды доктор Йозеф Геббельс, с негласного одобрения фюрера, в марте 1938 года созвал в Вартбурге астрологов и ясновидцев на секретное совещание.

Сразу же после окончания этого мероприятия о его результатах было доложено рейхсфюреру СС Генриху Гиммлеру. Гиммлер также имел в своем распоряжении специфические оккультные секретные структуры, о многих из которых другие нацистские чины даже не догадывались. Вполне возможно, что он был огорчен тем, что ему самому не пришла в голову мысль собрать астрологов и ясновидцев. Поэтому глава «черного ордена» тоже решил порадовать фюрера предсказаниями грядущего успеха, дабы переплюнуть Геббельса.

Не теряя времени, Гиммлер поручил руководителям аппаратов на местах срочно найти толкового и проверенного специалиста по ясновидению и предсказаниям, который не был задействован в устроенном доктором Геббельсом совещании.

Выполнить необычное поручение главы СС оказалось делом не из легких, поскольку большинство магов и всевозможных ясновидцев или сгинули в лагерях смерти, или были убиты. Еще в 1933 году, придя к власти, национал-социалисты быстро «навели порядок» среди мастеров оккультных наук. Это направление было уничтожено, а те, кому посчастливилось уцелеть, переметнулись в услужение к новым хозяевам. Рейхсминистр пропаганды для участия в совещании выбирал наилучших, поэтому эсэсманы были вынуждены искать полуподпольного специалиста магии и ясновидения.

Итак, потребовалось почти два месяца, чтобы выполнить поручение рейхсфюрера СС. В одном из маленьких городков Тюрингии жил пожилой профессор оккультных наук Пауль Панзген, который двадцать лет назад считался одним из ведущих специалистов в области предсказаний.

Гиммлер недоверчиво спросил, участвовал ли Панзген во Всемирном съезде астрологов. Дело в том, что в 1936 году национал-социалисты организовали в Дюссельдорфе так называемый Всемирный съезд астрологов. Руководило этим мероприятием министерство пропаганды доктора Геббельса. Тогда германский Третий рейх был торжественно объявлен ведущей страной небесного оккультизма и немецкие ясновидящие заявили, что «фюрером управляют звезды».

Естественно, это был всего лишь миф. Его дальнейшую раскрутку доктор Геббельс поручил известному в узких кругах специалисту по оккультным наукам господину Рейсману. Последний написал популярную в Третьем рейхе книгу «Астрология и культ политического вождя», где изложил

«теоретические обоснования» к мистически-божественному провидению и дару предвидения вождя германской нации Адольфа Гитлера.

Рейхсфюреру ответили, что Панзген не принимал участия в работе съезда, поскольку фактически отошел от активной деятельности еще в конце двадцатых годов. Гиммлер засомневался, сможет ли профессор быть полезным, на что получил ответ:

— Его считают одним из лучших, рейхсфюрер.

Тогда Гиммлер распорядился доставить пожилого профессора в Берлин в качестве почетного гостя, но в то же время без лишней суеты и в обстановке строгой секретности. Панзгена спешно привезли в столицу и разместили в одном из загородных особняков.

Гиммлер лично с Панзгеном не встречался, но в целях получения интересных сведений отдал приказ провести встречи с профессором высокопоставленному чиновнику, начальнику кадрового управления войск СС, генералу СС Готлибу Бергеру. Тот, конечно, приезжал на встречи инкогнито.

Бергер засомневался, имеет ли Панзген необходимый опыт в своей области. На что профессор возразил, что он еще застал то время, когда после поражения Германии почтовая марка стоила в условиях бешеной инфляции десять миллионов марок, а предсказание астролога — двадцать пять миллионов. Так что ему вполне хватало денег, чтобы прокормить семью: люди приходили за пророчествами, естественно, верили в них, и они сбывались.

Генерал Бергер предложил Паулю Панзгену спрогнозировать, как будут разворачиваться события в Германии в ближайшие два-три года. Профессор ответил, что результаты он может огласить через пару дней, и эсэсовец согласился подождать.

Прошло два дня, и Панзген предоставил Бергеру подготовленный прогноз развития событий на ближайшие три года.

В особняке были замаскированы чувствительные микрофоны, которые записывали их беседу. Предсказатель заявил, что в ближайший год должна развернуться очень большая война, из которой Германия выйдет победительницей. Немецкие знамена будут гордо реять над многими европейскими столицами, ненавистная фюреру Франция сдастся в считаные дни. Однако Англия будет вести ожесточенное сопротивление, несмотря на ряд серьезных поражений. Чехословакия отойдет к Германии, а в 1939 году наконец окончательно разрешится «польский вопрос».

По мнению ясновидца, Англия и Франция даже и не подумают вступиться за поляков, и хотя впоследствии главным

врагом рейха станут русские, сейчас нужно сделать все возможное, чтобы заполучить их пусть временными, но союзниками. И разделить с ними Польшу.

— Вы в этом уверены? — осторожно переспросил профессора Бергер, зная о том, что разговор записывается.

— Да, — ответил профессор. — Между русскими и поляками давно существует затяжной конфликт, поэтому в следующем году вождь Советского Союза согласится на условия союза с Германией, при этом еще не предполагая, что тем самым обречет себя на тяжелые поражения. Если же получится разделить с русскими Польшу, то Германия пусть возьмет себе ее западную территорию, а русским отдаст восточную. Тогда Советская Россия на многие годы лишится исконных эзотерических сил своего народа, так как грядущую войну начнет на чужой территории, насильно отнятой у поляков. После раздела Польши начинать военную кампанию против России следует только весной 1941 года: тогда летние военные операции будут очень успешными для Германии.

Затем профессор поведал, что он буквально «видел» огромные вереницы русских пленных солдат и немецкие войска на подступах к Москве. Однако дальше заглянуть в будущее ему не удалось, поскольку высшие силы и расположение звезд не всегда открывают свои тайны слишком настойчивым ясновидцам.

Бергер резонно подумал, что старик может хитрить, однако поймать его на этом было просто невозможно. По сути, желаемой цели Бергер уже достиг, поэтому он поспешил доложить о результатах рейхсфюреру СС. По приказу Гиммлера провидца наградили и отправили домой с тем расчетом, чтобы старый профессор постоянно был под рукой. В тот же вечер Гитлеру предоставили отчеты о предсказаниях ясновидца из Тюрингии.

Идея раздела Польши заинтересовала фюрера, и он сразу же решил узнать мнение об этом военных. Генералы отрапортовали, что если русские в ближайшем будущем перенесут свою границу дальше на Запад, то тем самым существенно ослабят свои мощные укрепления на старой линии границы. К весне же 1941 года, — если брать во внимание, что окончательный раздел Польши, по предсказанию профессор Панзгена, случится не позднее октября 1939 года, — они еще не смогут организовать серьезной линии обороны на новых рубежах. В итоге коммуникации русских неизбежно станут довольно растянутыми, а наиболее важные цели противника могут быть быстро разгромлены бомбардировочной авиацией рейха.

Гитлер ликовал и от всей души благодарил Гиммлера за проявленную инициативу. Генералов не оповестили о

предсказании ясновидца из Тюрингии.

Фюрер приказал начать подготовку к нападению на Чехословакию и Польшу. Отлично отдавая себе отчет в том, что он скорее всего может развязать новую мировую войну, фюрер хотел путем договора с Россией о разделе Польши внести раздор в отношения между СССР, Францией и Англией. Помня об уроках Первой мировой, Гитлер не мог допустить создания новой Антанты, поскольку война на два фронта всякий раз оказывалась для Германии губительной.

Что вез крейсер «Эмеральд»

Эта необычная история — из числа наидольше сохраняемых тайн Второй мировой войны. Может быть, потому, что из многих участвовавших в ней людей только некоторые были в нее полностью посвящены. Трое исследователей взяли на себя задачу рассказать об этом деле. Они стали собирать разрозненные фрагменты и складывать их в единую картинку, как пазл. Сидни Перкинз, служивший ранее в Канадском банке, впервые обнародовал информацию, касающуюся его участия в этом деле. Писатель А. Стамп привел в соответствие информацию Сидни Перкинза со сведениями других людей, а Лиленд Стоу, зарубежный корреспондент и лауреат Пулитцеровской премии, прожил несколько недель в Канаде и Англии, чтобы разведать там недостающие секретные подробности.

Итак, 2 июля 1940 года, спустя семнадцать дней после того, как немецкие войска оккупировали Париж, в 17.00 на станцию Бонавентура в Монреале прибыл поезд специального назначения. Его встречали Дэвид Мансур, исполняющий обязанности управляющего Канадским банком, и Сидни Перкинз из отдела валютного контроля. Оба они знали, что вместе с поездом прибыл секретный груз под кодовым названием «рыба». Но только Мансуру было известно, что они будут принимать участие в крупнейшей финансовой операции, которую когда-либо проворачивали государства в мирное или военное время.

Едва состав остановился, как и из вагонов на перрон ступила вооруженная охрана. Мансура и Перкинза сразу провели в один из вагонов к невысокому человеку в очках — это был Александер Крейг из Английского банка. Его сопровождали три помощника. Крейг сказал:

— Мы привезли большой груз «рыбы». «Рыба» — это ликвидные активы Великобритании. Мы опустошили наши хранилища на случай вторжения. Скоро приедет и остальное.

Перкинз пытался сообразить, что подразумевается под «ликвидными активами» и «остальным». Вероятно, это означало, что Канадский банк намеревался принять все принадлежавшие Великобритании средства, которые могли быть переведены в доллары.

После того как Франция пала и над Великобританией нависла серьезная угроза гитлеровского вторжения, Уинстон Черчилль собрал своих министров на закрытое совещание, на котором постановили переправить в Канаду государственное золото и ценные бумаги граждан на сумму семь миллиардов

долларов. Осуществить эту операцию удалось благодаря предусмотрительному шагу, сделанному в начале войны, — тогда все граждане Соединенного Королевства должны были зарегистрировать в государственном казначействе все принадлежавшие им иностранные ценные бумаги. Эту часть вложений соотечественников Черчилль со своим кабинетом и решили теперь реквизировать. Ранее государство не изымало вклады частных лиц на нужды обороны, не спросив прежде согласия на то их владельцев. Но уже в июне 1940 года правительство Черчилля было вынуждено пойти на этот рискованный шаг. Один из участников операции вспоминал: «За десять дней все отобранные для перемещения вклады в банках Соединенного Королевства были собраны, сложены в тысячи коробок и оперативно свезены в региональные центры сбора». Эти несметные богатства были принесены Великобритании поколениями ее торговцев и мореплавателей. Однако теперь вместе с накопленными тоннами золота Британской империи им предстоял нелегкий путь обратно через океан.

Перевезти первую партию секретного груза предполагалось на крейсере «Эмеральд», которым командовал капитан Френсис Сирилл Флинн. 24 июня крейсер должен был выйти из гавани Гринока в Шотландии. 23 июня поездом до Глазго из Лондона выехали четыре лучших специалиста по финансовым вопросам. Возглавлял группу Александер Крейг. Между тем тщательно охраняемый специальный поезд привез в Гринок последнюю партию золота и ценных бумаг. Их погрузили на стоявший в заливе Клайд крейсер. Ночью, рискуя в непроглядном тумане наткнуться на камни, пришел эсминец «Коссак», чтобы присоединиться к эскорту «Эмеральда».

Вечером 24 июня крейсер был полностью загружен ценностями. В его артиллерийские погреба погрузили 2229 тяжелых ящиков, в каждом из которых было четыре золотых бруска. Тут же находились и 448 коробок с ценными бумагами на общую сумму более четырехсот миллионов долларов. Общая сумма ценностей при первой перевозке составляла более полумиллиарда долларов.

С ухудшением погоды шансы на успех стремительно падали. Шторм усилился, поэтому скорость эсминцев сопровождения стала падать. Тогда капитан Вайан, командовавший эскортом, просигналил капитану Флинну идти между эсминцами зигзагами. Таким образом «Эмеральд» мог сохранять свою более высокую, а следовательно, более безопасную скорость. Однако океан разбушевался не на шутку, и в итоге эсминцы отстали так, что капитан Флинн принял решение плыть дальше в одиночку. На

четвертый день выглянуло солнце, а 1 июля утром на горизонте наконец появились берега Новой Шотландии. Крейсер спокойно шел к Галифаксу, делая по 28 узлов в час, и в 7.35 благополучно стал в док.

К доку примыкала железнодорожная ветка, где «Эмеральда» ожидал специальный поезд. Тут же находились представители Канадского банка и железнодорожной компании «Кэнэдиен нэшнл экспресс». Перед началом разгрузки были приняты исключительные меры предосторожности, причал перекрыли. При выносе с крейсера каждый ящик регистрировался как сданный, а затем заносился в список при погрузке в вагон. В 19.00 состав с золотом отправился в дальнейший путь. В Монреале вагоны с ценными бумагами отцепили, а золото продолжило путешествие дальше, в Оттаву.

Именно этот поезд и встречали Дэвид Мансур и Сидни Перкинз. Отныне они должны были опекаться бумагами и теперь были вынуждены куда-то поместить эти тысячи упаковок. Дэвид Мансур уже точно знал куда.

Целый квартал в Монреале занимало 24-этажное гранитное здание страховой компании «Сан Лайф». Самый нижний из этажей в военное время предназначался под хранилище ценностей.

Глубокой ночью, когда движение на улицах Монреаля стихло, полиция тщательно оцепила несколько кварталов, расположенных между сортировочной станцией и небоскребом «Сан Лайфа». Затем между вагонами и задним въездом в здание начали курсировать грузовики, сопровождаемые вооруженной охраной «Кэнэдиен нэшнл экспресс». Когда последняя коробка переместилась в хранилище, что было должным образом зарегистрировано, Крейг, ответственный за депозит от лица Английского банка, взял у Дэвида Мансура, ответственного от лица Канадского банка, официальную расписку о получении багажа.

Теперь требовалось в срочном порядке оборудовать надежное хранилище. Однако на изготовление камеры понадобилось огромное количество стали. Вопрос, где ее взять в военное время, был решен довольно оперативно. Кто-то неожиданно вспомнил о неиспользуемой, заброшенной железнодорожной ветке, две мили путей которой имели ни много ни мало 870 рельсов. Из этих рельсов и были изготовлены стены и потолок толщиной в три фута. В потолок встроили сверхчувствительные микрофоны звукоулавливающих приборов, которые фиксировали даже малейшие щелчки выдвигаемых из железного шкафа коробок.

За три летних месяца по железной дороге в Монреаль

прибыло три дюжины грузов ценных бумаг. Чтобы разместить все сертификаты, понадобилось около 900 четырехстворчатых шкафов. Для охраны спрятанных под землей ценностей были круглосуточно приставлены 24 полицейских, которые там же ели и спали.

И все эти золотые запасы перевозились без страховки. Ведь кому бы пришла в голову мысль застраховать в военное время слитки на сотни миллионов долларов? Золотой груз установил еще один «ценный» рекорд: чтобы его перевезти, «Кэнэдиен нэшнл экспресс» потребовалось около миллиона долларов.

Золото, как и ценные бумаги, прибывало в Монреаль постоянно. За период с июня по август британские корабли (вместе с несколькими канадскими и польскими судами) перевезли в Канаду и Соединенные Штаты золота более чем на 2 556 000 000 долларов. И уж совсем невероятным кажется тот факт, что за эти три месяца в Северной Атлантике было потоплено 134 союзных и нейтральных судна — и среди них ни одного, который перевозил золотой груз.

Правда о Катынском расстреле

Дата расстрела польских военнослужащих в Катыни была установлена на основании документальных свидетельств, найденных на трупах.

Согласно немецким данным, в Козьих Горах в марте — июне 1943 года было эксгумировано 4143 трупа, а согласно польским данным, — 4243. По немецким данным, 2815 (67,9 %) из них были опознаны. Польские данные в этом случае расходятся с немецкими — Польский Красный Крест поначалу заявил об опознании 2730 человек, однако опубликованный поляками в 1944 году в Женеве официальный список опознанных катынских жертв составляет 2636 человек.

Такие расхождения немецких и польских данных, касающиеся эксгумированных и опознанных поляков, очень показательны. Скорее всего, они свидетельствуют о том, что поляки были вынуждены изъять из своих списков фамилии 179 эксгумированных и опознанных в Козьих Горах польских офицеров, поскольку их настоящая судьба явно противоречила немецкой версии.

Опознание трупов проводилось по найденным документам и предметам с именами владельцев. В основном это были офицерские удостоверения или другие именные документы (паспорта, индивидуальные жетоны и пр.). На многих трупах были обнаружены крупные суммы денег, ценные вещи и предметы военной амуниции. Надо отметить тот факт, что в советских лагерях польским военнопленным запрещалось иметь при себе деньги на сумму более ста рублей или ста злотых, ценные вещи, воинские документы, предметы военного снаряжения и т. д.

Ю. Мацкевич дал этому совершенно наивное объяснение. В апреле 1943 года Козьи Горы посетили иностранные корреспонденты. Они задали сопровождавшему их полковнику фон Герсдорфу вопрос: «Почему большевики оставили на телах убитых все документы и не забрали себе ценности?» — «Потому, — ответил Герсдорф, — что в 1940 году большевики не подумали, что убитые ими где-то в глубине России, под Смоленском, могут быть вскоре выкопаны и опознаны каким-то их врагом».

По всей вероятности, ни Мацкевич, ни полковник Герсдорф ничего не знали о пункте 10 «Временной инструкции о порядке содержания военнопленных в лагерях НКВД» от 28 сентября 1939 года, в соответствии с которым «принятые лагерем военнопленные, перед тем как разместить их в бараки, проходят

осмотр… Обнаруженное оружие, военные документы и другие запрещенные к хранению в лагере предметы отбираются».

Следует отметить, что весной 1940 года была проведена сверхсекретная операция, поэтому если бы поляков расстреляли сотрудники НКВД, то они бы незамедлительно изъяли любые документы и вещи, позволяющие идентифицировать трупы.

Такое категорическое требование об обязательном изъятии любых вещей, позволяющих опознать личность расстрелянного, содержала должностная инструкция НКВД СССР по производству расстрелов, которой сотрудники наркомата безусловно придерживались в любых ситуациях.

Так, летом и осенью 1941 года немцы, преследуя пропагандистские цели, публично вскрывали в оккупированных советских городах могилы, в которых были захоронены люди, на самом деле расстрелянные сотрудниками НКВД. Но никаких документов или именных вещей в тех могилах не было — жертвы пришлось опознавать исключительно на основании показаний родственников или знакомых.

Не было обнаружено никаких документов, позволяющих установить личности, и на трупах заключенных тюрем Прибалтики, Западной Украины и Белоруссии. Узников этих тюрем в конце июня — начале июля 1941 года, отступая, в спешке расстреляли сотрудники НКВД и НКГБ по причине невозможности эвакуации. А в Козьих Горах на 2815 опознанных трупах было обнаружено 3184 предмета, позволявших установить личность погибших!

Представители общества «Мемориал» предполагают, что сотрудники НКВД придерживались требований служебной инструкции о порядке производства расстрелов: обыскивали приговоренных и отбирали у них документы и личные вещи только при проведении судебных расстрелов в помещениях тюрем. В этом случае после расстрела тела казненных перевозились к местам захоронений и сбрасывались в заранее выкопанные огромные ямы.

Однако, проводя массовые расстрельные акции, непосредственно рядом с местом захоронения, требования инструкции сотрудники НКВД якобы не выполняли: приговоренные перед расстрелом не обыскивались, документы и именные вещи у них не изымались, а трупы укладывались ровными рядами. Обосновывая такое мнение, представители «Мемориала» ссылаются на то, что при эксгумациях массовых энкавэдэшных захоронений в Куропатах, Томске, Сандармохе и других местах на трупах все-таки находили личные вещи, медальончики, записки и пр., «однако не в таком большом

количестве, как в Катыни». Но никаких доказательств, что сотрудники НКВД укладывали трупы казненных ровными рядами, представители «Мемориала» не представили.

В отличие от русских, немцы в отношении пленных польских офицеров придерживались Женевской «Конвенции о содержании военнопленных» от 27 июля 1929 года, статья 6 которой гласила: «Документы о личности, отличительные знаки чинов, ордена и ценные предметы не могут быть отняты от пленных». Поэтому здесь можно сделать определенные выводы.

Вот как была установлена точная дата расстрела и захоронения польских военнослужащих в Катыни. Руководитель эксгумационных работ доктор Герхард Бутц в своем отчете настоятельно подчеркивал, что «нельзя определенно решить, сколько времени трупы пролежали в земле. При оценке следственных материалов, особенно когда вопрос касается определения даты смерти жертв, важно учитывать внешние обстоятельства каждого конкретного случая. Ввиду этого особое значение приобретают найденные документы и газеты, неоспоримо указывающие на весну 1940 года как время казни».

Российский журналист Владимир Абаринов, корреспондент радио «Свобода» в Вашингтоне, в своей книге «Катынский лабиринт» ссылается на авторитетное мнение членов комиссии академика Топорнина о том, что «даже современная судебная медицина, имея в своем распоряжении новейшие методы исследования, не в состоянии определить время расстрела с точностью до полугода». Поэтому международная комиссия, работавшая в Катыни в 1943 году по приглашению немецких оккупационных властей, этого и не сделала: дата была установлена приблизительно, по документам, найденным на останках.

Венгерский эксперт профессор Оршос для датировки захоронений предложил метод псевдокаллуса (твердые отложения на поверхности мозговой массы). Однако, по мнению специалистов комиссии Топорнина, данный метод судебно-медицинской практикой не подтвердился. Но выводов, основанных на вещественных доказательствах, это не отменяет.

Посетившего Катынь польского журналиста Ю. Мацкевича поразило то, что лес поблизости от могил «был усеян множеством газетных лоскутьев, наряду с целыми страницами и даже целыми газетами… датировка этих газет, найденных на телах убитых, указывает, если рассуждать здраво и честно, на не подлежащее никакому сомнению время массового убийства: весна 1940 года». Об этом он написал в своей книге «Катынь».

Ю. Мацкевич придавал найденным газетам особое значение

как «вещественному доказательству в разрешении загадки: когда было совершено массовое убийство?». Советские газеты, датируемые началом 1940 года, находили на катынских трупах в большом количестве и в прекрасной сохранности. Но чешский эксперт доктор Ф. Гаек считал, что «невозможно поверить, что по истечении трех лет их целостность и читаемость была такая, в какой их действительно обнаружили».

Есть и еще один немаловажный факт, свидетельствующий о подлоге с газетами. В политдонесении из Козельского лагеря от 4 февраля 1940 года говорилось, что Козельский лагерь получал всего 80 экземпляров «Глоса Радзецкого» на польском языке, то есть получалось один экземпляр на 55 человек. Газет на русском языке было и того меньше. При этом пленные не имели права брать газеты в руки. В основном газеты висели на специальных стендах. Поэтому вопрос, откуда в таких условиях могли попасть в карманы трупов сотни советских газет за март — апрель 1940 года, остается открытым.

Как бы там ни было, газеты в этих могилах могут быть как косвенным доказательством вины НКВД, так и прямым доказательством правоты свидетельств К. Девалье и К. Йоханссена о фальсификации немцами катынских вещественных доказательств.

Но Ю. Мацкевич, стремясь представить незапятнанной позицию нацистов в «Катынском деле», допустил и вовсе непростительную оплошность. По горячим следам, едва вернувшись из Катыни, когда журналист еще не успел полностью осмыслить увиденное, он опубликовал статью в газете «Гонец Цодзенны».

В частности, Мацкевич пишет, что Катынский лес в этом месте выглядит мерзко. Так, как выглядит пригородный лесок после маевок, когда «любители природы», уходя, оставляют после себя объедки, окурки, бумажки, мусор. В Катыни среди этого мусора растут бессмертники. Но, оказывается, никакой это не мусор: восемьдесят процентов «мусора» — деньги. Польские бумажные банкноты, преимущественно большого достоинства. Некоторые в пачках по сто, пятьдесят, двадцать злотых. Лежат кое-где и отдельные мелкие — по два злотых — купюры военного выпуска…

Так Мацкевич невольно раскрыл «страшную тайну», поведав о том, что в Катынском лесу лежали так называемые «краковские» злотые выпуска 1 марта 1940 года, ходившие на территории польского генерал-губернаторства. Замена предвоенных двухзлотовых купюр с датой «хх.хх.1936» на краковские осуществлялась с 8 по 20 мая 1940 года. В то же время первый

этап польских офицеров из Козельского лагеря отбыл в Смоленск 3 апреля 1940 года, а последний — 10 мая. Подавляющее большинство польских офицеров, около четырех тысяч человек, отправились в Смоленск до 28 апреля 1940 года. В книге «Катынь» Мацкевич эту свою оплошность исправил.

Как же «двухзлотовки военного выпуска» очутились в апреле — мае 1940 года в Катынском лесу? Следует учитывать и то, что с 16 марта 1940 года польские военнопленные не могли получать и отправлять корреспонденцию. А значит, единственный канал получения польских злотых был перекрыт.

Свидетельство о присутствии в Катынском лесу «двухзлотовок военного выпуска» можно было объяснить ошибкой Мацкевича, однако это совершенно несерьезно. Можно спутать цифру в дате, но не целую фразу. Тогда становится очевидным, что считающиеся расстрелянными весной 1940 года в Козьих Горах поляки были живы после мая 1940 года. Достоверно известно, что немцы после захвата лагерей разрешили переписку пленных поляков с Польшей. Таким образом, двухзлотовки могли быть присланы пленным родными, в надежде, что они понадобятся им при возвращении на Родину. Этот факт является неопровержимым свидетельством расстрела поляков осенью 1941 года.

Ю. Мацкевич также сообщал, что на телах убитых в Катыни офицеров было найдено около 3300 писем и открыток, полученных ими от своих семей из Польши, и несколько написанных ими, но не отосланных в Польшу. Ни одно из этих писем и ни одна из этих открыток, пишет он, не датированы позже апреля 1940 года. Это подтверждают и их семьи в Польше, у которых переписка внезапно оборвалась как раз в это время. Можно было бы подумать, что большевики по тем или иным причинам запретили военнопленным переписку. Но они этого не утверждают, так как у них нет доказательств.

И все же Ю. Мацкевич ошибался. Как уже говорилось, 16 марта 1940 года «военнопленным быв. польской армии, содержащимся в лагерях НКВД, запрещена всякая переписка». Она была возобновлена только 28 сентября 1940 года по предложению П. Сопруненко и указанию замнаркома НКВД В. Меркулова. Принять такое решение начальству пришлось под давлением польских военнопленных из Грязовецкого лагеря, пригрозивших начать «массовую голодовку в знак протеста против запрещения им переписки с семьями и родными». Поэтому даты, проставленные на письмах и открытках, не являются четким доказательством времени расстрела.

Польская версия преимущественно основывается на подобных

косвенных и двусмысленных доказательствах. Одним из них являются показания поручика запаса, профессора экономики Станислава Свяневича, которого польская сторона представляет едва ли не очевидцем расстрела польских офицеров в Катыни.

Л. Ежевский в своем исследовании «Катынь. 1940» говорит, что после прибытия 29 апреля 1940 года эшелона с восемнадцатым этапом польских офицеров из Козельского лагеря на железнодорожную станцию Гнездово Свяневича перевели в другой вагон и закрыли в пустом купе. Профессор Свяневич с верхней полки через щелку мог наблюдать то, что происходило снаружи… В момент катынского расстрела он находился в трех километрах от места преступления и собственными глазами видел, как людей уводили на казнь… Все без исключения товарищи профессора Свяневича из 18-го этапа 29 апреля 1940 года были найдены в катынских могилах.

Станислава Свяневича «оставили» в живых, отправили в Смоленск, затем в Москву на Лубянку. В 1941 году на основании советско-польского соглашения от 30 июля 1941 года он был освобожден и в 1942 году выехал в Иран, а затем в Лондон. По мнению российского историка Н. С. Лебедева, С. Свяневич, как и ярый «антисоветчик» полковник С. Любодзецкий, были агентами НКВД и поэтому их оставили в живых.

Но даже в таком случае свидетелей секретных операций НКВД, принимая во внимание царившую тогда подозрительность, за границу попросту не выпускали. Возникает резонный вопрос: насколько соответствует правде утверждение, что Свяневич был свидетелем того, как людей уводили на казнь? И возможно ли то, что свидетелю сверхсекретной операции НКВД дали добро на выезд за границу?

Скорее всего, Свяневич видел, как пленных офицеров из Козельского лагеря грузили в автомашины и увозили. Но куда? Если бы к месту казни, то, принимая во внимание сверхсекретный характер операции, судьба Свяневича была бы предрешена. Его или увезли бы туда же, или расстреляли. То, что Свяневич остался в живых и вышел на свободу, весьма существенное свидетельство в пользу версии, что поляков в тот момент вывозили в лагерь «особого назначения».

Эту версию косвенно подтверждает следующий факт. 27 апреля 1943 года Германское информационное бюро сообщило из Мадрида о заметке корреспондента испанской франкистской газеты «АВС», побывавшего в Катыни еще до сообщения «Радио Берлина». В заметке, в частности, говорилось об обнаруженных при раскопках в Козьих Горах записях расстрелянного польского офицера, в которых он писал, что на расстрел его товарищей

забирали «из лагеря ночью».

Эти записи не прояснили вопрос, когда именно — в 1940 или 1941 году — производился расстрел. Вполне возможно, что немцы в дальнейшем скрыли этот дневник именно по причине наличия в нем указаний на события осени 1941 года. Таким образом, обстоятельства расстрела польских офицеров в Катыни до конца так и не известны.

Жертва операции «Летчик»

В конце апреля 1990 года российское правительство под личным контролем Михаила Горбачева создало специальную межведомственную комиссию, которая расследовала вопрос советсконемецкого сотрудничества в период с 1922 по 1940 год. Тогда, несмотря на версальские соглашения, на нашей территории активно строились совместные с рейхсвером заводы, химические лаборатории, аэродромы, танковые и авиационные школы.

Также бойко велось обучение немецких офицеров. Неожиданный интерес современников к событиям 70-летней давности объяснялся тем, что, согласно данным ПГУ (Первого главного управления) КГБ, на счетах некоторых швейцарских банков лежали предназначенные СССР более 85 миллионов рейхсмарок (часть — золотыми монетами), переведенных в 1938 году Германией. Эти деньги являлись оплатой нацистской Германией военно-промышленных долгов Советскому Союзу. Еще перед Великой Отечественной войной Швейцария, в соответствии с международными банковскими законами, заморозила официальные счета воюющих государств. Немецкие миллионы так и оставались невостребованными Россией вплоть до 1990-х годов.

Итак, для более подробного расследования этого дела вновь созданная межведомственная комиссия, состоявшая из сотрудников Госбанка СССР, МИДа, Минюста и целой группы историков из Института военной истории, была допущена в архивы КГБ, где хранились «совершенно секретные» материалы о пребывании немецкой летной школы WIVUPAL в Липецке с 1924 по 1933 год. Это секретное дело с пометкой «хранить вечно» было закрыто особистами только в 1958 году. ПГУ КГБ, контролирующее работу комиссии над «Делом немецких летчиков», согласилось выдать лишь самые необходимые материалы. Остальные сведения из дела № р-2176, среди которых многочисленные агентурные донесения, данные разведки, итоги оперативных мероприятий НКВД и изъятые вещдоки, навсегда остались закрытыми от общественности.

По окончании восьмилетнего срока по подписке «секретного умолчания» один из членов этой межведомственной комиссии написал в редакцию «Комсомольской правды» письмо. Бывший военный сообщил о некоторых интересных фактах пребывания немецких летчиков в довоенном Липецке. На тот момент он работал в архиве бывшего КГБ на Лубянке, где просматривал

документы по техническому обеспечению летной школы WIVUPAL. Среди них специалист неожиданно обнаружил листок бумаги с записями на немецком языке. Было вполне очевидно, что тетрадный лист затесался в техническую документацию совершенно случайно. Единственное, что удалось перевести на русский язык этому военному, так это имя получателя письма — Герман Геринг. Письмо Герингу было написано некой Надеждой Горячевой из Липецка и датировано 2 ноября 1926 года.

В 1924 году руководство РККА по неизвестным причинам вдруг закрыло только что организованную Высшую школу красвоенлетов в Липецке. А вскоре на ее базе на правах концессии развернулось создание авиационной школы летчиков рейхсвера WIVUPAL, которую засекретили под 4-ю эскадрилью авиационной части Красного воздушного флота (иногда в документах она называется 4-й авиаотряд т. Томсона). Изначально в школу прибыло 58 немецких самолетов «Фокер Д-13», но советское руководство настояло, чтобы в школу переправили самые современные машины «Альбатрос». Через несколько месяцев в школу стали прибывать первые «ученики».

Под аэродром обустроили площадку дореволюционного ипподрома, а прибывших немцев поселили в здании бывшей конторы винного завода. Будущие немецкие летчики приезжали на обучение по чужим паспортам и числились командированными гражданскими специалистами от частных фирм. Все оборудование, продукты, обслугу также привозили из Германии. За восемь лет летную школу закончили около 180 немецких летчиков.

К началу 1930-х годов учебное расписание претерпело некоторые изменения, в частности были запланированы нововведения: полеты на высоте 5–6 тысяч метров, бомбометание с истребителя и стрельба из пулеметов по буксируемым мишеням. В одном интересном эпизоде из книги «Они ковали победу» героя войны Виктора Анисимова автор рассказывает, как в учебном бою, «незадолго до войны», он столкнулся с известным среди немцев асом Первой мировой войны, летчиком по имени Герман (фамилия не указана). После ожесточенного боя Анисимову удалось прижать самолет Германа к земле и тому пришлось совершить вынужденную посадку. Признав свое поражение, немецкий летчик на память подарил Анисимову свои золотые часы. На обратной стороне этого дорогого подарка была выгравирована дарственная надпись: «Лучшему летчику Германии от Вильгельма II». Надо сказать, что в период Первой мировой войны у немцев было всего 17 лучших асов, среди которых с именем Герман — только Геринг.

Специальному корреспонденту «Комсомолки» Денису Баранцу удалось разыскать в Липецке лишь одного живого свидетеля пребывания немецкого авиаотряда. Им оказался Яков Петрович Водопьянов, служивший в школе WIVUPAL техником-испытателем самолетных двигателей. Он рассказал, что среди немцев, учившихся у нас летному делу, был Герман Геринг, об этом начали поговаривать еще до начала войны. Немецкие летчики быстро обживались на новом месте, некоторые даже селились в частных домах и нанимали деревенскую прислугу, неплохо выучили русский язык. Все чаще они стали выходить на рынок или охотиться неподалеку от деревенских окраин. Ходили немцы и в деревню на танцы. А один молодой летчик женился на учительнице из Воронежа.

Приезжая из краткосрочных отпусков, немцы дарили деревенским красавицам разные заграничные безделушки.

Была девушка и у Геринга. Дочь станционного смотрителя Надя Горячева жила на городской окраине, в районе Нижинки. Воспоминаний о девушке практически не сохранилось. Она была гордячка и красавица, а когда познакомилась с немцем, стала и вовсе нелюдимой. Сегодняшние родственники покойной «бабы Нади» живут около бывшей авиашколы. Они категорически отказываются давать журналистам какую-либо информацию «о родственнице и немцах».

Но тогда, далекой зимой 1926 года, после приезда в школу «высокой» немецкой комиссии, Геринг уехал в Германию, скорее всего, пообещав любимой Надежде вернуться позже и увезти ее из России. Однако на тот момент будущий рейхсмаршал Германии уже был женат. Свое обещание Геринг не сдержал, однако любовные письма продолжал писать вплоть до начала войны. Надежда, наспех выучив по школьным учебникам немецкий язык, также писала письма в Германию с признаниями, что «ждет Геру и готова пронести в сердце любовь к нему через всю жизнь». Вероятно, у влюбленных все-таки были серьезные намерения, о чем свидетельствует тот факт, что в этом же письме Надя писала Герингу: «…дорогой Герман, как твоя нога? Я очень переживаю, что болезнь помешает твоему возвращению в Липецк». Наивная девушка не знала, что часть писем оседала в секретных архивах НКВД, так и не дойдя до Германии.

С августа 1933 года Липецкий отдел НКВД начал разрабатывать секретную операцию, закодированную под названием «Летчик». Чекисты всеми методами пытались выявить шпионов, завербованных немцами. Так, до начала войны в застенках НКВД оказалось больше шестидесяти пяти «врагов народа», которых подозревали в связях с летчиками WIVUPAL.

Когда началась война, Надежда Горячева ранним летним утром неожиданно исчезла из города, а вернулась домой только в 1946 году. Тридцативосьмилетняя женщина к тому времени была психически нездоровой. Скорее всего, Надежде удалось выжить благодаря своему знакомству с человеком номер два в нацистской Германии. Согласно одной из версий, именно через девушку Геринга советское командование хотело выйти на переговоры с главарями рейха.

Историков до сих пор волнует вопрос: почему на город Липецк, располагавшийся в направлении главного удара германской армии, упали всего две шальные бомбы, а находящийся в двадцати минутах полета Воронеж фашисты сравняли с землей? Может, потому, что Геринг помнил о городе своей молодости и Надюше Горячевой?

«Шторх», который стал «аистом»

В начале трагического 1941 года случилось необъяснимое событие, причины которого неизвестны, поскольку никаких трофейных документов о нем не сохранилось. По предложению командующего авиацией Германа Геринга и с личного одобрения Адольфа Гитлера нацистская Германия неожиданно подарила Советскому Союзу образцы некоторых суперсовременных на то время самолетов.

Опытные летчики люфтваффе доставили в Москву некоторые модификации истребителей «мессершмитт», «хейнкель», бомбардировщиков «юнкерс» и «дорнье», самолет-разведчик «фоке-вульф» и учебный самолет «бюккер». Немецкие машины сразу же попали в категорию секретных диковинок, и их для дальнейшего изучения надежно упрятали в Научно-исследовательский институт Вооруженных Сил в Москве. Чекисты из разведки ликовали и гадали, как же так могли лопухнуться немцы, — может, они на самом деле хотят соблюдать заключенный с Советской Россией пакт о ненападении, поэтому и преподносят такие царские подарки?

Среди других машин был подаренный Советскому Союзу лично Германом Герингом небольшой трехместный связной самолет немецкого авиаконструктора Физелера Шторха («шторх» в переводе на русский — «аист»). Этому самолету предстояло сыграть свою роль в предстоявшей Второй мировой войне, однако пока об этом никто даже не догадывался и не мог предположить, какие тайны будут хранить эти маленькие, верткие, легкие машины.

Советские ведущие авиаконструкторы высоко оценили «шторх» и другие подаренные самолеты. Петляков, Туполев, Антонов, Ильюшин и другие специалисты, приглашенные ознакомиться с передовой немецкой техникой, отметили высокий технологический уровень и конструктивные новинки военной авиационной техники гитлеровской Германии. Все конструкторы были единодушны во мнении, что товарищ Сталин абсолютно прав и нацисты попросту не осмелятся напасть на могучий Советский Союз, подарки немцев в виде самых современных военных самолетов — серьезное тому доказательство.

Акт дарения накануне войны наверняка являлся наглым и довольно ловким, самоуверенным, хорошо продуманным шагом немецких спецслужб. Это была некая общественная дезинформация, запущенная в СССР за несколько месяцев до вероломного нападения — в знак «вечной дружбы» подарить

сверхсовременные самолеты.

Но вернемся к годам Второй мировой войны.

В июле 1943 года союзные англо-американские войска развернули военные действия на острове Сицилия. По слухам, высадку десанта и взятие Палермо при посредстве американской разведки обеспечивали заокеанская и сицилийская мафия. Итальянские войска не смогли выдержать удара многочисленной техники противника. Война почти сразу переместилась на континент, развернулись бои в самой Италии, и она буквально в считаные дни капитулировала.

Третьего сентября 1943 года на Сицилию прибыл итальянский король Виктор Эммануил III. Его уже давно убрал из политики всесильный диктатор Муссолини. Два десятилетия король ждал триумфального момента возвращения, когда он сможет наказать проклятого выскочку Муссолини. И вот этот момент настал.

Виктор Эммануил III на Сицилии подписал капитуляцию Италии. Ни итальянский монарх, ни его правительство не хотели, чтобы их родина со множеством уникальных памятников мирового значения превратилась в руины.

Спустя несколько дней на заседании Большого фашистского совета все его члены проголосовали против Муссолини. Король Виктор Эммануил III приказал арестовать Бенито Амилькаре Андреа Муссолини и заключить его под стражу. Исполнить приказ надлежало военным властям Италии. Один из генералов сказал монарху:

— Ваше Величество, а вы знаете, что Гитлер считает его своим другом?

— Думаете, немцы могут пойти на решительные контрмеры? — встревожился монарх.

— Конечно.

— Тогда сделайте все совершенно секретно, генерал!

Как и предполагалось, арест Муссолини прошел буднично и даже прозаично. Бывшего фашистского диктатора посадили в машину «скорой помощи» и тайком увезли из Рима в расположенный на острове городок Понца. Итальянцы считали, что теперь следы дуче должны были затеряться. Однако по всей Италии работали нацистские шпионы. Немецкая агентура проникла даже в Ватикан. Агенты донесли в Берлин о происходящем и указали точное местонахождение Муссолини.

Фюрер пришел в ярость, а затем приказал рейхсфюреру СС Генриху Гиммлеру:

— Муссолини надо освободить! И пусть это сделает Скорцени.

Неизвестно, как и по каким каналам, однако итальянская разведка узнала о намерениях фашистов. Возможно, итальянцев мог неофициально предупредить адмирал Канарис.

Итальянцы стали в спешке предпринимать необходимые меры. В обстановке строжайшей секретности к лежавшим около Апеннинского полуострова Понцианским островам подошел итальянский крейсер и взял на борт высокопоставленного пленника. Далее крейсер отплыл через Тирренское море к острову Сардиния: на его северо-восточной оконечности находилась итальянская военно-морская база Ла-Маддалена. Отныне ей надлежало стать местом заключения бывшего диктатора. Однако и секретная военная база являлась не слишком надежной: итальянцы опасались, что немцы подойдут к Сардинии на боевых кораблях и высадят морской десант или сбросят парашютистов, как на Крите. Отдать дуче немцам теперь означало создать себе множество неприятных проблем.

Вскоре поступила новая информация: немецкие спецслужбы все-таки намереваются освободить Муссолини. Было принято экстренное решение переправить дуче в более надежное место. В переправке бывшего диктатора важную роль сыграло командование военно-морских сил Италии, особо заинтересованное в том, чтобы полностью снять с себя всю ответственность за события.

Решили, что самым надежным местом для содержания под стражей Бенито Муссолини будет местечко в практически недоступном горном районе Северных Апеннин, где находился выстроенный среди скал отель «Альберго-Рифуджо». Когда гидроплан с Муссолини на борту взлетел с территории военной базы Сардинии, там все вздохнули с облегчением.

Так бывший диктатор оказался высоко в горах среди почти дикой местности. Отель для альпинистов располагался на одинокой горной вершине. Дороги наверх не было — ее заменял канатный подъемник с кабиной. Конвой высокопоставленного пленника состоял из двухсот пятидесяти солдат во главе с итальянским генералом Гвели. Итак, освободить дуче было технически невозможно.

Фашисты потеряли Муссолини из вида. Чтобы определить местонахождение Муссолини, нацистские спецслужбы и их агенты, работавшие в Италии, организовали радиоперехваты практически всех сообщений, поступавших в Рим из разных точек страны, а также ее военных баз. Агенты сбивались с ног, фальшивые фунты стерлингов текли рекой для подкупа должностных лиц, пока в руки немецкой агентуры не попала шифротелеграмма генерала Гвели. Немцы тут же расшифровали

ее и узнали, где бывшие союзники спрятали ставшего ненужным и опасным дуче. Сразу же об отеле «Альберго-Рифуджо» доложили Отто Скорцени.

Скорцени начал разрабатывать планы захвата отеля и сам же один за другим отвергал их. В конце концов он решил объединить в одну группу диверсантов из отряда по специальным операциям, альпинистов и десантно-посадочные войска. Замысел главного диверсанта рейха был таков: его люди грузятся в планеры, самолеты поднимают их на высоту, а оттуда безмоторные летательные аппараты планируют к горе, где расположен неприступный отель. Шума моторов не будет, поэтому заранее поднять тревогу и подготовиться к атаке итальянцы попросту не успеют.

— Там негде сесть, — возмутились бывалые летчики. — Одни камни, деревья и неровные склоны. А как потом уходить с дуче?

— Отставить разговоры! — сказал Скорцени. — Приземляемся на рассвете!

— Вы должны доставить Муссолини в Германию, — напомнил Скорцени Гиммлер.

— У нас есть «шторх»! Малый разбег, три человека в кабине: пилот, дуче и я, — ответил диверсант. — Полосу для «шторха» подготовим сами, а десантники пусть уходят в горы и поодиночке пробираются к нашим боевым частям в Италии. Все мои люди имеют солидную альпинистскую подготовку.

Ранним утром 12 сентября 1943 года на каменистую площадку возле отеля с неба неожиданно посыпались планеры. Они падали, ломали крылья, раскалывались, словно орехи, и из них выскакивали вооруженные люди. В числе первых был специально прихваченный Скорцени полковник итальянской армии Солетти, который тут же приказал: «Не стрелять!»

Воспользовавшись моментом, Скорцени и его диверсанты ворвались в здание отеля и первым делом уничтожили радиостанцию, чтобы полностью прервать связь охраны с долиной, где располагались итальянские армейские части. Схватка с охранниками была недолгой, и потери с обеих сторон оказались невелики.

Немцы сразу же стали расчищать взлетно-посадочную полосу для «шторха». В работе принимал участие и сам дуче. Самолет вызвали по радио, он прилетел и удачно приземлился. Муссолини и Скорцени сели в кабину и… взлететь не получилось: рослый Скорцени и грузный дуче перегрузили машину. Тогда было решено рискнуть взлететь над пропастью.

Эта затея лишь чудом удалась. Падение прекратилось, и мотор самолета, пару раз чихнув, загудел ровно. По всей

видимости, судьба уготовила всем, находившимся в кабине, новые испытания и разный конец. Скорцени доставил дуче в Рим, там Муссолини пересел в другой самолет, который взял курс на ставку фюрера…

Интересный факт. Во многих документах отмечается необычайная активность самолетов типа «шторх» над Берлином и в районе его окрестностей в конце апреля — начале мая 1945 года. Самолетики садились едва ли не на улицах и чудом взлетали. На этих «аистах» можно было вывезти что угодно и кого угодно.

Однако кого и что именно — история умалчивает.

Трагедия парохода «Ленин»

Лишь немногим известно, что 27 июля 1941 года на погибшем у мыса Сарыч в Черном море крупнейшем пассажирском пароходе «Ленин» человеческих жертв было гораздо больше, чем на «Титанике» и «Лузитании», вместе взятых. Практически сразу вся информация об обстоятельствах трагической гибели парохода и количестве жертв была строго засекречена. Сводки Совинформбюро умалчивали и о потоплении других черноморских пассажирских пароходов и госпитальных судов, а именно: «Абхазии», «Армении», «Аджарии», теплоходов «Чехов» и «Белосток».

Относительно недавно сведения об ужасной катастрофе у мыса Сарыч были рассекречены, и тогда ученый секретарь Военно-научного общества Севастополя капитан второго ранга Сергей Алексеевич Соловьев получил к ним доступ. Он детально изучил все материалы следственного дела, снял многочисленные копии с карт, фотографий и показаний очевидцев и таким образом узнал о подробностях гибели многих тысяч людей.

По мнению Соловьева, в обстоятельствах гибели парохода «Ленин» и сейчас много неясного — подорвался ли он на собственной мине или был торпедирован подводной лодкой.

Ныне пароход «Ленин» лежит на глубине 78 метров мористее бывшей правительственной дачи «Заря» (некогда форосской правительственной дачи М. С. Горбачева), примерно в 2,5 мили от берега. В ближайшем будущем Украина собирается все-таки исследовать затонувший пароход, как и другие суда, лежащие на дне Черного моря (всего их насчитывается более сотни).

Этот двухтрубный красавец, комфортабельный и быстроходный, развивавший скорость 17 узлов, был построен перед Первой мировой войной на судоверфи в Данциге и получил название «Симбирск». Длина парохода составляла 94 метра, ширина — 12, осадка — 5,7 метра.

В годы советской власти пароход получил имя «Ленин». В 1941 году его модернизировали и заново покрасили. Капитаном «Ленина» стал Иван Семенович Борисенко. За рейсы с гуманитарной помощью в республиканскую Испанию в 1937 году Борисенко наградили орденом Ленина.

В начале Второй мировой в свой первый военный рейс из Одессы в Мариуполь с эвакуированными и грузом сахара пароход отправился в июле 1941 года. Обстановка на фронте существенно ухудшалась. На обратном пути при подходе к Одессе вражеские пикирующие бомбардировщики напали на корабль, однако атака

была отбита огнем крейсера «Коминтерн».

Фашистские десантники совершили несколько налетов на город, появились первые жертвы бомбардировок среди мирного населения. Руководство Черноморского пароходства поручило капитану Борисенко срочно принять груз и пассажиров и снова отбыть в Мариуполь. На берегу погрузкой руководил представитель военно-морской комендатуры порта старший лейтенант Романов. Впоследствии на суде он сообщил, что пропуском на судно являлся посадочный талон, однако по одному талону проходили сразу два-три взрослых пассажира, учет детей вообще не велся. У многих людей были записки от городских и областных руководителей, военной комендатуры города Одессы. Члены экипажа брали в свои каюты родных и друзей. Так пополнялся печальный список «пропавших без вести».

Официально пароход «Ленин» принял на борт 482 пассажира и 400 тонн груза, однако на самом деле количество только одних пассажиров составляло около 4000 человек! Людей было так много, что они размещались во всех салонах, столовых, коридорах, трюмах и палубах. А тут было приказано принять команду в 1200 человек необмундированных призывников. И люди все продолжали прибывать.

Надо сказать, что с началом войны на Черном море во многих районах были выставлены оборонительные минные заграждения и введен специальный режим плавания, предусматривающий обязательную лоцманскую проводку. Плавание осуществлялось по особым фарватерам, о которых было известно только узкому кругу лиц. Маяки были срочно переведены на «манипулируемый режим» по особому расписанию, как и все береговые навигационные огни, чтобы создать трудности для передвижения судов противника. Но единой и четкой службы обеспечения коммуникаций, которой бы подчинялись и капитаны, и лоцманы, к сожалению, на Черном море, по крайней мере в первые месяцы войны, не было.

В свое последнее плавание пароход «Ленин» отправился 24 июля 1941 года. В 22.00 он вышел в море, став во главе конвоя, который состоял из теплохода «Ворошилов», судна «Березина» и двух шаланд, медленно шедших в хвосте.

Пройдя через секретные фарватеры, «Ленин» и «Ворошилов» смогли увеличить скорость и быстро исчезли за горизонтом. Но на траверсе мыса Лукулл капитан «Ворошилова» доложил, что на теплоходе вышла из строя машина и он не может двигаться самостоятельно. Техническая неисправность явилась результатом поспешного и некачественного ремонта. Капитан Борисенко принял решение отбуксировать «Ворошилов» в Севастополь. Он

прекрасно знал, что судно, как и его «Ленин», перегружено людьми. До Севастополя было относительно недалеко, однако из-за медленного хода шаланд время было безнадежно упущено. В условиях войны такое промедление оказалось непростительной ошибкой, такой же роковой, как и включение в состав конвоя разных судов, да еще с плохо отремонтированными машинами.

Лишь чудом избежав налетов авиации противника, «Ленин» отбуксировал теплоход в Севастопольскую бухту (Казачью), а сам в сопровождении сторожевого катера пошел на Ялту. Но, увы, до Ялты судно так и не добралось.

Капитан 2-го ранга А. Е. Абаев рассказывал, что лоцманом на пароход «Ленин» для дальнейшей проводки был назначен молодой лейтенант И. И. Свистун, недавний выпускник Ленинградского мореходного училища. Он не был готов к лоцманским проводкам в мирное время, а в военное тем более.

Наступили третьи сутки, как «Ленин» отошел от Одесского причала. Забитый до отказа людьми, пароход ждал команды на выход в море. К Севастополю подошел теплоход «Грузия», вышедший из Одессы на два дня позже. Все прекрасно знали, что пароход давно бы пришвартовался в Ялте, однако с полдороги его почему-то вернули в Севастополь и он опять встал на якорь в бухте Казачьей.

В конце концов вечером 27 июля в 19.15 была прислана радиограмма: «Транспортам сняться и следовать в Ялту». «Ленин» и «Ворошилов» в сопровождении сторожевого катера СКА-026 вышли в море, однако конвой был ограничен в скорости передвижения: «Ворошилов» давал не более пяти узлов. Впоследствии на суде второй помощник капитана Г. А. Бендерский произнесет: «Караван был составлен абсолютно неправильно. Такой подбор судов я считаю преступным!»

Еще одна роковая оплошность капитана Борисенко — установка двух зенитных орудий, на носу и корме, для отражения налетов противника. Это, по словам моряков, «дополнительный металл» — значит, надо было срочно устранить девиацию, чтобы сделать более точными показания компаса. Кроме того, трюмы также были забиты металлом в качестве груза (450 т), подлежащего перевозке в Мариуполь. И еще одно обстоятельство — на пароходе «Ленин» по неизвестным причинам не было эхолота для замера глубины, а лаг для определения скорости судна не был выверен.

Итак, налицо упущения и ошибки, и в итоге перегруженное людьми судно вышло в ночной рейс — по узкому фарватеру, в окружении минных полей. При этом для охраны «Ленина», «Ворошилова» и «Грузии», где находилось около 10 000 человек,

был выделен единственный сторожевой катер СКА-026.

Южная ночь наступает быстро. Капитан Борисенко, молодой лоцман Свистун и вахтенный рулевой Киселев напряженно всматривались в темноту.

В 23.33 на пароходе «Ленин» раздался сильный взрыв. Рвануло между трюмами № 1 и № 2. Пароход начал медленно оседать носом и крениться на правый борт. В панике на палубах забегали люди, раздались крики: «Тонем!» Капитан Борисенко отдал команду «Лево руля!» и затем «Полный вперед!», надеясь поближе подойти к крымскому берегу.

Очевидец Колодяжная рассказывает: «В момент взрыва я спала в каюте… Проснувшись, я спустилась на вторую палубу, судно стремительно валилось на правый борт… Я очутилась в море и увидела, что на меня валится труба. Я отплыла в сторону и все время наблюдала, как тонул пароход…»

Менее чем за десять минут пароход «Ленин» погрузился в море. Шедшая в кильватере «Грузия», а за ней и «Ворошилов» приблизились к месту гибели. Оба парахода и подоспевшие катеры спасли в кипевшем от людских голов море около 600 человек. Преимущественно это были те, кому достались пробковые пояса, спасательные круги и кто был в шлюпках. Не умевшие плавать тонули сразу же. Многих увлекла под воду намокшая отяжелевшая одежда.

А 11 и 12 августа 1941 года в Севастополе состоялось закрытое заседание Военного трибунала Черноморского флота. Суд прошел быстро. Выяснилось, что вследствие приблизительной и неточной прокладки курса «Ленин» мог задеть у мыса Сарыч край минных заграждений и потому подорваться. В этом обвинили неопытного лоцмана. Но показалось странным, что прошедший правее и мористее «Ворошилов» остался цел. Возможно, «Ленин» напоролся на плавающую мину, сорванную с минрепа. Таких мин в водах Черного моря плавало много и после войны, из-за чего пассажирские суда еще долго ходили только днем.

Капитан Борисенко и его помощники не могли назвать не только количество погибших, но и число пассажиров в общем. Было очевидно, что в основном погибли самые беспомощные — дети, женщины и старики.

Бывший лоцман лейтенант Иван Свистун был разжалован и приговорен к расстрелу. 24 августа 1941 года приговор привели в исполнение. Напрасно Иван Свистун пытался доказать суду (и это подтвердили свидетели), что «манипулируемый режим» бездействовал, лоцманская проводка не была обеспечена, а маяк на мысе Сарыч зажегся после того, как «Ленин» подорвался и стал

тонуть.

Когда материалы о гибели парохода «Ленин» были рассекречены, офицеры и моряки Севастопольского Военно-научного общества стали настаивать на дополнительном расследовании всех обстоятельств.

Восемнадцатого августа 1992 года Военный трибунал Черноморского флота рассмотрел в судебном заседании уголовное дело по протесту в порядке надзора и вынес вердикт: «Приговор Военного трибунала Черноморского флота от 12 августа 1941 года в отношении И. И. Свистуна отменить, а дело производством прекратить за отсутствием в его действиях состава преступления».

Как балтийцы бомбили Берлин

В начале августа 1941 года Гитлер вызвал на ковер Геринга и впервые отчитал его как провинившегося мальчишку. Рейхсминистру авиации нечего было сказать в ответ: его обещания, что ни одна бомба не упадет на столицу Германской империи, оказались попросту пустой бравадой. Советские летчики смогли заставить жителей Берлина почувствовать весь кошмар ночных бомбежек, показав, что возмездие неотвратимо. Сокрушительные удары по Берлину наносили летчики авиации Балтийского флота.

Интересно, что сама идея бомбежек столицы Германии родилась и снизу и сверху одновременно. В двадцатых числах июля ее впервые высказал адмиралу Н. Г. Кузнецову командующий авиацией ВМФ генерал-лейтенант С. Ф. Жаворонков. 26 июля Кузнецов был на приеме у Сталина и предложил бомбардировать Берлин. Уже на второй день Сталин решил поручить нанесение ударов дальней авиации Балтфлота, поскольку лишь с ее аэродрома на острове Сааремаа можно было долететь до немецкой столицы.

Тридцатого июля Жаворонков прибыл на Балтику в 1-й минно-торпедный авиаполк, которым командовал полковник Е. Н. Преображенский. Предполагалось, что именно этот полк будет наносить удары возмездия по Берлину. К удивлению Жаворонкова, после его речи об ответственном задании Ставки командование полка немедленно представило карту предполагаемого маршрута, расчеты и список из 36 экипажей, заранее отобранных для этой операции. Как выяснилось, идея нанесения ударов по Берлину появилась и у командования полка, которое предварительно подготовило все необходимые расчеты. Проявленная инициатива летчиков существенно ускорила подготовку к операции.

Уже 4 августа группа самолетов полка прибыла на остров Сааремаа и экипажи стали готовиться к налетам на Берлин. Следует отметить, что остров на тот момент находился почти в тылу нацистских войск, кроме того, его аэродром Кагул был рассчитан на базирование истребителей и имел 1300-метровую земляную взлетно-посадочную полосу, чего было явно недостаточно для тяжелых бомбардировщиков ДБ-3Ф. Но выбирать не приходилось, поэтому ставку сделали на мастерство экипажей, которое в действительности требовалось немалое: летчикам предстояло взлетать с короткой земляной полосы, имея на внешней подвеске почти по тонне бомб. Любая, даже

незначительная ошибка могла обернуться неминуемой гибелью самолета и экипажа. Вечером 6 августа перед экипажами первой группы бомбардировщиков была поставлена боевая задача. Вести группу должен был командир полка. Сегодня трудно представить, какое воодушевление испытывали те, кому поручили нанесение первого удара. Боевой приказ группа встретила криками «ура», что было не положено по уставу, и все поклялись любой ценой задачу выполнить. Свою клятву боевые экипажи сдержали.

Маршрут был чрезвычайно сложен и для самолетов. Требовалось лететь над морем, далее с поворотом на юг — над Германией до Штеттина, а от него уже на Берлин. Длина маршрута только в одну сторону составляла около 900 километров. До Берлина долететь удалось не всем. К столице рейха добрались пять самолетов, остальные отбомбились по Штеттину, служившему морским портом, где их также никто не ждал. Берлин предстал перед советскими летчиками в море огней, были видны машины и трамваи, составы на вокзалах, самолеты на аэродромах. На центр города неожиданно посыпались бомбы. Тогда же вспыхнули первые для Берлина пожары, в панике взвыли сирены ПВО, город погрузился во тьму, а в небо устремились пронзительные лучи прожекторов. Стали взрываться снаряды зениток. Однако было поздно — бомбардировщики взяли курс домой.

За этой операцией последовали и новые налеты, которые были гораздо труднее, ведь отныне к «визитам» наших самолетов в Германии готовились. Последний вылет был совершен 4 сентября. Всего же летчики Балтфлота совершили 86 вылетов, 33 самолета бомбили Берлин, сбросив на него 21 тонну бомб, 37 самолетов по разным причинам не смогли добраться до столицы Германии и нанесли удары по другим городам, 16 самолетов были вынуждены прервать полет и вернуться на родной аэродром. За все время налетов полк потерял 18 самолетов и семь экипажей.

Подвиг летчиков был по достоинству отмечен. Уже 13 августа вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении полковнику Е. Н. Преображенскому, капитанам В. А. Гречишникову, М. Н. Плоткину, А. Я. Ефремову и штурману флагманского экипажа капитану П. И. Хохлову звания Героя Советского Союза. Орденами Ленина были награждены 13 человек, Красного Знамени и Красной Звезды — 55 человек. В сентябре героями стали еще пять человек, многих летчиков наградили орденами и медалями. Ни один полк еще не получал за месяц столько наград. После окончания налетов на Берлин полк продолжал успешно воевать, в 1942 году стал гвардейским,

в 1944 году был награжден орденом Красного Знамени, в 1945 году получил почетное наименование «Клайпедский». Полк по праву именовался «геройским» — 32 Героя Советского Союза, из них 22 получили это почетное звание в своем полку, а 10 (дважды) — когда сражались уже в других частях, как правило, переведенные туда с повышением.

Об ошибках Клима Ворошилова

Недавно были опубликованы секретные ленты переговоров по прямому проводу между Сталиным и руководством войсками Северо-Западного направления, которые пролили свет на некоторые причины Ленинградской трагедии 1941 года.

Когда гитлеровцы прорвали ленинградскую оборонительную линию и над Ленинградом нависла угроза захвата, главнокомандующим войсками Северо-Западного направления 10 июля 1941 года был назначен герой Гражданской войны маршал Клим Ворошилов. Однако он не смог организовать боевые действия в новых условиях с применением новейшей техники. 22 августа Верховный главнокомандующий вызвал его и А. Жданова на переговоры по прямому проводу.

«Сталин: Вы создали Военный совет Ленинграда. Вы должны понимать, что создавать военные советы может только правительство или по его поручению Ставка… Второе. В Военный совет Ленинграда не вошли ни Ворошилов, ни Жданов. Это неправильно. И даже вредно политически… Будто Жданов и Ворошилов не верят в оборону Ленинграда… Это надо исправить. Третье. В своем приказе… вы ввели выборность батальонных командиров. Это неправильно организационно и вредно политически. Это тоже надо выправить. Четвертое. По вашему приказу… выходит, что оборона Ленинграда ограничивается созданием рабочих батальонов, вооруженных более или менее слабо, без специальной артиллерийской обороны. Такую оборону нельзя признать удовлетворительной, если брать во внимание, что у немцев есть артиллерия…

Ворошилов: Из всего вышеперечисленного мы видим, что по нашей вине произошло катастрофическое недоразумение. Первое. Создание Совета обороны Ленинграда ни в коем случае не исключает, а только дополняет общую организацию обороны… Второе. Ворошилов и Жданов являются ответственными в первую очередь за всю оборону Ленинграда. Третье. Военный совет обороны Ленинграда мы понимали как сугубо вспомогательный орган общей военной обороны Ленинграда. Четвертое. Нам казалось, что будет легче создать прочную защиту Ленинграда путем специальной организации рабочей общественности в военные отряды. Пятое. Ленинград имеет специальную укрепленную полосу, которая начинается у Копорского залива и идет южнее Красногвардейска…

Сталин: О существовании под Ленинградом укрепленной полосы мы знаем. Не от вас, естественно, а из других

источников… Но эта укрепленная полоса, кажется, уже прорвана немцами в районе Красногвардейска, поэтому Ставка так остро ставит вопрос об обороне Ленинграда… Что касается поставленных мной вопросов, то ни на один я не получил ответа… Где гарантия, что вы опять не надумаете чего-нибудь такого, что не укладывается в рамки нормальных взаимоотношений… Мы никогда не знали о ваших планах и начинаниях, мы всегда по чистой случайности узнаем о том, что что-то наметили, что-то спланировали, а потом получилась прореха. Мириться с этим мы также не можем. Вы не дети и знаете хорошо, что в прощении не нуждаетесь… Вы неорганизованные люди и не чувствуете ответственности за свои действия, ввиду чего действуете, как на изолированном острове, ни с кем не считаясь…

Ворошилов: Организуя Военный совет обороны Ленинграда, мы не только не думали нарушать нормы порядка и законы, но и вообще не предполагали, что это может послужить поводом для заключений, которые мы только что выслушали. Это наше решение не публиковалось, а приказом оно издано как совершенно секретное. Второе. По вопросу о выборах мы поступили, возможно, неверно, но на основании печального опыта наших дней, когда не только в рабочих дивизиях, но в других случаях и в нормальных дивизиях командиры разбегались, а бойцы выбирали себе командиров… Третье. Ворошилов и Жданов, как мы уже сообщили, не вошли в Совет обороны Ленинграда потому, что осуществляют общее руководство обороной. Четвертое. Касательно вашего замечания о том, что мы можем еще что-нибудь такое надумать, что не соответствует рамкам нормальных взаимоотношений, то мы, Ворошилов и Жданов, не совсем понимаем, в чем именно нас упрекают…

Сталин: Не нужно прикидываться наивными. Внимательно прочтите ленту и поймете, в чем вас упрекают. Немедленно отмените выборное начало в батальонах, поскольку оно может уничтожить всю армию. Выборный командир безвластен, так как в случае нажима на избирателей его мигом переизберут. Нам нужны, как известно, полновластные командиры. Стоит внедрить выборность в рабочих батальонах, как это незамедлительно распространится на всю армию, как зараза. Жданов и Ворошилов, потрудитесь войти в Военный совет обороны Ленинграда. Ленинград не Череповец и не Вологда. Это вторая столица нашей страны. Военный совет обороны Ленинграда не вспомогательный орган, а руководящий орган обороны Ленинграда. Представьте конкретный план обороны Ленинграда. Будет ли у вас, кроме основной укрепленной линии, создана и другая, более узкая

укрепленная линия? Если будет, то каким образом?

Ворошилов: Избирательное начало будет непременно отменено. Ворошилов и Жданов в Совет обороны Ленинграда войдут. Более узкой полосы обороны пока еще не создано, но над этим вопросом работают…

Сталин: Возможно, что Северный фронт разделим на две части — на Карельскую часть от Ладоги и до Мурманска со своим фронтовым командованием и южную часть — Ленинградскую, которую следует назвать Ленинградским фронтом. Мотивы известны. После занятия финнами северных берегов Ладоги управлять северной частью Северного фронта из Ленинграда невозможно. Обсудите этот вопрос, дайте свои соображения. Все».

Но Ворошилов никаких решительных мер не принял. И, судя по всему, даже не стал вести себя по-другому. Сталин отправил в Ленинград Молотова, чтобы тот разобрался с этим делом. Вскоре Верховный главнокомандующий направил своему посланцу следующую шифровку.

«Совершенно секретно. Шифром. Молотову.

Только что сообщили, что Тосно взят противником. Если так будет продолжаться и дальше, то Ленинград будет сдан идиотски глупо… Что делают Попов (командующий Ленинградским фронтом) и Ворошилов? Они даже не информируют о мерах, которые они собираются предпринять против нависшей опасности… Откуда у них такая бездна пассивности и деревенской покорности судьбе? Что за люди?! Я их не пойму! В Ленинграде имеется теперь много танков КВ, много авиации… Почему эти технические средства не участвуют?.. Что может сделать против немецких танков какой-то пехотный полк, выставленный командованием против таких технических средств?! Почему многочисленная ленинградская техника не используется на этом решающем участке? Не кажется ли тебе, что кто-то специально открывает немцам дорогу на этом решающем участке? Что за человек Попов? Чем, собственно, занят Ворошилов? Помогает ли он Ленинграду? Я пишу об этом, поскольку очень встревожен непонятным для меня бездействием ленинградского командования. Я думаю, что 29-го ты должен выехать в Москву. Прошу не задерживаться».

«Совершенно секретно. Шифром. Товарищу Сталину.

Сообщаю: 1. По приезде в Ленинград на совещании с Ворошиловым, Ждановым и членами Военного совета Ленинградского фронта, секретарями обкома и горкома подвергли резкой критике ошибки, допущенные Ворошиловым и Ждановым… 2. В течение первого дня при помощи приехавших с нами товарищей мы занимались приведением в ясность дел в

отношении имеющихся здесь артиллерии и авиации, возможной помощи со стороны моряков, особенно по морской артиллерии, вопросам эвакуации, выселения 91 тысячи финнов и 5 тысяч немцев, а также вопросами продовольственного снабжения Ленинграда. Подробности сообщим отдельно. 3. Мероприятия по созданию особого типа оборонительного рубежа на основе танков и броневиков к востоку от Красногвардейска сумеем представить 29 августа».

«Совершенно секретно. Шифром. Ворошилову, Жданову.

Нас возмущает ваше поведение, выражающееся в том, что вы сообщаете нам только лишь о потере нами той или иной местности, но обычно ни слова не говорите о том, какие же вами предприняты меры для того, чтобы перестать, в конце концов, терять города и станции. Так же безобразно вы сообщили о потере Шлиссельбурга. Будет ли конец потерям? Может быть, вы уже предрешили сдать Ленинград?! Куда девались танки КВ? Где вы их расставили? Почему нет никакого улучшения на фронте, несмотря на такое обилие танков КВ, как у вас? Ведь ни один фронт не имеет того количества КВ, какое есть у вас. Чем занята ваша авиация? Почему она не поддерживает операции наших войск?.. Мы требуем от вас, чтобы вы в день два-три раза информировали нас о положении на фронте и принимаемых вами мерах».

Однако Ворошилов опять никак не отреагировал на сообщение. Тогда в ответ ему была направлена следующая секретная депеша:

«Совершенно секретно. Ворошилову. Приезжай в Москву».

Вполне очевидно, что Климент Ефремович возвращался в Москву, ожидая жестоких репрессий. Действительно, на его месте любого другого в такой ситуации ожидал бы немедленный расстрел. Однако Сталин, по всей видимости, не решился стереть в порошок легендарную личность, воспетую в советских песнях и являющуюся синонимом могущества Красной армии. Ворошилову был дан шанс реабилитироваться на другой должности. Однако «красный маршал» не смог полноценно решать боевые задачи в моторизованной войне.

Первого апреля 1942 года Сталин подписал постановление Политбюро ЦК ВКП(б) № 356 «О работе т. Ворошилова». В нем в частности отмечалось:

«В начале войны с Германией тов. Ворошилов был назначен главнокомандующим Северо-Западным направлением, имеющим своей главной задачей защиту Ленинграда. Как выяснилось потом, тов. Ворошилов не справился с порученным делом и не сумел организовать оборону Ленинграда… Государственный

Комитет Обороны отозвал т. Ворошилова из Ленинграда и дал ему работу по новым воинским формированиям в тылу. Ввиду просьбы т. Ворошилова он был откомандирован в феврале месяце на Волховский фронт в качестве представителя Ставки для помощи командованию фронта и пробыл там около месяца. Однако пребывание т. Ворошилова на Волховском фронте не дало ожидаемых результатов. Желая еще раз дать возможность т. Ворошилову использовать свой опыт на фронтовой работе, ЦК ВКП(б) предложил т. Ворошилову взять на себя непосредственное командование Волховским фронтом. Но т. Ворошилов отнесся к этому предложению отрицательно и не захотел взять на себя ответственность за Волховский фронт, несмотря на то что этот фронт имеет сейчас решающее значение для обороны Ленинграда, сославшись на то, что Волховский фронт является трудным фронтом и он не хочет провалиться на этом деле.

Ввиду всего изложенного ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Признать, что т. Ворошилов не оправдал себя на порученной ему работе на фронте.

2. Направить т. Ворошилова на тыловую военную работу».

При этом нужно сказать, что Климент Ефремович остался членом ГКО и Ставки. Как говорят, отделался легким испугом. Но ошибки, которые он совершил, руководя обороной Ленинграда, не сумел полностью исправить даже прибывший ему на смену Г. К. Жуков. Таким образом, Ленинград был обречен на жесточайшую блокаду.

Трагедия на Ладоге

По своей масштабности трагедия на Ладоге может сравниться с крупнейшими морскими катастрофами. Тогда в результате драматических событий погибло более тысячи человек.

Случилась это осенью 1941 года, когда фашистские войска сомкнули кольцо вокруг Ленинграда по суше. В этих условиях делалось все возможное, чтобы через озеро Ладога эвакуировать из осажденного города как можно больше людей.

Шестнадцатого сентября 1941 года отправились в путь эшелоны с уже успевшими повоевать слушателями военно-морских училищ Ленинграда, из которых, по приказу Клима Ворошилова, организовали новый особый курсантский батальон.

Первый эшелон с Финляндского вокзала прибыл на станцию «Ладожское озеро» днем. Местом погрузки курсантов был выбран прибрежный лес вблизи порта Осиновец.

Вечером того же дня было приказано погрузить курсантов. Плавсредство — баржа № 725 — было специально предназначено для перевозки особого батальона. Однако к тому моменту баржа оказалась уже на одну треть загружена другими пассажирами. В результате, по разным данным, на барже разместилось от 1200 до 1500 человек, которые намеревались пересечь озеро с запада на восток, до порта Новая Ладога. Были среди грузов даже автомобили.

Стояла относительно ясная погода. Легкие порывы ветра и волны не вызывали у людей серьезных опасений. И все же капитану буксира «Орел» Ивану Дмитриевичу Ерофееву было не по себе. Он неоднократно ходил по Ладоге и отлично знал коварство осенней погоды в этой местности. Ерофеев высказал свои сомнения по поводу буксировки баржи в условиях приближавшегося шторма.

Но начальство своего решения не отменило.

Итак, в ночь на 17 сентября 1941 года баржа отправилась в свой последний рейс.

Трюм не освещался. Только изредка вспыхивали и сразу гасли спички, когда кто-то искал место для ночлега. В конце концов все устроились и все вокруг смолкло.

Ветер стал крепчать, волнение на море постепенно усилилось. Началась качка.

Вдруг корпус баржи страшно заскрипел. Затем все услышали шум льющейся воды. При свете спичек люди обнаружили огромную трещину в обшивке борта и попытались заткнуть течь вещами. Но безуспешно: не было ни надежного крепежного

материала, ни инструментов.

Старая баржа была не способна долго выдерживать мощные удары огромных волн. Спустя какое-то время в средней части корпуса раздался страшный треск, обшивка лопнула, и через огромную пробоину вода стала быстро заполнять трюм.

Людей охватила ужасная паника. Все ринулись к выходным люкам, но центральный оказался закрытым на запор с палубы.

Отчаявшиеся пассажиры разыскали топор и принялись рубить люк снизу. Однако на палубе у люка встал лейтенант Сазонов и приказал всем оставаться в трюме и наверх не выходить.

Тогда люди от охраняемого лейтенантом люка устремились к другому, кормовому, через который на тот момент многие уже успели выйти наверх. Не зная о том, что рядом постоянно проносится огромный тяжелый румпель, некоторые, выскочив наверх, попадали под его страшный удар — и тогда человек либо валился на сходни, либо его просто сметало за борт.

В итоге центральный люк все-таки открыли, и пассажиры стали выходить из трюма гораздо быстрее и организованнее. Сначала наверх вывели женщин и детей.

Ладога неистово бушевала. Однако люди вели себя довольно спокойно: старались держаться группами, разговаривали, даже шутили. Тем временем самое страшное было еще впереди.

Баржа медленно оседала все глубже. Надо было каким-то образом поддерживать плавучесть судна. Капитан-лейтенант Боков, полковой комиссар Макшанчиков и группа курсантов с помощью ведер и ручной помпы пытались откачать воду из трюма. Делали они это быстро, однако с каждой волной через люки и щели воды наливалось в трюм еще больше. По приказу за борт были сброшены автомашины, и на какое-то время показалось, что баржа немного поднялась и стала гораздо легче всходить на волну.

Но передышка оказалась недолгой. Стихия продолжала бушевать. Через палубу перекатывались огромные волны, которые то и дело смывали за борт людей.

Известный среди курсантов пловец К. Кутузов попытался добраться до берега вплавь, но погиб. Такая же участь постигла еще нескольких пловцов: людей накрывало волной, медленно затягивало под баржу, другие погибали от переохлаждения.

На горизонте показалась канонерская лодка. Какой-то офицер залез на крышу рубки и стал размахивать белой простыней, подавая ей сигналы. Но, увы, огромные волны, пасмурный предутренний свет делали полузатопленную баржу едва заметной. Для привлечения внимания спасателей принялись стрелять из винтовок, но этот шум тонул в грохоте

разбушевавшейся стихии. Канонерская лодка прошла мимо баржи, не заметив ее. Бурное ликование терпящих бедствие сменилось ужасом.

На тот момент лейтенант Емельянов понял, что не сможет спасти свою семью. Он представил себе гибель двухлетней дочки и жены, жизнь без которых была бессмысленной. Тогда Емельянинов сам решил прекратить бесполезные, по его мнению, мученья семьи. Он сообщил об этом военкому Макшанчикову и, не дождавшись ответа, выстрелил в дочь, затем в жену и в себя. Ему никто не препятствовал. Вскоре тела погибшей семьи поглотила бушующая пучина.

К тому времени баржа осела так, что ее палуба оказалась на уровне воды. «Орел», прибывший для буксировки терпящей бедствие баржи, ничем помочь ей не мог. Был отдан буксирный трос, и «Орел» стал маневрировать вокруг баржи, постоянно передавая сигналы SOS.

Однако на них быстрее среагировали фашистские самолеты — сначала разведчики, а потом истребители-бомбардировщики. Морские волны стали перемешиваться с ударными волнами от разрывов бомб. Палубу осыпал ливень пулеметного огня.

По самолетам начали стрелять из винтовок, однако оружия не хватало, а рассчитывать на эффективность такого огня и вовсе не приходилось. И в течение следующего дня фашистская авиация еще не раз «утюжила» район бедствия.

Отбомбившись, немецкие самолеты улетели. Казалось, наступила передышка, но стихия бушевала все сильнее. Баржа уже настолько низко осела, что волны без труда прокатывались над палубой, унося людей в бездну целыми группами. Пожалуй, самым безопасным местом, куда не так проникала вода, являлась шкиперская рубка. Поэтому мужчины стали собирать в ней промерзших женщин, детей и подростков.

Необходимо было осмотреться, чтобы понять, где буксир, не подходят ли корабли.

Свидетель катастрофы баржи № 725 Владимир Солонцов, в то время курсант Высшего военно-морского гидрографического училища в Ленинграде, впоследствии рассказывал:

«Я был одним из лучших гимнастов училища, поэтому решил, что смогу забраться на крышу рубки, рискуя меньше, чем другие. На случай если смоет, я разделся, оставшись в тельняшке и кальсонах, и вскарабкался на рубку. Оттуда обстановка казалась еще ужаснее. Впереди возвышался размытый силуэт „Орла“. Черные тучи нависали настолько низко, что, казалось, невысокая мачта баржи протыкает их в клочья. Высокие волны шли длинными валами, одна за другой. Было заметно, как тупой нос

баржи медленно карабкался на гребень вала, разбивал его верхушку, а затем круто падал вниз.

Вдруг очередная накатившаяся волна непонятной трехгранной формы тараном ударила по стенкам рубки. Оставшиеся на палубе люди закричали от ужаса. Находясь на крыше, я не сразу понял, что этот водяной вал сорвал рубку с палубы и вынес ее за борт. Сначала я поразился тому, что рубка просто плывет среди волн, затем вдруг вспомнил, что внутри женщины с детьми, и в душе что-то надломилось.

Никто не мог даже предположить этого варианта. Рубка быстро шла под воду почти без крена. Истошно кричали оставшиеся на палубе люди. А в рубке стояла тишина — женщины и дети, скорее всего, в первый момент даже не осознали случившегося. Рубка ушла на дно меньше чем за минуту.

Это были самые страшные мгновенья в моей жизни. Я — сильный мужчина — стоял на уходившей под воду рубке и ничего не мог сделать для спасения людей. Когда вода дошла до пояса, я оттолкнулся и стал плыть в сторону „Орла”. Мне повезло добраться до буксира. Матрос бросил мне веревку и помог подняться на палубу. Я присоединился к спасателям».

Спасательные действия „Орла” начались только на рассвете. Капитан буксира Ерофеев рисковал судном и экипажем, однако сделал все от него зависящее, чтобы спасти погибающих людей, не ожидая подхода других спасателей.

Когда стало очевидно, что баржа еще может продержаться на плаву, было принято решение спасать людей из воды. Однако осуществить это в условиях сильнейшего — десятибалльного! — шторма было нелегко.

Курсанты Ситкин и Вдовенков вспоминали, как их хлипкий плотик волной прижало к борту буксира на уровень с палубой и они просто спрыгнули на нее. Спустя какое-то время к «Орлу» подплыла женщина. На ней было лишь нижнее белье, а шел уже четвертый час после начала катастрофы, ей бросили веревку, и она сама поднялась на борт.

Это были единичные счастливые случаи спасения. Большинство людей были обессилены и парализованы холодом. Так один офицер смог добраться до буксира, но сил схватить круг у него не осталось. Мужчину затянуло под корму.

«Орел» постоянно маневрировал вокруг баржи, подбирая людей, когда случился, пожалуй, самый страшный эпизод этой трагедии. Ударами гигантских волн средняя часть палубы баржи с еще находившимися на ней сотнями людей была оторвана от корпуса и смыта за борт. Бушующая стихия в мгновение ока раскрошила ее на мелкие части, все люди погибли.

«Орел» продолжал свою работу. Более пяти часов буксир подбирал тонущих, и сам уже глубоко осел под тяжестью. Он оказался малым судном для спасения такого количества потерпевших, а вокруг находилось еще много погибающих людей, которых он не мог принять на борт.

Тогда контр-адмирал Заостровцев, командующий «Орлом», потребовал от командира канонерской лодки «Селемджа» оказать немедленную помощь. Оставив для «Селемджи» последнюю группу людей на терпящей бедствие барже, «Орел» взял курс на Новую Ладогу. Он спас 216 человек!

К концу трагедии баржа была практически полностью притоплена, и лишь нос с кормой чуть выступали из воды.

Подошедшему судну «Селемдже» удалось спасти еще двадцать четыре человека.

Достоверно неизвестно, сколько пассажиров находилось на барже, поэтому точное число погибших в катастрофе не знает никто. Лишь по составленным спискам военно-морских училищ, Военно-морской медицинской академии и Гидрографического управления погибли 685 человек. Жертвами трагедии также стали все дети, ученики ремесленного училища, члены семей офицеров, вольнонаемные работники Артиллерийского и Технического управлений ВМФ и другие. Погиб взвод курсантов Ленинградского Военно-инженерного училища им. А. А. Жданова.

Даже если предположить, что на барже находилось тысяча двести человек, то погибло около тысячи. Но число жертв, возможно, было и больше, поскольку, по другим данным, баржа везла полторы тысячи пассажиров.

Неудавшийся «Тайфун»

Осенью 1941 года фашисты готовили завершающую операцию русской кампании под кодовым названием «Тайфун».

Фашистское командование стремилось любыми путями взять Москву до наступления зимы.

Всего немцы задействовали около семидесяти пяти дивизий. Советские войска были объединены в три фронта: Западный — под командованием генерала И. С. Конева, Резервный — под командованием маршала С. М. Буденного и Брянский, которым командовал генерал А. И. Еременко.

Генеральное наступление немецких войск группы «Центр» началось 30 сентября 1941 года ударом танковой армии генерала Гудериана в направлении Орел — Тула — Москва.

Второго октября стали наступать основные группировки немецких войск в районе Смоленска. Гитлеровцы смогли прорвать оборону и к 7 октября окружили четыре советские армии западнее Вязьмы и две — южнее Брянска. Сплошной линии обороны как таковой не было, резервов, которые могли бы быстро закрыть бреши, у командующих фронтами не было. Путь в столицу, по расчетам фашистов, был открыт.

Но попавшие в окружение советские войска продолжали оказывать яростное сопротивление, сковав 28 вражеских дивизий. Четырнадцати из них так и не удалось высвободиться для дальнейшего наступления до середины октября. Таким образом, советское командование выиграло время для организации сопротивления на Можайской линии обороны, которая на тот момент в спешке укреплялась.

Десятого октября войска Западного и Резервного фронтов были объединены в один Западный. Командование фронтом принял на себя генерал Г. К. Жуков, специально отозванный с Ленинградского фронта.

Невзирая на огромные потери, немцы упорно стремились вперед — на Москву.

К 10 октября враг подошел к Калуге, взял Гжатск, Калинин, Можайск, Малоярославец. Бои развернулись уже в 80–100 километрах от Москвы.

В середине октября из Москвы начали спешно эвакуировать правительственные учреждения, дипломатов, промышленные предприятия, население.

Однако в первых числах ноября наступление немцев было остановлено практически на всех участках. Но неудача не остановила фашистов. В спешке немцы подтягивали резервы,

проводили перегруппировку войск для нанесения решающего удара.

Используя передышку в боях, советское командование стало подтягивать к Западному фронту сформированные в Сибири и на Урале дивизии.

Из Токио были получены донесения советского разведчика Рихарда Зорге о намерениях Японии начать войну сначала против США. Это позволило снять с маньчжурской границы несколько дивизий и переправить их под Москву.

В середине ноября 1941 года немецкие войска снова стали наступать, однако встретили упорное и отчаянное сопротивление советских солдат.

Особенно отличилась 316-я стрелковая дивизия под командованием генерала И. В. Панфилова, которая в первый же день наступления отразила несколько танковых атак врага. Легендарным стал подвиг у разъезда Дубосеково 28 бойцов этой дивизии, возглавляемых политруком В. Г. Клочковым-Диевым. Около 30 немецких танков в сопровождении автоматчиков пытались прорваться вдоль Волоколамского шоссе. Ожесточенный бой продолжался более четырех часов, 18 танков были подбиты из противотанковых ружей и подожжены бутылками с зажигательной смесью, фашистская сторона потеряла множество солдат, но ей так и не удалось преодолеть линию обороны. На всю страну прогремели слова Клочкова, сказанные своим солдатам: «Велика Россия, а отступать некуда — позади Москва!» Сам политрук в этом бою героически погиб.

Фашисты были уверены в своем успехе. На 2 декабря в Берлине был отдан приказ всем редакциям газет оставить пустые места в очередном номере, чтобы разместить победное сообщение о взятии Москвы. Однако столица упорно не сдавалась. Красная армия продолжала героически сражаться, защищая Москву.

Пятого — шестого декабря началось наступление наших войск под Москвой. План операции выглядел примерно так. Армии Западного фронта должны уничтожить фланговые группировки противника на Клинском и Солнечногорском направлениях и вторую немецкую танковую армию, обходящую Москву с юга. Армии Калининского фронта, которым командовал генерал И. С. Конев, наступают на немецкие войска в районе Калинина и, двигаясь на юго-запад, к Ржеву, выходят во фланг вражеским танковым соединениям. Юго-Западный фронт под командованием маршала С. К. Тимошенко наступает своим правым крылом, помогая Западному фронту. Контрнаступление было таким массированным, что неприятель стал в спешке отступать.

Дорога от Москвы на запад была забита отступающими неприятельскими колоннами автомобилей, обозами, войсками, завалена трупами фашистских солдат, разбитыми и брошенными машинами, пушками, многочисленными повозками.

Найденные советскими солдатами письма немцев были полны ужаса и отчаяния: «Дорогая жена! Здесь ад. Русские не хотят уходить из Москвы. Они начали наступать. Каждый час приносит страшные для нас вести. Холодно так, что стынет душа», «…Знаете ли вы, что такое отступление в русскую зиму? Я больше не могу…»

В эти же дни Советское Информбюро сообщило: «…Войска нашего Западного фронта, измотав противника в предшествующих боях, перешли в контрнаступление против его ударных фланговых группировок. В результате начатого наступления обе эти группировки разбиты и спешно отходят, бросая технику, вооружение и неся огромные потери».

В результате наступления советских войск под Москвой немецко-фашистская армия к началу февраля 1942 года была отброшена на 150–250 км на запад. Были уничтожены десятки отборных фашистских дивизий. Только убитыми немецкая сторона потеряла более 120 тысяч солдат и офицеров. Советскими войсками было захвачено 1300 танков, около трех тысяч орудий, более тысячи минометов, 18 тысяч автомашин.

Так, невиданным до тех пор поражением врага, закончилась великая битва за Москву. Именно под столицей развеялся в прах миф о непобедимости фашистской армии. Москва выстояла.

В битве под Москвой сто десять отличившихся бойцов и командиров были награждены званиями Герой Советского Союза. Более одного миллиона человек получили медаль «За оборону Москвы».

Кто виноват в катастрофе «Армении»

О катастрофе «Армении» довольно долго было категорически запрещено говорить. С книги «Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черном море», изданной историческим отделом Наркомата ВМФ СССР еще в 1946 году, гриф «совершенно секретно» был снят только в 1989 году. В этой книге довольно скупо, всего лишь несколькими словами, сообщалось время гибели и координаты затонувших боевых кораблей и судов, в том числе и теплохода «Армения». Далее последует описание расследования этой страшной катастрофы, которое провел капитан 2-го ранга Сергей Алексеевич Соловьев, ученый секретарь Военно-научного общества Севастополя. Он в числе первых в деталях изучил документы и показания очевидцев той страшной драмы.

Итак, теплоход «Армения» был спроектирован морскими инженерами Ленинградского Центрального бюро морского судостроения под руководством главного конструктора Я. Копержинского. Теплоход был спущен на воду в ноябре 1928 года. Наряду с «Абхазией», «Аджарией», «Украиной», «Крымом» и «Грузией» он входил в шестерку лучших пассажирских судов Черного моря. «Армения» имела дальность плавания 4600 миль, могла перевозить в классных каютах 518 пассажиров (125 сидячих и 317 палубных пассажиров), а также до 1000 тонн груза, развивая при этом максимальную скорость — 14,5 узла (примерно 27 километров в час). Вышеперечисленные суда обслуживали «экспрессную линию» Одесса — Батуми — Одесса, перевозя тысячи пассажиров до страшного 1941 года.

С началом войны «Армению» в спешке переоборудовали в санитарно-транспортное судно: рестораны 1-го и 2-го класса стали операционными и перевязочными, курительный салон — аптекой, в каютах были установлены дополнительные подвесные койки. Капитаном «Армении» был назначен 39-летний Владимир Яковлевич Плаушевский, старпомом — Николай Фадеевич Знаюненко. Команда судна включала 96 человек плюс 9 врачей, 29 медсестер и 75 санитаров. Руководителем медперсонала в звании военврача 2-го ранга был назначен Петр Андреевич Дмитриевский, главврач железнодорожной больницы Одессы. На бортах и на палубе ярко-красной краской были нарисованы гигантские кресты, хорошо видимые с воздуха. На грот-мачте развевался большой белый флаг, также с изображением международного Красного Креста.

Однако все эти меры не спасали госпитальные суда. С первых

же дней войны авиация Геринга бомбила и их. В июле 1941 года были повреждены суда «Котовский» и «Антон Чехов». Атакованный пикирующими бомбардировщиками теплоход «Аджария», охваченный пламенем, на глазах у всей Одессы выбросился на мель поблизости Дофиновки. В августе судно «Кубань» повторило судьбу «Аджарии».

«Армения» сделала пятнадцать очень тяжелых и опасных рейсов с ранеными защитниками Одессы и перевезла примерно 16 тысяч человек, не считая женщин, детей и стариков, которых члены экипажа селили в своих каютах.

В обстоятельствах гибели «Армении» много неясного. В «Хронике Великой Отечественной…» сообщается, что свои рейсы из Одессы «Армения» совершала в сопровождении эсминца «Беспощадный», что, без сомнений, защищало корабль от яростных атак немецкой авиации.

Наступление 2-й армии Манштейна на Крым было очень стремительным, и к нему командование Черноморского флота оказалось абсолютно не готово.

В октябре и ноябре 1941 года везде царил хаос. Из Севастополя в спешке эвакуировали все, что только возможно. Госпитали, оборудованные в штольнях и самом городе, были до отказа забиты ранеными, но неожиданно сверху поступил приказ срочно эвакуировать весь медперсонал и легкораненых. А чтобы остальные «нетранспортабельные» не достались врагу, штольню взорвали вместе с ними. Взрывными работами руководил представитель СМЕРШа. Два врача, отказавшись покинуть пациентов, погибли вместе с ними.

Вице-адмирал Ф. С. Октябрьский держал постоянно при себе быстроходный эсминец «Бойкий» и практически всегда уходил в сторону от задач по формированию конвоев и от охраны пассажирских и госпитальных судов при их переходе морем. Скорее всего, он считал, что таким «второстепенным» заданием должны заниматься руководители гражданского флота. Именно самоустранение Октябрьского и послужило одной из основных причин того, что на дне Черного моря оказались лучшие пассажирские суда с людьми.

Найденные документы и показания очевидцев тех событий помогли восстановить картину, предшествующую выходу «Армении» в море из Севастопольской бухты 6 ноября 1941 года.

Судно стояло на внутреннем рейде и в спешке принимало на борт раненых и эвакуированных граждан. Обстановка была напряженной. В любой момент вражеский десант мог атаковать суда. Основная масса боевых кораблей флота по приказу Октябрьского вышла в море. В их числе был и крейсер «Молотов»,

на котором находилась единственная на флоте корабельная радиолокационная станция «Редут-К».

Кроме «Армении» в Карантинной бухте шла погрузка еще одного бывшего «рысака» — теплохода «Белосток», а у причала Морзавода грузили оборудование и людей на «Крым». Погрузка шла без остановки. Капитану Плаушевскому было приказано выйти из Севастополя 6 ноября в 19 часов и следовать в Туапсе. Его должен был сопровождать лишь небольшой морской охотник с бортовым номером 041, которым командовал старший лейтенант П. А. Кулашов.

Участник обороны Севастополя полковник медслужбы А. И. Власов свидетельствует: «Начальник отделения Главной базы 5 ноября получил приказание… госпитали и лазареты свернуть. На „Армению“ было погружено около 300 раненых, медицинский и хозяйственный персонал Севастопольского военно-морского госпиталя (крупнейшего на флоте) во главе с его главврачом, военврачом 1-го ранга С. М. Каганом. Здесь же оказались начальники отделений (с медперсоналом), рентген-техники, 2-й военно-морской и Николаевский базовый госпитали, санитарный склад № 280, санитарно-эпидемиологическая лаборатория, 5-й медико-санитарный отряд, госпиталь от Ялтинского санатория. Были приняты на теплоход часть медперсонала Приморской и 51-й армий, а также эвакуированные жители Севастополя…»

Капитан Плаушевский отлично понимал, что без надлежащего сопровождения лишь темная ночь может в полной мере обеспечить секретность плавания и не даст шанса фашисткой авиации атаковать «Армению». Когда же ему передали приказ Военного совета флота выйти из Севастополя не в сгущающихся сумерках, а на два часа раньше, то есть в 17 часов, он был очень удивлен. Такой приказ означал неминуемую гибель, и, по мнению ряда историков, он исходил из абвера, от спецслужб адмирала Канариса, занимавшихся дезинформацией.

Выйдя из Севастополя в 17.00, «Армения» ошвартовалась в Ялте только спустя девять часов, то есть примерно около двух часов ночи. Дело в том, что в пути ей был дан новый приказ: сделать заход в Балаклаву, чтобы забрать там работников НКВД, раненых и медперсонал.

Капитану Плаушевскому доложили, что в Ялте ожидает погрузки партактив, работники НКВД и еще одиннадцать госпиталей с ранеными.

Документы, проливающие свет на это дело, были уничтожены в 1949 году и позднее. Отсутствие достоверной информации бросает тень на адмирала Ф. С. Октябрьского. Но, как бы там ни было, есть вероятность, что приказ «ждать ночи» Октябрьский на

самом деле передал капитану Плаушевскому. Однако на «Армении» случилось нечто непредвиденное, вынудившее капитана нарушить приказ адмирала. В этом кроется еще одна тайна гибели теплохода.

Итак, обстоятельства, которые предшествовали такой драматической развязке, были приблизительно следующими. Абсолютно точно известно, что изначально приказ капитану Плаушевскому был четко сформулирован: забрать раненых и медперсонал и из Севастополя следовать в Туапсе в ночное время суток. Далее последовал другой срочный приказ: идти в Ялту для спасения партийного актива и раненых. Время выхода теплохода из Севастополя было изменено на два часа. Третий приказ, переданный капитану Плаушевскому, вынудил его, не заходя в Балаклавскую бухту, также забрать представителей местной власти и раненых. Четвертый приказ, переданный Ф. С. Октябрьским капитану «Армении» рано утром 7 ноября, предписывал покинуть Ялту не ранее 19.00. Именно он оказался странным образом нарушен, и капитан отправился в плавание без сопровождения — навстречу своей смерти.

Скорее всего, капитан Плаушевский ослушался приказа командующего флотом лишь потому, что был вынужден подчиниться другой власти, оказавшейся на борту «Армении», например сотрудникам НКВД и СМЕРШа. Оставшиеся на причале люди рассказывали, как капитан, перед тем как дать команду отдать швартовы, вел себя как загнанный зверь. Без сомнений, на тот момент ему угрожали расправой те, кто спешил покинуть Ялту.

Вышедшая рано утром из Ялты «Армения», которую сопровождал морской охотник, не прошла и тридцати миль, как была атакована двумя торпедоносцами.

Катерник с морского охотника МО-04 М. М. Яковлев свидетельствовал о тех событиях: «7 ноября, около 10 часов утра, в районе мыса Сарыч над нами пролетел немецкий разведчик, а через какое-то время над водой, на бреющем полете, едва не касаясь гребней волн (погода была штормовой, и нас болтало основательно), в наш район вышли два вражеских торпедоносца. Один из них начал делать разворот для торпедной атаки, а второй пошел в сторону Ялты. Открыть огонь мы не могли, поскольку крен катера составлял 45 градусов. Торпедоносец сбросил две торпеды, однако промахнулся, и они взорвались в прибрежных камнях мыса Айя. Нас поразила сила взрыва — не видели мы до этого более мощного, и почти все сразу поняли, что если второй торпедоносец достанет „Армению“, то нам несдобровать».

После торпедирования «Армения» оставалась на плаву еще четыре минуты. Спастись удалось лишь нескольким членам экипажа, в том числе старшине Бочарову и военнослужащему И. А. Бурмистрову. Видел гибель теплохода и командир морского охотника старший лейтенант П. А. Кулашов, которого по возвращении в Севастополь в течение месяца постоянно вызывали на допрос в НКВД, после чего в конце концов отпустили.

Впоследствии через немецких ветеранов предпринимались попытки найти экипаж торпедоносца, атаковавшего «Армению», чтобы уточнить детали и координаты гибели теплохода, поскольку немецкие архивы отличаются большой сохранностью документов. Ответ пришел довольно неожиданный: «архив люфтваффе вывезен в СССР».

Погибший экипаж крейсера «Сидней»

Девятнадцатого ноября 1941 года, на закате дня, неподалеку от берегов Западной Австралии в коротком, но кровопролитном бою погибли овеянный славой австралийский крейсер «Сидней» и немецкий рейдер «Корморан». Экипажу «Корморана» удалось уцелеть в полном составе, а 645 членов команды «Сиднея» погибли.

Эта трагическая история полна тайн и загадок. Почему с «Сиднея» никто не уцелел? Как «Корморан», спешно переоборудованный из торгового судна в военный корабль, смог потопить такой крупный крейсер? Почему официальные власти Великобритании, Австралии и США засекретили все документы, относящиеся к происшедшему?

Все перечисленные вопросы и раньше волновали многих исследователей. Британское правительство категорически отказалось предоставить телеграммы, которыми обменялись Черчилль и Рузвельт 26 ноября 1941 года в связи с гибелью «Сиднея». Эти исторической важности документы значительно бы помогли английскому писателю Монтгомери воссоздать полную картину происшедшего. Отец Монтгомери, штурман «Сиднея», погиб в том сражении. Лишь в 1973 году писателю удалось ознакомиться с официальным отчетом британского адмиралтейства, касающимся этого события. Но в нем было столько странных моментов, что Монтгомери решил провести собственное расследование.

Писатель получил доступ к рассекреченным документам, в числе которых оказались протоколы допросов оставшихся в живых членов команды «Корморана», которые добрались до Австралии и затем находились в лагере для военнопленных. Монтгмери удалось разыскать и расспросить многих из них, проживающих на тот момент в Германии. Больше всего его поразило то, что многие до сих пор опасались говорить с ним откровенно и не отвечали на некоторые вопросы.

Таким образом, официальные каналы получения информации оказались для Монтгомери закрытыми, и он сделал вывод: над этим событием возведена завеса строжайшей секретности. Однако писателю все же удалось выяснить причину такой таинственности.

Итак, «Корморан» заметил крейсер «Сидней» в 17.00. Акустики на «Корморане» сообщили командиру Дейтмеру, что это

крупный корабль, скорее всего крейсер. Положение «Корморана» казалось совсем безнадежным. Дальность орудий главного калибра «Сиднея» составляла более 100 кабельтовых (примерно 18,5 километра), и он мог спокойно находиться вне досягаемости огня немцев. По мнению Детмера, единственный шанс спасения заключался в «камуфляже и неожиданном огне из всех орудий с близкого расстояния». Так, по крайней мере, записано в его отчете. Однако, хотя «Корморан» шел под норвежским флагом, этот трюк мог быть моментально раскрыт, как только на «Сиднее» проверили бы список кораблей, пребывающих в этом районе. Тогда Детмер дал приказ радисту передать в эфир сигнал, предупреждающий о появлении в этой зоне подозрительного судна. Таким образом искаженные данные должны были убедить командира «Сиднея» Барнетта, что враг находится где-то в стороне, а не поблизости. Далее команда «Корморана» принялась имитировать пожар у себя на судне. В 17.30 на «Сиднее» еще не сомневались, что перед ними — обычное торговое судно под норвежским флагом. Оно едва передвигалось и, по всей вероятности, терпело бедствие, поскольку передавало сигнал SOS.

Барнетт отдал приказ приготовить к полету морской самолет «Вальрус» для поисков мнимого неприятеля. Но затем передумал, когда увидел облако дыма от немецкого рейдера. «Корморану» был подан сигнал идти на сближение. Спустя полчаса «Сидней» лег в дрейф, остановил машины и принялся готовить шлюпки для оказания помощи «потерпевшим». Командир решил, что у «норвежцев» можно получить всю информацию о вражеском судне.

На тот момент «Сидней» являлся идеальной мишенью. Крейсер стоял бортом к «Корморану» на расстоянии всего 1100 метров. Барнетт был так убежден, что перед ним пострадавшее судно, что даже разрешил кокам выйти на палубу. Именно этого с нетерпением ждали на «Корморане». Немецкий рейдер выпустил две торпеды, точно попавшие в цель, далее несколько раз выстрелил из всех орудий и пулеметов. Снаряды снесли рулевую рубку, разгромили самолет «Вальрус», в кормовом отсеке вспыхнул пожар. Когда на крейсере заметили, что на корме врага, окутанного клубами дыма, гордо взвился немецкий флаг, сразу же дали залпы из всех орудий главного калибра. «Сидней» выстрелил несколько раз. В результате прямых попаданий в машинное отделение на «Корморане» вспыхнул пожар, а его орудия были выведены из строя. Команда рейдера просигналила, что сдается противнику. Перегруженные шлюпки, отбиваясь от огня, направились к австралийскому кораблю, надеясь на милость победителей.

И тут неожиданно кто-то нанес страшный удар по «Сиднею»: в него попала торпеда. Корабль сразу же переломился и исчез в морской пучине. Но кто выпустил эту торпеду? Как считает Монтгомери, это сделала японская подводная лодка, которая вышла в этот рейс специально, чтобы встретиться с «Кормораном». Другими словами, Япония тесно сотрудничала с фашистами еще задолго до нападения на Перл-Харбор. Команде «Сиднея» спастись не удалось, поскольку с субмарины безжалостно расстреливали всех подряд, чтобы никто не смог рассказать о ее участии в сражении. По мнению Монтгомери, именно этот факт может объяснить, почему члены команды немецкого рейдера на допросах путались в своих показаниях. Некоторые из них впоследствии признавались, что боятся раскрыть всю подоплеку тех далеких событий.

Однако почему Лондон окутывает завесой секретности эту трагическую историю? Потому, считает Монтгомери, что Черчилль и Рузвельт также причастны к ней. Командование австралийским флотом с самого начала подозревало, что «Сидней» потопила японская подводная лодка, и направило эту информацию в британское адмиралтейство. Об этом доложили Черчиллю. В то время его положение было критическим. Англичане и американцы вели тайные переговоры с Токио, в ходе которых добивались заключения с Японией временного пакта о нейтралитете.

Глава британского правительства сообщил Рузвельту о причинах гибели крейсера «Сидней», однако настоял, чтобы эта информация была засекречена до окончания переговоров с японцами. Но отношения с японцами так и не приняли нужного оборота: спустя две недели, 7 декабря, Япония неожиданным нападением на американскую базу Перл-Харбор на Гавайских островах активно включилась во Вторую мировую войну.

Тайный груз судна «Вильгельм Густлофф»

Главный идеолог нацизма, заместитель Адольфа Гитлера по вопросам идеологической подготовки членов Национал-социалистической рабочей партии Германии Альфред Розенберг родился в 1893 году в городе Ревеле, на территории, которая принадлежала Российской империи. Розенберг учился в Риге и даже в Москве, где в 1918 году окончил Высшее техническое училище по специальности инженер-строитель.

После того как в 1933 году Гитлер пришел к власти, он назначил Розенберга начальником Управления внешней политики НСДАП. Уже в ходе Второй мировой войны, весной 1941 года, при Управлении внешней политики НСДАП организовали специальный центр по проблемам восточных территорий. Фюрер теперь назначил Розенберга министром по делам оккупированных восточных территорий, при этом учитывалось его отличное знание русского языка и вообще «славянского вопроса» в общем. В том, что вермахт победит Красную Армию, Гитлер нисколько не сомневался.

По иронии судьбы, именно 9 мая 1941 года Розенберг представил фюреру проекты директив по вопросам политики на тех территориях, которые вермахт намеревался оккупировать. В частности готовилось расчленение государства, создание губернаторств, германизация Прибалтики и части Белоруссии и другие подобные мероприятия. Кроме того, предполагалось проведение особой экономической политики, целью которой была полная выкачка средств из оккупированных областей и получение дешевой, рабской рабочей силы. Также в планы входило и создание специальных айнзацкоманд с подчиненным лично Альфреду Розенбергу штабом для поиска, захвата и вывоза в Германию культурных ценностей.

Восьмого сентября 1941 года немцы намертво замкнули кольцо блокады вокруг Ленинграда, и офицеры вермахта с любопытством разглядывали в бинокли купол Исаакиевского собора и высокий шпиль Адмиралтейства. Противник захватил и знаменитое Царское Село со всеми его уникальными историческими памятниками, музеями и дворцами. Однако особо немцы интересовались легендарной Янтарной комнатой, находившейся в Екатерининском дворце Царского Села. Предполагалось, что со всеми предосторожностями ее демонтируют, тщательно упакуют и отправят в Австрию, в город

Линц, где национал-социалисты создали музей Адольфа Гитлера. По мнению фюрера, работа старых немецких мастеров должна была украшать не русские дворцы, а музей вождя арийской расы.

Представители штаба Розенберга сразу же занялись Янтарной комнатой, им активно помогали сотрудники РСХА. Маршрут уникального шедевра пролегал через Восточную Пруссию, гауляйтером которой был известный своей жестокостью Эрих Кох. Фактически он господствовал с 1928 года, а после прихода нацистов к власти в 1933 году был «избран» обер-президентом Восточной Пруссии. В том же 1941 году Гитлер назначил его рейхскомиссаром Украины.

Гораздо позднее, уже после поражения Германии во Второй мировой войне, к союзникам попали многочисленные немецкие архивы, в их числе и архивы штаба Розенберга. Тогда и предстала перед ними масштабность и скрупулезность сотрудников айнзацкоманд, которые вели учет и описывали свою «добычу». Стало известно и о Янтарной комнате: в архиве нашлась подробная опись всего, что немцы сложили в ящики и подготовили к отправке в Восточную Пруссию.

Предполагалось, что груз специального назначения доставят на военных грузовиках до железнодорожной станции, а там перегрузят в охраняемые эсэсовцами вагоны, которые затем опломбируют. По недостоверной информации, колонну грузовиков, перевозивших ящики с демонтированной Янтарной комнатой, в пути разгромила советская авиация.

Согласно свидетельствам некоторых немецких солдат и офицеров, часть ящиков оказалась разбита, а многие детали из янтаря немцы разобрали на сувениры. Однако такие показания довольно сомнительны и вызывают недоверие, поскольку дисциплина в немецких воинских частях была беспрекословной и, кроме того, такой ценный груз, скорее всего, сопровождали в качестве охраны эсэсовцы и сотрудники штаба Розенберга. Не стоит забывать, что Янтарную комнату ждали в Линце, в музее вождя германской науки Адольфа Гитлера! Кто в те годы осмелился бы красть экспонаты, предназначенные для музея фюрера?

К тому же этим мероприятием руководил лично гауляйтер и обер-президент Восточной Пруссии Эрих Кох. По мнению западных независимых экспертов, отличавшийся исключительной жестокостью и сепаратистскими настроениями Кох мог сам тайно завладеть Янтарной комнатой.

Так, по многим документам, спецгруз все-таки прибыл в Восточную Пруссию, и там его временным — а может быть, и постоянным — хозяином стал гауляйтер Эрих Кох.

Янтарная комната так и не прибыла в Линц, а интересовавшийся судьбой всех уникальных творений Адольф Гитлер почему-то ни разу не спросил — где же обещанная ему Янтарная комната?! А ведь частная коллекция фюрера была огромной и оценивалась в баснословную сумму, к тому же он постоянно пополнял ее новыми экспонатами.

Следы похищенного шедевра появляются только через три с половиной года, в январе 1945 года, когда Красная армия перешла в решительное наступление почти на всех фронтах и особенно мощно действовала на Западном направлении. Конец Восточной Пруссии был не за горами. Как раз в это время там находилось одно из крупнейших немецких судов «Вильгельм Густлофф» — в конце войны оно стало плавучей базой для подводных лодок. Командовавший подводным флотом рейха адмирал Дениц приказал направить «Вильгельм Густлофф» в Киль, а немецкое командование приняло решение использовать этот переход для эвакуации части важных грузов и личного состава из Восточной Пруссии. Так на борту «Вильгельма Густлоффа», кроме команды плавучей базы, оказалось еще более девяти тысяч пассажиров: различного ранга сотрудники РСХА, курсанты эвакуируемых военных училищ, летчики морской авиации, отдыхавшие в этот момент на базе подводники, офицеры тыловых служб вермахта, партийные чиновники и другие.

Согласно показаниям очевидцев, на борт огромный пароход взял и секретные спецгрузы неизвестного характера и назначения. Офицеры требовали обращаться с грузом крайне осторожно. Но был ли этот груз Янтарной комнатой, достоверно неизвестно.

После погрузки огромный пароход вышел в открытое море. Но добраться ему до Киля не было суждено — недалеко от берега рыскала в поисках цели советская подводная лодка С-13 под командованием капитан-лейтенанта Маринеско. Заметив силуэт «Вильгельма Густлоффа», подводники стали готовиться к торпедной атаке. Недостаточная освещенность лишь способствовала успеху советских моряков: три выпущенные ими торпеды точно попали в цель. Буквально в мгновение ока «Вильгельм Густлофф» затонул и лег на грунт, приблизительно на глубине сорока метров.

Ныне уже тяжело установить, кто первым связал трагедию немецкого парохода и подвиг советской подлодки с похищенной в Царском Селе Янтарной комнатой. Однако загадка груза «Вильгельма Густлоффа» потянула за собой цепь новых, уже послевоенных событий, связанных с нераскрытыми тайнами войны.

Официально место, где лежит немецкий суперлайнер, было

установлено спустя одиннадцать лет после его гибели, в 1956 году. «Вильгельм Густлофф» затонул в международных водах. Еще через семнадцать лет, летом 1973 года, группа польских аквалангистов специально сделала несколько погружений, чтобы обследовать корпус корабля. Как же они удивились, когда, проникнув внутрь через гигантские пробоины, увидели, что там до них уже кто-то побывал и даже пытался прорезать толстые стальные переборки подводными резаками. Однако кто это был? Скорее всего, те, кто точно знал секрет грузов «Вильгельма Густлоффа». А его знали только спецслужбы фашистской Германии!

Довольно правдоподобно звучит версия, что бывшие эсэсовцы и члены айнзацкоманды сделали все, чтобы первыми добраться до таинственного груза. Тем более, что в 1956 году оставалось в живых еще много участников тех событий. Они наверняка могли точно знать, где именно и что конкретно следует искать на огромном затонувшем корабле.

Вопрос — искали ли они на самом деле легендарную Янтарную комнату? В Восточной Пруссии были и другие, не менее интересные и страшные тайны. На суперлайнере могли вывозить такие секретные и тайные грузы, как документацию расположенной в Восточной Пруссии ставки фюрера «Вольфшанце», архивы восточного отдела абвера, секретные дела гестапо, ценности рейхсбанка и многое другое. Так, достоверно известно, что немцы, как правило, герметично запаивали металлические ящики с валютой, а золото и драгоценные камни не подвержены действию морской соли и воды.

И только ли «Вильгельм Густлофф» манил искателей таинственных сокровищ? Ведь в том районе моря на дне — почти целое кладбище нераскрытых тайн: там лежит огромный теплоход «Генерал фон Штубен», транспортный пароход «Мольтке», сторожевой корабль гитлеровских ВМС «Поссе», немецкий теплоход «Гойя» и еще несколько судов. Каждый из них утонул победной весной 1945 года и практически каждый мог перевозить Янтарную комнату.

Согласно данным Главного разведывательного управления Министерства обороны России, Янтарная комната может находиться в запасной ставке Гитлера (в горной местности Тюрингии в Германии). Но эту информацию правительство Германии никак не прокомментировало.

Согласно другим сведениям, о которых стало известно прессе, легендарный янтарный шедевр все-таки осел в коллекции Коха. Предполагается, что тот спрятал его в подземном лабиринте, расположенном под главной площадью немецкого

города Веймара. Может быть, такая информация и не соответствует действительности, но немцы почему-то в спешке забетонировали все входы в систему подземных бункеров под Веймаром.

А суперлайнер «Вильгельм Густлофф», как и прежде, лежит на дне балтийских вод, ожидая своих исследователей.

«Петропавловск», ставший «Маратом»

Роковой датой в истории линейного корабля «Марат», одного из знаменитых кораблей советского Военно-морского флота, стало 23 сентября 1941 года.

Двадцать седьмого августа 1911 года корабль под названием «Петропавловск» был спущен на воду и покинул Балтийский завод в декабре 1914-го. Экипаж судна участвовал в революции 1917 года. А в феврале 1921 года линкор оказался центром антибольшевистского мятежа в Кронштадте. Мятежников возглавил Петриченко, писарь «Петропавловска». Восстание сразу же подавили, и 31 марта того же года корабль получил новое революционное имя «Марат».

В первые мирные годы после гражданской войны корабль выходил в море нести боевую службу. Однако осенью 1928 года его решили модернизировать. Линкор стоял на ремонте два с половиной года. В ходе работ существенно уменьшили количество котлов энергетической установки, а на освободившемся пространстве обустроили погреба зенитной артиллерии, штурманский и артиллерийский посты, пост энергетики и живучести, радиоцентр и пост гидроакустики. Также отремонтировали главные турбины, переклепали наружную обшивку, сменили листы водонепроницаемых отсеков. С появлением новых надстроек и мачт изменился и сам облик судна. В апреле 1931 года обновленный «Марат» опять вошел в состав бригады линейных кораблей.

В предвоенной биографии линкора насчитывалось три важных события. Летом 1933 года, при выполнении учебной артиллерийской стрельбы главным калибром во второй башне возник пожар. Последовала команда на затопление ее погребов, что предотвратило взрыв боезапаса, но при этом погибло 68 человек. Как оказалось, причиной пожара стало преждевременное открытие орудийного замка после выстрела. Башня была введена в строй уже в октябре.

Позже, весной 1937 года, «Марат» отправился в Англию, чтобы принять участие в морском параде по случаю коронации Георга V. На обратном пути линкор заходил в порты Мемеля, Либавы и Таллина. Корабль активно участвовал и в боевых действиях в ходе советско-финской войны. В условиях сложной ледовой обстановки 19 декабря 1939 года судно умело обстреляло из своего главного калибра финскую батарею

Сааремпя на острове Биоркэ.

К 1941 году «Марат» прошел свыше 75 000 морских миль и, благодаря регулярной модернизации вооружения и оборудования, имел довольно высокие тактико-технические характеристики. Его экипаж составлял 1286 человек. Капитальный ремонт линкора намеревались начать летом 1941 года, но помешала война.

Имя линкора «Марат» неразрывно связано с героической обороной Ленинграда. В день начала войны линкор находился на Большом Кронштадтском рейде. Уже в 14 часов 22 июня корабль в первый раз открыл огонь по врагу, обстреляв финский самолет-разведчик. На следующий день линкор сбил два вражеских самолета и, таким образом, первым на Балтике открыл боевой счет. Атаки авиации противника линкор отражал каждый день в течение следующих двух месяцев. 22 августа линкор перевели на новую огневую позицию, находившуюся в огражденной части Морского канала. Дальнобойные орудия главного калибра «Марата» стреляли по наступающим немецким войскам практически без остановки.

Четырнадцатого сентября в корабль впервые попал вражеский снаряд. Через два дня, во время артиллерийского обстрела, были выведены из строя сразу три зенитных орудия на носовой площадке. Эта потеря оказалась роковой для корабля, поскольку в тот же день, 16 сентября, линкор подвергся массированной атаке 27 пикирующих бомбардировщиков. Вражеские самолеты атаковали «Марат» с носа и кормы. Успех сопутствовал группе «юнкерсов», зашедших с носового угла. Главные отсеки и помещения линкора остались целыми, но пострадали салон кают-компании и несколько офицерских кают. Взрыв бомб также повредил кормовые зенитки, четвертую башню главного калибра и некоторые орудия. Всего погибло 25 человек. В этой экстремальной ситуации экипаж проявил немалый героизм. При отражении налета отличились командир зенитного дивизиона Сухарев, старшины батарей Беляков, Корбань, Котов. Метким огнем зенитчиков было сбито три «юнкерса».

После налета «Марат» снялся с якоря и перешел на Малый Кронштадтский рейд, продолжал активно обстреливать противника на южном берегу Финского залива. 18 сентября корабль отбуксировали в гавань Усть-Рогатка, чтобы провести текущий ремонт. Восстановительные работы велись в тяжелых условиях ежедневных налетов вражеской авиации, избравшей Кронштадт своей основной целью. «Марату» удалось отразить все атаки с воздуха, ни одна вражеская бомба так и не попала в цель.

Утро 23 сентября 1941 года выдалось довольно ясным.

Видимость была замечательной, чем и воспользовались немецкие самолеты-разведчики. Они сфотографировали Кронштадт и корабли, стоящие в гавани и на рейде. С аэродрома Тирково, находящегося южнее Луги, в воздух поднялись пикирующие бомбардировщики «иммельман». Они нацелились на линкоры «Марат» и «Октябрьская революция», а также тяжелые крейсеры «Киров» и «Максим Горький». Некоторые «юнкерсы» несли противолинкорные бомбы. Примерно в одиннадцатом часу бомбардировщики достигли Петергофа, и по боевой тревоге весь экипаж «Марата» приготовился отражать воздушную атаку. Сначала шрапнелью из главного калибра был произведен выстрел по ближайшим самолетам. Снаряд разорвался с недолетом, а вражеские пикировщики, разделившись на две группы, направились к кораблям.

Невзирая на непрекращающийся огонь, нескольким бомбардировщикам удалось прорваться к линкорам.

В носовую часть «Марата» попала тысячекилограммовая бомба, вызвав детонацию боезапаса первой башни главного калибра. Сила взрыва была такова, что орудийную башню массой несколько десятков тонн подбросило в воздух, словно детскую игрушку. На командных пунктах и боевых постах героически погибли командир корабля капитан 2-го ранга Иванов, старший помощник капитана 3-го ранга Чуфистов и еще 324 человека экипажа. Командование линкором взял на себя капитан 3-го ранга Родичев.

Как боевая единица линейный корабль «Марат» прекратил свое существование. Носовая оконечность, вплоть до второй башни главного калибра, покоилась на дне. Большинство конструкций было буквально выдрано из корпуса. Оставшаяся неповрежденной часть корабля еле держалась на плаву с креном на правый борт. В результате взрыва котлы второго котельного отделения пробили водонепроницаемую переборку под второй башней, и несколько отсеков были затоплены. Давление пара опустилось до нуля, турбогенераторы перестали работать, и уже через несколько минут после взрыва «Марат» был обесточен.

В тяжелых условиях, при свете ручных фонарей экипаж корабля пытался бороться с затоплением, конопатя швы и ставя подпоры. Но эти попытки были напрасными: быстро распространяясь по корпусу, вода заливала отсек за отсеком на нижней палубе. Вскоре «Марат» сел кормовой частью на грунт, поскольку глубина в этом месте составляла 11 метров. Два часа продолжалась борьба за спасение линкора, после чего экипажу было приказано покинуть «Марат»: на корабле отключилось аварийное освещение. Остались только расчеты зенитных орудий,

расположенных на четвертой башне главного калибра, — они удачно отбивали налеты вражеской авиации на Кронштадт.

К вечеру 23 сентября организовали подачу электроэнергии с берега, и часть команды, вернувшись, снова попыталась восстановить линкор. К сожалению, все усилия моряков были тщетны — утром 24 сентября «Марат» окончательно лег на грунт.

Когда к концу сентября немцы вплотную подошли к Ленинграду, было решено использовать «Марат» как грозную плавучую батарею — третья и четвертая башни главного калибра корабля практически не пострадали. Началась откачка воды, и вскоре «Марат» всплыл с дифферентом на нос и креном на правый борт. Через месяц кормовая часть линкора была частично осушена и отремонтирована, введены в строй оставшиеся башни главного калибра.

Уже 31 октября орудия «Марата» стали обстреливать немецкие позиции на южном побережье Финского залива. До конца года артиллерия уничтожила 18 и подавила 87 вражеских батарей, сбила шесть немецких стервятников. В условиях нехватки топлива работы по осушению и восстановлению второй башни главного калибра отложили до лета 1942 года.

После войны геройский «Марат» ожидала незавидная судьба. Восстанавливать его не стали. Переименованный еще в мае 1943-го опять в «Петропавловск», линкор 28 ноября 1950 года был переоборудован в несамоходное учебное артиллерийское судно. Оно получило название «Волхов». А в 1953 году линкор-герой и вовсе разобрали на металлолом.

Планы «Блау»: война за черное золото

«ИГ Фарбениндустри» еще с начала 20-х годов XX века был крупнейшим химическим концерном Германии, который сам выпускал и контролировал производство главных химикатов и химических продуктов, особенно тех, которые были связаны с военным строительством и созданием военной техники.

Председатель концерна Георг фон Шницлер с интересом следил за карьерой вождя германских национал-социалистов Адольфа Гитлера и совершал щедрые пожертвования в партийную кассу нацистов, а в июне 1932 года неожиданно договорился о секретной встрече Адольфа Гитлера с высокопоставленными представителями «ИГ Фарбениндустри» в одном из фешенебельных отелей Мюнхена. Этот город не случайно был выбран местом встречи, поскольку считался «вотчиной» нацистов. Промышленники всем своим видом показывали, что признают власть фюрера и готовы идти к нему в услужение.

Сам фон Шницлер был человеком довольно осторожным и не собирался принимать участия в намеченной встрече, однако он подробно проинструктировал всех ее участники со стороны концерна. Гитлер предупредил, что сможет уделить промышленникам всего полчаса.

Итак, встреча состоялась. Гитлер опоздал и извинился, сказав, что задержался в предвыборной агитационной поездке.

— В чем дело, господа? — фюрер демонстративно посмотрел на часы.

— Речь пойдет о гидрогенизации угля под высоким давлением, — сказал один из представителей концерна, тем самым озадачив фюрера.

Однако чем дольше тот слушал представителей «ИГ Фарбениндустри», тем все реже смотрел на часы. Промышленники говорили достаточно важные и дельные вещи о создании синтетического моторного топлива — это имело большое значение в будущих «войнах моторов», которые собирались вести национал-социалисты. Тем более что Германия не имела своих запасов нефти, которая требовалась для военной техники.

Гитлер всерьез заинтересовался разговором, то и дело задавал уточняющие вопросы и явно огорчился, узнав, что пока создание синтетического топлива — это всего лишь смелый проект. Но промышленники заверили фюрера: они готовы

немедленно приступить к делу, им требуется лишь финансовая поддержка на государственном уровне. Фюрер сразу понял: они уже считают его главой будущего правительства Германии.

Вместо получаса Гитлер беседовал с представителями концерна «ИГ Фарбениндустри» более двух часов и, еще не став канцлером Германии, стал лично курировать проект создания немецкого синтетического топлива. Когда же взял в свои руки власть, сразу открыл ему «зеленую улицу».

В скором времени Германия развернула широкое производство синтетического топлива из местного угля, к началу Второй мировой войны немцы уже производили в год до девяти миллионов тонн бензина и дизельного топлива по новым технологиям. Однако для военной техники этого топлива было явно недостаточно, а с началом Восточной кампании тем более.

Положение осложнялось еще и тем, что гениальная идея блицкрига провалилась и кампания приняла явно затяжной характер. Именно тогда у немецких спецслужб и Генерального штаба и родился план второй операции «Блау».

Первый план «Блау» (что переводится как «Голубой план») немецкий Генеральный штаб разработал для войны с Великобританией, и он был наиболее известен. Второй план «Блау» был, по сути, тайной доктриной ведения войны на юге, чтобы захватить Майкоп и Баку. Далее, на втором этапе, немецкие войска должны были продвигаться дальше на юг, захватывая по пути нефтепромыслы и оккупируя Иран и Ирак. Другим направлением основного удара являлась… Индия, поскольку Гитлер считал ее самым больным и уязвимым местом Британской империи.

После захвата нефтяных месторождений Майкопа, Баку, Ирана, Ирака и оккупации Индии на очереди стояли СССР и Англия, а затем и находившиеся за океаном Соединенные Штаты Америки.

Летом 1942 года Сталин лично вызвал наркома нефтяной промышленности Николая Константиновича Байбакова и поставил перед ним непростую задачу — любой ценой сохранить на юге и на Кавказе нефтяные скважины! Но как?

Люфтваффе не бомбили промыслы, так как немцы хотели захватить их для собственного использования. Ситуация была серьезной: если немцы захватят месторождения, то все, кто несет ответственность за это с советской стороны, будут немедленно расстреляны. Если скважины уничтожить заранее, а немецкие части до них так и не доберутся, это будет означать гибель советских специалистов. На юг срочно направили спецгруппу от Госкомитета обороны. Ей было поручено особое задание —

подготовить скважину к взрыву.

Немцы тоже в спешке готовили специалистов. Под ударами вермахта советские части вынуждены были отступить и оставить Кубань. Немцы кинулись к нефтепромыслам, однако скважины оказались взорваны.

Для вермахта положение осложнялось еще и тем, что советские танки работали на дизельном топливе, непригодном для моторов немецкого производства. Поэтому трофейные запасы горюче-смазочных материалов фашисты использовать не могли.

Оказались безуспешны и все попытки немецких специалистов запустить добычу нефти на взорванных советской спецгруппой нефтяных скважинах. Не удалось фашистам прорваться через горные перевалы к Грозному и Баку до ноября 1942 года — советское командование отправило защищать перевалы морскую пехоту с Черноморья, а также все возможные резервы. Сталин отлично понимал — без нефти страна не продержится.

Узнав о провале операции «Блау-2», Гитлер пришел в ярость. Ведь теперь под угрозой оказались и планы прорваться в Иран и Ирак.

Так нефтепромыслы Баку, Грозного и Майкопа оказались недосягаемы для гитлеровцев, а уж об Иране и нефтеносном Ираке и речи быть не могло. Тогда фюрер дал приказ люфтваффе разбомбить все нефтеперерабатывающие заводы русских.

Началась ужасающая череда авианалетов и бомбежек Грозного. Прорваться к Баку бомбардировщикам было значительно сложнее. Немцы уничтожили корпуса и оборудование нескольких нефтеперерабатывающих заводов, перекрыли пути доставки нефти из Баку по железной дороге через Ростов-на-Дону и речным путем по Волге. Однако ход войны уже был предрешен, и о секретном плане «Блау-2» перестали вспоминать.

Откуда взялось серебро на рынках Манилы

В конце лета 1942 года неожиданно для японцев их оккупационные деньги на Филиппинах (которыми они владели уже несколько месяцев) начали обесцениваться. Японские солдаты только рты раскрывали от удивления, узнавая, что их месячного жалованья не хватает даже на буханку хлеба да глоток спиртного. А все дело было в том, что рынки Манилы заполнили неизвестно откуда взявшиеся серебряные филиппинские песо.

Как они там появились?

Японцы каким-то образом узнали, что миллионы этих песо утопили войска Макартура перед своей капитуляцией. И лежат они к югу от Коррехидора, на глубине 120 футов, на сумму 8 500 000 долларов. Чтобы найти и извлечь на поверхность такое богатство, были задействованы семь аквалангистов из числа американских военнопленных. За их работой пристально наблюдала японская тайная полиция, и казалось практически невозможным, чтобы в Манилу просочились хоть несколько монет из этого серебра. Как бы там ни было, японцы решили усилить надзор за этими американцами.

Все началось в первые месяцы 1942 года, когда сдача Филиппин была уже очевидной и члены филиппинского правительства и командование дислоцированных на островах американских войск приняли решение спасать национальное богатство страны. В феврале в балластных танках американской подводной лодки «Траут» было вывезено в Сан-Франциско золото в слитках на сумму около двух миллионов долларов и серебро на сумму 360 000 долларов. Однако вывезти оставшиеся 17 миллионов серебряных песо (по 50 центов) не смогли — не хватало времени.

Американские офицеры прочертили на карте Манильской бухты две прямые линии через хорошо заметные ориентиры на берегу и получили точку их пересечения в заливе Кабалло. В этом месте залив был достаточно глубоким, вода неспокойной, что препятствовало бы возможным спасательным работам противника. Здесь и было решено затопить сокровища.

Тяжелые ящики, вмещавшие по шесть тысяч песо каждый, были загружены на две плоскодонные баржи и отбуксированы к месту затопления. Там эти ящики в течение десяти ночей сбросили на дно.

Шестого мая Коррехидор окончательно сдался. Среди

пленных были и аквалангисты. Комендант лагеря для военнопленных в Кабанатуане нашел среди пленных шесть водолазов.

— Дело в том, — сказал он им, — что Манильская гавань буквально засорена затопленными судами. Ее требуется расчистить для возобновления судоходства.

Американцам было известно, что если японцы отправят их поднимать серебро, то они, под угрозой расстрела, будут вынуждены поднять какую-то его часть. И они решили, что отдадут его столько, сколько нужно, чтобы отвлечь их внимание. А все, что смогут, утаят и передадут в лагерь, чтобы другие пленные смогли подкупить охранников и купить себе еду и медикаменты. При этом водолазы прекрасно понимали, что рано или поздно их все равно разоблачат и расстреляют за саботаж. Но это была война, и упускать реальный шанс нанести врагу существенный урон нельзя.

Водолазам отвели под жилье старую землечерпалку. Здесь жили еще шестеро филиппинцев, нанятых для обслуживания филиппинских ныряльщиков, которые поднимали для японцев ящики с сокровищами с конца мая. Всего наверх подняли восемнадцать ящиков на сумму 54 000 долларов.

В ночь перед началом работ американцы обсуждали сложившуюся ситуацию. Утром американцы и филиппинцы погрузились на небольшое рыболовное судно, которое не спеша направилось к бухте Кабалло. Американцы издалека увидели плоскодонную водолазную баржу, которая закрепилась на якоре как раз над тем местом, куда они еще недавно сбросили ящики с серебром.

У борта баржи покачивалось небольшое плоскодонное суденышко. На нем была установлена ручная лебедка, с которой в воду спускался толстый канат с напоминающим пояс ремнем на конце. Когда ныряльщик находил ящик с серебром, он затягивал на нем этот ремень и два филиппинца наверху поднимали его.

Соерзу выпало нырять первым. На дне он увидел в нескольких ярдах от себя возвышающиеся горой ящики.

Соерз подумал: если филиппинцы уже подняли 18 ящиков, значит, японцы знают, что они стоят на нужном месте. Поэтому было бы правильнее поднять сразу несколько ящиков, чтобы внушить им доверие и выиграть время для разработки дальнейшего плана действий. Он закрепил подъемный канат на ящике и дернул его три раза — сигнал филиппинцам на подъем. Через пятнадцать минут Соерз взошел на баржу. Следующим погружался Соломон, и он тоже поднял один ящик. Третьим нырял Панчи Бартон, но он не поднял ничего.

— Ничего не смог там найти, — сказал он японцам.

В тот день они подняли 12 000 песо, и это было только начало.

На своей жилой барже американцы обдумывали текущее положение дел. Два поднятых ящика хорошо подмокли и уже начали гнить. При дальнейших погружениях они выберут среди ящиков наименее прочные и расшатают у них дно, с тем чтобы, когда их станут поднимать, тяжелые мешки с серебром вывалились и рассыпались по морскому дну. Тогда они смогут часть серебра прихватить с собой.

Соломон взял несколько пар рабочих хлопчатобумажных брюк и сшил из них мешочки. Водолазу следовало прицепить такой мешочек под нижнюю одежду перед погружением, на дне наполнить его песо, а поднявшись на баржу, передать товарищам, которые спрячут его под дождевиками, сложенными на палубе.

На следующее утро первым опускался за добычей Слим Манн. Спустившись к ящикам, он аккуратно отодрал от одного из них железные полосы и поддел дно с двух концов железной свайкой, чтобы оно немного отошло. На полпути к поверхности ящик развалился, и мешочки с серебром упали на песок. Филиппинцы почувствовали исчезновение веса и вновь опустили канат. Манн привязал другой полуразломанный ящик, и снова мешочки с серебром упали на дно. После этого водолаз воткнул свайку в песок и поднялся наверх.

Следующим нырял Бартон. Он туго набил свой мешочек песо, после этого привязал к канату целый ящик, чтобы успокоить японцев, и всплыл на поверхность. Пока японцы тщательно осматривали ящик, Соломон отвязал мешочек и сунул его в прикрытое дождевиком ведро.

Добыча американцев в тот день составила 750 долларов. За две следующие недели они принесли на свою баржу серебра еще на 10 000 долларов, при этом японцы получили песо на 55 000 долларов. После этого несколько дней штормило, работа приостановилась. Конечно же, японцы не были довольны полученным. Они решили, что работа двигается медленно и единственный выход — привлечь еще ныряльщиков.

В лагере для военнопленных разыскали еще трех опытных водолазов.

Прибывшим товарищам водолазы объяснили ситуацию и поделились с товарищами, как работает их отлаженная система. Филиппинцы, занятые на воздушном насосе, получили разрешение ездить к своим семьям в Манилу. Американцы внимательно наблюдали за ними и, в конце концов, убедившись в их надежности, рассказали им, что прячут у себя серебро.

Филиппинцы разыскали в Маниле нескольких китайцев-менял, которые с удовольствием обменяли японские оккупационные бумажки на филиппинское серебро по курсу черного рынка, который обесценивал иену. Спустя некоторое время менялы запустили в оборот в Маниле так много серебра, что курс стал 30:1 и уже никто не хотел брать японские деньги. Песо обменивались на продукты, и те передавались американским военнопленным. Филиппинцы брали большие комиссионные, однако американцы понимали, что они их заслужили — ведь рисковали своими жизнями.

Вскоре к водолазам пришли японцы. Они прошли через кубрик, ощупывая матрацы, заглядывая под кучи водолазной одежды, зашли в медицинский кабинет, осмотрели печь и книжные полки. Они ничего не нашли, и в этот же день десять ведер монет были опущены на дно.

Спасательные работы продолжались до поздней осени. К тому моменту японцы поняли, что все серебро берется из бухты Кабалло. Однако они отбрасывали версию, что оно поступает через американских водолазов. Поэтому все эти люди остались живы.

До сих пор на дне Кабалло-Бэй лежат серебряные филиппинские песо, эквивалентные четырем с лишним миллионам американских долларов. Рассыпанные и занесенные песком после многих штормов, они, скорее всего, останутся там навсегда.

Гибель теплохода «Сванетия»

Теплоход «Сванетия» был построен в Дании в 1937 году по заказу СССР и предназначался для ближневосточной товаропассажирской линии Черноморского пароходства. Водоизмещение «Сванетии» составляло 5050 тонн, длина его была 102,5 метра, ширина — 14,5, осадка — 5,5 метра. На теплоходе были установлены два мощных дизеля по 2100 л. с., работавшие каждый на свой вал и винт. Благодаря этому корабль мог развивать скорость 16 узлов. Экипаж, слаженый и дружный, насчитывал 80 человек. Командовал теплоходом опытный капитан дальнего плавания Александр Беляев, немногословный суровый человек, требовательный и справедливый.

Начало Второй мировой войны теплоход «Сванетия» застал в проливе Босфор, и турецкие власти сразу задержали его, дабы дать почувствовать, что их нейтралитет во Второй мировой войне довольно условный. Это было вопиющим нарушением международной конвенции Монтре 1936 года, и работники советского посольства в Стамбуле через дипломатические каналы незамедлительно взялись вызволять «Сванетию» и всю команду из «турецкого плена».

В середине февраля турецкие власти официально проинформировали капитана Беляева, что причин для удержания теплохода в турецких территориальных водах более не существует и «Сванетии» разрешено покинуть гавань Стамбула. Беляев и штурман Кухаренко так рассчитали время перехода морем, что основную часть пути теплоход прошел по Черному морю под покровом темноты и в день Красной армии, 23 февраля 1942 года, стал у причала порта Поти. «Турецкому плену» пришел конец.

Вскоре капитан Беляев убедился, что конвойная служба на Черноморском флоте организована из рук вон плохо, из-за чего гибло большое количество транспортов: пароход «Ленин», теплоход «Армения», «Аджария», госпитальные суда «Абхазия», «Чехов», транспорты «Коммунист», «Чапаев» и многие другие.

Вскоре капитану Беляеву было присвоено военное звание капитан-лейтенант. Часть экипажа «Сванетии» мобилизовали, теплоход окрасили в защитный цвет. На флагштоке стал развеваться военно-морской флаг. На палубе теплохода было установлено пять 45-миллиметровых полуавтоматических пушек и два крупнокалиберных пулемета ДШК.

Двадцать девятого марта 1942 года «Сванетия», в сопровождении «Ташкента» и эсминцев «Незаможник» и

«Шаумян», доставила из Новороссийска в Севастополь 570 человек, 36 тонн боезапаса, 740 автоматов ППШ, 86 тонн боезапаса для авиации флота, 160 тонн взрывчатки для Приморской армии, 7 тонн детонаторов, 346 тонн продовольствия и 50 тонн фуража.

Лишь после того, как авиация Геринга едва не разгромила Черноморский флот, командующий ЧФ контр-адмирал Ф. С. Октябрьский издал запоздалый приказ: «Корабли конвоя при движении с караваном уходят от транспортов на дистанцию до 10 кабельтовых. Предупреждаем всех командиров кораблей, что подобные действия граничат с преступлением…»

В апреле 1942 года «Сванетия» доставила в осажденный Севастополь 191 тонну боезапаса, 682 тонны продовольствия и более 150 человек бойцов и командиров. На тот момент город обстреливался практически беспрерывно. Поэтому разгрузку и погрузку проводили в спешке в течение всего дня. Капитану Беляеву сообщили, что на борту 240 тяжелораненых, 354 кавалериста, 50 эвакуированных, 10 рабочих морзавода, 65 военнослужащих различных рангов, среди которых и морские летчики, следовавшие за получением новых самолетов. Итого, по подсчетам, на борту «Сванетии» находилось более 900 человек (вместе с экипажем).

Из штаба Севастопольского оборонительного района неожиданно поступил срочный приказ: к 21.00 закончить погрузочные работы и быть готовыми к выходу в Новороссийск.

Вот что говорит о тех далеких событиях штурман теплохода «Сванетия» Г. Я. Кухаренко: «Когда мы поднялись на корабль, народу было там очень много. Поэтому вахтенной службе пришлось расчищать проход, чтобы мы смогли добраться до штурманской рубки: все помещения, коридоры, трапы, отчасти даже верхние палубы были заняты тяжелоранеными бойцами и эвакуированными. Сколько их было на борту — тысяча, а может, полторы тысячи или того больше — никто не знал…»

Практически перед самым отплытием капитану Беляеву стало известно, что перегруженную «Сванетию» будет сопровождать единственный эсминец «Бдительный». Капитан очень встревожился.

По строгому флотскому правилу первым из широкой Южной бухты Севастополя вышел эсминец «Бдительный». Затем показалась и «Сванетия».

В 7.24 вахтенные сообщили капитану, что на северо-западе виден самолет-разведчик противника. В 14.00 на высоте 3000 метров показался первый бомбардировщик, а вскоре — восемь «Хейнкелей-111» и четыре «Юнкерса-88». Они активно принялись

бомбить теплоход. Капитан постоянно менял курс, умело описывал циркуляцию или стопорил машины, и вражеские бомбы рвались за кормой или у бортов. В первый заход матросы насчитали сорок восемь разрывов, однако цели достигла только одна зажигалка, и то с минимальными потерями: угодив прямо в трубу, разворотила ее и, рикошетом чиркнув по шлюпочной палубе, улетела за борт.

Зенитчики «Бдительного» и «Сванетии» активно оборонялись, то и дело заставляя бомбардировщики и торпедоносцы сворачивать с намеченного боевого курса. Один «юнкерс» загорелся и упал в море, а другой, скорее всего, был подбит и, теряя высоту, скрылся из виду.

Бомбардировщики улетели, но капитан Беляев считал, что ненадолго и до наступления темноты они вернутся с новым грузом бомб. По причине слабой охраны «Сванетия» получила множество различных повреждений.

В 15.55 на горизонте вновь показались самолеты. Капитану доложили: на этот раз сзади по правому борту летят девять торпедоносцев «Хейнкелей-111».

Вражеские самолеты шли на предельно малой высоте. Затем, разделившись на три группы, они развернулись и легли на боевой курс. Первые восемь торпед были сброшены с высоты 30–40 метров на расстоянии 6–7 кабельтовых. Наблюдавшие за происходящим люди на мостике увидели, как одна из торпед вошла в воду под тупым углом и взорвалась.

— Рулевой, правый координат! — скомандовал Беляев, и старший рулевой Куренков стал яростно вращать штурвал. Все незакрепленные предметы на палубе по инерции полетели за борт. Люди на палубе, пытаясь удержаться, хватались за поручни. Лежа в крене, «Сванетия» описала невероятную кривую, и торпеда прошла всего в 4–5 метрах от корабля. Куренкову удалось уклониться еще от четырех торпед, однако две последние достигли цели, попав в носовую часть судна. Два мощнейших взрыва потрясли корабль. Было 16.10. Нос «Сванетии» подпрыгнул, и незамедлительно образовались дифферент на нос и крен на левый борт.

Среди пассажиров «Сванетии» началась ужасная паника. Краснофлотцы боцманской команды Данченко и Воронов смогли спустить на воду только две шлюпки. На кренящейся палубе неожиданно появились кавалеристы, которые ничего не смыслили в механике спуска шлюпок на воду. Кавалеристы шашками сразу же перерубили первые попавшиеся на глаза блоки (лопаря), которые удерживали шлюпки, и те, сорвавшись вместе с людьми, полетели за борт, переворачиваясь или разбиваясь о

воду.

Крен судна все увеличивался. Зенитки продолжали отстреливаться, и один из атакующих торпедоносцев, зацепив крылом воду, взорвался. Капитан Беляев дал команду в машинное отделение: «Задний ход!» Неожиданно взрывной волной его швырнуло на шлюпочную палубу, и капитан лишился сознания. «Сванетия» тонула.

Со слов штурмана Г. Я. Кухаренко: «Через десять минут после попадания торпед вода на судне поднялась почти до штурманской рубки. Большой крен не давал возможности спустить на воду шлюпки по правому борту. Люди метались… отчаянно кричали, взывая о помощи.

Со старшим рулевым Куренковым мы чудом отыскали среди этого орущего хаоса капитана Беляева и капитана второго ранга Андреуса, командира санитарных транспортов, и оттащили их на спасательный плот… Вместе с командиром БЧ-4 Чайкиным мы бросились в воду и попытались отплыть подальше в сторону. Слышно было, как стучали крупнокалиберные пулеметы, — это не прекращали вести огонь наши матросы. Вдруг они разом смолкли. Мы обернулись. Корма «Сванетии» поднялась высоко над водой. С нее беспорядочно сыпались люди… Так, под крики людей и рев гудка „Сванетия“ быстро стала уходить под воду, накрыв своим корпусом сразу три шлюпки. Образовалась большая воронка и многих людей засосало под воду… Всего сумели подобрать лишь 61 человека, в том числе и меня…»

По архивным документам, «Сванетия» держалась на плаву всего 18 минут. Достоверно известны и координаты ее гибели: 43 градуса 00 минут северной широты, 36 градусов 55 минут восточной долготы. Глубина 150 метров…

Командир эскадренного миноносца «Бдительный», не прекращая бой с самолетами противника, постепенно скрылся из виду. К месту гибели теплохода он вернулся через два часа. Однако спасать было практически некого.

Летательные аппараты Виктора Шаубергера

В 1942 году, даже в самый разгар тяжелых и кровопролитных боев на советско-германском фронте, нацисты продолжали вести широкомасштабные научно-конструкторские и исследовательские работы по созданию новых видов вооружений, и в частности реактивной авиации.

Параллельно с работами в конструкторских бюро Мессершмитта, Хейнкеля и других немецких конструкторов под патронажем РСХА проводились секретные разработки суперсовременного оружия, в частности реактивных летательных аппаратов нового типа. Этот проект разрабатывался в тайных научных центрах, один из которых находился в Бреслау, а другой в Чехословакии, может быть даже в Праге.

Примерно тогда же был испытан и так называемый диск Белонце — летательный аппарат в форме диска (летающая тарелка). Фашисты довольно долго разрабатывали конструкцию надежного реактивного двигателя, работающего на простом виде топлива. Дело в том, что в Германии не было собственных нефтяных промыслов и моторное топливо изготавливалось в основном синтетическим путем из местных угольных запасов.

По данным некоторых западных исследователей, в реализации проектов создания реактивных летательных аппаратов участвовал талантливый ученый Виктор Шаубергер. Скорее всего, этот австрийский инженер-моторостроитель являлся гением в своем деле; есть информация, что перед ним лично рейхсфюрером СС Гиммлером была поставлена практически невыполнимая даже в наше время откровенно фантастическая задача создания реактивного двигателя, работающего на обычной воде!

К слову сказать, не известны ни место рождения, ни возраст, ни образование, ни какие-либо другие данные, касающиеся личности уникального конструктора. Вполне вероятно, что «Виктор Шаубергер» — всего лишь придуманный нацистскими спецслужбами псевдоним, чтобы в целях соблюдения полной секретности проекта скрыть настоящее имя гениального конструктора.

Косвенные данные подтверждают, что, по распоряжению рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера, инженер Шаубергер как очень ценный научный сотрудник и талантливый конструктор был отправлен из Германии на одну из секретных баз,

расположенных в Южной Америке на большом горном плато в Андах. По причине того, что документально этот факт не подтвержден, некоторые западные исследователи считают, что Шаубергер работал на секретной базе нацистов в Антарктиде, на Земле Королевы Мод. Оттуда он иногда приезжал в командировки в Германию, чтобы испытать новую технику на тщательно охраняемых тайных полигонах.

Якобы именно в 1942 году Виктор Шаубергер создал модель реактивного двигателя, который работал на обыкновенной воде. Однако вскоре после этого уникального даже в наше время открытия и успеха гениальный конструктор, предположительно, нащупал некоторые пути, ведущие к созданию двигателя принципиально нового типа — антигравитационного. Косвенно об этом факте упоминают некоторые трофейные немецкие документы, хотя есть версия, что фашисты — большие мастера дезинформации и мистификации — специально вводили ученых других стран в заблуждение.

С другой стороны, по некоторым данным, фашисты вели суперсекретные исследования в области гравитации в лаборатории, расположенной в концентрационном лагере смерти Бухенвальде. Там над этим вопросом работал некий таинственный герр Блау. На одном из сайтов Интернета несколько лет назад встречалось упоминание о письме загадочного конструктора Шаубергера своему другу. В нем инженер говорил о некоей секретной конструкции, которая проходила испытания в феврале 1945 года.

В источнике говорится, что якобы в конце войны испытывался дискообразный летательный аппарат, скорее всего с антигравитационным двигателем. Участвовавших в работах заключенных после испытаний вернули в лагерь, и, по мнению Шаубергера, их дни были сочтены: война подходила к концу и было очевидно, что Германия проиграет. Значит, требовалось надежно сохранить все тайны и секреты, чтобы о них не узнал враг. Как сообщал в письме сам Виктор Шаубергер, модель дисколета «хорошо действовала, но вскоре ее уничтожили по личному приказу фельдмаршала Кейтеля». Секретный летательный аппарат с уникальным двигателем был взорван! Конечно же, это сделали так, чтобы не осталось никаких материальных следов для последующей экспертизы или восстановления целого по отдельным фрагментам.

Существовала версия и о внеземном происхождении существа, скрывавшегося под именем Виктор Шаубергер. Согласно предположениям, фашисты контактировали с инопланетянами, которые на тот момент посетили нашу планету,

и получали от них в обмен на необходимые материалы сведения о новейших технологиях и некоторые технические знания.

В 1945 году, находясь в Германии (возможно, на испытаниях нового летательного аппарата), конструктор по причине военной неразберихи, неизменно сопутствующей близкому поражению, не сумел заранее вернуться на секретную базу. Согласно некоторым сведениям, конструктор смог пробраться на Запад и таким образом избежал встречи с наступающими частями Красной армии, а дальше попал в плен к американцам.

По некоторым весьма сомнительным данным, представители разведки и деловых кругов США предложили Виктору Шаубергеру отличные условия работы и три миллиона долларов! Однако Шаубергер от предложенной суммы отказался и категорически отверг предложение о сотрудничестве, мотивировав это тем, что еще не наступила эра всеобщего и полного разоружения и сделанное им открытие пригодится человечеству в будущем.

Дальнейшие следы Виктора Шаубергера теряются. Единственное упоминание о нем — выложенное на одном из сайтов Интернета письмо, якобы датированное 1958 годом. Хотя нет точной уверенности, что это настоящее письмо гениального конструктора.

Потому на многие вопросы, — в частности, кем был Виктор Шаубергер в действительности, какова его дальнейшая судьба, удалось ли ему создать антигравитационный двигатель и реактивный двигатель, работающий на воде, — так и нет ответа.

Загадка непостроенного моста

После гибели Фрица Тодта в авиационной катастрофе на ответственный пост в министерстве вооружений и военной промышленности был назначен любимчик Адольфа Гитлера, его личный «придворный архитектор» Альберт Шпеер.

На одном из секретных совещаний в ставке Гитлера Генрих Гиммлер вручил Шпееру несколько листков бумаги с машинописным текстом.

— Прошу ознакомиться с документом и высказать свое мнение по этому поводу.

— Что это? — осторожно переспросил Шпеер. — Вы хотите, чтобы я был экспертом? Но компетентен ли я в этой области?

— Это справка, — ответил Шпееру рейхсфюрер СС. — Ознакомьтесь с ней.

Новоназначенный министр вооружений и военной промышленности взял предложенный ему главой «черного ордена» документ, в котором говорилось о вещах, казалось бы, весьма далеких от Второй мировой войны, — о том, что еще в конце XIX — начале XX века британцы проложили по дну Керченского пролива между Крымом и Кавказом телефонный кабель для связи империи с ее самой важной колонией — Индией, «жемчужиной британской короны».

Далее в документе сообщалось, что в 1901 году британское правительство рассматривало вопрос о создании проекта строительства железнодорожной магистрали небывалой суперпротяженности — от Лондона до Дели. В частности планировалось возвести гигантсткий мост через Ла-Манш и такой же через Керченский пролив. Но по неизвестной причине проект прикрыли, и все осталось на уровне планов, чертежей и докладных записок.

Наверняка ключом к бумаге, которую вручил Шпееру Гиммлер, являлся именно Керченский пролив: вермахт взял Крым и ведет ожесточенные бои на Кавказе. Фюрер также намеревался построить железнодорожную супермагистраль, ведущую в Индию. Но, в отличие от британского, немецкий проект начинался в Мюнхене, откуда стальные нити рельсов должны были протянуться в Крым, перешагнуть через Керченский пролив и оказаться на Кавказе, затем пойти на Ленкорань и через страны Персидского залива добраться до Индии.

Шпеер всерьез задумался, уж не принято ли в узком кругу или лично Гитлером окончательное решение о возрождении этого суперпроекта в связи с захватом Крыма и боями на Кавказе? Не

потому ли эта историческая справка и попала к нему? Что хочет услышать от него глава «черного ордена» Гиммлер? И вообще, это все фантазии политиков или реальная возможность добраться до Индии, куда так стремится фюрер? В последнем случае ответственность за воплощение этого плана могут возложить именно на него. Как же поступить?

— Вы изучили документ? — поинтересовался Генрих Гиммлер при очередной встрече со Шпеером.

— Да, — ответил тот. — Но мне совершенно непонятно, какое я имею к этому отношение? Суперпроекты англичан, подводные кабели в Индию…

Рейхсфюрер усмехнулся.

— Когда-то мы были в дружеских отношениях с СССР. Еще до начала войны они сделали заводам Германии определенный секретный заказ. Пожалуйста, ознакомьтесь с ним.

Из своей черной тонкой кожаной папки Гиммлер достал очередную стопку листков.

— Что вы об этом скажете?

Шпеер бегло пролистал эти документы. Теперь все стало ясно: там четко перечислялись детали, необходимые для строительства огромного моста.

— Мост? — переспросил Шпеер Гиммлера.

— Да. Мы предполагаем, что русские хотели перед войной в обстановке строжайшей секретности возвести супергигантский мост через Керченский пролив и заказали у нас на заводах все требующиеся металлоконструкции. Но теперь-то мы сами можем пустить их в дело!

Вполне естественно, что многое в этой запутанной истории находится на уровне гипотез, предположений или не подтвержденных никакими документами красочных рассказов свидетелей, воспоминаний очевидцев и тому подобного. Точных данных, трофейных или отечественных рассекреченных документов, в действительности подтверждающих существование уникального гигантского супермоста через Керченский пролив, нет. Но как бы то ни было, многие настаивают на том, что мост был.

По мнению некоторых западных исследователей, немцы, абсолютно уверенные в победе на юге России, отправили металлоконструкции, сделанные для уникального моста, к месту предполагаемого его строительства — под город Керчь, на берег Керченского пролива.

Вся эта гипотеза строительства супермоста основывается на косвенных подтверждениях, полученных советской авиаразведкой в 1943 году. Тогда, в период активной подготовки Керченской

операции, советские самолеты неоднократно курсировали над берегами Крыма и видели огромные штабеля профильного металла непонятного назначения. Как предполагалось, металлоконструкции складировались в районе завода имени Войкова. Поэтому командование Красной армии решило нанести по складам массированный артиллерийский удар. Приказ был незамедлительно приведен в исполнение. Затем о профильном металле доложили подпольщики и фронтовые разведчики, и, в результате, для выяснения подробностей, в тот район была направлена специально подготовленная группа фронтовой технической разведки.

Несмотря на сложные фронтовые условия, военные инженеры добрались до непонятных складов металлического профиля и принялись обследовать их под ни на минуту не прекращающимся артобстрелом. Техническая военная разведка сделала выводы и доложила руководству: немцы явно собирались построить гигантский мост. Однако еще не успели.

Согласно одной из версий, захватив складированные на крымском берегу гигантские профильные металлоконструкции, военные доложили о них в Москву, а там, недолго думая, решили использовать материал по назначению. Так развернулось строительство гигантского супермоста через пролив. Называют даже непосредственного производителя работ: Управление военно-восстановительных работ № 12 под командованием генерал-майора П. Зеронова.

Свидетели и участники тех событий даже называют даты, фамилии и имена некоторых известных в то время ученых и мостостроителей, принимавших непосредственное участие в проектировании и строительстве грандиозного сооружения. Якобы к 7 ноября 1944 года строительство почти пятикилометрового моста было завершено и по нему прошли первые поезда. Но затем, по причине недостаточной защиты от напора льда, мост рухнул весной 1945 года, во время сильного ледохода. Ходили слухи, что Берия хотел наказать виновных, но Сталин не разрешил.

Однако никаких документальных подтверждений (документов, фотографий, донесений разведки, авиаразведки, аэрофотосъемки и прочего) подобным рассказам нет. Как нет и документальных свидетельств с немецкой стороны. Поэтому, был ли построен супермост на самом деле, так и остается одной из многих до сих пор не раскрытых загадок Второй мировой.

Исчезнувший бомбардировщик

В 440 милях к югу от Бенгази, в центре Ливийской пустыни, покоятся обломки бомбардировщика военных лет. Это «Консолидейтед В-24 Либерейтор». На его фюзеляже хорошо видны номер «64» и выгоревшая на солнце надпись: «Леди, будьте послушной».

В апреле 1943 года бомбардировщик поднялся в воздух с аэродрома в Солуке, который находится на береговой полосе южнее Бенгази. Перед экипажем была поставлена задача атаковать вражеские цели в Италии. Больше самолет никто не видел. С тех пор прошло более шестнадцати лет.

В конце лета 1959 года в штаб-квартиру ВВС США поступило сообщение с базы Уилус в Ливии о том, что геологическая экспедиция наткнулась в пустыне на обломки самолета времен Второй мировой. Практически сразу же на транспортном самолете С-47 к месту аварии отправилась поисковая команда.

К удивлению поисковиков, металлические части бомбардировщика не имели признаков коррозии — благодаря сухому воздуху пустыни самолет превосходно сохранился. Он лежал на брюхе, правое крыло чуть поднялось, а левое зарылось в песок. Задняя часть фюзеляжа и хвост оторвались и лежали рядом. Один из его знаменитых лучеобразных двигателей «Туин Уосп» был оторван. Правое шасси валялось вдалеке, причем его шина все еще оставалась накачанной.

Вокруг в беспорядке были разбросаны кислородные баллоны, стальные каски, аптечки первой помощи, ремни портупей и предметы обмундирования. Поисковики заглянули внутрь фюзеляжа, но там было пусто. Совершенно изнемогая от нестерпимой жары, группа провела полный внутренний осмотр. Радиоприемник, на удивление, был в рабочем состоянии; теплый кофе неожиданно оказался пригодным для питья.

Очевидно, в момент катастрофы экипаж воспользовался парашютами. В последние минуты перед крушением бомбардировщик летел уже на автопилоте, вероятно, для того, чтобы сохранить устойчивость, когда члены команды покидали борт.

Вернувшись на базу Уилус, поисковики составили рапорт о находках на месте катастрофы и отправили его в Вашингтон. Из военных архивов ВВС США были извлечены подробные данные о бомбардировщике и его экипаже. Так была раскрыта тайна их последнего полета.

Экипаж «Либерейтора» № 64 состоял из девяти человек,

командовал им старший лейтенант Уильям Дж. Хэттон.

Четвертого апреля 1943 года перед Хэттоном и его экипажем была поставлена первая боевая задача: в составе двадцати пяти B-24 нанести удар по аэродромам противника под Неаполем. Вылетать надо было в 13.30, с тем чтобы попасть в район расположения целей в сумерках. Обратно самолету предстояло лететь уже в темноте, чтобы к полуночи вернуться в Солук.

Согласно архивным сведениям, одиннадцать B-24 атаковали главную цель, остальные бомбила второстепенная авиация. Некоторые самолеты поразил огонь зениток, у других, по причине поднявшейся песчаной бури, на пути домой отказали двигатели. В конце концов, к 24 часам все бомбардировщики вернулись на базу, кроме одного — «Леди, будьте послушной».

Примерно в полночь диспетчерская вышка в Бенгази получила вызов от пропавшего самолета. Хэттон сообщал, что не может найти аэродром из-за плотных облаков, окутавших все побережье Северной Африки, и что запас топлива почти на исходе. Командир запросил радиоориентир, с тем чтобы по наводке лететь в Бенгази.

Диспетчерская вышка дала ориентир, однако «Леди, будьте послушной» так и не вернулся домой. Поиск над морем, организованный на следующий день, был безуспешным, не удалось найти никаких следов бомбардировщика и его экипажа. Поисковики решили, что, потерпев катастрофу, самолет упал в Средиземное море.

Первой причиной, из-за которой случилась катастрофа, стала перемена погоды. Ветер изменился на северо-восточный и усилился, продвигая «Леди, будьте послушной» в южном направлении значительно быстрее, чем это предполагал его командир.

Второй причиной, помешавшей бомбардировщику благополучно вернуться, стал именно роковой радиоориентир.

Случилась фатальная ошибка. Фактический пеленг «Либерейтора» составлял 150 градусов от Бенгази, иначе говоря, самолет находился юго-восточнее аэродрома. По шкале компаса это было прямо противоположное направление. Оборудование на диспетчерской вышке не позволяло узнать о случившемся. Диспетчер был уверен, что B-24 держит верный курс. Да и как иначе, если принимаемый радиосигнал звучал при 150° точно так же, как при 330°.

«Леди, будьте послушной» и его экипаж летели в глубь пустыни навстречу гибели. В какой-то момент, когда топливо было практически на нуле, лейтенант Хэттон принял единственное верное решение: не имея шанса на безопасное

приземление в темноте пустыни, он отдал команду катапультироваться.

Спустя несколько лет после обнаружения обломков самолета «Леди, будьте послушной» ВВС США организовали наземный поиск в этом районе, чтобы узнать, какова же была дальнейшая судьба экипажа. В результате поисковая группа обнаружила три летных унта, уложенных в виде стрелки приблизительно в восьми милях от места катастрофы. Это был первый ключ к разгадке. Поисковики отправились в указанном направлении и обнаружили еще больше брошенных предметов; все это подсказывало маршрут, которым следовали летчики. Вероятно, экипаж надеялся на чудо и до последней минуты считал, что спасатели скоро их обнаружат.

Поисковики продвигались по мрачным следам, отмеченным теперь обрывками парашютной ткани — ее летчики использовали для зашиты от палящего солнца пустыни, а по ночам — от сильного холода. В конце концов, на краю этого страшного пространства, именуемого Великим песчаным морем, и этот след оборвался. Где-то тут экипаж самолета «Леди, будьте послушной» испытал предсмертную агонию, и песок, очертания которого непрерывно движутся и меняются под вихрями пустынных ветров, скрыл их последний приют.

Провал операции «Длинный прыжок»

Немецкая агентура заранее проинформировала свое руководство о возможном совещании глав стран антигитлеровской коалиции. С целью выявления дезинформации немцы тщательно перепроверили полученные разведданные, так как такое сообщение представляло слишком большую ценность и интерес для РСХА и абвера.

Естественно, решение о мерах по ликвидации Большой тройки руководство Германии приняло сразу же, причем на самом высоком уровне. Поэтому нацистские спецслужбы просто не могли вести работу наугад: в первую очередь им необходимо было точно знать, где именно будет проводиться конференция глав стран антигитлеровской коалиции и в какой период времени. Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер вызвал к себе начальника VI управления РСХА Вальтера Шелленберга.

— Есть сведения, — сказал Гиммлер, — что Сталин, Рузвельт и Черчилль хотят встретиться именно в этом году. Но где именно? Этот вопрос для нас очень важен.

Шелленберг сделал осторожное предположение, что вряд ли встреча Тройки состоится в Лондоне — советский вождь не согласился бы лететь туда. Путь был довольно опасным, поскольку маршрут проходил бы рядом с базами немецкой авиации, а истребители люфтваффе по-прежнему оставались очень грозным противником.

По мнению аналитиков нацистских разведслужб, Северная Африка тоже не являлась привлекательным вариантом для встречи.

Более возможным показался вариант встречи на Аляске или на Русском Севере. Но, так или иначе, следовало продолжать аналитическую работу, нацеливать агентуру на получение достоверной информации и готовить мощнейший террористический акт.

— Нужно заранее создать несколько независимых групп и предусмотреть различные варианты их действий в местах возможной встречи Тройки и если появится уникальный шанс, покончить со всеми одним махом, — поставил задачу перед своими сотрудниками глава «черного ордена» Гиммлер.

Вскоре из достоверных источников немецкие спецслужбы получили информацию о проведении встречи Большой тройки в Тегеране предположительно в конце ноября — начале декабря

1943 года. Предполагалось, что Сталин полетит туда с промежуточной посадкой в Баку. В Иране стояли советские и английские войска, введенные в страну осенью 1941 года по договору 1921 года. При наличии частей Красной армии Сталин мог чувствовать себя в относительной безопасности.

По указанию Гиммлера и Канариса было создано несколько специальных диверсионно-террористических групп, которыми руководили независимые друг от друга командиры. Знаменитый диверсант Отто Скорцени получил секретное задание в короткие сроки разработать, подготовить и осуществить операцию, закодированную под названием «Длинный прыжок». Целью ее было физическое уничтожение Сталина, Рузвельта и Черчилля.

Нацистские спецслужбы обоснованно рассчитывали на успех. Их позиции в Афганистане и Турции были довольно сильными, оттуда при необходимости они могли оперативно перебросить подкрепление своим диверсионно-террористическим группам: границы в горах совершенно не охранялись, а многие шейхи и родоплеменная знать кочевых племен были подкуплены нацистами или являлись их агентами.

Возможности у племенных вождей были огромны, мало того, старейшины по праву пользовались авторитетом среди местного населения, поэтому немцы обоснованно рассматривали их и их племена как свои опорные базы в приграничных районах Ирана и Афганистана.

Немецкую военную разведку представлял майор Франц Майер, а «черный орден» доверил вести свои дела в Иране Бертольду Шульце-Хольтусу.

Скорцени очень рассчитывал на их помощь и лично занимался подготовкой на секретных курсах диверсантов специально отобранной группы террористов, которой предстояло напасть на американское, советское и английское посольства в Тегеране, чтобы уничтожить всех находившихся там лиц. Исключений не делалось ни для кого, даже для местной прислуги — предусматривалось уничтожение людей и последующий взрыв выбранных объектов.

Параллельно с этим велась подготовка и немногочисленной — около восьмидесяти человек, — группы снайперов-диверсантов из прошедших спецподготовку членов СС, имевших определенный боевой опыт. Еще в середине июля 1943 года их тайно ночью сбросили на парашютах в районе афгано-иранской границы, где десант ожидали проводники.

Специальная группа Отто Скорцени тренировалась в Украине, в районе Винницы, где действовал известный советский разведчик Николай Кузнецов, выдававший себя за немецкого

офицера Пауля Зиберта. Он водил дружбу с офицером немецких спецслужб Остером. Задолжав Кузнецову крупную сумму денег, Остер предложил расплатиться иранскими коврами, которые он собирался привезти в Винницу из деловой поездки в Тегеран. Советский разведчик сразу же проинформировал об этом Центр.

Сведения о готовящемся на Большую тройку покушении в Тегеране поступали и из других источников, например, их получала и «Сикрет интеллидженс сервис», а не только советская разведка. Вообще, англичане имели в Иране и в сопредельных с ним странах отлично развитую агентурную сеть.

Нацисты старались вовсю: они проводили хорошо продуманные и тщательно подготовленные операции, забрасывая группу за группой и создавая даже в самом Тегеране опорные точки для своих многочисленных диверсантов и террористов.

Хорошо организованной сети немецкой агентуры в Иране и его столице Тегеране противостояли сотрудники советских резидентур внешней разведки НКВД в Тегеране и Мешхеде. Ими руководили И. Агаянц, П. Журавлев и В. Вертипорох. Из различных источников и по разным каналам советская разведка получала разрозненную информацию о готовящихся террористических актах.

Кроме того, в Иране против немцев довольно активно работали агентура и резидентуры английской разведки «Сикрет интеллидженс сервис», имевшие давние хорошие оперативные позиции в этом регионе. Еще в предвоенный период англичане тщательно готовились к борьбе с немецкой агентурой — рядом была Индия, «жемчужина британской короны», которой активно интересовался Адольф Гитлер. Привлекал его и Иран.

По данным западных источников, в августе 1943 года сотрудники английской разведки в Иране взяли в плен резидента Франца Майера и ликвидировали большую часть его агентурной сети. Затем в октябре англичане захватили другого немецкого резидента — Бертольда Шульце-Хольтуса и его агентов. Также англичане нанесли значительные удары по опорным точкам и базам нацистской разведки, где укрывались диверсанты и террористы.

Советские органы госбезопасности о таких успехах могли только мечтать. И хотя впоследствии писались книги и снимались фильмы об успехах советской разведки этого периода, таких впечатляющих результатов в борьбе с немецкой агентурой людям Лаврентия Берии достичь не удалось. Правда, чекисты уничтожили группу немецких десантников, выброшенных с парашютами, но им так и не удалось раскрыть и ликвидировать террористов и диверсантов из числа агентуры глубокого

внедрения, засланных немцами в Иран. По крайней мере, никаких данных об этом в зарубежных и доступных отечественных источниках нет.

Зато органы госбезопасности СССР предприняли поистине беспрецедентные меры по обеспечению безопасности Сталина, сопровождавших его лиц и прибывавших на Тегеранскую конференцию глав США и Великобритании.

Специально для охраны аэропорта и советского посольства в Тегеран были введены танковый полк и полк НКВД. Территорию посольства круглосуточно охраняло двойное кольцо автоматчиков НКВД. Как известно, Сталин пригласил президента США Рузвельта, в связи с опасностью теракта, остановиться в советском посольстве. И конечно же, все помещения прослушивались, а разговоры записывались на магнитную ленту.

Но осторожный Черчилль остановился все же в своем, английском посольстве, которое в Тегеране находилось по соседству с советским: здания стояли друг против друга. Чтобы обеспечить еще большую безопасность, улицу, на которой были здания посольств, перегородили стенами из плотного брезента так, что она совершенно не просматривалась извне.

Советское руководство разведки и органы госбезопасности сочли и эти меры недостаточными, поэтому въезд в город и выезд из него были строго закрыты для всех лиц без исключения. На время проведения встречи Большой тройки столицу Ирана отключили от всех видов связи. Все мероприятия начались накануне 28 ноября и закончились после 1 декабря 1943 года, когда самолеты лидеров стран антигитлеровской коалиции уже покинули аэродром Тегерана.

Таким образом, подготовленное немецкими спецслужбами покушение на лидеров союзников не состоялось. «Длинный прыжок» не получился…

Афера проекта «ХХ»

Попытки создания секретного сверхоружия не прекращались в Третьем рейхе даже в период кровопролитных боев на Восточном фронте, когда фашисты терпели одно поражение за другим и несли огромные потери. После катастрофы под Сталинградом фюрер приказал в срочном порядке ускорить все исследовательские работы, активнее проводить опыты и всевозможные испытания, чтобы побыстрее дать фронтовым частям новейшие образцы вооружений. Гитлер прекрасно знал: вскоре, глядя на успехи Красной армии, союзнические войска решатся выступить против Германии не только в Африке, но и в Европе. Тогда неизбежно придется воевать на два фронта, что всегда было роковым для немецкой армии.

Особенно положение обострилось после ожесточенной битвы на Курской дуге: тогда Гитлер жестко потребовал ускорить работы по вооружению. Рейхсминистр вооружений Шпеер заверил фюрера:

— Техническое превосходство Германии над ее противниками довольно скоро обеспечит перелом в ходе военных действий и принесет быструю победу! Мы усиленно работаем над чудо-оружием и постараемся в этом году вывести его на стадию полевых испытаний.

О каком же чудо-оружии говорил Шпеер? Неужели речь опять шла об атомной бомбе?

Тайна, скрывавшая необычный нацистский проект, несколько приоткрылась в апреле 1945 года, когда части 80-й дивизии США освободили узников лагеря смерти Бухенвальд. Это был один из самых крупных немецких концентрационных лагерей, официальная дата создания которого относится к 1937 году. Однако в действительности заключенные появились здесь еще за четыре года до этого, когда нацисты взяли власть в свои руки. Туда нацистский рейхсканцлер Адольф Гитлер направлял всех недовольных новым порядком.

Впоследствии лагерь принялись перестраивать и укрупнять силами заключенных. Предусматривалось, что они будут работать на расположенных поблизости предприятиях крупных военных фирм, в том числе на заводах Юнкерса. Кроме того, эсэсовцы, которые контролировали работу всех концентрационных лагерей, выделяли там специальные помещения для проведения сверхсекретных работ различного характера.

Когда американцы захватили Бухенвальд, один из узников лагеря, некто Лохман, сообщил офицеру армии США, что какое-то

время он жил в одной камере с человеком по имени Блау. Была ли это его настоящая фамилия, неизвестно. О себе Блау рассказывал, что занимал ответственный военный пост, но проштрафился и попал в лагерь.

Лохман считал Блау плохо образованным, ничего не понимающим в технике и физике. Однако эсэсовцы всячески ублажали таинственного Блау и вскоре увели его из камеры. Вероятно, туда он попал по причине своей несговорчивости, и ему решили дать понять, кто здесь хозяин.

От других узников, которые выполняли хозяйственные работы в закрытых частях лагеря смерти, Лохман узнал, что в отдельном бараке Блау создал целую секретную лабораторию и проводил там опыты под присмотром бдительных конвоиров.

Сообщение крайне заинтересовало американского офицера, и он поставил в известность об услышанном представителей разведки. Американцы проявляли повышенный интерес к научным разработкам и специалистам Третьего рейха, поэтому в лагерь немедленно прибыли «охотники за мозгами». Они детально допросили Лохмана и попытались отыскать Блау среди узников, но его там не оказалось.

Тогда оперативные работники группы «охотников за мозгами» принялись вести тщательную проработку всей документации, проверку находящихся поблизости промышленных предприятий и различных фирм, а также провели допросы всех, кто мог иметь хоть какое-то отношение к секретной эсэсовской лаборатории. И вскоре им удалось разыскать в одной из фирм человека, который рассказал, что поставлял реактивы и химикаты в лабораторию Блау. Он не знал никаких имен, но это уже была хоть какая-то зацепка.

Было выяснено, что эсэсовцы выполняли любые заказы «ученого узника». Однажды они запросили монацитный песок, однако здесь его не оказалось. Американцы проверили всю документацию и обнаружили, что за ним специальный курьер ездил в Стокгольм, в нейтральную Швецию. В период ведения на фронтах ожесточенных боев такие дорогостоящие поездки выглядели крайне подозрительно.

Но все же при проверке уцелевших списков военных чиновников нужного имени американцы не обнаружили. Вероятно, имя «Блау» (в переводе «голубой») было псевдонимом руководителя секретной лаборатории. Скорее всего, он получил его по причине нетрадиционной сексуальной ориентации. Как известно, Гитлер был нетерпим к гомосексуалистам. Возможно, по этой причине Блау и попал в концлагерь, где начал вести исследования. Но возникает вполне закономерный вопрос: начал

или продолжил?

Широко раскинутая американская сеть, куда стекалась любая информация о научных разработках в Третьем рейхе, и кропотливая работа по просеиванию, сортировке и анализу этой информации была вознаграждена находкой секретного документа, касающегося таинственного проекта «ХХ». В документе среди прочих упоминалось имя таинственного Блау.

Когда научные эксперты ознакомились с собранными материалами, они поняли, что немцы готовились к проведению экспериментов с… гравитационным полем! Возможно ли это на самом деле и кем был загадочный изобретатель и конструктор, скрывавшийся под псевдонимом Блау? Неизвестным гением, сумасшедшим или на редкость удачливым мошенником, умудрявшимся долгое время водить за нос гитлеровцев?

Итак, суть секретного проекта «ХХ» заключалась в том, что Блау разработал или открыл до того времени неизвестный принцип конструкции нового аппарата, который мог вырабатывать некие лучи, названные ученым ХХ-лучами. Построению экспериментальной модели аппарата предшествовала достаточно продолжительная теоретическая работа по расчетам неизвестных полей, возможно гравитационных.

Замысел конструктора-изобретателя Блау был прост и грандиозен. Получаемые посредством его генератора или неизвестной конструкции аппарата так называемые ХХ-лучи, которые, судя по немецким документам, являлись неизвестной ранее формой излучения, сами по себе оружием не являлись. Но их можно было использовать в военных целях. С помощью этих лучей якобы создавалось сильное антигравитационное поле или каким-то образом нарушалось гравитационное поле Земли. То есть теоретически при наведении пучка лучей на армаду самолетов противника машины должны были камнем падать на землю.

Судя по документации, руководимая Блау секретная лаборатория хотела создать экспериментальную модель генератора «ХХ-лучей». Но наступление союзнических войск помешало окончанию работ. Аппаратуру и всю относящуюся к проекту документацию эсэсовцы уничтожили или спрятали в надежно охраняемых тайниках, которые не обнаружены до сих пор.

Американцы всеми силами пытались разыскать загадочного человека, скрывавшегося под именем Блау, но безуспешно. Кто он и откуда, каково его настоящее имя, установить не удалось. В лагере не оказалось никаких документов, касающихся

таинственного Блау, и его самого не обнаружили ни среди мертвых, ни среди живых. На основании показаний узников, которые с Блау сталкивались хотя бы раз, был написан и размножен портрет конструктора и роздан сотрудникам спецорганов. Но он так и не был найден. По крайней мере, такова официальная версия.

Впоследствии, с пропагандистской подачи американцев, Блау стали считать ловким мошенником. Однако загадка гравитационного проекта «XX» (или грандиозной аферы?) так и осталась нераскрытой.

Конец «Шарнхорста»

Во второй половине 1943 года немецкая армия в России оказалась в критическом положении. Так как германская эскадра практически перестала угрожать судам, Британское Адмиралтейство, под нажимом своих советских союзников, согласилось возобновить проводку конвоев в Мурманск и Архангельск. Помня печальный опыт 1942 года, англичане решили отказаться от больших конвоев в 40 судов, а стали делить их пополам. Первого ноября из Архангельска для проверки было отправлено 13 пустых судов (RA-54A), а за полтора месяца без потерь было проведено три восточных (JW-54A, JW-54B, JW-55A) и два западных конвоя (RA-54A и RA-54B). Эти конвои непременно сопровождал походный эскорт из эсминцев, фрегатов и корветов, к которым на конечных участках пути примыкал также местный эскорт. Самый опасный участок располагался к югу от острова Медвежий. Там было задействовано ближнее прикрытие из крейсеров, а дальнее прикрытие, включавшее линкор, курсировало от 10 миль к осту до 200 миль к норд-весту от острова, прикрывая сразу оба конвоя, встречающиеся именно в этом районе.

Конвой JW-55A немцы заметили, однако не атаковали, и все 19 судов благополучно добрались до Кольского залива и Архангельска. Но 19–20 декабря на секретном совещании у фюрера главнокомандующий флотом адмирал Дениц проинформировал присутствующих, что «Шарнхорст» и 4-я флотилия атакуют следующий конвой. Поколебавшись два дня, Гитлер согласился на эту операцию, предоставив таким образом надводным кораблям последнюю возможность проявить себя в бою. Временный командующий ударным соединением контр-адмирал Эрих Бей 22 декабря получил приказ гросс-адмирала Карла Деница перейти на трехчасовую готовность. Для командира «Шарнхорста» капитана Фрица Хинтце это был первый дебютный выход в море в новой должности.

Конвой JW-55B состоял из 19 транспортов и танкеров. 20 декабря конвой вышел из Лох-Ю под охраной десяти эсминцев, четырех корветов и трех тральщиков. Навстречу ему выдвинулся конвой RA-55A, который сопровождали десять эсминцев, три корвета и тральщик. В Баренцевом море оба конвоя прикрывало Соединение 1 в составе крейсеров 10-й эскадры вице-адмирала Р. Бернета: флагманский «Белфаст», «Шеффилд» и тяжелый «Норфолк». Соединение 2, состоявшее из линкора «Дюк оф Йорк» (флаг командующего флотом метрополии адмирала Брюса

Фрэйзера), крейсера «Ямайка» и четырех эсминцев, должно было прикрывать JW-55B от 27° до 38° в. д., а затем вернуться в Скапа-Флоу, прикрывая RA-55A.

Двадцать второго декабря в 400 милях к западу от норвежского порта Тромсе конвой JW-55B был замечен немецкой авиацией. Командующий группой «Север» адмирал Шнивиндт почему-то подумал, что готовится высадка в Норвегию, но постепенно паника улеглась. Через два дня конвой снова обнаружили к северу от Норвегии и теперь четко определили, что он движется в сторону СССР. 25 декабря примерно в 9.00 германская подлодка U-601 сообщила в эфир точные координаты конвоя, и адмирал Дениц отдал приказ адмиралу Бею выйти на перехват.

Как видим, приказ содержал много противоречий: атаковать нужно было в любом случае и одновременно с тем прервать бой при появлении более сильного противника. Адмирал Бей намеревался атаковать конвой 26 декабря около 10.00 при условии, что погода и видимость будут благоприятными, а информация о силах противника достоверной. Итого, имея всего шесть часов сумерек и только 45 минут светлого времени, бой требовалось провести по возможности быстро.

Германское соединение («Шарнхорст», эсминцы Z-29, Z-30, Z-33, Z-34, Z-38) вышло в море около 19.00, а спустя четыре часа норвежский берег скрылся за горизонтом. Адмирал Бей поддерживал контакт со штабом военно-морской группы «Север» и в 3.19 командование флотом передало ему решение Германского Адмиралтейства: в случае ухудшения погоды эсминцы возвращаются на базу, а «Шарнхорст» действует в одиночку. Англичане тут же перехватили и расшифровали послание, и, когда Бей держал в руках новый приказ, британские адмиралы Бернет и Фрэйзер уже знали о его содержании. 26 декабря в 7.03 немецкое соединение, находясь в 40 милях к юго-западу от острова Медвежий, вышло к точке, где в утренних сумерках, около 10 часов, согласно расчетам, должна была состояться встреча с конвоем. Эсминцы вели поиск в 10 милях к юго-западу от «Шарнхорста», а их экипажи с 3.00 были в состоянии полной боевой готовности. В это время в море разыгрался шторм, и скорость эсминцев пришлось уменьшить до 10 узлов.

На вышедшем 23 декабря из Исландии соединении дальнего прикрытия, находившемся в 270 милях к западу от мыса Нордкап, адмирал Фрэйзер получил перехват «Ультры». В нем говорилось, что «Шарнхорст» направился к конвою. Расшифрованный британской разведкой приказ звучал так: «Остфронт (17.00).

„Шарнхорсту» выйти в море 25-го в 17.00». Адмиралу Фрэйзеру приказали приготовиться к бою, с тем чтобы отрезать немецкому линкору путь обратно в Норвегию. К 9.25 корабли Фрэйзера были уже в 125 милях к юго-западу от «Шарнхорста», а адмиралу Бернету сообщили о планах Фрэйзера и о содержании расшифровки «Ультры». Адмирал Фрэйзер отдал приказ 36-му дивизиону эсминцев из состава эскорта конвоя RA-55A, который заранее направили на север от предполагаемого района боя, идти на соединение с конвоем JW-55B (главной цели «Шарнхорста»). Вице-адмирал Бернет расположил вверенное ему соединение между конвоем и возможным направлением появления «Шарнхорста». Командующий советским Северным флотом адмирал А. Головко приказал подводным лодкам Л-20, К-21 и С-102 направиться в район мыса Нордкап и там перехватить немецкий рейдер. Эсминцы начали прогревать турбины, а самолеты на аэродромах спешно вооружались торпедами и бомбами.

Когда радар «Белфаста» 26 декабря в 8.40 обнаружил «Шарнхорст» с дистанции 33 000 метров по пеленгу 295°, на кораблях ближнего прикрытия прозвучал сигнал боевой тревоги. Немецкий рейдер в то время двигался приблизительно в 32 милях от конвоя, и три британских крейсера пошли на сближение с противником. На «Шарнхорсте» пока не знали о британских кораблях, так как радар на судне в целях большей скрытности был выключен. В 9.21 сигнальщики крейсера «Шеффилд» с дистанции 11 000 метров по пеленгу 222° обнаружили немецкий корабль, а через три минуты «Белфаст» с дистанции 8600 метров стал стрелять осветительными снарядами. В 9.25 первый залп с крейсера «Норфолк» не долетел до цели. С «Шарнхорста» прогремел ответный залп, и он на 30-узловой скорости стал уходить. «Белфаст» и «Шеффилд» стреляли беспламенным порохом, а «Норфолк» — более старым, который давал сильные демаскирующие вспышки. Преимущество британцев заключалось в артиллерийских радарах, а «Шарнхорста» — в скорости и орудийной мощи. Завязалась 20-минутная перестрелка, в течение которой в «Шарнхорст» попало три 203-миллиметрового снаряда. Первый угодил в верхнюю палубу с левого борта между палубной 150-миллиметровой установкой и торпедным аппаратом, однако не взорвался и прошел в кубрик водонепроницаемого отсека IX. Там возник пожар, который быстро потушили. Другой снаряд попал в носовые дальномеры, и его осколки посыпались на зенитную артиллерию, вследствие чего антенна носового радара была уничтожена, а весь персонал приемной радарной станции погиб. Таким образом, корабль неожиданно «ослеп» с носовых

углов, поскольку кормовой радар, находящийся гораздо ниже носового, имел ограниченный угол действия вперед. Третий снаряд попал в полубак и разорвал кубрик на части.

Пытаясь уклониться от боя, «Шарнхорст» несколько раз менял курс. В 9.55 адмирал Бей сообщил о схватке с английскими крейсерами, однако через несколько минут ему уже удалось оторваться от противника, который в штормовом море развивал скорость не более 24 узлов. Для сравнения, «Шарнхорст» мог развивать скорость на четыре — шесть узлов больше. В 10.30 36-й дивизион примкнул к крейсерам Бернета, создав тем самым кильватерную колонну слева и спереди от «Белфаста».

Быстро оторвавшись от преследования крейсеров, «Шарнхорст» опять возобновил поиски конвоя и к 12.00 вышел к северо-востоку от него. Через пять минут «Белфаст» восстановил радиолокационную связь с немцами, однако лишь в 12.21 британским крейсерам удалось сократить дистанцию. Как раз в то время «Шарнхорст» обнаружил их своим кормовым радаром, а затем и визуально. Англичане открыли огонь осветительными снарядами, однако линейный крейсер ответил им залпами из носовых башен и опять изменил курс на северо-запад, введя в бой кормовую башню. Этот неожиданный отворот помешал британским эсминцам начать торпедную атаку. Три залпа уничтожили концевой корабль 36-го дивизиона «Вираго», которому удалось проскочить под носом у крейсеров.

В 12.23 в кормовую трубу «Норфолка» попал снаряд. Почти одновременно с ним второй 283-миллиметровым снаряд ударил в барбет башни «X», выведя ее из действия. Чтобы избежать взрыва, погреба башни пришлось затопить. Но первое попадание было гораздо серьезнее. Снаряд пробил надстройку с правого борта и взорвался у самой обшивки левого борта, практически разорвав ее. Осколки уничтожили радарную установку, и крейсер уже не мог вести прицельный огонь. Семь членов экипажа «Норфолка» были убиты и пять ранены. Башня «В» произвела еще четыре залпа, используя старые данные, а затем «Норфолк» временно затих. Теперь градом крупных осколков стали засыпать «Шеффилд». Вследствие ошибочного приказа его артиллерийского офицера интенсивность огня существенно снизилась (вместо стрельбы всем бортом крейсер перешел на побашенную). В 12.41, когда ситуация стала критической для англичан, все-таки «Шарнхорст» существенно превосходил три крейсера, адмирал Бей неожиданно изменил курс и увеличил скорость. Он принял решение не продолжать изматывающий бой с крейсерами, поскольку его основной целью был все-таки конвой. После окончания этой фазы боя с юго-запада подошли

корабли адмирала Фрэйзера, а крейсеры Бернета все также держались за пределами огня «Шарнхорста», поддерживая радиолокационный контакт и сообщая координаты противника на свой линкор.

Экипажи немецких эсминцев видели осветительные снаряды, которые английские крейсеры выпускали в утреннем бою, однако они находились далеко от «Шарнхорста». Адмирал Бей отдал им приказ идти на северо-восток, чтобы соединиться с флагманом, однако в 11.58 опять послал их на запад с целью разыскать конвой. Далее «Шарнхорст» и немецкие эсминцы уже не контактировали между собой. Около 13.00 эсминцы, даже не подозревая этого, прошли всего в 15 000 метрах к югу от конвоя. В конце концов в 13.43 адмирал Бей приказал им прекратить поиск и возвращаться на базу. На следующий день, около 10.00, эсминцы вернулись в Каафиорд. Именно их отсутствие в финальной фазе боя у мыса Нордкап стало роковым для «Шарнхорста», поскольку при выходе из строя его носового радара эсминцы могли бы заранее обнаружить противника и помочь флагману отражать торпедные атаки. Мало того, сами эсминцы являлись грозными противниками для английских кораблей, так как имели 150-миллиметровые орудия и по восемь торпедных аппаратов.

Около 13.15 адмирал Бей принял решение вернуться на базу, не вступая больше в столкновения. Экипаж корабля расположился на обед, однако все по-прежнему находились в боевой готовности. Чтобы не дать себя обнаружить, кормовой радар выключили. В 15.25 Бей сообщил в штаб группы «Север» о предполагаемом времени своего возвращения. Он не знал, что направляется как раз на пересечение курса «Дюк оф Йорка», «Ямайки» и четырех эсминцев, которые по радио наводились на него крейсерами. С разбитым носовым радаром и выключенным кормовым, который не мог производить поиск прямо по курсу, «Шарнхорст» медленно и верно двигался в ловушку, как мышь в мышеловку. В 75 кабельтовых сзади (при видимости в 70), словно стая гончих, сомкнувшись в строе, чтобы не забивать лишними отметками экраны своих радаров, шли крейсеры Бернета и 36-й дивизион.

Погоня продолжалась более трех часов. В какой-то момент ситуация могла измениться в благоприятную для «Шарнхорста» сторону. Так, «Норфолк» снизил скорость, чтобы потушить пожар, а спустя несколько минут до восьми узлов сбросил скорость и «Шеффилд», на котором сломался кронштейн левого внутреннего гребного вала. Однако уже в 16.17 поисковый радар британского линкора засек противника на дистанции 225 кабельтовых. «Шарнхорсту» оставалось жить считаные часы. Фрэйзер отдал

приказ продолжать слежение до того момента, пока корабли не сблизятся на дистанцию действенного огня.

В 16.32 артиллерийский радар типа 284 на «Дюк оф Йорк» нащупал цель в 147 кабельтовых (27 200 м) и спустя 11 минут Фрэйзер отдал приказ «Белфасту», единственному крейсеру Бернета, который мог вступить в бой, выстрелить осветительными снарядами, а своим эсминцам — быть готовыми к торпедной атаке по сигналу адмирала. «Дюк оф Йорк» и «Ямайка» легли на курс 80°, чтобы использовать в бою и кормовые башни. Так немецкий корабль оказался зажат между Соединениями 1 и 2.

В 16.47 в небе неожиданно разорвались снаряды первого залпа. Однако на «Шарнхорсте» башни главного калибра были развернуты в походное положение, что немало удивило англичан. «Дюк оф Йорк» открыл стрельбу осветительными 133-миллиметровыми снарядами, а затем начал стрелять залпами с дистанции 11 000 метров. В 16.52 к нему с дистанции 12 000 метров удачно присоединился крейсер «Ямайка», его третий залп попал в цель. Хотя для «Шарнхорста» такое нападение оказалось неожиданным, после разрыва осветительных снарядов он сразу же открыл ответный огонь и немедленно повернул на север. Но немецкие 283-миллиметровые снаряды не могли пробить надежную броню, защищавшую жизненно важные части английского линкора. 356-миллиметровые снаряды первого же залпа попали в правый борт «Шарнхорста», как раз напротив башни «Антон». Башню с поднятыми орудиями заклинило, приводы горизонтальной и вертикальной наводки вышли из строя. В погребах от раскаленных осколков вспыхнул пожар, причем осколки пробили и огненепроницаемую дверь в погреба башни «Бруно». Погреба обеих башен сразу же были затоплены, однако под башней «Бруно» их осушили довольно быстро, и это практически не сказалось на скорости ее стрельбы. Люди работали по пояс в ледяной воде, стараясь спасти хотя бы часть боезапаса. Поврежденному кораблю удавалось поддерживать довольно высокую скорость. Второй снаряд попал в вентиляционный канал башни «Бруно», поэтому ее боевое отделение после каждого залпа заполнялось газами и дымом. Еще один снаряд разорвался около башни «Цезарь» и осколком пробил в батарейной палубе отверстие. Дыру быстро заделали, но отсеки, где разорвался снаряд, затопило водой и их не осушили. Осколки снаряда буквально обсыпали два самолета, изрешетили несколько зенитных орудий, уничтожив большую часть их обслуги. После этого капитан цур зее Хинтце отдал приказ уцелевшим членам экипажа укрыться.

Несмотря на повреждения, «Шарнхорст» все еще сохранял

преимущество в скорости и вскоре начал отрываться от противника. Его смог преследовать только эсминец «Сэведж», который немцы никак не могли «сбросить с хвоста», хотя снаряды разрывались от него буквально в 20 метрах. Эсминцу удалось подойти так близко, что он мог бы обстрелять «Шарнхорст» торпедами. Но приказ о торпедной атаке «Сэведж» так и не получил, поэтому был вынужден повернуть. «Шарнхорст», под перекрестным обстрелом «Белфаста» и «Норфолка», свернул на восток и 30-узловым ходом начал быстро отрываться от противника. Фрэйзер приказал эсминцам атаковать «Шарнхорст», но те никак не могли подойти близко к цели. «Сэведж» и «Сомарец» шли слева сзади, а «Сторд» и «Скорпион» — справа и сзади от преследуемого противника. В 17.42 дистанция между противниками увеличилась настолько, что «Ямайка» прекратила огонь. И только флагману Фрэйзера удавалось методично обстреливать удаляющийся «Шарнхорст».

Англичане стреляли довольно метко: на немецком корабле одна за другой выходили из строя орудийные башни, осколки тяжелых снарядов проникали даже в погреба, выводя из строя работавшую на подаче обслугу. А около 18.00 в правый борт угодил снаряд, который пробил тонкий пояс верхней цитадели (45 мм) и батарейную палубу, срикошетил вдоль 80-миллиметровой нижней бронепалубы и в результате взорвался в котельном отделении № 1. Удар и взрыв были такой силы, что на корабле сначала решили, что это торпедное попадание. Были повреждены многие паропроводы четырех расположенных в этом отделении котлов. Осколки снаряда изрешетили двойное дно, вследствие чего отделение быстро затопило до уровня настила пола. Скорость корабля сразу же упала до восьми узлов. Были срочно предприняты аварийные меры, но при задраивании водонепроницаемых дверей и люков в котельном отделении, как в ловушке, оказались запертыми двадцать пять человек. Давление пара быстро увеличили, и старший механик фрегатен-капитан Отто Кениг сообщил на мостик: «Могу дать ход 22 узла». Командир корабля Хинтце ответил: «Браво, держите его!»

«Шарнхорст» вел огонь с дистанции 15–20 тысяч метров, и несколько его залпов достигли «Дюка оф Йорка».

В ходе обстрела, продолжавшегося уже полтора часа, «Шарнхорст» получил серьезные повреждения. Его надстройки во многих местах изрешетили осколки или прямые попадания снарядов. То и дело на корабле вспыхивали пожары, иногда сопровождавшиеся взрывами. В этих тяжелых условиях экипаж, не теряя присутствия духа, продолжал работать. Так, пожар в ангаре, уничтоживший два гидросамолета, погасили за 10 минут, однако

попытка запустить оставшийся самолет с катапульты оказалась безуспешной, поскольку были уничтожены запасы сжатого воздуха. Были полностью уничтожены или выведены из строя практически все артиллерийские установки и торпедный аппарат левого борта. Уцелевшая обслуга получила приказ укрыться и продолжать борьбу с пожарами. В 17.30 снаряды разорвались в обеих носовых 150-миллиметровых башнях: правая была полностью уничтожена, причем погибли все люди в башне и на подаче, а левую заклинило. Через 10 минут она тоже вышла из строя.

Несмотря на ураганный огонь, торпедный офицер бросился к торпеднму аппарату левого борта еще до того, как он был выведен из строя. Ему удалось развернуть аппарат и выпустить две торпеды, а третью заклинило в трубе. Этот офицер героически погиб. В полубак попал снаряд и разорвал цепь правого якоря, который с остатками цепи упал в море. Вскоре то же произошло и с носовым якорем.

Контр-адмирал Бей понял, что его окончательно загнали в угол, и в 18.24 отправил свою последнюю радиограмму Гитлеру: «Мы будем сражаться до последнего снаряда».

В 18.42 «Дюк оф Йорк» прекратил вести огонь. Его атака была довольно успешной — 13 прямых попаданий. На «Шарнхорсте» погибло большое количество людей и были выведены из строя практически все 150-миллиметровые орудия. Однако корабль все еще шел с высокой скоростью, и адмирал Фрэйзер, опасаясь, что противник ускользнет, приказал эсминцам начать торпедную атаку.

В связи с падением скорости «Шарнхорста» эсминцы типа «S» из Соединения 2 быстро приблизились к нему на 60 кабельтовых. Немецкий корабль был беззащитен перед их атаками, что позволило эсминцам подойти на дистанцию торпедного залпа. Около 18.50 «Сторд» и «Скорпион» на правой циркуляции выпустили по восемь торпед с дистанции 1650 и 1900 метров. «Шарнхорст» резко увернулся вправо, но три торпеды все же достигли цели. Своим поворотом корабль подставил борт эсминцам «Сэведж» и «Сомарец», и они сразу же этим воспользовались. Первый выпустил восемь торпед, а второй, сблизившись до 1600 метров, попал под беспорядочный огонь немногих уцелевших мелких орудий правого борта и одной башни главного калибра немецкого судна. Снаряды уничтожили на эсминце дальномер, борт и надстройки были повреждены осколками, скорость эсминца упала до 10 узлов. На корабле погибли офицер и 10 матросов, 11 человек получили ранения. Для расчета одного торпедного аппарата (второй был разбит)

набрали новых людей. Выпустив четыре торпеды, «Сомарец» развернулся, спешно ставя дымовую завесу. Подожгли даже дымовой буй на корме, после чего команда решила, что эсминец горит, и затопила кормовые погреба.

Информация о торпедных повреждениях «Шарнхорста» довольно скудная. Одна торпеда взорвалась с правого борта, напротив башни «Бруно», заклинив в ней приводы горизонтальной и вертикальной наводки, а также главный входной люк, из-за чего люди не могли выбраться на палубу. Другой торпедой было уничтожено котельное отделение левого борта. Третья торпеда ударила в корму с левого борта, как раз в то место, где уже несколько отсеков были затоплены, и повредила гребной вал. Четвертая торпеда угодила с того же борта в нос. Кстати, все торпеды имели заряд 340 килограммов.

Скорость «Шарнхорста» снизилась до 12 узлов. Гибель немецкого рейдера была уже очевидной. «Шарнхорст» даже не мог достойно отвечать противнику: две его носовые башни заклинило, а на третьей не хватало снарядов.

Корпус «Шарнхорста» медленно заполнялся водой, скорость корабля упала до пяти узлов, и он почти не слушался руля. Фрэйзер дал приказ крейсерам выпустить по «Шарнхорсту» торпеды.

В 19.25 «Ямайка», до этого давшая по врагу 22 бортовых залпа, выпустила две торпеды из левого аппарата. Еще тремя торпедами выстрелил «Белфаст». Затем «Ямайка» развернулась и, сблизившись до 3500 метров, выпустила три торпеды с другого борта. «Маскетир», пройдя в 900 метров от плетущегося трехузловой скоростью «Шарнхорста», выстрелил четырьма торпедами на правый борт. Прозвучало три взрыва. Затем выпустить торпеды попытался «Матчлесс», однако его накрыло огромной волной, повредившей механизмы наводки аппаратов. Вторая волна окатила мостик и вывела из строя приборы внутрикорабельной связи, потому приказ «повернуть аппараты направо» торпедный офицер не услышал. «Матчлесс» развернулся, чтобы атаковать левым бортом. «Оппортьюн» выпустил торпеды, которые попали в правый борт линейного крейсера, между грот-мачтой и трубой. Эффект от их взрыва был незначителен, поскольку «Шарнхорст» и без того уже глубоко сидел в воде, а торпеды попали в главный броневой пояс. В 19.34 с дистанции 2500 метров семь торпед выпустил «Вираго», две из них попали в цель. После этого немецкий корабль остановился, окутавшись густым дымом и паром. С английских кораблей было невозможно что-либо разглядеть — виднелось лишь тусклое зарево и доносились глухие взрывы. Пелена дыма была такой

плотной, что ее не могли пронзить ни лучи прожекторов, ни осветительные снаряды.

Около 19.00 командир «Шарнхорста» отдал приказ уничтожить все секретные документы. Корабль стал крениться на правый борт и погружаться в воду носом. Последняя башня 150-миллиметровых орудий стреляла, пока у нее не заклинило подъемник боезапаса. Продолжало вести огонь 20-миллиметровое орудие на крыше башни «Бруно». К 19.40 крен значительно увеличился, а носовая часть практически ушла под воду. Чтобы отсрочить затопление, все люки и водонепроницаемые двери подкреплялись. Но торпедные повреждения лишили корабль большей части запаса плавучести. Конец был близок. В 19.45 «Шарнхорст» носом ушел под воду с медленно вращавшимися винтами. Еще какое-то время из-под воды доносился ужасный грохот. Англичане услышали перед затоплением сильный взрыв, очевидно, то были погреба. В 19.48 «Белфаст» собирался вновь атаковать противника торпедами, но цель пропала. «Матчлесс» также не нашел «Шарнхорста» и вместе со «Скорпионом» стал подбирать барахтавшихся в ледяной воде людей. До 20.40 эсминцы «Белфаст» и «Норфолк» продолжали операцию по спасению. «Скорпион» подобрал 30 человек, и какое-то время с него видели командира корабля Хинтце и старшего офицера фрегатен-капитана Ф. Доминика. Однако Хинтце скончался, прежде чем подошла помощь, а Доминик, хотя и смог дотянуться до брошенного линя, был настолько обессилен, что его подняли уже мертвым. Из экипажа в 1968 человек спаслись только тридцать шесть.

Адмирала Фрэйзера поразили героические действия немецкого экипажа. На обратном переходе в Скапа-Флоу из Мурманска, когда «Дюк оф Йорк» проходил место гибели «Шарнхорста», он отдал приказ сбросить в воду венок в память о выполнивших свой воинский долг немецких моряках.

Неудавшееся покушение на Сталина

После разгрома летом 1943 года фашистских частей на Курской дуге в Берлине четко осознали, что поражение Третьего рейха уже не за горами. Тогда, пытаясь оттянуть момент полного фиаско, нацистская верхушка сделала ставку на организацию секретных операций, целью которых являлось уничтожение лидеров союзников.

Но уже первая подобная операция под кодовым названием «Длинный прыжок» (где предполагалась ликвидация Сталина, Рузвельта и Черчилля во время их встречи в Тегеране в ноябре 1943 года) окончилась полным провалом.

В числе других специальных операций немецкие спецслужбы разработали и операцию, которая стала знаменитой как «Дело Шилова-Таврина». Она считается одной из самых серьезных попыток организовать теракт против Сталина и других первых лиц Советского Союза.

Главным действующим лицом событий должен был стать человек по фамилии Шилов, более известный как Таврин. В биографии Петра Ивановича Шилова — 1909 года рождения, из кулаков — до начала 1930-х годов ничего интересного нет. Но потом в его жизни произошло событие, о котором позднее на одном из допросов Шилов вспоминал: «В 1932 году, работая в городе Саратове, я был арестован за растрату 1300 рублей государственных денег. В связи с тем что меня должны были предать суду, я, боясь строгой ответственности, бежал из тюрьмы, проломав с группой арестованных стену в тюремной бане. В 1934 и 1936 годах я также арестовывался милицией за растраты, но в обоих случаях совершал побеги. В 1939 году я по фиктивным справкам получил документы на имя Таврина».

Итак, по новым документам, Петр Иванович Таврин родился в 1909 году в селе Бобрик Нежинского района Черниговской области УССР. Имел незаконченное высшее образование, благодаря которому устроился на работу начальником Туринской геологоразведочной партии Исыковского приискового управления на Урале. 14 августа 1941 года был призван в Красную армию. Как командир пулеметной роты Таврин был направлен на Калининский фронт. И, исходя из того, что в начале 1942 года его приняли кандидатом в члены ВКП(б), воевал он хорошо. Однако 29 мая 1942 года его вызвал к себе уполномоченный особого отдела полка капитан Васильев и прямо спросил, почему он сменил фамилию. Поняв, что особому отделу известно о его прошлом, Таврин, которого на следующий же день послали в

разведку, перешел на сторону немцев.

Недоверчивые немцы активно допросили Таврина, но тот упрямо гнул свою линию: что якобы он — сын полковника царской армии, из-за этого стал жертвой репрессий в СССР, поэтому перешел на сторону нацистов.

Однако сначала к нему отнеслись как к обычному военнопленному и отправили в лагерь, находившийся на оккупированной советской территории, а потом в Германию. В июне 1943 года к Таврину, пребывавшему в венской тюрьме за попытку к бегству, пришли офицеры гестапо Байер и Тельман и предложили работать на нацистскую разведку. Таврин согласился. Уже в августе 1943 года он был переведен в спецлагерь СД под Зандбергом и зачислен в особую команду из 23 человек, которых немцы планировали использовать для активной работы на территории Советского Союза.

В конце августа Таврин прибыл в Берлин к начальнику восточного отдела VI управления РСХА оберштурмбаннфюреру Грефе. Тот детально расспросил его о прошлой жизни и причинах, побудивших дать согласие на сотрудничество. Далее Грефе коротко проинформировал Таврина о заданиях, которые ему предстоит выполнять в советском тылу, а именно разведке, диверсионных операциях и терроре. Новобранцу дали время поразмышлять на досуге о том, в чем он сможет быть максимально полезным, и отправили обратно в Зандберг.

В начале осени 1943 года в лагерь под Зандбергом прибыл генерал Власов, чтобы приступить к формированию частей из советских военнопленных. Его сопровождал Жиленков, бывший секретарь Ростокинского райкома партии, с которым Таврин познакомился еще в 1942 году в Латценском лагере (Восточная Пруссия). Выбрав удобный момент, он сообщил Жиленкову, что согласился сотрудничать с немецкой разведкой, и о разговоре с Грефе. Впоследствии Таврин рассказывал о том, что, выслушав его, Жиленков стал говорить о необходимости совершения террористического акта против Сталина. Он считал, что за этим последует победа Германии и неизбежный крах Советского государства.

Спустя несколько дней Таврина снова вызвал Грефе и спросил о принятом решении, на что услышал положительный ответ. Тогда оберштурмбаннфюрер предложил Таврину спланировать покушение на Сталина, рассказав подробно, какие средства потребуются для этой операции. Таврина поселили в гостинице, и вскоре к нему пришел Жиленков. Совместно они проработали детальный план организации покушения на «вождя народов». В конце концов было принято решение, что самый

реальный вариант — совершить теракт во время торжественного заседания или собрания на высоком правительственном уровне. План доработали и с подписью Таврина представили Грефе, который его в целом одобрил.

В конце сентября 1943 года Таврин поступил в распоряжение начальника гауптkоманды «Цеппелин» штурмбаннфюрера Отто Крауса и прибыл в Псков, где располагалась разведшкола. Там он занимался физической подготовкой и упражнялся в стрельбе из различного оружия. Шестого ноября Таврина опять вызвали в Берлин и после очередного разговора с Грефе направили в Ригу для дальнейшей подготовки, отработки легенды и подбора экипировки. Туда же 5 декабря приехала жена Таврина Лидия Яковлевна Адамчик, которая под фамилией Шилова начала подготовку в качестве радистки.

В январе Грефе погиб в автокатастрофе и куратором Таврина стал штурмбаннфюрер Хенгельхаупт. К середине 1944 года план предстоящей операции был подробно разработан. После переброски через линию фронта Таврин должен прибыть в Москву, пользуясь документами заместителя начальника контрразведки СМЕРШа 39-й армии 1-го Прибалтийского фронта. В столице документы следовало заменить. Всего у Таврина было несколько комплектов воинских документов и множество чистых бланков, печатей и штампов. Таврин должен был снять частную квартиру для жилья, прописаться как отпускник, получивший ранение, и заняться поиском лиц, имеющих отношение к обслуживанию правительства: стенографисток, машинисток, телеграфисток. Предполагалось, что с ними в целях получения необходимой информации псевдораненый будет вступать в интимную связь.

«Через таких знакомых женщин, — рассказывал Таврин, — я должен был выяснить места пребывания руководителей советского правительства, маршруты передвижения правительственных машин, а также установить, когда и где должны прходить торжественные заседания или наиболее важные собрания с участием руководителей советского правительства… Для проникновения на торжественные заседания с участием членов правительства я должен был использовать изготовленные немцами на мое имя документы Героя Советского Союза и соответствующие знаки отличия. Перед переброской через линию фронта мне были даны: медаль „Золотая Звезда” Героя Советского Союза, орден Ленина, два ордена Красного Знамени, орден Александра Невского, орден Красной Звезды и две медали „За отвагу”… Проникнув на торжественное заседание, я должен был, в зависимости от обстановки, приблизиться к Сталину и

стрелять в него отравленными и разрывными пулями».

Кроме вышеупомянутых пистолетов, Таврин был также вооружен специальным аппаратом «панцеркнакке» — небольшим стволом, крепящимся с помощью специального манжета к правой руке и свободно маскирующимся в рукаве. Ствол заряжался реактивным снарядом, который приводился в действие нажатием спрятанной в кармане кнопки, соединенной проводом с электрической батарейкой. Стрельба велась бронебойно-зажигательными снарядами, которые пробивали броневые плиты толщиной до пяти сантиметров. Такое устройство Таврин должен был использовать в случае, если покушение произойдет на улице и он решит стрелять в бронированную правительственную машину.

Переброска Таврина и Шиловой через линию фронта произошла ночью с 4 на 5 сентября 1944 года на специальном самолете с каучуковыми гусеницами, который мог приземляться на необорудованные площадки. Вылетев с рижского аэродрома, самолет направился к Ржеву, где планировалось высадить чету Тавриных. Однако в районе Можайска самолет обнаружил пост наблюдения ПВО, а над станцией Кубинка его обстреляли. По этой причине самолет развернулся и приземлился в районе деревни Яковлево Кармановского района Смоленской области. Таврин и Шилова сели на мотоцикл и спешно покинули район посадки.

Между тем начальник Гжатского РО НКВД капитан Иванов, получив информацию от поста воздушного наблюдения, передал ее начальнику Кармановского РО НКВД старшему лейтенанту Ветрову. Последний, прихватив группу захвата из пяти человек, выдвинулся в район посадки самолета. Местные жители рассказали лейтенанту, что из самолета на мотоцикле появились мужчина и женщина в военной форме, а учительница Алмазова сообщила, что указала им дорогу в райцентр Карманово, после чего они уехали в сторону деревни Самуйлово. Диверсантов поймали в поселке Карманово. Ветров попросил документы у ехавшего на мотоцикле майора, который предъявил удостоверение личности на имя Таврина Петра Ивановича, заместителя начальника отдела контрразведки СМЕРШ 39-й армии. Его спутница в форме младшего лейтенанта предоставила документы на имя Шиловой Лидии Яковлевны, секретаря того же отдела. Ветров предложил паре проехать в РО НКВД для выяснения личностей. Таврин отказался, сославшись на то, что ему, как прибывшему по срочному вызову с фронта, дорога каждая минута. Однако Ветров настаивал, и Таврин был вынужден подчиниться.

В РО НКВД срочно запросили Москву. Вскоре пришел ответ, что в Главное управление СМЕРШ Таврин и его спутница не вызывались, а в отделе контрразведки СМЕРШ 39-й армии таковые вообще не числятся. После этого липовый майор был сразу же арестован. Он тут же сознался, что служит немецким агентом. При личном обыске и в мотоцикле было обнаружено три чемодана с разными вещами, четыре орденские книжки, пять орденов, две медали, «Золотая Звезда» Героя Советского Союза и гвардейский значок, ряд документов на имя Таврина, денег совзнаками 428 000 рублей, 116 мастичных печатей, семь пистолетов, два охотничьих ружья центрального боя, пять гранат, одна мина и много боеприпасов.

Задержанных переправили в Москву, где ими вплотную занялась контрразведка. Во время следствия Таврин и Шилова дали полные информативные показания и выразили желание сотрудничать с НКГБ. Этот шанс на Лубянке упустить не могли. Было решено начать с Берлином радиоигру под кодовым названием «Туман». Во время первого сеанса в октябре 1944 года в эфир ушла радиограмма, в которой Таврин сообщал о благополучном прибытии в столицу СССР. В ходе последующей двусторонней радиосвязи с немецким разведцентром удалось раскрыть и обезвредить несколько агентурных групп, работающих на советской территории. Последняя радиограмма в Берлин была отправлена 9 апреля 1945 года, но она осталась без ответа.

А 1 февраля 1952 года уголовное дело по обвинению Шилова Петра Ивановича и Адамчик Лидии Яковлевны по статьям 58–1а (измена Родине) и 58–8 УК РСФСР было рассмотрено в закрытом судебном заседании Военной коллегии Верховного суда СССР без участия гособвинения и защиты. Пару приговорили к высшей мере наказания — расстрелу. Ходатайства о помиловании Президиум ВС СССР отклонил. Приговор в отношении Шилова привели в исполнение 28 марта 1952 года, его жены — 2 апреля.

Удар по Югославии — операция «Ход ферзя»

Югославия была захвачена немецкими оккупантами весной 1941 года. Разрозненные части разбитой югославской армии перешли на партизанскую войну. В июне 1941 года, после нападения Германии на Советский Союз, в партизанскую борьбу активно включились и югославские коммунисты. Но вследствие политических разногласий и личных амбиций партизанские группы стали вести войну и между собой. В развитии и успехах партизанского движения в Югославии выдающуюся роль сыграл коммунистический деятель Иосип Броз Тито. Благодаря его усилиям и была создана Народно-освободительная армия Югославии (НОАЮ). Огромное влияние, умелое руководство, железная дисциплина и организованность заставили англичан видеть в Тито довольно-таки ценного союзника и оказывать всяческую поддержку его партизанской армии. К 1943 году партизанское движение практически на всей территории Югославии достигло пика своей масштабности. НОАЮ состояла из более 250 тысяч мужчин и женщин. Они были разделены на 37 дивизий, объединенных в 11 корпусов, 22 отдельные бригады, 25 отдельных батальонов и более ста других подразделений. Партизаны сумели отвоевать почти треть территории страны. Но ими не были захвачены главные города, дороги и железнодорожные пункты.

Не раз тысячи солдат, сотни единиц техники и целые эскадрильи люфтваффе безуспешно гонялись за ускользающей тенью противника.

Командующий юго-восточной группировкой германских войск генерал-оберст Лер единственный возможный выход видел в нанесении решающего удара прямо в сердце партизанского движения — убить или хотя бы захватить в плен самого маршала Тито.

Осенью 1943 года в ходе пятого по счету наступления германских войск Тито пришлось снова перенести свой штаб, на этот раз в окрестности боснийского городка Дрвар. Штаб оборудовали в пещере, скрытой в узкой расселине в горах, окружающих город. Пещеру было почти невозможно обнаружить, чтобы нанести по ней удар с воздуха. Мало того, в ней имелся запасной выход — на случай прорыва наступающих частей немецкой армии.

Датой операции «Ход ферзя» было выбрано 25 мая.

Германское командование планировало привлечь к активным действиям первоклассные боевые подразделения.

Опытные немецкие командиры четко понимали, что только высадка воздушного десанта застанет противника врасплох и сможет обеспечить полный успех задуманного. Основную часть операции предстояло выполнить 500-му парашютно-стрелковому батальону СС, он был создан для выполнения специальных операций и не являлся элитным подразделением, в отличие от воздушно-десантных частей люфтваффе. Более половины батальона составляли добровольцы, остальные набирались в штрафных частях. Тем не менее все они прошли специальную подготовку, а офицеры и унтер-офицеры были профессиональными военными, имеющими за плечами немалый опыт боевых действий.

Первую группу парашютистов численностью 314 человек планировалось сбросить над Дрваром ровно в 7.00. Она была поделена на три подразделения, в состав одного из них входил командир батальона оберштурмфюрер СС Курт Рыбка. Ему была поставлена задача: сразу же после приземления примкнуть к штурмующим пещеру. Вторая группа парашютистов в составе 220 человек будет сброшена в полдень (она являлась резервной).

Двадцать четвертого мая, сразу после наступления рассвета, самолеты взлетели, весь полет до цели занимал около часа. Ровно в 7.00 парашютисты стали покидать самолеты. Благодаря малой высоте полета и новым парашютам время прыжка составляло всего двадцать секунд. Высадка прошла довольно успешно. Теперь пришел черед планеров. Опытные пилоты заранее определили направление и теперь выводили машины на цель.

Но ураганный огонь встретил планеры еще в воздухе, партизаны очень быстро отреагировали на внезапную атаку. Тем, кто замешкался, при посадке пришлось жизнью расплатиться за промедление. Но в целом высадка удалась. Мгновенно рассредоточившиеся подразделения начали выполнять поставленные пред ними задачи. Сразу же была перерезана телефонная линия, соединяющая штаб Тито с Дрваром, после короткого кровопролитного боя захвачены и уничтожены здания телефонного узла и радиостанции.

В самом городе фашисты быстро продвигались по опустевшим улицам, не встречая никакого сопротивления. Через час все подразделения доложили о выполнении задания. Город был надежно взят под контроль. Десантники ожидали дальнейших приказов. Теперь на очереди стояла основная задача операции — уничтожение Тито и его штаба. Рыбка еще не знал о том, что группу, которая штурмовала пещеру, постигла неудача.

При высадке подразделение попало под сильный огонь партизан. Десантники отступили и теперь удерживали плацдарм на противоположном от пещеры берегу реки, обстреливая ее из пулеметов с дальней дистанции.

Планеры группы, атакующие штаб Тито, приземлились четко в нескольких метрах от входа в пещеру. Пилоты отлично справились со своей задачей, теперь дело было за десантниками. Но бойцы батальона охраны Тито отреагировали мгновенно: они открыли огонь по приземляющимся планерам, практически изрешетив их. Высадившиеся десантники были сразу же прижаты к земле пулеметными очередями. Спустя час из немецкого десанта никого не осталось в живых.

Десантники, ведущие обстрел пещеры с противоположного берега реки, сообщили, что у противника есть минометы. Батальон Рыбки равноценного оружия не имел. Дальнейшие действия разворачивались так. В небо взлетела красная ракета, являющаяся сигналом немедленного сбора для штурма пещеры. Теперь всем было ясно, что местность вокруг штаба Тито хорошо укреплена и подготовлена к обороне. Боеприпасы десантников были на исходе. Тогда солдаты батальона пошли в атаку. Под обстрелом из минометов, пулеметными очередями и прицельным огнем снайперов они медленно, но верно продвигались к пещере. Неожиданно с фланга прозвучали выстрелы. Партизаны из соседних сел и деревень, услышав шум боя, пришли на помощь своему командиру.

Парашютисты второй группы были сброшены над местностью, которую контролировали партизаны. Несмотря на критическое положение и серьезные потери, они прорвались к основным силам. С новым подкреплением батальон опять пошел в атаку. В ходе третьего и последнего штурма пещеры был тяжело ранен оберштурмфюрер Рыбка. К партизанам постоянно прибывали подкрепления. Атака десантников постепенно сошла на нет. Стало очевидно, что операция провалена.

Всем подразделениям было приказано собраться у городского кладбища. Те, кто штурмовал пещеру, отступали перебежками, прикрывая друг друга, при поддержке пулеметов. Партизаны шли за ними по пятам. Время от времени преследование сменялось рукопашным боем. Только в 10 вечера главные силы батальона вышли к подножию холма. Бои были ожесточенными и кровопролитными, противники держались из последних сил, но тем не менее не собирались прекращать действия. Партизаны отчаянно сражались, чтобы обеспечить отход Тито. Он покинул пещеру через запасной выход, затем благополучно добрался по высохшему руслу до железнодорожной станции. Там поезд вывез

его и представителей союзных военных миссий из района боевых действий.

Операция «Ход ферзя» завершилась 26 мая в 16.00. Теперь германские войска полностью контролировали город Дрвар и его окрестности. Однако 500-й парашютно-стрелковый батальон СС был практически полностью уничтожен.

Как утонула подводная лодка «Тэнг»

Двадцать пятого октября 1944 года на восходе солнца американская подводная лодка «Тэнг», которая охотилась за японскими конвоями, оказалась в Формозском проливе. Это был ее пятый военный патруль за восемь месяцев операций, и командир корабля капитан Ричард Х. О'Кейна был вполне доволен собой. За две ночи до этого в надводной атаке японского конвоя он потопил три танкера и два транспортных судна.

Накануне вечером, 24 октября, они перехватили радиосигналы другого конвоя и незаметно всю ночь преследовали его, а на восходе опять атаковали уже на поверхности. Торпеды попали четко в цель и нанесли повреждения одному из кораблей эскорта; другой залп накрыл торговое судно «Мацумото-мару» водоизмещением 7024 тонны, оно вспыхнуло и затонуло. Таким образом, число судов, потопленных «Тэнгом» за ее восьмимесячную карьеру, дошло до двадцати четырех с валовым тоннажем 93 184 тонны. Ни одна подводная лодка военно-морских сил США не могла похвастать такими выдающимися достижениями.

Но после этой операции на «Тэнге» осталась одна торпеда. Лейтенант Билл Либолд — старший помощник О'Кейна — шутя предложил сохранить ее как сувенир, однако О'Кейн подумал, что может использовать ее в бою против эскортного корабля, который в предыдущей атаке был поврежден, но не уничтожен. Капитан направил подводную лодку по новому курсу, устроился позади торпедного прицела на капитанском мостике, пододвинул стрелку орудийного угломера в сторону носового торпедного отсека и дал команду стрелять. «Теперь, — думал капитан, — „Тэнг" сможет незаметно ускользнуть из этих опасных вод и наконец-то вернуться на свою базу в Перл-Харбор».

Вместе с О'Кейном на мостике были еще восемь человек. Неожиданно один из них подал сигнал боевой тревоги. Несколько пар глаз различили фосфоресцирующий след торпеды, выпущенной в направлении субмарины. Она была на приличном расстоянии от носовой части, слева по борту. О'Кейн объявил тревогу и сразу же приказал совершить маневр уклонения. Подводная лодка быстро увеличила скорость, и рулевой дал полный правый ход.

Капитан лихорадочно пытался понять, откуда же он был атакован. В пределах радиуса действия не было ни одного японского военного корабля, кроме того, который он недавно атаковал, а постоянно зондирующий гидролокатор не

обнаруживал присутствия какой-либо вражеской подводной лодки. «Тэнг» была оснащена самой современной аппаратурой обнаружения; нельзя было даже представить, что ее можно застать врасплох.

Но это была стремительно движущаяся торпеда. О'Кейн был абсолютно уверен, что она пройдет мимо, ведь он заранее предпринял соответствующий маневр уклонения.

И вдруг капитан застыл на месте — приближающаяся торпеда шла не по прямой, а словно двигалась вокруг «Тэнга» по большой окружности, диаметр которой стремительно сужался. Подводная лодка угодила в ловушку.

О надвигающейся драме члены экипажа пока не догадывались, до того момента, когда судно потряс ужасающей силы взрыв — где-то возле кормы. Сначала показалось, что «Тэнг» наскочил на мину. У людей в трех кормовых отсеках шансов на спасение практически не было.

Невероятно, однако О'Кейн буквально за несколько мгновений до попадания торпеды успел отдать приказ задраить рубочный люк. Затем силой взрыва его и еще восьмерых выбросило в море. Кто-то погиб сразу, и в итоге через несколько секунд на поверхности остались только четверо: О'Кейн, Либолд, инженер-механик лейтенант Ларри Савадкин и радист Флойд Каверли. Последний за секунды до взрыва поднялся на палубу, чтобы доложить о выходе из строя части аппаратуры.

Вскоре под тяжестью воды, залившей лодку, корма «Тэнга» стала быстро погружаться в воду. Второй удар, напоминающий взрыв, произошел, когда корма врезалась в дно на глубине 180 футов. Большая часть носового отсека все еще торчала над водой.

Именно мгновенная реакция О'Кейна, отдавшего приказ задраить рубочный люк, спасла жизни людям, но их положение внутри субмарины было отчаянным. Безвыходность их ситуации усугубил пожар, возникший в носовом аккумуляторном отсеке. И хотя его быстро потушили, внутренняя часть лодки продолжала наполняться дымом от тлеющих кабелей.

Тридцать уцелевших членов экипажа под руководством торпедного командира лейтенанта Джима Флэнагана стали готовиться покинуть субмарину. Флэнаган приказал четверым морякам войти в спасательную камеру. Спустя полчаса камера была осушена и открыта. Внутри нее все еще находились практически без сознания трое едва не утонувших людей. Только одному удалось выйти наружу, но, как позже выяснилось, он так и не добрался до поверхности.

Предприняли очередную попытку спасения. В камеру на этот раз едва вместились пять человек. Процесс затопления и

последующего осушения занял сорок пять минут, но в итоге Флэнаган увидел, что выбрались только трое.

К тому моменту Флэнаган так выбился из сил, что руководство спасательной операцией взял на себя другой офицер — Пирс.

В камеру вошли четверо людей. Хотя каждый из них прошел через спасательный люк, только одному удалось подняться живым на поверхность.

Пирс убедил обессиленного Флэнагана покинуть лодку с четвертой группой. Из восьмидесяти восьми офицеров, старшин и рядовых уцелели только пятнадцать человек, подобранных японскими судами.

Двадцать девятого августа 1945 года лагерь для военнопленных в Омори, где содержались уцелевшие моряки с «Тэнга», был освобожден американскими войсками. К сожалению, в живых осталось только девять из пятнадцати человек. В их числе были капитан О'Кейн и лейтенант Флэнаган.

Именно О'Кейн и раскрыл загадку гибели «Тэнга». Оказывается, лодка сама потопила себя своей последней торпедой. Из торпедного аппарата торпеда вышла, как и положено, но затем что-то испортилось в ее рулевом механизме, и, развернувшись, она нацелилась на собственный корабль.

А Билл Либолд оказался прав. Им лучше было оставить свою последнюю торпеду как сувенир…

Вторая столица Германии — Кенигсберг

В начале 1945 года всем было ясно, что конец войны не за горами. Но Германия все еще представляла довольно опасного врага, имевшего более миллиона солдат, танки, самолеты, корабли, субмарины, хороший технический парк, отлаженное военное производство, опытных военачальников, сильные спецслужбы, тайные базы и присвоенные из множества стран ценности. Одним из самых сильных центров обороны на территории своей страны фашисты справедливо считали фактически вторую столицу Германии — город Кенигсберг, центр Восточной Пруссии.

Кенигсберг был основан в 1255 году рыцарями немецкого ордена, пытавшимися расширить свое влияние в Прибалтике, населенной в основном славянскими племенами, которых немцы стремились поработить или уничтожить. Сначала город-крепость был обычным пограничным форпостом для рыцарей, но потом, по мере укрепления влияния ордена, его положение также укреплялось. В 1457–1525 годах Кенигсберг стал главной резиденцией гофмейстера ордена, а впоследствии — резиденцией прусских герцогов.

В 1544 году в городе на реке Прегель открылся один из старейших в Европе университетов. Чуть позже в Кенигсберге были открыты обсерватория, академия художеств, консерватория, один из первых в Европе зоопарков. Город облюбовали прусские короли, выстроившие себе здесь грандиозный замок-крепость, хранивший много загадок и тайн в многочисленных тайниках и секретных ходах.

Фюрер захотел превратить Кенигсберг в единый неприступный город-крепость, и гауляйтер Восточной Пруссии Эрих Кох получил указание: Кенигсберг не сдавать!

Вокруг Кенигсберга и внутри него в кратчайшие сроки построили три очень мощных оборонительных пояса, состоявшие из различных довольно сложных в военно-инженерном плане сооружений. Первым считался внешний пояс обороны города, проходивший на расстоянии примерно от шести до восьми километров от Королевского замка. В этот пояс входили сплошные линии траншей, отрытых в полный профиль, с укрепленными брустверами, стрелковыми ячейками и пулеметными точками.

Кроме того, в пояс обороны входил опоясывавший

практически весь город противотанковый ров, считавшийся непреодолимым для бронированных машин любых типов. Этот ров существенно усиливали линии надолбов, также преграждавших дорогу танкам и другой технике противника, многие километры рядов колючей проволоки, образовывавшей серьезные противопехотные заграждения, и минные поля, как противотанковые, так и противопехотные.

Однако самая главная особенность первого пояса обороны состояла в прикрывавших друг друга, очень мощных фортах, имевших серьезную огневую силу. Гарнизон каждого форта был вооружен огнеметами, пулеметами и другими видами оружия. У каждого форта было несколько подземных этажей, где имелись развитые подземные коммуникации.

Вторая линия обороны проходила по окраинам Кенигсберга и также была рассчитана на длительное сопротивление. Она состояла из прочных, с очень толстыми стенами каменных зданий, в которых кирпичом закладывали окна, превращая их в самые натуральные бойницы, и закрывали большинство дверей. Между домами возводились мощные баррикады и устраивались долговременные огневые точки, представлявшие собой глубоко врытые в землю железобетонные колпаки, часто сообщавшиеся с подземными коммуникациями.

Третья линия обороны, или, как еще ее называли немцы, внутренний пояс, охватывала центральную часть города и состояла из различных бастионов, равелинов, башен и старинной цитадели.

В марте 1945 года Эрих Кох сообщил фюреру, что гарнизон города-крепости состоит из более чем ста тридцати тысяч солдат, преданных Гитлеру, и враг в Кенигсберг не войдет.

Невзирая на данные обещания, в замок на Кайзер-Вильгельмштрассе в спешке свозили ящики с многочисленным антиквариатом и сокровищами, которые, в случае если положение станет критическим, собирались спрятать в подземельях.

О таинственных подземельях Кенигсбергского замка и целой сети подземных ходов и залов под самим городом гласили еще средневековые предания и легенды. Однако проверить их достоверность почти никому не удавалось — немцы если и знали что-то о своих загадочных подземных хранилищах, то об этом не рассказывали. В XIX веке некий Ф. Лаарс проводил работы в старых подземельях Королевского замка и под самим городом. О результатах своей работы он оставил специальный отчет, который был незамедлительно засекречен немецкими властями.

По мнению исследователей, Лаарс в своих бумагах будто бы

писал о глубоких и широких подземных помещениях — «многих залах и галереях», расположенных под бывшим Домом Конвента, замковой церковью и рестораном «Блютгерихт» («Страшный суд»). Удивительно, что все эти помещения оказались сухими — в Кенигсберге существовала и исправно действовала уникальная дренажная система, и была она не только в городе, но и в сельской местности.

В самом дворце-крепости бывших прусских королей, недалеко от старого винного погреба, располагалась древняя наклонная шахта, вход в которую был в одном из замковых подземелий. Несомненно, это была лишь малая толика подземных сооружений старого Кенигсберга, причем как бы их «первый этаж», а вообще они уходили в глубь земли на несколько «этажей». Примечательно, что об остальных «этажах» Лаарс ни словом не обмолвился.

Прошло сто лет, и отчеты исследователя попали в руки крайне любопытных к таким вещам нацистов — им всегда требовались для своих темных дел разного рода укрытия, а подземелья Кенигсберга идеально подходили для таких целей. Согласно множеству косвенных фактов и некоторым зарубежным источникам, эти подземелья активно использовались «черным орденом» и его спецслужбами, но что именно они там скрывали, осталось неизвестным.

Хотя есть совершенно точные данные, что рядом с Кенигсбергом располагались подземный авиационный завод и огромное нефтехранилище. Все это оказалось затоплено, а входы завалены камнями на приличную глубину.

Шестого апреля 1945 года советские войска 3-го Белорусского фронта пошли на штурм кенигсбергских укреплений. Немцы сопротивлялись отчаянно, но уже 9 апреля вынуждены были капитулировать.

Характерно, что, по воспоминаниям многих участников тех событий, «подземной войны» в городе и фортах не случилось: сдаваясь, немцы выходили из фортов и укрытий с поднятыми руками и только в редких случаях их приходилось «доставать из-под земли силой». Почему же так легко и быстро выбирались фашисты из отлично обустроенных подземных коммуникаций?

Вероятно, потому, что точно знали — подземелья должны были быть затоплены. Никто из них не хотел жуткой смерти в темноте, под землей, в ледяной воде Прегеля, смешанной с морской. Как оказалось, каким-то образом подземелья были соединены с рекой и морем. Поэтому откачивать из них воду — равнозначно откачиванию Балтийского моря! Необходимо знать, где расположены шлюзы, заслонки и прочие механизмы,

перекрывающие доступ в подземные галереи, и только приведя их в действие, можно попытаться осушить многоэтажный «подземный Кенигсберг». Однако это не удалось никому, даже современным специалистам.

При советской власти немецкое население из Восточной Пруссии было сослано в лагеря или уничтожено. Город и вновь созданную область заселили выходцы из Белоруссии, Украины, России. Многое из того, что осталось после немцев, уничтожили по причине глупости или от ненависти к фашистам. Хотя в 1945 году для поиска культурных ценностей организовали специальную комиссию, которой руководил генерал Брюсов. Этой комиссии удалось найти более тысячи экспонатов из хрусталя, бронзы, фарфора, художественные полотна и бронзу, похищенные в музеях Петергофа и других городов Советского Союза. Однако масштабно обследовать подземелья не стали. Может, боялись, что за каменными завалами находятся мины, а может, просто катастрофически не хватало людей и средств.

А потом, согласно бытовавшей тогда традиции, партийные власти попросту взорвали уникальный исторический памятник — дворец-крепость прусских королей! На его месте хотели построить новый партийный и советский дворец, но не сложилось. О подземельях, казалось, забыли, однако не все. С момента своего возрождения с помощью американцев немецкая разведка, под руководством бывшего генерала вермахта Гелена, стала проявлять повышенный интерес к Кенигсбергу и упорно пыталась отправлять туда своих агентов. Возникает закономерный вопрос, что же там спрятали фашисты, если даже спустя более полувека после окончания войны они все еще пытаются проникнуть в затопленные подземные тайники? И все ли подземные коммуникации Кенигсберга, переименованного в Калининград, на самом деле затоплены?

Согласно некоторым сохранившимся документам, под городом находятся разнообразные подземные сооружения, расположенные на разных ярусах на глубине от шестнадцати до семидесяти метров.

Эти сооружения, как считают некоторые исследователи, начали строить приблизительно в XIII веке, и работы продолжались вплоть до поражения Германии во Второй мировой войне. Центром гигантского подземного лабиринта являлись подвальные сооружения и шахта под королевским дворцом. Оттуда галереи расходились в различных направлениях под всем городом и даже выходили далеко за его пределы.

Каждое направление представляло собой основной коридор или подземную галерею с различными помещениями. От

основной галереи-направления, как лучи, отходили второстепенные галереи-коридоры, которые, в свою очередь, образовывали собственный подземный лабиринт типа своеобразного городка с залами, соединенными ходами. Как свидетельствуют источники, в одном из помещений каждого такого подземного городка должна находиться план-схема данного участка подземелья, пользуясь которой можно свободно перемещаться под землей. Логично было бы предположить, что где-то должен иметься и план всех подземных сооружений Кенигсберга.

Скорее всего, главный вход в эти подземные сооружения ранее располагался на территории королевского дворца-замка. Вполне возможно, им как раз и служила наклонная шахта. Однако ныне там все взорвано и завалено камнями на глубину до двадцати метров.

Вместе с тем система подземных галерей имеет много уровней, потому, возможно, не все помещения оказались затоплены. Не туда ли пытается попасть агентура немецкой разведки? «Кладоискатели» из числа местных жителей часто пропадают бесследно, а, как известно, «черный орден» уже много лет бдительно охраняет свои тайны и сокровища. Теперь в Кенигсберге предлагают сделать «открытую зону», и немцы это очень активно поддерживают.

Что же осталось в кенигсбергских подземельях? Эту загадку еще предстоит раскрыть.

Спецхранилище для ценностей «черного ордена»

В конце зимы 1945 года Освальд Поль — обергруппенфюрер СС, начальник Главного административно-хозяйственного управления СС, в непосредственном ведении которого находились концлагеря — предприятия системы СС, — обратился к рейхсфюреру СС Генриху Гиммлеру с рапортом. В нем звучал следующий вопрос: как в сложившейся ситуации поступить с имевшейся в каждом лагере «Канадой» и особым депозитным счетом Макса Хайлигера?

«Канадой» на жаргоне эсэсовцев из охраны концлагерей назывались большие складские помещения, где педантично сортировалось все, что было изъято у прибывших в лагеря. Рассортированные вещи загружали в вычищенные после доставки новой партии узников железнодорожные вагоны, которые направлялись в адрес Главного административно-хозяйственного управления СС. В середине войны только из одного лагеря Аушвиц в Германию на протяжении года было доставлено около восьмисот вагонов с разнообразным имуществом.

Необходимо было срочно предпринимать какие-то меры. Еще 25 ноября 1944 года Гиммлер приказал в срочном порядке уничтожить газовые камеры Аушвица как страшное вещественное доказательство своих злодейств — советские войска уже вошли в Белград, вели ожесточенные бои на территории Восточной Пруссии, освободили Варшаву, Мемель и Будапешт. Положение стало критическим для Германии. Скорее всего, нужно было дать распоряжение немедленно ликвидировать все подобные склады в других лагерях вместе со специальными секретными лабораториями и прочими тайнами, которые не должны стать достоянием наступающего противника.

А вот со счетами Макса Хайлигера дела были еще хуже. Это был депозитный счет на подставное лицо в Рейхсбанке, на самом деле принадлежавший Главному административно-хозяйственному управлению СС. На него поступали из концлагерей различные ценности: валюта, ценные бумаги, ювелирные украшения, переплавленные в слитки золотые коронки, драгоценные камни и даже предметы антиквариата и художественные ценности.

Только из концлагерей в хранилища банка были переправлены порядка 4500 слитков золота, каждый весом по 14 килограммов! Конечно, часть этой золотой горы осела на

секретных тайных счетах «черного ордена» в банках разных стран мира и в надежных швейцарских банках. Там довольно охотно принимали у Германии во время войны золото, абсолютно не интересуясь его происхождением. Кроме того, существовал еще и золотой запас самого административно-хозяйственного управления, который по самым скромным подсчетам оценивался примерно в четверть миллиарда долларов США.

Работа по вывозу ценностей уже началась, требовалось лишь ускорить ее.

— Пригласите ко мне Освальда Поля, — приказал Гиммлер адъютанту.

Рейхсфюрер начал прикидывать, кто еще из начальников отделов может ему понадобиться. Наверняка Вальтер Шелленберг, он ведает огромной агентурной сетью, широко раскинутой по всему миру. Люди Шелленберга, отправленные на «длительное проживание» в разные страны, создадут на эти золотые слитки новые банки и фирмы, транспортные конторы и предприятия, киностудии и театры, галереи и салоны. А когда наступит подходящий момент, доверенные им средства помогут возрождению национал-социализма.

Требовалось срочно вогнать средства в дочерние предприятия «ИГ Фарбениндустри» в Испанию, Португалию, Бразилию, Чили. В Лиссабоне существовала очень надежная транспортная фирма «Марион», созданная через подставных лиц сотрудниками СД. А Барселона всегда охотно принимала германское золото на свои депозиты, фактически являющиеся «хозяйством» СД «Банко Алеман трансатлантико» и «Иммобиллиара комерсиаль трансатлантико СА».

Гиммлер записал на листке: Южно-Африканский Союз, Индия, Турция, Ближний Восток, Швеция. Там также везде есть свои агенты, через которых можно реально, быстро и тайно разместить большие денежные средства в валюте и крупные партии золота.

Но как переправить в кратчайшие сроки за пределы страны такие несметные богатства? Прятать их, как клады, в многочисленных тайниках? Что ж, это, пожалуй, тоже один из вариантов.

— Оставьте материалы. Я ознакомлюсь и потом вас вызову, — сказал рейхсфюрер вошедшему в кабинет Полю.

Поль, конечно, молодец, он сделает все необходимое: откроет новые счета, переведет валюту за рубеж, погрузит ящики с драгоценными камнями и металлом на ожидающие приказа выйти в море суда в главной базе военно-морского флота в Киле. Но сейчас нужнее другой человек — хитроумный Шелленберг!

— Тюрингия, — выслушав Гиммлера, сказал начальник VI управления РСХА. — Англо-американцы как раз наступают в направлении Рейнской области.

Одновременно с осуществляемой переправкой ценностей за рубеж в Тюрингии на шахте «Кайзерод» начали подготовку специального тайного спецхранилища для ценностей «черного ордена». Строили суперсекретный объект узники концлагеря Бухенвальд, работавшие круглосуточно под неусыпным наблюдением специалистов из СС и жестокой охраны.

Для обустройства огромного тайного хранилища эсэсовские специалисты выбрали рудник 11/lll, где на глубине приблизительно 800 метров подготовили спецобъект, недоступный для снарядов или авиабомб. Объект имел постоянную температуру и возводился под землей из бетона. После того как в него опустят все ценности, ствол рудника предполагалось взорвать. Ликвидации подлежали и другие объекты шахты «Кайзерод», а строителей — узников лагеря Бухенвальд — собирались уничтожить на месте.

Эшелон спецназначения состоял из 24 железнодорожных вагонов. Конечный пункт назначения был никому не известен. Охраняла эшелон рота отборных эсэсовцев. Все знали только, что поезд следует в Тюрингию. Специальный эшелон отправился из Берлина в первых числах апреля 1945 года и покатил к станции городка Бад-Зальцунген, который располагался в Рейнской области.

Опасаясь бомбежки вражеской авиации или высадки неприятельского десанта, комендант спецэшелона распорядился передвигаться только ночью. Операция «Кайзерод» осуществлялась под бдительным контролем лично Генриха Гиммлера.

Наконец специальный эшелон прибыл на станцию назначения. Недалеко от нее, в местечке Меркерс, располагалась шахта «Кайзерод», на одном из рудников которой устроили тайное хранилище для ценностей «черного ордена». Ящики аккуратно перегрузили на машины и доставили к руднику. Затем их спустили в оборудованное подземелье. Оставалась самая малость: взорвать ствол рудника и расстрелять заключенных, построивших тайник. Но тут случилось нечто неожиданное и совершенно непредвиденное.

Существует несколько версий, которых придерживаются различные исследователи. Так, одни считают, что случился налет авиации союзников; по мнению других, узники просто начали разбегаться, поскольку в Бухенвальде вспыхнул стихийный бунт.

Во всяком случае, взрыв не последовал. Часть узников были

убиты охранниками, другие успели сбежать в сторону наступавших американцев. Пленники рассказали американцам о секретном содержимом шахты «Кайзерод», и командовавший авангардом генерал Джордж Паттон приказал 90-й дивизии совершить марш-бросок к местечку Меркерс. Немцы не успели привести в боевую готовность взрывчатку, поэтому американцы захватили хранилище в целости. Это случилось 5 апреля 1945 года в 17 часов 05 минут.

Известно, что американцы никому не сообщали о своем бесценном трофее и категорически отмалчивались в ответ на любые запросы. Командование американских войск доложило правительству США о находке, и в Вашингтоне приняли решение переправить золото нацистов через Роттердам и Франкфурт-на-Майне за океан, в банковские хранилища Соединенных Штатов.

Под прикрытием агентов своих спецслужб и при усиленной охране американцы извлекли все ценности из шахты и вывезли их в указанные города, откуда тайно переправили за океан.

Последняя боевая операция

Лишь сравнительно недавно были рассекречены некоторые архивные документы Генерального штаба МО СССР. Согласно им, даже после капитуляции (8 мая 1945 года) в Германии происходили весьма серьезные события.

Высокопоставленные генералы фашистской Германии вели переговоры сепаратного характера с представителями Англии и США о прекращении военных действий на Западном фронте, с тем чтобы освободившиеся немецкие войска — около двух миллионов человек — бросить на Восточный фронт против Советской армии. Гросс-адмирал Дениц, как новый рейхсканцлер Германии, назначенный 29 апреля 1945 года, перед самоубийством фюрера, сказал на первом заседании правительства: «Мы должны идти вместе с западными державами. Только с ними сможем потом надеяться, что отнимем наши земли у русских». Дениц вполне серьезно рассчитывал на помощь англичан и не ошибся в своем выборе.

По имеющейся информации, Уинстон Черчилль действительно приказал своим военным, чтобы те перестроились на сближение с нацистами. В английской зоне оккупации, за Эльбой, находились более одного миллиона немецких солдат и офицеров, вынужденно отступивших туда под ударами войск советского маршала Константина Рокоссовского. При немцах было полное вооружение, артиллерия, танки и авиация. Там же находились армейская группа Мюллера — группа «Норд», штаб и два пехотных корпуса численностью до 200 тысяч гитлеровцев.

Штабы все так же продолжали работать, в морских портах на севере Германии стояло 258 боевых кораблей под фашистскими флагами, 195 подводных лодок и 95 транспортных судов.

Перед правительством СССР возникла дилемма. Что делать? Снова бои? Но ведь в зоне и английские войска! Однако оставлять такую мощную группировку немцев на северо-западе Германии было нельзя. Пришли к общему решению: «нажать» на англичан. По дипломатическим каналам Молотов связался с Черчиллем. Тот понял, что попал в щекотливое положение, и пообещал выполнить обязательства.

Пятнадцатого мая 1945 года Сталин поручил Жукову провести арест правительства Деница и разоружение немецкой группировки. Тогда срочно командировали в Контрольную комиссию союзников нашу делегацию во главе с генерал-майором Николаем Михайловичем Трусовым, который попросил выделить ему 25 опытных разведчиков, два самолета, радиостанцию и

шифры. За одну ночь все было подготовлено. Утром группа вылетела в Германию.

Восемнадцатого мая 1945 года делегация Николая Трусова поселилась во Фленсбурге на пассажирском корабле «Патрия». Всем офицерам своей группы он дал команду: «Быть готовым к бою». Впрочем, его разведчики и так были готовы к любой неожиданности.

Однако на корабль вдруг переехали представители США, Англии и Франции. Вероятно, и они ожидали от немцев подвоха. А возможно, решили следить за нашей делегацией. Охрана полностью состояла из англичан. Во Фленсбурге английские войска возглавлял бригадный генерал Форд. В первую очередь Трусов обратился к нему с просьбой о встрече с Деницем. Наша разведка знала, что Дениц в 1918 году попал в плен к англичанам, и вполне возможно, что гросс-адмирал с тех пор служил им. Так это или нет, но на Нюрнбергском процессе английские адвокаты так старательно защищали Деница, что ему, единственному из всех гитлеровских преступников, дали минимальный срок — десять лет.

Генерал-майор Трусов, конечно, знал о Денице многое. И поэтому не удивлялся, когда генерал Форд всячески оттягивал встречу или вообще ее отменял. Форд при этом пугал Трусова возможностью мятежа немцев в случае ареста правительства. В крайнем случае, Форд предлагал интернировать его. Наша делегация была настроена против.

В результате встреча состоялась в кабинете Деница. Трусов стал требовать от англичан разоружить немцев, но те упорствовали. Тем не менее при поддержке американского генерала Рукса удалось их уговорить.

С 20 мая англичане начали разоружение немецкой группировки. Трусов и далее требовал арестовать все правительство Деница — а это около 200 высших чиновников — одновременно и в один день. Англичане под нажимом нашей делегации согласились назначить арест на 23 мая 1945 года. Они предложили нашим 25 офицерам самим арестовать 200 членов правительства. Трусов понял, что это ловушка, и потребовал, чтобы англичане сделали это сами.

Были срочно сформированы оперативные группы, которые разъехались по намеченным адресам. Советские военные представители вызвали в ставку рейхсканцлера и военного министра — гросс-адмирала Деница, начальника штаба оперативного руководства генерал-полковника Йодля и главнокомандующего военно-морскими силами Фридебурга. Здесь представителями трех сторон — советской, американской и

английской — было объявлено, что отныне правительство Деница распускается, они трое берутся под стражу, все правительственные институты прекращают свое существование, а весь личный состав правительства и чиновники правительственных учреждений также будут арестованы.

Дениц и Йодль согласились с решением союзников. Адмирал Фридебург после ареста попросился в туалет и там отравился цианистым калием.

В целом все прошло согласно плану. Правительство Германии прекратило свое существование на 16-й день после капитуляции. Офицеры — разведчики группы генерала Трусова — в эти дни выяснили, что все документы немцев разведывательного характера о Советской армии англичане вывезли из Фленсбурга и спрятали в Бельгии, в городе Динст. Трусов опять «нажал» на союзников. В результате три больших массивных ящика с важными документами улетели в Москву.

Наши разведчики во Фленсбурге овладели личным портфелем Деница, в котором хранились важные документы, в числе которых — два завещания Гитлера, а также немецкими картами минных полей на Балтике. Немалой заслугой генерал-майора Трусова является то, что некоторые факты сотрудничества союзников ему удалось установить уже в первые сутки. Например, что союзники «поделили» немецкий флот между собой. А это 448 боевых и вспомогательных кораблей!

В итоге более сотни кораблей получил Советский Союз.

Двадцать пятого мая 1945 года наша делегация вылетела в Москву.

Вот так, за семь суток, была проведена последняя боевая операция. Без единого выстрела было обезоружено более миллиона гитлеровцев и ликвидирована угроза новой войны.

Главный символ Великой Победы

Шестое октября 1944 года. Торжественное заседание Моссовета, посвященное 27-й годовщине Октябрьской революции. В своей речи Сталин сказал, что последняя, заключительная миссия Красной армии состоит в том, чтобы довершить вместе с армиями наших союзников дело разгрома немецко-фашистской армии, добить фашистского зверя в его собственном логове и водрузить над Берлином Знамя Победы.

После этого на московскую фабрику строчно-вышивальных изделий № 7 поступил чей-то секретный заказ — сшить Знамя Победы. Такой флаг был вскоре изготовлен из красного знаменного бархата. Его края окаймлял красочный орнамент, в центре полотнища разместили большой герб СССР, над гербом — орден «Победа», а внизу — надпись: «Наше дело правое — мы победили».

Достоверно неизвестно, видел ли это знамя Сталин. Вторая загадка, почему оно не было отправлено в войска, а так и осталось в Москве.

Чем ближе наши войска подходили к Берлину, тем актуальнее становился вопрос о символе Победы. Военным требовалось политическое решение, а оно не принималось — Москва молчала. Только 9 апреля 1945 года (за три недели до штурма рейхстага!) в районе города Ландсберга на секретном совещании начальников политотделов всех армий 1-го Белорусского фронта было дано распоряжение: каждой армии, наступающей на Берлин, изготовить красные флаги, которые могут быть водружены над рейхстагом.

В апреле 1945 года 3-я ударная армия 1-го Белорусского фронта, возглавляемая генерал-полковником Василием Кузнецовым, первой оказалась в центре Берлина. В этой армии изготовили девять флагов (по количеству дивизий). На их изготовление шел простой красный материал, эмблемы — звезду, серп и молот — в левом верхнем углу рисовали от руки или копировали трафаретом. В ночь на 22 апреля флаги были торжественно вручены от имени Военного совета армии представителям стрелковых дивизий. Именно один из флагов — флаг номер № 5 — и был водружен над рейхстагом в ночь на 1 мая 1945 года. Флаг этот выбрала не власть, а история: часть 150-й стрелковой Идрицкой дивизии оказалась в авангарде штурма рейхстага. Остальные восемь флагов 3-й ударной армии остались в истории обычными знаменами.

Радио же поспешило «водрузить Знамя Победы» на

двенадцать часов раньше.

Тридцатого апреля 1945 года. Вторая половина дня. По всесоюзному радио и в вещании на зарубежные страны прозвучало: в 14.25 над рейхстагом водружено Знамя Победы. На самом деле в это время у рейхстага еще не было ни одного советского солдата.

Это сообщение надолго исказило картину того, что происходило тогда на самом деле. Причиной его появления явились отнюдь не идеологические и не политические мотивы. Все дело в том, что командование 150-й стрелковой дивизии поторопилось и заранее доложило наверх о своем успехе, а разобравшись в ситуации, военачальники уже не могли что-либо изменить. Новость разлетелась по стране мгновенно, создавая очередные нестыковки.

Только в 22.40 бойцы 171-й стрелковой дивизии — капитан Владимир Маков, старшие сержанты Алексей Бобров, Гази Загитов, Александр Лисименко и сержант Михаил Минин — смогли прикрепить свое знамя на скульптурную группу «Богиня победы», которая располагалась на фасаде парадного входа западной части здания. Почему же не это знамя считается символом победы?

— Флаги для 3-й ударной армии изготавливались как Знамена Победы. Передавая эти знамена представителям девяти дивизий, которые штурмовали Берлин, руководство говорило: если знамя будет водружено над рейхстагом, то оно станет Знаменем Победы, — рассказал историк, сотрудник Музея Вооруженных сил Аркадий Дементьев. — Другие знамена, кроме Знамени Победы, не сохранились.

Приблизительно в три часа ночи — то есть спустя двенадцать часов после версии, ушедшей в эфир, — Михаил Егоров и Мелитон Кантария вместе с замполитом, лейтенантом Алексеем Берестом, на восточной части здания прикрепили к конной скульптуре немецкого рыцаря Знамя Победы.

Уже 8 мая Михаил Егоров и Мелитон Кантария сняли прикрепленное ими Знамя Победы, а на его месте водрузили другой флаг, на котором серп с молотом и звезда располагались в центре полотнища.

Девятнадцатого июня 1945 года. Сталин приказал: доставить Знамя Победы в Москву, на Парад Победы. Утром 20 июня с берлинского аэродрома Темпельгоф вместе со Знаменем Победы в Москву вылетели Егоров, Кантария и еще несколько участников штурма рейхстага. Но в Параде Победы 24 июня знамя, побывавшее на рейхстаге, не принимало участия.

Существует несколько версий, почему это произошло.

Согласно одной, военному руководству не понравилось само знамя, выглядевшее слишком просто и не победно. Другая версия совсем банальная. 22 июня состоялась торжественная генеральная репетиция Парада Победы. По сценарию, за идущими первыми Михаилом Егоровым и Мелитоном Кантарией должны были маршировать сводные полки всех фронтов. Но тут выяснилось, что оба героя никогда не участвовали в парадах и вообще не занимались строевой подготовкой. Вероятно, это не понравилось Жукову и Рокоссовскому, наблюдавшими за репетицией. К бойцам подошел какой-то военный и сообщил: Знамя Победы на Парад выносить не будут. Все прилетевшие из Берлина участники штурма рейхстага получили пригласительные на гостевые трибуны. Оттуда и наблюдали за знаменитым Парадом.

Внимательно присмотревшись к Знамени Победы, можно увидеть, что кусочек его сделан из другой материи. Возникает вопрос, куда же девался настоящий фрагмент Знамени? На этот счет есть три версии. По первой, с 9 мая (когда оно было снято с Рейхстага) и до отправки в Москву на Парад Знамя хранилось в политотделе 150-й стрелковой Идрицкой дивизии, и политруки якобы оторвали от него кусочек, чтобы завернуть партбилеты. Согласно второй, привезенное в Москву Знамя Победы хранилось в сводном полку 1-го Белорусского фронта и кусочек «на память» оторвали солдаты — участники Парада. И третья версия — солдат-артиллерист «катюши» 2 мая в первой половине дня поднялся на крышу Рейхстага, увидел красное полотнище и оторвал полоску, чтобы подарить своим товарищам-артиллеристам.

Двадцатого июня 1945 года кинохроника запечатлела, как Знамя Победы доставили в Москву. На этих уникальных кадрах можно увидеть: полоска уже оторвана. Следовательно, версия о солдате-артиллеристе наиболее правдоподобная.

Довольно долго Знамя так и хранилось — без фрагмента. Однако накануне двадцатилетия Победы его решили отреставрировать — вместо оторванной нижней кромки была вшита сетка. Считается, что этот фрагмент специально не стали подгонять под цвет Знамени, чтобы символ Великой Победы казался более естественным.

Загадочный «Лагерь дождевого червя»

В начале 1960-х годов Александр Лискин, военный прокурор, по срочному делу выехал из Вроцлава через Волув, Глогув, Зеленую Гуру и Мендзижеч в Кеньшицу. Этот небольшой населенный пункт на северо-западе Польши, казалось, был вовсе заброшен. Вокруг простирались угрюмые, труднопроходимые лесные массивы, протекали малые речки, располагались старые минные поля, надолбы, прозванные «зубами дракона», и рвы, зарастающие чертополохом укрепрайонов вермахта. Бетон, колючая проволока, замшелые развалины — вот все, что осталось от мощного оборонительного вала, который должен был прикрывать фатерланд в случае перелома в войне. Немцы называли Мендзижеч Мезерицем, а укрепрайон, включавший и Кеньшицу, — Мезерицким.

Александр Лискин прибыл в одну из бригад связи Северной группы войск. Пятибатальонная бригада располагалась в бывшем немецком военном городке, скрытом в густом зеленом бору. Когда-то это место на картах нацистов обозначалось топонимом Regenwurmlager — «Лагерь дождевого червя».

Пройдя часть дороги, минут через десять он увидел сооруженную из огромных валунов стену бывшего лагеря. Неподалеку от нее, возле дороги, возвышался напоминающий бетонный дот серый двухметровый купол какого-то инженерного сооружения. По другую сторону виднелись развалины, скорее всего, особняка.

На стене, словно отрезающей проезжую дорогу от военного городка, не было следов от пуль и осколков. Местные жители рассказывали, что затяжные бои здесь не велись. Когда немцы поняли, что гарнизон может попасть в окружение, то в спешке эвакуировались. Трудно себе представить, как можно почти целой дивизии всего за несколько часов ускользнуть из этой природной западни. И куда? Ведь единственную дорогу перекрыли танки 44-й гвардейской танковой бригады Первой гвардейской танковой армии генерала М. Е. Катукова.

За каменной стеной Кеньшицкого гарнизона располагались казарменные строения, плац, спортплощадки, столовая, а также штаб, учебные классы, ангары для техники и средства связи.

С севера к лагерю подступало озеро Кшива, изумительное по своей природной красоте. Его повсюду окружали знаки тайны, даже воздух, казалось, пропитан ею. С 1945-го и практически до

конца пятидесятых годов это место находилось под присмотром управления безопасности города Мендзижеч, где, по слухам, его курировал польский офицер по фамилии Телютко, и командира дислоцированного неподалеку польского артиллерийского полка. При их непосредственном участии и была осуществлена временная передача территории бывшего немецкого военного городка советской бригаде связи.

Осмотрительное командование бригады приняло решение не нарушать правил расквартирования войск и распорядилось провести в гарнизоне и окрестностях инженерно-саперную разведку. Именно с этого момента и начинаются открытия, поразившие воображение даже бывалых фронтовиков.

Итак, сначала неподалеку от озера в железобетонном коробе был найден заизолированный выход подземного силового кабеля, приборные замеры на жилах которого показали промышленный ток напряжением в 380 вольт. Затем саперы обратили внимание на бетонный колодец, в который падала вода, низвергавшаяся с высоты. Тогда же разведка сообщила, что, вероятно, подземная силовая коммуникация идет со стороны Мендзижеча. Но вполне возможно, что здесь располагалась и скрытая автономная электростанция, и именно ее турбины вращала вода, падающая в колодец.

Части СС, располагавшиеся в лагере в роковые для них дни сорок пятого года, словно растворились в воздухе. По причине непроходимости леса обойти озеро по периметру было просто невозможно. Потому однажды в воскресенье Александр Лискин попросил командира одной из рот капитана Гамова показать местность с воды. Они сели в лодку и, сменяя друг друга на веслах, за несколько часов обогнули озеро, проплывая неподалеку от берега. С восточной стороны озера виднелось несколько мощных, уже поросших подлеском холмов-терриконов. Кое-где в них угадывались артиллерийские капониры, обращенные фронтом на восток и юг. Далее располагались два напоминающих лужи маленьких озерка. Рядом стояли таблички с надписями на двух языках: «Опасно! Мины!»

Капитан Гамов произнес:

— Эти терриконы совсем как египетские пирамиды. Внутри обустроены разные потайные ходы, лазы. Через них из-под земли наши радиорелейщики при обустройстве гарнизона выносили облицовочные плиты. Рассказывали, что внутри — настоящие галереи. А по поводу этих мнимых лужиц наши саперы говорят, что это и есть затопленные входы в подземный город. Обрати внимание на остров посреди озера.

Плавающий остров весь порос елями и ивняком. Он плавает,

точнее, медленно дрейфует, стоя как будто на якоре. Площадь его равнялась примерно пятидесяти квадратным метрам.

Лесное озеро имело явно искусственное юго-западное и южное продолжение, по форме похожее на аппендикс. Здесь опущенный в воду шест показывал глубину два-три метра, вода была абсолютно прозрачной, однако буйно растущие папоротникообразные водоросли совершенно скрывали дно. Посреди этого залива одиноко возвышалась серая железобетонная башня, очевидно, некогда имевшая специальное назначение. Заглянув в узкое окошко, люди увидели, что и внутри бетонной башни есть вода.

Несомненно, в этом месте где-то под землей располагалось подземное сооружение.

Вскоре, проводя все ту же инженерную разведку, саперы обнаружили замаскированный под холм вход в тоннель.

Саперы и связисты бригады в составе специальной группы спускались в туннель и даже удалялись от входа на расстояние до десяти километров. В результате было обнаружено несколько ранее неизвестных входов.

Указав на напоминающий дот серый бетонный купол, одиноко возвышающийся по другую сторону дороги, офицер пояснил Лискину:

— Это один из входов в подземный тоннель. Мы заварили вход в тоннель стальной решеткой и броневым листом. Нашей задачей было исключить трагедии, связанные с туннелем. Но, скорее всего, есть и другие входы в туннель.

— Что же там внутри?

— Вероятно, подземный город, где есть все необходимое для автономной жизни на много лет, — ответил офицер. — Один из участников той поисковой группы, техник-капитан Черепанов, рассказывал впоследствии, что через этот дот по стальным винтовым лестницам они опустились глубоко под землю.

Там при свете кислотных фонарей группа вошла в подземное метро. Это было именно метро, поскольку по дну тоннеля проходила железнодорожная колея. На потолке копоти не было. По стенам тянулась аккуратная расшивка кабелей. Наверняка локомотив здесь двигала электроэнергия. Группа спустилась в тоннель не в его начале, вход, очевидно, находился где-то под лесным озером. Колея протянулась на запад — к реке Одер. Практически сразу наткнулись на подземный крематорий. Вероятно, именно в его печах сгорели останки строителей подземелья.

Медленно, соблюдая меры предосторожности, поисковая группа шла по тоннелю в сторону современной Германии. Люди

обнаружили множество тоннельных ответвлений — и вправо, и влево. Однако большинство из них были тщательно замурованы. Вероятно, это были подходы к неизвестным объектам, в том числе к другим частям подземного города. Гигантская подземная сеть оставалась для непосвященных грозящим многими опасно-стями лабиринтом. Изучить его досконально было невозможно. Туннель был абсолютно сухой, что являлось признаком хорошей гидроизоляции.

По оценкам наших военных, протяженность подземки могла составлять десятки километров. Группа подошла к тому месту, где тоннель уходил под Одер. Где была конечная станция подземки, никто не мог даже предположить. Вскоре старший группы принял решение вернуться.

Что же выходит? Оказывается, пока сверху шли ожесточенные бои, горели танки и гибли люди, внизу жили своей жизнью гигантские бетонные артерии таинственного города.

Впоследствии Александру Лискину приходилось встречаться и не раз подробно беседовать о «Лагере дождевого червя» с одним из последних командиров кеньшицкой бригады, полковником В. И. Спиридоновым.

По инженерно-саперному заключению, которое пришлось читать Спиридонову, только под гарнизоном было обнаружено и обследовано 44 километра подземных коммуникаций. Владимир Иванович до сих пор хранит фотографии некоторых объектов старой немецкой обороны под Кеньшицей. На одной из них запечатлен вход в подземный тоннель. По рассказам офицера, высота и ширина ствола подземного метро составляют приблизительно по три метра. Горловина постепенно опускается и ныряет под землю на 50-метровую глубину. Там тоннели много раз разветвляются и пересекаются, также имеются транспортные площадки-развязки. Стены и потолок метро были выполнены из железобетонных плит, пол тщательно выложен прямоугольными каменными плитами. Тайная магистраль была пробита в толще земли в западном направлении, к Одеру, до которого от Кеньшицы по прямой 60 километров. Ему рассказывали, что на участке, где подземка опускается под Одер, туннель притоплен. С одним из командующих СГВ Спиридонов, опустившись глубоко под землю, на армейском «уазике» проехал по туннелю в сторону Германии не менее 20 километров.

О подземном городе знал поляк, известный в Мендзижече как доктор Подбельский. Заядлый краевед, он в конце 1940-х — начале 1950-х годов в одиночку через обнаруженный лаз не раз опускался под землю. По его словам, этот стратегический объект немцы начали строить еще в 1927 году, но наиболее активно — с

1933 года, когда власть в Германии взял в свои руки фюрер. В 1937 году Гитлер лично прибыл в лагерь из Берлина, и, по слухам, — по рельсам этой самой секретной подземки. Именно с тех пор подземный город стали считать сданным в пользование вермахта и «черного ордена». С помощью скрытых коммуникаций гигантский объект соединялся с заводом и стратегическими хранилищами, тоже подземными, расположенными в районе сел Высока и Пески, что в нескольких километрах западнее и севернее озера.

Озеро Кшива является неотъемлемой частью тайны. Площадь его зеркала составляет около 200 тысяч квадратных метров, а глубина — от 3 (на юге и западе) до 20 метров (на востоке). Именно в восточной его части некоторые армейские рыбаки в летнее время при благоприятном освещении наблюдали на заиленном дне нечто, по своим очертаниям напоминающее огромный люк. Эту конструкцию военные прозвали «оком преисподней».

Зачем понадобился такой люк? Скорее всего, он был своеобразным кингстоном для экстренного затопления части или всех подземных сооружений. Однако если люк до наших дней закрыт, следовательно, им не воспользовались в январе сорок пятого. Таким образом, возможно, что подземный город не затоплен, а законсервирован «до особого случая». Что же хранят его подземные горизонты? Кого они ждут?

Спиридонов отметил, что вокруг озера, в бору, расположено много уцелевших или разрушенных объектов войны. В их числе и руины стрелкового комплекса и госпиталя для элиты фашистских войск. Все было сделано из железобетона и огнеупорного кирпича. Но главное — мощные доты. На железобетонных и стальных куполах, оборудованных механизмами полуавтоматической подачи боеприпасов, когда-то стояли крупнокалиберные пулеметы и пушки. Под метровой броней этих колпаков на глубину до 30–50 метров опускались подземные этажи, где находились спальные и бытовые помещения, склады боепитания и продовольствия, а также узлы связи. Сам Спиридонов обследовал шесть дотов, расположенных на юг и на запад от озера. До остальных объектов, говорил он, у него просто руки не дошли. Все подступы к этим смертоносным огневым точкам были надежно прикрыты многочисленными минными полями, рвами, бетонными надолбами, колючей проволокой, инженерными ловушками. Те или иные ловушки могли подстерегать любопытных и при входе в каждый дот. Например, от бронированной двери внутрь дота вел мостик, который опрокидывался под ногами непосвященного, и тот падал в

глубокий бетонный колодец, откуда не было выхода. На огромной глубине доты соединялись ходами с подземными лабиринтами.

Так вот что накопал в этой глуши дождевой червь! Уж не развернул ли он сеть подземных городов и коммуникаций до самого Берлина?

В 1992 году бригада связи покинула Кеньшицу.

Где находится легендарная Янтарная комната

В феврале 1945 года прогремел удачный залп с берега Вислинского залива — батарея майора Грубо отправила под лед санный обоз немцев. Взятый в плен извозчик рассказал майору, что на потопленных санях находилась Янтарная комната из русского дворца. Чтобы доказать этот факт, пленный отвел майора в замок, когда-то принадлежавший внуку Вильгельма Второго, и указал на замурованную дверь. Пробив кладку, солдаты спустились в подвал и нашли там хрустальные люстры. По рассказам пленника, и сама Янтарная комната размещалась тут еще недавно. Просто люстры в спешке не удалось увезти.

Вскоре майор Грубо был ранен, а впоследствии и вовсе забыл это происшествие. Уже потом он прочитал, что была до войны в Пушкине такая Янтарная комната, которую немцы вывезли в Кенигсберг, а русские ищут ее до сих пор. Кенигсберг и Вислинский залив — это практически рядом. Отставной майор стал рассылать письма: «Я — человек, утопивший Янтарную комнату…»

«Версию Грубо» стал отрабатывать Василий Дмитриевич Захарченко, на тот момент главный редактор журнала «Техника — молодежи». Организованная им советско-польская экспедиция прощупала Вислинский залив гидролокаторами, но безуспешно. Дно залива было уже давно пропахано тралами.

Тридцатого января 1945 году в районе Данцигского залива подводная лодка С-13 под командованием Александра Маринеско торпедировала суперлайнер «Вильгельм Густлофф». В числе пяти-шести тысяч немцев, утонувших вместе с «Густлоффом», были и десятки экипажей, подготовленных для новейших субмарин. Они так и не вышли со своих баз в Гамбурге и Киле с новыми экипажами: немцам не хватило времени их подготовить.

«Густлофф» считался очень надежным судном. Он вышел из Данцига с сильным конвоем. И уходил навсегда — тогда уже началось массовое бегство немцев из Прибалтики. Наверняка кроме военных грузов «Густлофф» вывозил и ценности. Поляки, бывшие свидетелями загрузки суперлайнера, рассказывали о каких-то довольно легких для своих габаритов ящиках: по весу не металл и не фарфор, а вот картины — вполне возможно. А может, панели Янтарной комнаты?

В 1956 году польские аквалангисты обследовали «Густлофф» и обнаружили, что на лайнере кто-то уже побывал до них. В

корпусе были отверстия с характерными следами газового резака, бронированный сейф в надстройке оказался вскрытым.

Уже в наши дни эту загадку разъяснил один бывший подводник — из тех, кто тонул на торпедированном «Густлоффе» (корабли конвоя тогда спасли около тысячи человек). После войны униженные поражением немецкие субмаринеры искали дело, которое могло бы приподнять их в собственных глазах. И решили увести из-под носа у поляков и русских сокровища с «Густлоффа». Так была создана уникальная для тех лет подводная техника, и в 1950 году «Густлофф» выпотрошили. Вот как появились следы газорезки, поразившие польских водолазов. Поднятые с лайнера ценности подводники передали партайгеноссе для реализации. Немец утверждал, что в их числе была и Янтарная комната. Упаковочная тара оказалась расколотой, и фрагменты комнаты пришлось собирать землесосами. Такие детали нельзя объяснить ошибками памяти. Они либо достоверны, либо сплошная выдумка.

Гауляйтер Восточной Пруссии Эрих Кох отличался большой педантичностью. Весна 1945-го — бомбежки, всеобщее бегство и паника, а он объявлял подчиненным выговоры в письменном виде и приказывал, чтобы бумажки аккуратно подшивались. В числе этих документов и нашли выговор хранителю янтарной коллекции Кенигсберга Альфреду Роде за то, что на 4 марта тот еще не успел эвакуировать свое хозяйство. Следовательно, 4 марта Янтарная комната была еще цела и оставалась в Кенигсберге. А в апреле город был взят. Потом он стал советским Калининградом. Так, возможно, Янтарная комната до сих пор находится там?

В будущий Калининград Янтарную комнату вывезли в декабре 1941-го. Там, в Королевском замке, она и хранилась до августа 1944-го, когда здание местами выгорело от бомбежки. После войны Роде убедил профессора Брюсова, что Янтарная комната тогда же, в августе, сгорела. Однако имеются свидетельства, что в январе 1945-го ящики с Янтарной комнатой (или, по крайней мере, часть их) были целы! Опять же выговор Коха — если все сгорело, то за что его объявлять? А Роде вскоре пропал из Кенигсберга в неизвестном направлении.

Версий о местонахождении Янтарной комнаты было много. Казалось, что свидетели, преимущественно немцы, сознательно уводили поиск от Кенигсберга.

Эрих Кох, который содержался в заключении у поляков, мог бы пролить свет на истинное положение дел. Журналист Юрий Пономаренко через посредников обратился к бывшему гауляйтеру. Тот согласился на разговор о Янтарной комнате и

потребовал довоенный план Кенигсберга. План ему передали, но до разговора дело не дошло. Представитель польской стороны сообщил, что заключенный плохо себя чувствует.

Вскоре в редакции журнала «Чудеса и приключения» была напечатана сенсационная статья. Якобы в 1939 году, когда заключался пакт Молотова — Риббентропа, Сталин вызвал Алексея Толстого и спросил его, что советский народ может подарить немецкому народу? «Янтарную комнату, — будто бы ответил тот. — Будет символично: Фридрих-Вильгельм I в свое время то ли подарил, то ли продал Петру янтарный кабинет, потом Растрелли уже в Царском Селе пятнадцать лет доводил этот кабинет до ума, и получилась Янтарная комната. А мы ее — обратно немцам!»

Идея понравилась Сталину, но с одной поправкой: подарком немцам будет копия. И таких копий заказали реставратору Барановскому две. Значит, к началу войны существовало целых три Янтарные комнаты! Одну эвакуировали в Москву. Другую спрятали в подвалах Екатерининского дворца. Третья — причем не оригинал — была подарена немцам, которые и вывезли ее в Кенигсберг.

А Барановский, его сотрудники и ученики стали бесследно пропадать или умирать при загадочных обстоятельствах. Секрет объяснялся просто: Сталин не хотел оставлять свидетелей. Потому что «московскую» — настоящую! — Янтарную комнату он таки подарил, но, конечно, не фюреру.

Осенью 1941 года с Тушинского аэродрома поднялся в воздух американский транспортник «Дуглас» и направился на Дальний Восток, а оттуда — на Аляску. «Дуглас» вез подлинную Янтарную комнату для Арманда Хаммера, большого друга Советского Союза.

Еще в годы, когда официальный Запад не хотел иметь дело с Советской Россией, Хаммер посредничал в экспортно-импортных операциях типа «тракторы „Фордзон” в обмен на картины из Эрмитажа». Даже будто бы имеются документы, свидетельствующие о его намерениях купить Янтарную комнату в 1920–1930-х годах. Тогда ничего не получилось. А в 1941 году вышло. Дело в том, что Хаммер был другом не только Советского Союза, но и президента США Франклина Рузвельта. Последний после пакта Молотова — Риббентропа и нападения СССР на Финляндию был не очень настроен помогать Сталину. Вот Хаммер и взялся помирить своих друзей, а в награду получил Янтарную комнату.

Среди объектов вермахта, занятых после войны советскими оккупационными войсками, был бункер «Ольга». Известно, что

немцы минировали подобные сооружения и, например, «Вольфшанце» в Западной Белоруссии советские войска просто взорвали. А «Ольгу» замуровали, даже не обследовав. Когда стали выводить войска из Германии, поинтересовались: а на чем стояла наша войсковая часть все эти годы? Ответ был ошеломляющий: в недрах «Ольги» спрятаны российские культурные ценности, в том числе Янтарная комната!

Но бункер к тому времени уже отошел к объединенной Германии. Вскрывать и обследовать его немцы не намерены.

Секрет нацистского золота

Гитлер мечтал завладеть Копьем Судьбы, которым якобы Лонгин пронзил бок распятого на кресте Спасителя, и постоянно заставлял своих подчиненных искать мифический Грааль. В частности, последней задачей много лет занимался первый диверсант Третьего рейха Отто Скорцени. Есть множество примеров других оккультных занятий высшего руководства Третьего рейха, очевидно, хорошо знакомого и с приемами практической магии.

Место захоронения некоторых нацистских кладов примерно известно, однако даже с помощью суперсовременной поисковой техники до сих пор ничего не найдено. Неужели нет никаких сокровищ? В это, конечно, сложно поверить, зная, какими гигантскими суммами, тоннами золота и драгоценностей располагали фашисты. По причине больших объемов все просто не могло уйти в Южную Америку и осесть в хранилищах швейцарских банков. Ведь нацисты ограбили практически всю Европу и даже часть Северной Африки!

Согласно другой точке зрения, нацистские клады не найдены потому, что они тщательно охраняются вот уже на протяжении десятков лет. При этом постаревшую нацистскую охрану сменяет новое, молодое поколение нацистов.

Третья точка зрения совмещает первые две и предполагает, что истина находится где-то посередине, то есть существуют клады и охраняемые, и заклятые.

Удивительно, но факт — первые, и они же последние, находки нацистских кладов, в том числе золота и драгоценностей, относятся только к послевоенным годам: 1945, и 1946-му. Впоследствии, сколько их ни искали, ничего не обнаружили.

Из больших и очень ценных кладов сразу после войны найдены лишь тайник Эрнста Кальтенбруннера в Зальцбурге и золотой запас Рейхсбанка.

По мнению многих западных и отечественных исследователей, в пользу версии об охране бывшими эсэсовцами захоронений сокровищ свидетельствуют факты гибели многих людей, которые отважно отправлялись на поиски нацистского золота.

В частности, такие экспедиции предпринимались в Австрии, где, как предполагают, были заложены многие тайники под руководством знаменитого диверсанта Отто Скорцени. Кстати, Скорцени и Кальтенбруннер — оба австрийцы, и вполне вероятно,

что использовали они для тайников знакомые им места. Впоследствии, по мнению исследователей, тайники в Австрийских Альпах негласно охраняли боевики Скорцени.

Например, по материалам австрийской криминальной полиции, в феврале 1946 года на гору Раухфанг отправилась небольшая экспедиция, состоящая из трех опытных альпинистов — Хельмута Майера, Ганса Хаслингера и Людвига Пихлера. Они хотели попытаться найти нацистский клад с золотом.

Неожиданно Хаслингер решил вернуться с половины дороги. Как он позднее объяснил, ему вдруг стало страшно. Его друзья продолжили подъем и пропали. Спустя месяц команда спасателей отправилась на гору Раухфанг на поиски альпинистов. Их обнаружили довольно быстро: в одной из лощин наткнулись на сложенную из снежных блоков хижину, рядом с которой лежали тела Майера и Пихлера. Оба они были мертвы, причем Пихлера выпотрошили, как свинью, и даже вытащили из разрезанного живота желудок. Полиция это отметила в протоколе осмотра места происшествия. Преступление не раскрыли, и дело по причине отсутствия улик отправили в архив.

Летом 1952 года в Штирийские Альпы, якобы имея в своем распоряжении какую-то таинственную карту, полученную от неизвестного человека, отправился в одиночку француз Жан де Соз.

Спустя несколько недель после начала поисков тело де Соза обнаружили спасатели. Жан был убит, а все его вещи и оборудование исчезли. Конечно же, при нем не было и таинственной карты, хотя полицейские проверили даже все швы в одежде погибшего.

Интересно, что около трупа француза полицейские нашли свежевыкопанный, достаточно глубокий шурф. Когда по распоряжению сержанта яму стали засыпать, то обнаружилось, что земли из отвала не хватило, чтобы сровнять шурф с окружающей почвой. Полицейские предположили, что Жан что-то нашел и поплатился за это жизнью.

Осенью 1952 года случилась другая трагическая история на знаменитом озере Топлиц, о котором писал немецкий исследователь истории Третьего рейха Юлиус Мадер. В тот период в районе озера появились инженер из Гамбурга господин Келлер и профессиональный скалолаз Герт Гернс. Они также искали нацистские сокровища.

Спустя несколько дней Гернс сорвался в пропасть и погиб. Инженер Келлер дал полиции детальные показания о несчастном случае и… бесследно пропал. Обеспокоенные родственники погибшего провели частное расследование и установили, что

инженер Келлер был членом СС и в период Второй мировой войны служил начальником секретной базы субмарин, на которых перевозили в тайники сокровища рейха. Это дело тоже осталось нераскрытым, а позднее перешло в архив.

Осенью 1961 года на озере Топлиц случилась новая трагедия: при загадочных обстоятельствах погиб нырявший в него опытный аквалангист. Полиция установила, что сигнальная веревка оказалась перерезанной под водой!

Пробовали искать нацистские сокровища и в Южной Америке — в горах Перу, где, якобы, когда-то была основана тайная база нацистов. В результате бесследно пропали несколько американцев, имевших «совершенно точную» карту. Бесследно исчезали люди в Аргентине, Боливии и даже у берегов Корсики, когда хотели найти знаменитые «сокровища Роммеля».

Ярким примером «заклятых» сокровищ Третьего рейха является «Канарское золото». Исследователи предполагают, что на Канарских островах немцы спрятали примерно семь тонн золота в слитках. Все попытки отыскать этот грандиозный клад были безуспешными и заканчивались трагически для кладоискателей.

Именно потому спрятанные на Канарских островах золотые слитки вполне серьезно считают проклятыми.

Считаются заклятыми и «сокровища Курмиса» — еще один легендарный клад Третьего рейха. Гауптштурмфюрер Гуго Курмис являлся сильным экстрасенсом и ясновидящим. В 1943 году его, возглавлявшего хорошо подготовленную группу разведчиков-диверсантов, забросили в Иран. Группа Курмиса располагала большим запасом золота и драгоценностей, предназначенных для подкупа иранских чиновников и вождей племен Южного Ирана. Однако на след нацистов через свою агентуру достаточно быстро вышла английская «Сикрет интеллидженс сервис».

О небывалой интуиции Гуго Курмиса ходили легенды. Не подвела она его и на этот раз: он почувствовал, как сжимается вокруг фашистов вражеское кольцо. Тогда гауптштурмфюрер взял весь груз золота и драгоценностей, переправил его в определенное место и зарыл там в тайнике. Считается, что Курмис заклял свой клад. После этого маг бесследно исчез. По крайней мере, никаких данных о нем обнаружить не удалось даже его «коллегам» по СС.

Курмис не мог исчезнуть с золотом, в этом случае его непременно нашли и покарали бы другие нацисты. С дисциплиной в «черном ордене» все обстояло серьезно. Зато там, где Гуго зарыл сокровища, начали пропадать чабаны и туристы.

Хотя место, где находится клад, приблизительно известно, отыскать сокровища до сих пор не удается.

Один из европейских ясновидящих при попытке обнаружить сокровища потерял сознание, а когда уже в больнице пришел в себя и заговорил, то сгорел дотла. Причем сгорело только тело, а одежда осталась целой.

Ходили слухи и о фотографе, который снимал «заклятое» Курмисом место, а потом поседел и сошел с ума. Проявленная пленка бесследно исчезла.

Многие исследователи предполагают, что нацистское золото вряд ли когда-нибудь вообще удастся обнаружить. Возможно, большую часть заложенных ранее тайников эсэсовцы могли сами ликвидировать, пустив капиталы в дело — они способствовали «экономическому чуду» возрождения послевоенной Германии.

«Самая наступающая армия»

И в наши дни самым спорным вопросом в истории СССР является утверждение, что Советский Союз в преддверии Второй мировой войны готовился исключительно к обороне.

В действительности дело обстояло не совсем так.

Еще Ленин за два года до Октябрьской революции (то есть в 1915 году) написал статью «О лозунге Соединенные Штаты Европы», в которой рассматривал возможность и необходимость вступления социалистического государства в войну с другими странами. Спустя десять лет Сталин опять вернулся к этому вопросу и, ввиду невозможности воцарения социализма в европейских государствах, предложил идею разжигания конфликтов между ними. Причем, если между крупнейшими капиталистическими государствами начнется война, Советский Союз должен был быть готовым «бросить решающую гирю на чашу весов».

Советская военная концепция в те годы отличалась активным наступательным характером.

Любопытный факт: из многочисленных документов, касающихся сути военно-стратегического планирования и непосредственной подготовки нанесения удара по Германии, на данный момент предан гласности только один. Он называется «Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками». Подготовка документа была закончена примерно между 7 и 15 мая 1941 года.

Основы военной стратегии в «Соображениях» очень четки: «Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию мобилизованной, с развернутыми тылами, она имеет возможность упредить нас в развертывании и нанести внезапный удар. Чтобы предотвратить это и разгромить немецкую армию, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий германскому командованию, упредить (подчеркнуто в тексте) противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск».

Но возникает вопрос: может быть, написанное осталось нереализованным намерением? В действительности, как свидетельствуют многочисленные документы и события, это намерение Генштаб активно внедрял в жизнь, причем под прикрытием подготовки к отпору возможного нападения со стороны Германии.

Ниже приведены некоторые выдержки из «Соображений»:

«Для того чтобы обеспечить выполнение изложенного выше замысла, необходимо заблаговременно провести следующие мероприятия, без которых невозможно нанесение внезапного удара по противнику как с воздуха, так и на земле:

1) произвести скрытое отмобилизование войск под видом учебных сборов запаса;

2) под видом выхода в лагеря произвести скрытое сосредоточение войск ближе к западной границе, в первую очередь сосредоточить армии резерва Главного командования;

3) скрыто сосредоточить авиацию на полевые аэродромы из отдаленных округов и теперь же начать развертывать авиационный тыл;

4) постепенно под видом учебных сборов и тыловых учений развертывать тыл и госпитальную базу».

Валерий Данилов, изучив документы тех лет, дал им свои комментарии. Итак:

по первому пункту. С конца мая 1941 года начался призыв 793 тысяч человек для «прохождения Больших учебных сборов» (БУС);

по второму пункту. В мае советские войска стали сосредоточиваться ближе к западу. На рубеже Днепра и Западной Двины расположились четыре армии и стрелковый корпус. Возле госграницы, на расстоянии 20–80 километров от нее, стояли войска. С 1 июня по 10 июля 1941 года сосредоточение должно быть завершено;

по третьему пункту. В середине июня из Забайкалья и с Дальнего Востока несколько авиационных дивизий были переброшены в европейскую часть страны;

по четвертому пункту. С середины мая проводились мероприятия по тыловому обеспечению наступательных действий, сосредоточению резервов техники, вооружения, боеприпасов, продовольствия, фуража, горюче-смазочных материалов, созданию госпитальной базы.

Двадцать седьмого мая западным приграничным округам было приказано срочно построить фронтовые полевые командные пункты около границы, а 19 июня переместить на них фронтовые управления Прибалтийского, Западного и Киевского особых военных округов (управление Одесского военного округа это сделало раньше).

Четырнадцатого — пятнадцатого июня перечисленным военным округам было приказано направить свои дивизии к государственным рубежам, а 19 июня — замаскировать аэродромы, воинские части, парки, склады, базы и вывести

самолеты на аэродромы.

Таким образом, мы видим переход от старой военной стратегии «На всякое нападение врага ответить сокрушительным ударом всей мощи вооруженных сил», к новой — «Ни в коем случае не давать инициативы германскому командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию».

Накануне войны по причине новой установки стали усиленно готовить упреждающий удар по вермахту.

Вполне возможно, что именно усиленная подготовка к нанесению упреждающего удара послужила причиной неспособности советской армии противостоять нападению фашистов.

В своих мемуарах военно-политическое руководство СССР обычно подчеркивает свою недостаточную осведомленность о возможных сроках нападения Германии. Однако существующие документы говорят совсем иное.

Например, уже через 18 дней после подписания Гитлером директивы № 21 о плане «Барбаросса» знал Сталин, а соответственно и начальник Генштаба, и Нарком обороны. Есть достоверные данные, что о плане «Барбаросса» советское руководство проинформировал офицер генерального штаба люфтваффе обер-лейтенант Шульце-Бойзен (советский разведчик, действовавший под псевдонимом Старшина). Историки подсчитали, что внешняя разведка, пограничные войска, военная контрразведка, органы госбезопасности, НКВД представили советскому руководству более сотни документов о подготовке Германии к нападению на СССР.

Так, Жукову непосредственно подчинялось Разведывательное управление Генерального штаба, которым руководил генерал Филипп Голиков. С завидным постоянством, примерно один — два раза в месяц, это Управление предоставляло руководству Наркомата обороны различные сведения. А спецсообщение о распределении вооруженных сил Германии по театрам и фронтам военных действий по состоянию на 1 июня 1941 года спустя три недели — 23 июня — вообще издали отдельной брошюрой. В ней, в частности, говорилось об основных направлениях сосредоточения германских войск: Восточная Пруссия, Варшавское, Люблинско-Краковское и другие. Как приложение была напечатана вкладка «Группировка германской армии в Восточной Пруссии и бывшей Польше по состоянию на 1 июня 1941 г.», где показана дислокация соединений и частей вермахта в пограничной полосе с СССР.

Маршал Жуков говорил, что он и нарком обороны о

нападении немцев 22 июня узнал из сообщений командования КОВО по данным, полученным от немецких перебежчиков. Может быть, начальник Генштаба и получал такую информацию. Однако, согласно другим источникам, сведения о конкретных датах нападения фашистов советскому руководству сообщали наши агенты, в частности Рихард Зорге и сотрудник германского посольства в Москве Герхард Кегель.

Двадцать первого июня 1941 года: «В германском посольстве в Москве считают, что наступающей ночью будет решение, это решение — война». На данный момент эта информация находится в одном из архивов Генштаба, поэтому, естественно, о ней точно знал Жуков.

На сведения, полученные от Герхарда Кегеля, Сталин отреагировал сразу же. Несмотря на проведенное ранее в этот день заседание Политбюро, вождь вечером снова собирает его. Именно в тот вечер и была подготовлена директива о приведении войск западных военных округов в боевую готовность и организации боевых действий по отпору агрессии.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что советское политическое и военное руководство было достаточно хорошо проинформировано о сроках гитлеровского нападения, составе и расположении его группировок, направлении основных ударов и других подробностях гитлеровской агрессии.

Почему фюрер пощадил Великобританию

К весне 1941 года фашисты покорили практически весь европейский континент, и все считали, что следующим на очереди будет Соединенное Королевство. Тем более что еще 16 июля 1940 года Гитлер издал директиву о вторжении в Ангилю, а в сентябре люфтваффе начали бомбить английские города. Однако потом случилось совершенно неожиданное. Известный российский историк и публицист Николай Стариков в книге «Кто заставил Гитлера напасть на Сталина» рассказывает, что вместо окончательного покорения Англии фюрер вдруг 22 июня 1941 года нападает на СССР. Выходит, что немцы начинают воевать на два фронта, хотя ранее фюрер заявлял, что такая война — «самоубийственная роскошь». Вполне очевидно, что Гитлер хотел завоевать всю Европу целиком, тогда почему его действия перестали быть логичными? Ведь силы и ресурсы для уничтожения Англии у Германии точно имелись.

Стариков дает информацию читателям о событиях 1938 года. Так, 30 сентября, после подписания Мюнхенского соглашения, была подписана Декларация о ненападении и мирном решении спорных вопросов между Германией и Великобританией.

Уже ни для кого не является секретом тот факт, что США и Великобритания финансировали Гитлера и его нацистскую партию, начиная с 20-х годов XX столетия. А принимая во внимание то обстоятельство, что британцы всегда старались «чужими руками жар загребать», становится очевидно: Англия была заинтересована в нападении Германии на Советский Союз. Именно об этом, как правило, и «забывают» обычно историки, которые придерживаются официальной версии, говорит Николай Стариков. Гарантией агрессии Гитлера на Восток, чего добивалась Англия, должен был стать этот малоприметный на фоне Мюнхенского сговора англо-германский договор, а отнюдь не Мюнхенское соглашение, в котором речь шла только о Чехословакии.

Но после подписания вышеупомянутых документов отношения Англии и Германии дали трещину. Гитлер, которого англосаксы рассматривали как цепного пса, чья функция состояла в нападении на Советы, неожиданно перестал быть контролируемым и посчитал себя равным Англии. Такого поворота событий в Лондоне не ожидали. Как считали тогда британские политтехнологи, в целях получения более удобного

плацдарма для агрессии против СССР Гитлеру необходимо было присоединить к рейху Чехию, Словакию и вторгнуться в Карпатскую Украину.

Но фюрер стал действовать вполне самостоятельно. В марте 1939 года он подарил независимость Словакии (в отличие от Чехии, которая была присоединена к Рейху под названием «Протекторат Богемии и Моравии»), а Карпатскую Украину отдал Венгрии. Напряжение между Германией и Британией все нарастало, и в итоге Гитлер из «респектабельного политика» стал для Лондона «наглым агрессором».

Однако гораздо сильнее западных демократий Гитлер ненавидел СССР и большевизм. Именно потому он до последнего момента изо всех сил старался нормализовать отношения с Лондоном. Вот почему Гитлер «не поставил Англию на колени».

Но как же тогда объяснить бомбардировки английских городов, воздушную битву за Британию? Разве это не доказательство намерения Гитлера уничтожить англосаксов? По мнению Николая Старикова, эта «битва» являлась только небольшим невыразительным эпизодом на фоне чудовищной трагедии, которую гитлеровцы вскоре разыграют на востоке. Фюрер не собирался направлять свои войска на Британские острова, в пользу этого свидетельствует тот факт, что ранее он расформировал 50 дивизий и еще 25 перевел на штатное расписание мирного времени. Ни один руководитель страны во время боевых действий не расформировывает свою армию. Следовательно, Гитлер надеялся, что война завершится переговорами.

Даже сбрасывая бомбы на Лондон, Гитлер стремился к союзу с Великобританией.

А как же тогда объяснить воздушную битву за Англию? Чтобы понять тактику фюрера, необходимо проследить за его намерениями. Гитлер не хотел войны с Великобританией, но и она, в свою очередь, мирный договор с Германией не заключала. Потому в такой ситуации фюрер мог либо пойти на условия англичан (что для фактического хозяина ситуации совершенно неприемлемо), либо постараться склонить их к миру. Именно склонить, а не разбить или уничтожить. Интересный факт: первой бомбардировку цели противника в англо-германском противостоянии совершила британская авиация. Едва англичане узнали, что Гитлер не будет нападать на СССР в удобное для них время (вместо этого фюрер вторгся в Бельгию, Нидерланды и Люксембург, а затем и во Францию), английские бомбы были сброшены на немецкий город Фрайбург. Так, в мае 1940 года погибло мирное германское население. Однако Гитлер

совершенно не отреагировал на эту воздушную бомбежку. Первый налет на британскую территорию германская авиация совершит только спустя два месяца после бомбежек англичан. Этот момент и стал началом «битвы за Англию», которая, по официальной историографии, завершилась победой англичан. Считается, что, невзирая на огромные потери, англичане таки вынудили немцев отказаться от плана вторжения в Великобританию с моря и воздуха. Как утверждает Николай Стариков, в действительности все эти взаимные бомбежки были фарсом, в котором, к сожалению, люди гибли по-настоящему.

С июля по декабрь 1940 года был разработан и утвержден план «Барбаросса». А в мае 1941-го состоится странный полет Рудольфа Гесса в Англию, который, как утверждает Стариков, был последней попыткой Берлина и Лондона договориться о совместном ударе по СССР. Совместных действий не получилось, однако Гитлер был абсолютно уверен, что и мешать Англия ему не станет — войны на два фронта не будет. В противном случае фюрер попросту не нападал бы на СССР.

Следует отметить, что официальными союзниками в войне против Германии Великобритания и Советский Союз стали только 26 мая 1942 года — в тот день в Лондоне был подписан соответствующий договор. Одиннадцать месяцев с момента нападения Германии на СССР между «союзниками» никакого, даже формального союза не было. Англия заняла выжидательную позицию. И когда ситуация на фронте немного прояснилась и стало понятно, что не только быстрая победа, но и победа вообще Гитлеру не светит, Англия незамедлительно протянула ненавидимой ей стране «союзническую руку».

Начало блицкрига

Несмотря на многочисленные факты, многие историки до сих пор придерживаются мнения, что именно договор о ненападении между СССР и Германией от 23 августа 1939 года стал толчком к нападению Германии на Польшу 1 сентября 1939 года. Однако совершено очевидно, что подготовиться к крупной военной кампании за неделю или даже за месяц просто невозможно!

Пятнадцатого июня 1939 года генерал фон Браухич показал Гитлеру свой секретный план относительно военных операций против Польши. «Цель операции — уничтожить польские военные силы». В каждой строке этого плана проскальзывало личное мнение фюрера.

Достоверно известно, что фашисты начиная с 1936 года готовились захватить Польшу. Тогда польский разведчик Юрек Сосновски добыл и передал польскому правительству планы германского генерального штаба по захвату Польши, в частности план танковой войны, разработанный Гудерианом. Абверу и другим секретным службам удалось узнать достаточно подробную информацию о польских вооруженных силах: количестве дивизий, их вооружении и оснащении боевой техникой, о планах стратегического развертывания на случай войны. Из этих данных следовало, что польская армия совершенно не была готова к войне.

Ныне историки достоверно знают, что польский главный штаб долгие годы разрабатывал планы военных акций против СССР, при этом совершенно позабыв об укреплении своих западных границ. И лишь в марте 1939 года, перед опасностью германского вторжения, командование польских вооруженных сил стало разрабатывать план «Захуд». Но польское правительство категорически отказывалось вступать в оборонительный союз с СССР. С весны 1939 года абвер и СД с помощью своих агентов начали активно провоцировать народные восстания в Галиции и в некоторых других, заселенных в основном украинцами районах Польши.

Тогда же был разработан и учрежден план «Вайс» (Weiss) — стратегический план нападения на Польшу, который был первой ласточкой в череде планируемого восточного блицкрига.

Нападение Германии на Польшу было запланировано на 26 августа вне зависимости от того, будет или не будет подписан договор в Москве. Перенесение срока на 1 сентября имело военно-стратегическую и дипломатическую подоплеку: группа «Север» не успевала занять исходные позиции в назначенный

срок; Муссолини не был готов к войне с Францией, а в Лондоне был подписан англо-польский договор, в связи с чем немцы были вынуждены подкорректировать свои планы.

Пятого августа 1939 года английская и французская военные миссии, которые должны были обсудить в Москве союз Англии, Франции и Советского Союза, сели на судно и направились в Ленинград. В Москву они должны были прибыть 11 августа. Это пятидневное путешествие морем, вместо одного дня перелета, стало роковым для мира. Между тем Адольф Гитлер сумел использовать эти пять дней, чтобы заложить основы самого невероятного договора в истории: советско-германского пакта.

Было ясно, что война вот-вот начнется. Любопытный факт: единственным немецким руководителем, предпринимавшим последние судорожные попытки предотвратить катастрофу, являлся Герман Геринг. Небольшая оппозиционная группа напрасно стремилась заручиться поддержкой штаба ОКВ. Генерал Томас, член этого штаба, представил генералу Кейтелю, шефу ОКВ, меморандум, в котором говорилось, что быстрая война и быстрый мир это всего лишь иллюзия.

Итак, 25 августа Гитлер приказал вермахту: 26 августа в 4.15 внезапно напасть на Польшу. Приказ дошел до лейтенанта Херцнера, командира особого отряда, сформированного абвером. Херцнеру было поручено захватить Бланковский перевал, имевший особое стратегическое значение, — это были своеобразные ворота для вторжения частей войск группы «Юг» с севера Чехословакии в южные районы Польши.

Отряду предстояло снять польскую пограничную охрану, заменить ее немецкими солдатами, переодетыми в польскую форму, сорвать возможную попытку поляков заминировать железнодорожный тоннель и очистить от заграждений участок железной дороги.

Действия отряда происходили в условиях сильно пересеченной местности. Поэтому рации не могли принимать сигналы, и Херцнер не знал, что датой нападения на Польшу стало 1 сентября. Такая же ситуация сложилась еще на нескольких участках, где офицеры связи не успели догнать войска.

Утром 26 августа, перейдя границу, отряд лейтенанта Херцнера захватил горный переход и поселок возле него, объявил двум тысячам польских солдат, офицеров и горняков, что они взяты в плен, и запер их в складских помещениях. Сопротивлявшихся для устрашения остальных тут же расстреляли, затем взорвали телефонную станцию и организовали посты на горном переходе.

К вечеру Херцнер получил приказ о возвращении домой, поскольку война еще не началась. Лейтенант приказ выполнил, оставив после себя первые жертвы фактически первой боевой операции Второй мировой войны.

Кроме этой, была и еще одна, наделавшая много шума операция, подготовка к которой и явилась одной из причин отсрочки начала войны.

Семнадцатого августа генерал Франц Гальдер записал в своем журнале: «Канарис подписал Секцию VI (Операция). Гиммлер, Гейдрих, Оберзальцберг: 150 польских униформ с аксессуарами для Верхней Силезии». Расшифровать эти на первый взгляд бессвязные слова было непросто. Однако генералу Гальдеру был точно известен их смысл: речь шла о подготовке к предстоящей операции, которая в случае нападения Германии на Польшу позволила бы свалить ответственность за развязывание войны на поляков.

В таких махинациях нацистские руководители были очень опытными.

Новый проект по Польше был закодирован под названием «Операция „Гиммлер”». Для его осуществления адмиралу Канарису, шефу абвера, было приказано снабдить Гиммлера и Гейдриха ста пятьюдесятью формами и легким оружием польской армии. 17 августа Канарис попросил разъяснений у генерала Кейтеля. Шеф ОКВ сказал, что приказ исходит от самого фюрера, а значит, обсуждению не подлежит. Канарис выполнил то, что от него требовалось.

Итак, перед немецкими солдатами стояла задача: к 1 сентября найти повод для нападения на Польшу, благодаря чему она предстала бы в глазах всего мира агрессором. В результате решено было напасть на германскую пограничную станцию в Глейвице.

«Нападавших» решили сделать из немецких уголовников и заключенных концлагерей, одетых в польскую униформу и снабженных оружием польского производства. Псевдополяков решено было гнать на пулеметы специально размещенной для этого охраны.

Из показаний непосредственного участника операции в Глейвице Альфреда-Гельмута Науйокса: «Около 10 августа глава СД Гейдрих приказал лично мне имитировать атаку польских формирований на радиостанцию Глейвиц, вблизи польской границы. Я получил инструкции захватить радиостанцию и удержаться там достаточно долго, чтобы позволить «немце-полякам», которые поступят в мое распоряжение, передать по радио воззвание. Гейдрих сказал мне также, что Германия атакует

Польшу в ближайшие дни».

Науйокс приехал в Глейвиц за две недели до начала операции. Там он ожидал условного сигнала.

«В Глейвице я оставался четырнадцать дней… Между 25 и 31 августа я поехал на встречу с Генрихом Мюллером, который пребывал в окрестностях Оппельна».

С начальником гестапо Мюллером Науйокс детально обсудил предстоящую операцию, в которой должны были участвовать более десятка приговоренных к смерти уголовников. Их, одетых в польскую форму, предстояло убить в ходе нападения и оставить на месте происшествия, как доказательство того, что они погибли во время атаки. Врач, подкупленный Гейдрихом, должен ввести им смертельную инъекцию, и одновременно с тем на трупах оставят следы пулевого ранения. После происшествия на место созовут журналистов и других заинтересованных лиц. Мюллер предупредил Науйокса, что, по приказу Гейдриха, одного из этих осужденных предоставят ему.

Тридцать первого августа в 16.00 в седьмом номере отеля «Обершлейзишер Хоф» Альфред Науйокс детально проинструктировал шестерых человек своей диверсионной группы. Начало операции было назначено на 18.30.

Приблизительно в то же время две большие черные машины остановились на опушке леса Ратибор. Из машин люди достали два ящика. В первом лежало семь револьверов системы «Люгер-9», на них — сложенныая польская униформа. Группа людей молча переделась. Ни один комплект не пришелся по размеру. В другом ящике лежала радиостанция. Карл, один из членов группы, настроил ее и, надев наушники, стал ждать. Неожиданно прозвучал сигнал. Было ровно 19.27.

Науйокс немедленно направился к одной из машин. Вопрос Карла относительно рации остался без ответа, и он просто бросил ее в лесу. Машины отъехали.

В ночной темноте показалась радиостанция Глейвица. Автомобили резко затормозили. Поднявшись по ступенькам, Науйокс толкнул большую застекленную входную дверь. В холле служащий в темно-синей форме поднялся со стула, но, увидев польских солдат, удивленно остановился. Один из диверсантов бросился на него, схватил за плечи и дважды ударил головой о стену. Не проронив ни звука, служащий соскользнул на пол.

А Науйокс уже мчался по коридору направо. Он влетел во вторую комнату и оглушил ударом приклада растерявшегося служащего. Тут он услышаля призывный крик Карла.

Науйокс, направившись на зов, ворвался в студию, где у микрофона уже находился Генрих, приготовившись читать

сообщение. Карл был в соседней комнате, где стоял передатчик, с помощью которого можно было выйти в эфир радио Бреслау, а оттуда вещать на всю Германию. Через широкое стекло, отгораживающее студию от комнаты, Науйокс и Генрих увидели, как Карл суетился, то и дело опуская и поднимая все рычаги. Оказалось, что Карл никак не мог найти рычаг подключения.

Это была настоящая катастрофа. Передача должна была выйти в эфир во что бы то ни стало. По другую сторону стекла отчаянно махал руками, повторяя свой текст, потерявший самообладание Генрих…

В результате передачу пришлось вести исключительно на местной волне. Это означало, что объявление не услышат нигде, кроме Глейвица. Науйокс вернулся в студию и приказал Генриху начинать громко читать по сигналу Карла.

Тот повиновался и стал читать свой текст очень быстро, практически выкрикивая слова. При первом же выстреле из револьвера, который сделал Науйокс, Генрих вздрогнул всем телом и, уронив микрофон, прервал чтение. Затем он взял себя в руки и закончил передачу. По завершении операции командир, Карл и Генрих покинули студию, сразу же наполнившуюся дымом. Но перед тем немцы перестреляли уголовников, одетых в польскую форму. Согласно некоторым данным, в тот момент был убит и «диктор» Генрих.

Немедленно на место происшествия выехали фотокорреспонденты и репортеры центральных германских газет. Им показали «трупы польских военнослужащих», якобы напавших на радиостанцию. В тот же день в официальной прессе Германии появились сенсационные сообщения об «успешно отраженном вооруженном нападении» на радиостанцию в Глейвице.

Первого сентября 1939 года в 7.00 Науйокс прибыл в кабинет Гейдриха. Он не спал двое суток и был небрит. В течение этого времени Науйокс убеждал себя в том, что «Операция "Гиммлер"», проведенная под его руководством, потерпела провал. Гитлер надеялся, что об атаке поляков через несколько минут будет знать вся Германия. На самом деле вышло так, что одни лишь владельцы радиоприемников города Глейвиц смогли услышать об операции, отнявшей у немцев столько времени…

Однако Гейдрих неожиданно поздравил Науйокса с завершением операции, лишь вскользь упомянув о помехах в эфире и о том, что он так ничего и не услышал. «Важно, что передача состоялась и никто не был пойман!» — резюмировал шеф имперской безопасности.

Науйокс стал объяснять причины провала операции, однако Гейдрих почти сразу же прервал его и подал свежий номер газеты

«Фелькишер беобахтер». На первой странице красовался крупный заголовок: «Агрессоры атакуют радио Глейвица».

«Гитлер доволен», — произнес Гейдрих. Было очевидно, что и сам он вполне удовлетворен.

Неудача в Глейвице не смутила немецкое руководство — случилось главное, чего они добивались: военная машина была запущена!

Операции, подобные Глейвицкой, проводились и далее. В ночь с 31 августа на 1 сентября 1939 года, переодевшись в польских железнодорожников, 80 диверсантов, возглавляемые обер-лейтенантом Грабертом, перешли немецко-польскую границу в Силезии. На рассвете 1 сентября немцы смешались с толпой на вокзале железнодорожного узла в Катовицах — самого крупного в юго-западной Польше. После известий о нападении Германии польские саперы принялись минировать центр управления железнодорожным движением; взрыв задержал бы наступление 10-й армии фельдмаршала Вальтера фон Рейхенау. Половина группы Граберта окружила работающих поляков и принялась стрелять в них из автоматов. В ход пошли также гранаты. Остальные диверсанты из толпы выкрикивали по-польски противоречивые приказы, притворялись людьми, охваченными паникой, вскакивали в поезда, выкатывали вагоны за станцию. Спустя несколько секунд станцию охватил полнейший хаос. После полудня Граберт передал Катовицкий железнодорожный узел передовым частям 10-й армии. Поляки ничего не смогли уничтожить…

Первого сентября в 10.00 в рейхстаге Гитлер обратился с речью к германскому народу: «Многочисленные вторжения поляков на германскую территорию, в том числе нападение регулярных польских войск на пограничную радиостанцию в Глейвице, заставляют нас принять ответные меры».

На тот момент нацистская авиация уже вовсю бомбила аэродромы, узлы коммуникаций, экономические и административные центры Польши. Германский линкор «Шлезвиг-Гольштейн», заранее прибывший к польскому побережью, открыл огонь по полуострову Вестерплатте, защитники которого оказали героическое сопротивление. Сухопутные силы вермахта вторглись в Польшу с севера, запада и юга.

Так началась кровопролитная Вторая мировая война.

В тот же день министерство иностранных дел рейха направило всем своим дипломатическим представителям за границей телеграмму, в которой, в частности, говорилось, что «в целях защиты от польского нападения германские подразделения

начали сегодня на рассвете операцию против Польши. Эту операцию в настоящее время не следует характеризовать как войну, но лишь как стычки, спровоцированные польскими атаками».

Между тем Англия, Франция и Италия все еще пытались договориться между собой. Швед Далерус являлся посредником между Герингом и британским правительством. В 8.00 Далерус прибыл к Герингу, который заявил, что «война развязана по вине поляков, атаковавших немецкую радиостанцию в Глейвице и взорвавших мост неподалеку от Диршау». Немедленно Далерус вызвал министерство иностранных дел и предупредил о том, что, по полученной информации, поляки первые стали атаковать.

В 10.30 посол Великобритании Хандерсон подтвердил польскую атаку.

Вечером в 21.40 Хандерсон и часом позже посол Франции Кулондр объявили германскому министру иностранных дел Риббентропу, что если Германия не выведет свои войска с польской территории, то Франция и Великобритания выполнят свои обязательства по договору с Польшей. В ответ Риббентроп упрямо твердил, «что речь идет не о немецкой агрессии», а о польской, так как накануне регулярные войска польской армии атаковали немецкую территорию.

Однако уже ничто не могло избавить мир от ужасной трагедии, которой в течение нескольких последующих лет предстояло унести миллионы жизней.

Англия и Франция предложили Германии прекратить военные действия и отвести войска на свою территорию. Они еще рассчитывали решить «польский вопрос» мирным путем, передав Германии Данциг (Гданьск) и Польский коридор (выход Польши к морю). Но Гитлер и не думал сдаваться.

Третьего сентября 1939 года Англия и Франция объявили Германии войну.

Трагедия в Мерс-эль-Кебире

Летом 1940 года случилось событие, которое до сих пор вспоминают англичанам французские мореплаватели. Происшедшее привело в неописуемую ярость французское правительство, очень обрадовало фюрера, вызвало негодование во многих странах мира и значительно сказалось на ходе боевых действий в Европе. А Уинстон Черчилль по этому поводу произнес: «Ни одно действие не было более необходимым для спасения Англии…» Так что же случилось?

После нападения нацистов на Польшу Англия и Франция в сентябре 1939 года объявили войну нацистской Германии. Но надо отметить, что боевые действия с их стороны велись очень пассивно, за что война потом получила название «странной».

Двадцать восьмого марта 1940 года английское и французское правительства подписали взаимное обязательство по незаключению сепаратного мира с Германией. А 10 мая бронетанковые дивизии вермахта, наголову разбив французов у Седана, направились к Ла-Маншу, раскололи союзнические армии и прижали английские экспедиционные войска к морю. Англичанам удалось успешно эвакуироваться из Дюнкерка. В этом событии в Англии и США увидели настоящее чудо, однако французы, в беспорядке отступающие в глубь страны и вскоре капитулировавшие, посчитали его предательством.

Ситуация была критической для Франции. В середине июня французский премьер-министр Поль Рейно обратился к Черчиллю с просьбой освободить их сторону от принятого в марте обязательства не заключать сепаратного мира с Гитлером. 14 июня Франция капитулировала. Спустя две недели Черчилль, пытаясь укрепить волю французов к сопротивлению, направил Рейно два ответных послания. Англия разрешала французскому правительству выяснить у Гитлера условия перемирия, но только в случае, если французский флот отправится в британские порты до исхода переговоров. Далее в послании настоятельно подчеркивалась решимость Англии продолжать войну против нацизма, несмотря на любые трудности. В тот же день под нажимом генерала де Голля, настойчиво убеждавшего в необходимости «какого-нибудь драматического жеста», Черчилль сделал историческое предложение о провозглашении «нерасторжимого союза» Франции и Великобритании. Под этим понималось «слияние двух государств» и создание «единого военного кабинета и единого парламента». На тот момент французское правительство спешно эвакуировалось в Бордо.

До получения депеш Рейно был в подавленном настроении, однако послание Черчилля подбодрило его. В ответ французский премьер сказал, что готов «бороться до конца». Но другие руководители встретили предложение о «нерасторжимом союзе» довольно враждебно. В обстановке упаднических настроений 73-летний главнокомандующий армией генерал Вейган заявил, что в течение трех недель «Англии свернут шею, как цыпленку». Маршал Петен прокомментировал, что английское предложение равносильно «слиянию с трупом». А два первых послания Черчилля, в которых говорилось о французском флоте, вообще не были приняты к рассмотрению.

Вечером 16 июня Рейно подал в отставку, и маршал Петен — 80-летний герой битвы под Верденом 1916 года — создал новое правительство. На следующий день Черчилль вновь потребовал, чтобы новое правительство Франции не сдавало противнику французский флот. Но на тот момент в Бордо рассудили, что отправка военных кораблей в Англию совершенно бессмысленна: если Англия капитулирует, то французский флот в любом случае достанется Гитлеру.

На личную встречу с главнокомандующим французским флотом адмиралом Дарланом первый лорд Адмиралтейства Англии и адмирал Дадли Паунд были срочно направлены во Францию 18 июня. Там «они получили много торжественных заверений, что флоту никогда не будет позволено очутиться в руках у немцев». Однако, как сказал позже Черчилль, Дарлан ничего не сделал, чтобы «вывести французские военные корабли за пределы досягаемости быстро приближающихся немецких войск».

В результате 22 июня Франция подписала перемирие с фашистской Германией в знаменитом Компьенском лесу. Отныне предстояло французский флот сосредоточить в портах и разоружить «под германским и итальянским контролем».

Когда англичане строили свой военно-морской флот в предвоенное время, то придерживались принципа «уровня двух держав», то есть по числу боевых единиц ВМС должны превосходить объединенную мощь двух вероятных противников. Поэтому в 1940 году Великобритания все еще обладала самым крупным военно-морским флотом в мире, несмотря на то что он значительно поредел в ходе операций по охране конвоев в Северной Атлантике, в неудачной норвежской компании и у Дюнкерка. И тем не менее английские ВМС имели численный перевес по крупным кораблям: 11 линкоров, три линейных крейсера и пять линкоров в постройке, в то время как Германия располагала двумя «карманными линкорами», двумя линейными

крейсерами новейшей постройки и строила еще два линкора.

Вступление в июне 1940 года Италии в войну существенно изменило соотношение сил. У итальянцев имелся современный быстроходный флот.

Для островной Великобритании, имперские владения которой полностью зависели от сохранения военно-морской мощи, переход французского флота в руки Гитлера являлся бы настоящей катастрофой. Флот Франции был четвертым по численности флотом в мире, он состоял из 5 старых линкоров, 2 современных линейных крейсеров «Дюнкерк» и «Страсбург», которые могли противостоять германским линейным кораблям, уже почти построенных мощных линкоров «Жан Бар» и «Ришелье», 18 крейсеров, 2 авианосцев и множества эсминцев. Командовал этим флотом 58-летний адмирал Дарлан. По мнению Черчилля, это был «один из тех французов, которые ненавидят Англию», потому адмиралу не доверял. Сам Дарлан на встрече с двумя руководителями английского Адмиралтейства в Бордо 18 июня 1940 года торжественно пообещал ни на каких условиях не передавать флот Германии. Между тем, прочитав статью 8 соглашения о перемирии, англичане насторожились: серьезные опасения вызывали слова о разоружении флота «под немецким и итальянским контролем». Из чего следовало, что Гитлер мог распоряжаться французскими кораблями так, как посчитает нужным.

Опасения Англии оказались не напрасны. Специальный представитель во Франции генерал Эдуард Спирс сообщил, что если фюрер захочет захватить французские корабли, то ему достаточно будет пригрозить сжечь Марсель, предать огню Лион или пообещать уничтожить Париж. Зная о вероломстве Гитлера, это был серьезный аргумент. Доверие Черчилля к режиму Петена еще больше пошатнулось, когда французское правительство вернуло Германии 400 пленных немецких летчиков. Этот факт давал возможность люфтваффе значительно укрепиться в предстоящем сражении за Англию.

Для Великобритании условия германо-французского перемирия были просто катастрофой. Разведка сообщала, что Гитлер планировал вторжение в Англию 8 июля. До этого срока необходимо было решить судьбу французского флота, чтобы иметь шанс сосредоточить английские военные корабли в водах метрополии. 27 июня состоялось заседание британского кабинета министров, которое определило все. На тот момент некоторые французские корабли находились в портах своей страны и предпринять что-либо против них было невозможно. Несколько кораблей стояли в местных портах. Их планировали захватить

силой, если команды судов не примут условия англичан. Недостроенные линейные корабли «Жан Бар» и «Ришелье» не являлись проблемой, поскольку располагались соответственно в Касабланке и Дакаре, где их охраняли английские военные корабли.

Сильная французская эскадра, возглавляемая вице-адмиралом Рене Годфруа, базировалась в Александрии и подчинялась английскому адмиралу Каннингхэму. Эти двое военных поддерживали приятельские отношения. Несмотря на указание Дарлана перебазировать эскадру в один из портов в Тунисе, Годфруа уступил требованию Каннингхэма не выводить свои корабли. Эскадра фактически оставалась в Александрии до полной победы англо-американских экспедиционных сил в Северной Африке.

Но основной угрозой Великобритания считала небольшую военно-морскую базу Мерс-эль-Кебир на побережье Алжира, западнее Орана. Тут располагалось сильное военно-морское соединение, которым командовал адмирал Жансуль. Адмирал Паунд сообщил Черчиллю, что корабли Жансуля — в германских руках или самостоятельно — могут вынудить Англию уйти из Средиземного моря.

Ко 2 июля английское правительство направило адмиралу Жансулю четыре предложения на выбор:

1) увести корабли в британские порты и продолжать сражаться вместе с Англией;

2) имея на борту экипажи уменьшенного состава, направиться в один из английских портов, откуда воинский состав репатриируют;

3) направиться с экипажами уменьшенного состава в какой-либо французский порт в Вест-Индии, где корабли переведут под охрану США до конца войны;

4) потопить свои корабли.

Если Жансуль не согласится ни на одно из этих предложений, английскому военно-морскому флоту был дан приказ ликвидировать все его корабли, особенно «Дюнкерк» и «Страсбург». На этом «смертельном ударе» Черчилль особенно настаивал, несмотря на позиции членов комитета начальников штабов. Они очень сомневались, что операция под кодовым названием «Катапульта» пройдет успешно. По мнению же самого Черчилля, на карту в то время было поставлено «само существование Англии».

Провести операцию «Катапульта» планировалось поручить соединению «Эйч» («Н») — ударной группировке, собранной в Гибралтаре. Она состояла из новейшего английского линкора

«Худ» водоизмещением 42 000 тонны, двух линкоров «Резолюшн» и «Вэлиант», одиннадцати эсминцев и авианосца «Арк Ройял». Соединением командовал вице-адмирал Джеймс Сомервилл. Утром 1 июля он получил приказ: «Быть готовым к „Катапульте" 3 июля».

Но, как бы то ни было, в полдень 2 июля соединение «Эйч» вышло из Гибралтара в направлении Орана. На следующее утро Сомервилл отправил к адмиралу Жансулю капитана Седерика Холланда на эсминце «Фоксхаунд». Пятидесятилетний Холланд служил в Париже военно-морским атташе. Он свободно говорил по-французски и был лично знаком с Жансулем. Последний был явно огорчен тем, что Сомервилл не прибыл лично и, сославшись на занятость, не принял Холланда. Однако делегат все-таки смог передать адмиралу английское послание, где были изложены все условия. Они сразу же были переданы по радио Дарлану. Примерно в то же время самолеты с авианосца «Арк Ройял» сбросили магнитные мины у побережья, чтобы французский флот не смог выйти из гавани.

Первым английскую эскадру, приближавшуюся с запада, заметил 26-летний Морис Путц, который проводил групповые спортивные занятия за Мерс-эль-Кебиром. Он распознал знакомый силуэт «Худа», с которым многим из его команды доводилось участвовать в совместных патрульных операциях в Атлантике. Вскоре французским ВМС было приказано приготовиться к бою.

Подготовка велась вяло (в действительности просто тянулось время), Сомервилл разгадывал многочисленные кроссворды, а старшие офицеры играли в маджонг. В четыре часа дня Жансуль в конце концов согласился встретиться с Холландом. Переговоры велись в душной каюте. Сначала французский адмирал был вне себя от ярости, затем смягчился и стал разговаривать более спокойно. Он сказал Холланду, что получил приказ Дарлана от 24 июня, где говорилось, что если какая-либо иностранная держава попытается захватить французские корабли, то они должны немедленно либо уйти в Соединенные Штаты, либо потопить себя.

Очевидно, Жансуль пытался выиграть время, дождаться наступления темноты и, если повезет, уйти из гавани. На самом деле Дарлан сразу же приказал всем находящимся в Средиземном море французским кораблям идти на помощь к Жансулю. Именно эта шифровка, перехваченная английским Адмиралтейством, и вынудила Черчилля дать приказ соединению «Эйч»: «Быстрее кончайте дело, иначе столкнетесь с подкреплением».

Ровно в 17.15 Сомервилл направил Жансулю ультиматум:

если через 15 минут он не получит от него ответа, эскадра будет потоплена. Едва Холланд покинул «переговорный пункт», как услышал громкий сигнал боевой тревоги. Все французские корабли, казалось, готовились выйти в море. Однако он отметил в своем рапорте: «Мало кто спешил занять место по боевому расписанию» — французы словно не верили, что англичане перейдут к делу. Холланд на своей моторной лодке, рискуя жизнью, помчался к эсминцу «Фоксхаунд».

Успев удалиться на милю от Мерс-эль-Кебира, Холланд в 17.45 заметил, что Сомервилл в конце концов приказал открыть огонь. С расстояния десяти миль его линейные корабли выпустили тридцать шесть залпов из 15-дюймовых орудий. Снаряды, весом в тонну каждый, достигли французских кораблей, вызвав колоссальные разрушения. Один из первых снарядов попал в «Дюнкерк», основательно повредил орудийную батарею, уничтожил главный генератор и вывел из строя гидравлическую систему. На старом линкоре «Бретань» вспыхнули пожары, корабль окутало клубами дыма, затем он перевернулся. Больше тысячи членов экипажа погибли. Обломки линкора «Прованс» вынесло на берег. У эсминца «Могадор» прямым попаданием была оторвана корма. Однако главная цель англичан — линейный крейсер «Страсбург» остался цел.

Французы пытались вести ответный огонь, но практически безуспешно. Канониры не успели подготовиться к бою и стреляли по движущимся целям, которые вскоре вышли за пределы досягаемости. Осколками были ранены двое моряков на «Худе», а снаряды береговых батарей начали сыпаться в опасной близости от британских кораблей. В 18.04 английские орудия смолкли. Приказ о прекращении огня, вероятно, был отдан по техническим причинам: корабли, двигавшиеся в кильватерном строю мимо базы на запад, не могли больше атаковать гавань, которую скрыли высокие прибрежные скалы.

«Страсбург» и пять эсминцев, в пелене дыма, на полной скорости, вышли из гавани и направились в открытое море. Отлично маневрируя, французский крейсер вскоре растворился в сгустившихся сумерках. Через полчаса Сомервилл обнаружил его исчезновение. После захода солнца устаревшие самолеты-торпедоносцы «Сордфиш» были подняты с авианосца «Арк Ройял» в погоню, но безуспешно. На следующую ночь «Страсбург» прибыл в Тулон, где к нему примкнул десяток крейсеров и эсминцев из Алжира и Орана.

Между тем Сомервилл отправил самолеты расправиться с «Дюнкерком». Особой необходимости в этом не было. Атака привела только к новым человеческим жертвам, поскольку от

взрывов торпед детонировали глубинные бомбы на тральщике, помогавшем эвакуировать оставшихся на «Дюнкерке» членов команды. Вот так завершилась операция «Катапульта».

Сам адмирал Сомервилл, испытывая отвращение к этому, по его мнению, «грязному делу», в письме к жене писал: «Боюсь, что получу здоровую нахлобучку от Адмиралтейства за то, что позволил ускользнуть "Страсбургу". Не удивлюсь, если меня после этого снимут с командования». Он также назвал это нападение «крупнейшей политической ошибкой нашего времени» и был уверен, что оно настроит весь мир против Англии.

Трагедия в Мерс-эль-Кебире надолго омрачила англо-французские отношения.

Еврейские солдаты фюрера

Он путешествовал по Германии на велосипеде, порой накручивая по сто километров в сутки. Месяцами он питался дешевыми бутербродами с джемом и арахисовым маслом, ночевал в спальном мешке у провинциальных вокзальчиков. Далее были путешествия по Швеции, Канаде, Турции и Израилю. Шесть лет продолжались поездки-поиски в компании с видеокамерой и переносным компьютером.

В результате летом 2002 года мир наконец увидел плоды этого подвижничества: тридцатилетний Брайан Марк Ригг опубликовал свой итоговый труд — «Еврейские солдаты Гитлера: нерассказанная история нацистских расовых законов и людей еврейского происхождения в германской армии». Брайан был евангельским христианином, выходцем из трудовой семьи техасского Библейского пояса, солдатом-добровольцем Армии обороны Израиля и офицером морской пехоты США. Однажды, заинтересовавшись прошлым своей семьи, он выяснил любопытную вещь: один из его предков служил в вермахте, а другой погиб в Освенциме. Почему так?

За плечами у Ригга была учеба в Йельском университете, грант от Кембриджа, 400 интервью с ветеранами вермахта, 500 часов видеопоказаний, три тысячи фотографий и 30 тысяч страниц воспоминаний гитлеровских солдат и офицеров — тех людей, чьи еврейские корни позволяют им хоть завтра репатриироваться в Израиль. Подсчеты и выводы Ригга поистине сенсационны: в германской армии на фронтах Второй мировой сражалось до 150 тысяч солдат, имевших еврейских родителей или бабушек с дедушками.

Термином «мишлинге» в рейхе именовали людей, родившихся от смешанных браков арийцев с неарийцами. Расовые законы 1935 года различали «мишлинге» первой степени (один из родителей — еврей) и второй степени (бабушка или дедушка — евреи). Вопреки юридической «подпорченности» людей с еврейскими генами и ожесточенной пропаганде, десятки тысяч «мишлинге» вполне комфортно жили при нацистах. Они, как и остальные, призывались в вермахт, люфтваффе и кригсмарине, становясь не только солдатами, но и частью генералитета на уровне командующих полками, дивизиями и армиями.

Сотни «мишлинге» были награждены за храбрость Железными крестами, а двадцать таких солдат и офицеров были удостоены высшей военной награды Третьего рейха — Рыцарского креста. Ветераны вермахта говорили Риггу, что

начальство неохотно представляло их к орденам и тянуло с продвижением в чине по причине их еврейских предков.

Некоторые жизненные истории кажутся вообще фантастическими, однако они вполне реальны и подтверждены документами. Например, восьмидесятидвухлетний житель севера ФРГ, верующий иудей, прослужил войну капитаном вермахта, тайно соблюдая еврейские обряды в полевых условиях.

Довольно долго на обложках нацистской прессы красовался голубоглазый блондин в каске. Под снимком была подпись: «Идеальный немецкий солдат». Этим арийским идеалом являлся боец вермахта Вернер Гольдберг (с папой-евреем).

Майор вермахта Роберт Борхардт был награжден Рыцарским крестом за танковый прорыв русского фронта в августе 1941 года. Потом Роберт был откомандирован в Африканский корпус Роммеля. Под Эль-Аламейном Борхардт был пленен англичанами. В 1944 году ему дали разрешение приехать в Англию, чтобы воссоединиться с отцом-евреем. В 1946-м Роберт вернулся в Германию, сказав отцу: «Кто-то же должен отстраивать нашу страну». В 1983 году, практически перед смертью, Борхардт рассказывал немецким школьникам: «Большинство евреев и полуевреев, воевавших за Германию во Вторую мировую, полагали, что они обязаны честно защищать свой фатерланд, служа в армии».

Полковник Вальтер Холландер, еврей по матери, получил личную грамоту Гитлера, где признавалось его арийство. Подобные удостоверения о «немецкой крови» Гитлер подписал и для других высокопоставленных офицеров еврейского происхождения. Холландер за годы войны был награжден Железными крестами обеих степеней и Золотым Немецким крестом. Этот редкий знак отличия полковник получил в июле 1943 года, когда его противотанковая бригада в одном сражении уничтожила 21 советский танк на Курской дуге. Вальтер получил отпуск; в рейх он отправился через Варшаву. Там его просто шокировал вид уничтожаемого еврейского гетто. Обратно на фронт Холландер вернулся духовно сломленным; в его личном деле появилась запись: «Слишком независим и малоуправляем». Тем самым путь к генеральскому чину был закрыт. В октябре 1944 года Вальтер был взят в плен и провел последующие двенадцать лет в сталинских лагерях. Умер Холландер в 1972 году в ФРГ.

Довольно загадочна и история спасения осенью 1939 года Любавичского ребе Йосефа Ицхака Шнеерсона из Варшавы. Хабадники в США направили госсекретарю Корделлу Хэллу просьбу о помощи. Госдепартамент смог договориться с адмиралом Канарисом — главой военной разведки (абвера) о

свободном проезде Шнеерсона через рейх в нейтральную Голландию. Немецкие разведчики делали все, чтобы удержать Америку от вступления в войну, а ребе предоставилась возможность для выживания.

Лишь недавно мир узнал, что операцией по вывозу Любавичского ребе из оккупированной Польши руководил подполковник абвера доктор Эрнст Блох. Кстати, сын еврея. Блох надежно защищал ребе от язвительных замечаний сопровождавших его немецких солдат. А самого подполковника защищал документ: «Я, Адольф Гитлер, фюрер немецкой нации, настоящим подтверждаю, что Эрнст Блох является особой немецкой крови». Но надо отметить, что в феврале 1945 года Блоха таки отправили в отставку. Однофамилец Блоха, еврей доктор Эдуард Блох, в 1940 году получил лично от фюрера разрешение на выезд в США. Этот Блох был врачом из Линца, лечившим мать Гитлера и самого Адольфа в детские годы.

Кем же в действительности являлись «мишлинге» вермахта — жертвами антисемитских преследований или сообщниками палачей? Довольно часто они попадали просто в абсурдные ситуации. Например, один солдат с Железным крестом на груди приехал с фронта в концлагерь Заксенхаузен, чтобы… навестить своего отца-еврея. Офицер СС сказал этому гостю: «Если бы не награда на твоем мундире, ты бы сейчас оказался рядом с твоим отцом».

А вот другая история семидесятишестилетнего жителя ФРГ, стопроцентного еврея. Он смог в 1940 году бежать из оккупированной Франции по поддельным документам. Под новым немецким именем он служил в ваффен СС — отборных боевых частях. «Если я служил в немецкой армии, а моя мать погибла в Освенциме, то кто я — жертва или один из преследователей? Немцы, испытывающие вину за содеянное, не хотят слышать о нас. Еврейская община также отворачивается от таких, как я, ведь наши истории противоречат всему, что привыкли считать Холокостом».

В январе 1944 года кадровый отдел вермахта составил секретный список семидесяти семи высокопоставленных офицеров и генералов, «смешанных с еврейской расой или женатых на еврейках». Все члены списка, среди которых двадцать три полковника, пять генерал-майоров, восемь генерал-лейтенантов и два полных генерала армии, имели личные удостоверения Гитлера о «немецкой крови».

В 1940 году всем офицерам, в генеалогическом древе которых были два еврейских дедушки или две бабушки, было приказано покинуть военную службу. Те, кто имел еврейство только со

стороны одного из дедушек, оставались в армии, но на рядовых должностях. В действительности эти приказы не исполнялись. Поэтому их напрасно повторяли в 1942, 1943 и 1944 годах. Довольно часто немецкие солдаты, соблюдая неписаные законы «фронтового братства», скрывали «своих евреев», не выдавая их партийным и карательным органам. В 1941 году наблюдали и другое: немецкая рота, скрывающая «своих евреев», брала в плен красноармейцев, которые, в свою очередь, выдавали «своих евреев» и комиссаров.

Бывший канцлер ФРГ Гельмут Шмидт, офицер люфтваффе и внук еврея, рассказывает: «Только в моей авиачасти было 15–20 таких же парней, как и я. Убежден, что глубокое погружение Ригга в проблематику немецких солдат еврейского происхождения откроет новые перспективы в изучении военной истории Германии XX века».

Ригг смог задокументировать 1200 примеров службы «мишлинге» в вермахте. Примерно у тысячи из этих фронтовиков были уничтожены 2300 еврейских родственников.

Самая зловещая фигура нацистского режима Рейнхард Гейдрих, любимец фюрера и глава РСХА, контролировал гестапо, криминальную полицию, разведку и контрразведку. Всю свою (к счастью, недолгую) жизнь Гейдрих активно боролся со слухами о еврейском происхождении. Рейнхард родился в Лейпциге, в семье директора консерватории. Согласно семейному преданию, его бабушка вышла замуж за еврея вскоре после рождения отца, будущего шефа РСХА.

В детстве Рейнхарду часто доставалось от мальчишек, которые к тому же дразнили его «евреем». В возрасте шестнадцати лет юноша вступил в шовинистическую организацию «Фрайкорпс», чтобы развенчать слухи о еврейском дедушке. В середине 1920-х годов Гейдрих служил кадетом на учебном судне «Берлин». Капитаном на нем был будущий адмирал Канарис. Рейнхард знакомится с его женой Эрикой, устраивает с ней домашние скрипичные концерты Гайдна и Моцарта. Но в 1931-м Гейдриха с позором увольняют из армии за нарушение кодекса офицерской чести (соблазнение малолетней дочери командира корабля).

Гейдрих делает головокружительную карьеру. Самый молодой обергруппенфюрер СС (чин, равный генералу армии) плетет интриги против своего бывшего благодетеля Канариса, стремясь подчинить себе абвер. Ответ Канариса прост: адмирал в конце 1941 года прячет в своем сейфе фотокопии документов о еврейском происхождении Гейдриха.

Именно шеф РСХА организует в январе 1942 года Ванзейскую

конференцию, чтобы окончательно обсудить «решение еврейского вопроса». В докладе Гейдрих говорит, что внуки еврея являются немцами и не могут быть репрессированы. Как-то раз, вернувшись ночью домой пьяным, Гейдрих включил свет в комнате, увидел себя в зеркале и дважды выстрелил в изображение из пистолета, с криками: «Мерзкий еврей!»

Классическим примером «скрытого еврея» в элите Третьего рейха можно по праву считать фельдмаршала авиации Эрхарда Мильха. Его отцом был еврей-фармацевт, по причине происхождения Эрхарда не принимали в кайзеровские военные училища. Однако вскоре развернулась Первая мировая война, и Мильх попал в дивизию знаменитого Рихтгоффена, где познакомился с молодым асом Герингом и отличился при штабе, хотя сам на аэропланах не летал. В 1920 году по протекции Юнкерса Мильх удачно продвинулся в этом концерне. В 1929 году Мильх стал генеральным директором «Люфтганзы» — национального авиаперевозчика. Партия нацистов уже выходила на первый план, и Эрхард бесплатно предоставляет самолеты «Люфтганзы» для лидеров НСДАП.

Такая услуга не забывается. Придя к власти, нацисты провозгласили, что мать Мильха не вела половую жизнь со своим мужем-евреем, а истинный отец Эрхарда — барон фон Бир. Геринг долго шутил по этому поводу: «Да, мы сделали Мильха ублюдком, но ублюдком аристократическим!» Еще один афоризм Геринга: «В своем штабе я сам буду решать, кто у меня еврей, а кто нет!» Фельдмаршал Мильх фактически возглавлял люфтваффе накануне и во время войны, замещая Геринга. Именно под руководством Мильха были созданы новые реактивные Ме-262 и ракеты «Фау». После войны Мильх девять лет отсидел в тюрьме, а затем до восьмидесятилетнего возраста работал консультантом концернов «Фиат» и «Тиссен».

Труд Брайана Ригга неоднократно подвергался передержкам и извращениям. Научными его итогами очень хотят воспользоваться отрицатели Катастрофы — европейские и исламские историки, пытающиеся отвергнуть феномен Холокоста или занизить масштабы геноцида евреев.

Цитируя Ригга, такие ученые неверно его истолковывают. Так, говорится о «солдатах-евреях» и даже о «еврейской армии Гитлера», в то время как сам автор пишет о солдатах еврейского происхождения (дети и внуки евреев). Многие ветераны вермахта говорили в интервью, что, идя в армию, они не считали себя евреями. Эти солдаты пытались своей доблестью опровергнуть нацистскую расовую болтовню.

Доктор Джонатан Стейнберг, руководитель проекта Ригга в

Кембриджском университете, так говорит о своем ученике: «Выводы Брайана делают реальность нацистского государства более сложной».

Секреты «русского» люфтваффе

История российско-германских отношений очень запутанна — она поражает удивительной, иногда довольно резкой сменой ориентации сторон, когда тесная дружба в мгновенье переходит в ожесточенные дипломатические сражения. По этому поводу достаточно вспомнить, что русские войска два раза брали Берлин: в XVIII веке, в ходе войны с прусским королем Фридрихом II, и в веке XX, когда разгромили нацизм.

Покрыты загадками и советско-германские отношения, начиная еще с дореволюционных большевистских заигрываний с кайзеровским Генеральным штабом.

После Октябрьской революции 1917 года и последовавшей за ней гражданской войной положение Советской России являлось удручающим — экономика находилась в упадке, заводы и фабрики стояли, царил товарный и продовольственный голод, Страна Советов находилась в политической изоляции.

Дела Германии на тот момент были ненамного лучше. Она превратилась из монархии в республику. Лидеры большевиков видели в немецких социал-демократах близких им по духу людей и еще помнили жестоко подавленную революцию в Германии. Но главной оставалась экономика — с «обиженными» огромными репарациями, территориальными потерями и множеством ограничений. С немцами договориться наверняка было куда проще, чем с победителями — британцами и французами.

Так и получилось. На знаменитой Генуэзской конференции в 1922 году, в Рапалло, советские дипломатические представители заключили политические и экономические договоры с немцами, начав тем самым новый период тесной дружбы и взаимного сотрудничества, продолжавшийся почти двадцать лет, вплоть до 22 июня 1941 года.

Советско-германское сотрудничество имело еще и тайную, строго засекреченную направленность. По Версальскому договору 1919 года, согласно которому Германия капитулировала в Первой мировой войне, немцы, кроме контрибуций и территориальных потерь, лишались права иметь армию, выпускать тяжелое вооружение, боевую авиацию и проводить массовую подготовку военных кадров.

Однако такое положение совершенно не нравилось воинственно настроенным кругам Германии. Они стремились любыми путями возродить немецкую армию. Не решаясь нарушать Версальские договоренности, они предпочитали действовать тайно и договорились с советским правительством,

которое было заинтересовано в использовании промышленного потенциала прекрасно развитой в индустриальном отношении Германии.

В итоге были созданы секретные немецкие военные производства на территории Советской России. В обстановке строжайшей секретности из развитых промышленных районов Германии в порты Гамбурга и Ростока отправились эшелоны с машиностроительным оборудованием и некоторыми видами сырья. Туда же прибывали согласившиеся поехать на работу в Советскую Россию инженеры, техники и высококвалифицированные рабочие.

Вся эта подготовка велась в обстановке строгой секретности, поскольку французы и англичане имели очень сильную агентурную разведку. После погрузки немецкие корабли отправлялись в плавание, несколько раз меняли курс и только потом шли в Ленинград через Балтику, где их, как правило, пришвартовывали ночью, у строго определенных пирсов и разгружали также ночью, под присмотром представителей ГПУ НКВД.

К 1929 году многие производства начали выпускать готовую продукцию. Немцы пытались создавать боевую тяжелую бомбардировочную авиацию, которой они придавали огромное значение в предстоящих сражениях. Так, стали появляться засекреченные производства первых модификаций «юнкерсов». По официальной версии советского правительства, эти машины строились для мирных целей, их предполагалось применять в гражданской авиации. Например, на таких «юнкерсах» перевозили грузы и людей из Москвы в Нижний Новгород, Киев и Харьков, являвшийся тогда столицей Украинской ССР, летали они и на Кавказский курорт Минеральные Воды.

Интересно, что «юнкерсы» на самом деле выходили из заводских цехов в чисто «гражданском варианте». Однако в обстановке строгой секретности многие машины частично разбирались и снова отправлялись по железной дороге в Ленинград, а оттуда по морю в Германию. Там на заводах «гражданские» самолеты быстро и легко переоборудовались: на «юнкерсы» ставили приемники для бомб и устройства для их прицельного сбрасывания. К началу 1930-х годов советские предприятия полностью освоили выпуск этой специфической продукции.

Подтверждением тому служит принятое в 1929 году секретное постановление Политбюро ЦК ВКП(б) — «О существующих взаимоотношениях с рейхсвером». В частности, лидеры большевиков заявляли, что нужно срочно потребовать от

немцев серьезного усиления конспирации осуществляемого сотрудничества обеих армий, а также твердых гарантий недопущения разглашения в печати секретных сведений.

В Москве ясно осознавали, какой международный скандал может разразиться, если станут известны подробности «совместной деятельности» с Германией и «сотрудничества обеих армий». Однако жажда выгоды оказалась приоритетнее страха — ведь немцы помогали возродить советскую промышленность, в том числе оборонного значения. Мало того, политбюро ЦК ВКП(б) рационально решило потребовать от немцев компенсацию за используемые ими в России здания и земельные площади. Немцы стали выплачивать советской стране арендную плату.

Берлину также было выгодно расширение и продолжение сотрудничества. Вскоре стали создаваться учебные центры для подготовки немецких танкистов и химиков. В 1929 году появилась крупная авиашкола для немецких летчиков в провинциальном Липецке. Было вполне очевидно, что вместе с химиками, танкистами и летчиками в Россию прибывали и профессиональные немецкие разведчики.

В Германии за развитием советско-немецких отношений в области военного производства и подготовки кадров внимательно наблюдал Адольф Гитлер. Он активно двигался к намеченной цели — иметь неограниченную власть в Германии. Богатым немецким промышленникам он виделся надежной гарантией защиты от профсоюзов и коммунистов. Кроме бюргерства, Адольфа Гитлера поддерживало и большинство рабочих, поскольку он обещал всем немцам освобождение и защиту от грабежа со стороны финансовых магнатов-евреев.

Также Гитлер пользовался поддержкой и в некоторых кругах рейхсвера — дважды раненный фронтовик, получивший на войне награды, участник многих боев, побывавший в самом аду Первой мировой, он говорил с солдатами и ветеранами на их языке.

На встречах с промышленниками Гитлер всегда поднимал тему военного сотрудничества с Россией: он хотел создать расу господ и подчинить ей весь мир.

— Мы должны выжать из них все! — так сказал Гитлер о Советском Союзе. — И даже более того!

И немцы «выжимали» как могли: на русских просторах обучались будущие командиры танковых соединений Гудериана и Роммеля, химики, изготовившие «Циклон-Б» и другие отравляющие вещества, асы Геринга, сбившие во Второй мировой войне сотни самолетов: Фосс, Тееман, Гейни, Рессинг.

«Сотрудничество» подошло к концу, когда нацисты оказались у власти. Было очевидно, что немцы недаром провели время в

России: они увезли отсюда прекрасные полетные карты европейской части СССР, что им очень пригодилось в 1941 году, и получили уникальный опыт полетов над нашей территорией.

Спустя еще несколько лет люди рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера изготовили фальшивые документы о сотрудничестве некоторых советских военачальников с немецкой разведкой и через Чехословакию, которая с давних пор была одной из опорных баз разведки НКВД, довели их до сведения Сталина.

Вскоре в советской стране развернулись репрессии, в которых германская «информация» сыграла свою зловещую роль. Первым арестовали маршала Михаила Тухачевского, которому вспомнили все: дворянское происхождение, службу в царской гвардии, офицерский чин от императора, пребывание в немецком плену в Первую мировую, непосредственное участие в переговорах с немцами о сотрудничестве и частые поездки в Германию.

Затем арестовали начальника разведуправления Генерального штаба Берзина и других военачальников. А Гитлер и Гиммлер продолжали «выжимать» из сотрудничества с Советской Россией все, что только возможно.

Тайна «русского» люфтваффе сохранялась десятилетия. Этому способствовали все факты: строгая секрететность, немецкие самолеты в центрах подготовки летали без опознавательных знаков, разбившихся пилотов здесь не хоронили, а без лишнего шума отправляли тела в Германию. С местным населением немцы общались только в небольших провинциальных городках, а потом всех, кто имел дело с «гостями» из Германии, быстренько «подмело» НКВД — «десять лет без права переписки» фактически означали, что человек больше никогда не вернется. Теперь тайна «русского» люфтваффе раскрыта…

Ходынский аэродром — режим особой секретности

Всех, кого назначали на должность начальника Ходынского аэродрома (впоследствии переименованного в Центральный аэродром им. М. В. Фрунзе), во времена Сталина проходили специальную проверку. Сам аэродром являлся важным объектом Москвы, работал в режиме высокой секретности и тщательно охранялся НКВД. Пройти туда можно было только по особым пропускам.

На Ходынке «государственные секреты особой важности» были в виде опытных самолетов новейших конструкций. Рядом находились конструкторские бюро, прославившиеся во всем мире: КБ Туполева, Ильюшина, Сухого, Поликарпова и другие, которые самоотверженно и напряженно работали над созданием военных и гражданских самолетов.

Аэродром располагался практически в центре столицы и был довольно удобен для правительственных перелетов. Сталин, сопровождаемый охраной, выезжал из Кремля и уже через 15–20 минут оказывался у самолета, готового к вылету.

Когда началась Великая Отечественная война, Ходынский аэродром прикрывал с воздуха авиаполк особого назначения и группа истребителей МиГ-3, состоявшая из прославленных летчиков-испытателей под командованием подполковника Василия Андреевича Степанченка.

С Ходынского аэродрома постоянно отправлялись на фронты представители Ставки Верховного Главнокомандования — маршалы Г. К. Жуков, А. М. Василевский, генерал А. И. Антонов, адмирал Н. Г. Кузнецов. Видела Ходынка и государственных деятелей высшего ранга: премьер-министра Уинстона Черчилля, министра иностранных дел Великобритании Энтони Идена, личного представителя президента США господина Г. Гопкинса и главу правительства «Сражающейся Франции» генерала Шарля де Голля.

Германское командование, естественно, знало о расположении особо важного аэродрома. В 1930-е годы на него неоднократно садились немецкие летчики люфтваффе, обслуживающие пассажирскую авиалинию Берлин — Москва, не раз прилетал Риббентроп на переговоры со Сталиным.

С началом войны Ходынский аэродром так искусно закамуфлировали, что с воздуха его невозможно было обнаружить. Взлетно-посадочная полоса и рулежные дорожки

были окрашены под цвет окружающей местности, на самом летном поле сделаны ложные овраги, насыпи, даже огороды. Вокруг границы летного поля были построены фанерные домики с фальшивыми окнами, ангары замаскированы, все самолеты покрыты маскировочными сетками. Для проведения камуфляжных работ от московских институтов и техникумов ежедневно выделялось 500–700 студентов. С их помощью удалось окрасить всю взлетно-посадочную полосу и примыкающие к ней рулежки и постройки на площади свыше одного миллиона квадратных метров.

Вражеская авиация неоднократно пыталась атаковать аэродром. Согласно документам, всего на Ходынское поле было сброшено 60 фугасных авиабомб калибром до 500 килограммов и около 3000 зажигательных.

Одна «пятисотка» попала на бетонку взлетно-посадочной полосы, образовав воронку глубиной семь метров и диаметром 20 метров. Те же студенты вместе с авиаторами в течение ночи засыпали яму щебенкой, утрамбовав и забетонировав ее.

Несмотря на все усилия, боевые потери все же были. Так, в один из налетов был уничтожен самолет У-2. В него попала «зажигалка», он вспыхнул и сгорел. В то время на аэродроме располагалось около четырехсот единиц авиатехники, базировались 120-й, 41-й и 11-й истребительные авиаполки, отражавшие налеты противника. Рейхсмаршал Герман Геринг лично руководил планированием и нанесением бомбардировочных ударов по Москве. Это были невероятные по интенсивности налеты. Только за октябрь 1941 года его авиация совершила 2050 вылетов на Москву!

На Ходынский аэродром срочно перебазировались шесть истребительных авиаполков, один ближнебомбардировочный, авиаполк особого назначения, отдельная авиаэскадрилья связи, специальная группа перехватчиков истребителей МиГ-3, полк штурмовиков…

Такие экстренные меры были вскоре оправданы. В октябре 1941 года летчики-истребители, летевшие на МиГ-3 с боевого задания, с удивлением обнаружили, что путь на Москву открыт. Они не увидели ни одной воинской части на этом направлении, о чем сразу же доложили командованию.

Обеспокоенный этой информацией, Лаврентий Берия приказал проверить донесение летчиков. И только когда специально посланная пара истребителей подтвердила этот факт, доложили Сталину.

Прикрывать опасный участок были отправлены кремлевские курсанты, которые в неравном бою погибли. Однако столица была

спасена. Тогда, в октябре 1941 года, положение на фронте сложилось достаточно критическое, позже маршал Георгий Жуков признавался в своих мемуарах (единственный из всех маршалов!), что тогда была реальная угроза сдачи Москвы.

Жуков настоял на том, чтобы Сталин всегда был в Кремле и чтобы люди об этом знали. И Сталин не покинул Кремль. Однако на Ходынском аэродроме в особом капонире стоял постоянно готовый к вылету личный самолет вождя.

Жертвы «Атлантиса»

В мае 1940 года армии фашистской Германии победоносно продвигались на запад. В то время воды Южной Атлантики бороздил британский лайнер «Сити оф Эксетер». Его впередсмотрящий доложил капитану о замаячившей на горизонте мачте. Спустя полчаса встревоженный капитан с облегчением идентифицировал приближающегося незнакомца как 8400-тонный корабль «Касии Мару» — японский, значит нейтральный.

На его палубе женщина неспешно качала коляску, рядом с ней стояло несколько членов команды, полы их незаправленных, как у всех японских матросов, рубашек развевались на ветру. Два судна разошлись в море. В действительности коляска была пустой, а «японских» моряков звали Фриц, Клаус и Карл. Остальные члены команды — матросы, комендоры, торпедисты, всего 350 человек — прятались внутри корабля. Под фанерными вентиляторами, брезентовыми трубами и краской скрывался немецкий рейдер «Атлантис».

В течение войны немцы снарядили девять таких рейдеров, которые утопили всего 136 судов. Однако «Атлантис» имел на своем счету больше всего трофеев, наибольшее количество пройденных миль за кормой и одного из самых выдающихся капитанов. Изначально корабль назывался «Гольденфельс» и был 7800-тонным быстроходным торговым судном. В начале войны на него поставили шесть 5,9-дюймовых орудий, множество пушек меньшего калибра, торпедные аппараты, гидросамолет и груз мин. Для сходства с безобидным «торговцем» его оборудовали всякими опорами, поддержками, растяжками.

В марте 1940 года «Атлантис», под командованием Бернгарда Рогге, пробрался мимо норвежских берегов, прикинувшись советским пароходом, и выскользнул в Северную Атлантику. Ему поступил приказ: поражать с максимальной неожиданностью все корабли, проплывающие мимо африканского мыса Доброй Надежды.

После пересечения экватора 25 апреля «Атлантис» спустил советский флаг, убрал фальшивую трубу и стал «японским» теплоходом. В таком виде его встретил «Сити оф Эксетер». Капитан Рогге не стал атаковать корабль из-за большого числа пассажиров на его борту.

Первой жертвой «Атлантиса» стал английский корабль «Сайентист». Приказ лечь в дрейф и не передавать радиограмм был для британских моряков настоящим шоком. Радист не впал в панику и послал сигнал: «Меня пытается остановить вражеское

вооруженное торговое судно». С «Атлантиса» открыли огонь, поразив «Сайентист» в среднюю часть и уничтожив радиорубку. Семьдесят семь членов команды поврежденного корабля погрузились в лодки. Все они были взяты на борт рейдера как военнопленные, а сам «Сайентист» потоплен. Немцы отправились дальше на охоту.

Через две недели капитан Рогге перехватил переданное англичанами предупреждение, что в Индийском океане мог появиться немецкий вспомогательный крейсер, замаскированный под японское судно. «Атлантис» тут же сбросил свое «кимоно» и стал нидерландским теплоходом «Аббекерк».

Второй жертвой охотника стало норвежское судно «Тирранна», которое везло припасы для австралийских войск в Палестине. Капитан Рогге направил на него команду и несколько недель возил его за собой в качестве плавучей тюрьмы. Спустя месяц после «Тирранны» жертвами рейдера стали еще три судна, а в следующем месяце — пять.

Благодаря сообщениям, найденным в мусорной корзине одного корабля, немцы узнали о морских торговых кодах англичан. После этого Адмиралтейство приказало всем своим кораблям сообщать по радио о подозрительных судах. А «Атлантис», в свою очередь, получил приказ сначала открывать огонь, потом вести переговоры. Радиограммы посылались приблизительно с каждого второго атакованного рейдером корабля. Суда обстреливалась из орудий, часто с серьезными повреждениями. Но, следует заметить, капитан Рогге вел свою морскую войну довольно «цивилизованно», насколько это было возможно в тех условиях. Капитан содержал пленников в каютах и брал на борт все, что можно было спасти. За двадцать месяцев, проведенных Рогге в плавании, был момент, когда он держал более тысячи пленников всех возрастов, обоих полов и двадцати национальностей. Пленники питались так же, как и команда. Днем им разрешалось выходить на палубу, если только «Атлантис» не вел бой, и купаться в брезентовом бассейне. Капитаны потопленных судов имели отдельные каюты. Когда пленников переводили на другие корабли, капитан Рогге устраивал в честь капитанов прощальные обеды.

В первой половине осени 1940 года «Атлантис» потопил всего один корабль за сорок дней. Зато в ноябре в течение двух суток ему попались сразу три судна. Норвежский танкер «Оле Якоб», перевозивший высокооктановый бензин, был без боя захвачен двумя подплывшими на моторной лодке офицерами «Атлантиса». Норвежский танкер «Тедди» горел несколько часов, превратившись в огромный факел, который было видно за

несколько миль. А британский корабль «Аутомедон», перевозивший важные документы, в их числе совершенно секретный отчет военного кабинета и почту для британского дальневосточного главного командования, сдался после того, как выпущенный с рейдера снаряд убил всех, кто находился на мостике.

В начале 1941 года «Атлантис» потопил всего четыре судна за несколько месяцев. В их числе был египетский лайнер «Зам зам», перевозивший 140 американских миссионеров. И пассажиры, и команда «Зам зама» — всего 309 человек — были переведены на «Атлантис». На следующий день другой немецкий корабль — «Дрезден» — освободил рейдер от всех пленников, а затем доставил их в Бордо. Рейдер стал внушать настоящий ужас. Британцы направили свои боевые корабли, необходимые в других районах, на юг на его розыски. Капитаны транспортных судов шли обходными маршрутами, тратя понапрасну время и горючее; стало труднее набирать команды, и приходилось выплачивать надбавку за «опасную зону».

Летом «Атлантис» бороздил южные просторы Индийского океана. Наконец 10 сентября 1941 года он захватил свою 22-ю (и последнюю) добычу — норвежское судно «Силваплана». 21 ноября, совершая посадку после утреннего полета, разведывательный самолет «Атлантиса», получив повреждения, вышел из строя. Авария случилась в тот момент, когда он был больше всего нужен. На следующий день рейдер встречался с подводной лодкой U-126, чтобы взять на борт горючее. Во время этой сложной операции «Атлантис» становился очень уязвимым. Встреча произошла на полпути между Бразилией и Африкой, и ко времени завтрака перекачка горючего началась. В моторном катере рядом с подводной лодкой находилось несколько членов команды рейдера, а капитан U-126 поднялся на борт «Атлантиса», у которого машины левого борта были разобраны для ремонта.

Неожиданно впередсмотрящий закричал, что видит верхушку мачты. Через несколько минут немцы выяснили, что к ним направляется тяжелый британский крейсер «Девоншир», которым командовал капитан Р. Д. Оливер. Сразу же связывающие два судна тросы были сняты и U-126 ушла под воду, оставив своего капитана на борту «Атлантиса». Оставалось неясным, заметили ли британцы подводную лодку. По воде вокруг рейдера радужным пятном разлилось горючее. «Атлантису» оставалось одно: начать переговоры, затягивая время, попытаться ввести противника в заблуждение и заманить его в зону, где его смогут достать торпеды U-126.

Однако капитан Оливер был очень опытным. Он понял, что

этот корабль полностью соответствует данному Адмиралтейством описанию неуловимого рейдера. Поэтому, постоянно меняя курс и держась за пределами досягаемости торпед, капитан приблизился к «Атлантису» и двумя выстрелами захватил в артиллерийскую вилку.

С рейдера сообщили, что судно называется «Полифем». Капитан крейсера тут же послал запрос главнокомандующему в Южной Атлантике: мог ли встретившийся им корабль оказаться действительно «Полифемом»? Практически целый час «Атлантис», лежа в дрейфе и мягко покачиваясь на волнах, тянул переговоры. Капитан Рогге продолжал надеяться, что U-126 подкрадется к крейсеру и выпустит торпеду. Однако старший офицер на подводной лодке вместо этого приказал оставаться около рейдера. В 9.34 был получен ответ главнокомандующего в Южной Атлантике: «Нет, — повторяю, — нет!» «Девоншир» мгновенно открыл огонь. После третьего залпа восьмидюймовок капитан Рогге приказал установить взрывные часовые механизмы и покинуть судно.

За минуту до 10.00 взорвался носовой артиллерийский погреб, и через несколько минут «Атлантис» под аплодисменты и прощальные крики моряков скрылся под водой. Капитан Рогге, находившийся в одной из шлюпок вместе со своим любимцем шотландским терьером Ферри, стоя отдал честь.

Капитан Оливер не смог подойти и подобрать уцелевших «из-за риска быть торпедированным». Вскоре «Девоншир» скрылся за горизонтом. В результате обстрела на «Атлантисе» погибло только семь человек, еще около ста плавали в воде и цеплялись за обломки. Всплывшая подводная лодка подобрала терпящих бедствие, двести человек разместились в спасательных шлюпках, а пятьдесят два, снабженные спасательными поясами и одеялами, примостились на палубе U-126, а в случае ее погружения должны были подплыть к шлюпкам. До ближайшей земли, Бразилии, оставалось 950 миль.

Итак, странная флотилия в количестве шести шлюпок и подводной лодки отправилась в свое плавание в полдень. Дважды в день с помощью вытаскиваемой из субмарины резиновой лодки производилась раздача горячей пищи.

На третий день шлюпки встретили немецкое транспортное судно снабжения подводных лодок «Питон». Моряки «Атлантиса» были подняты на его борт. Но вскоре они опять очутились в воде, поскольку «Питон» был встречен и потоплен другим британским крейсером — «Дорсетширом».

В результате на немецких и итальянских подводных лодках члены команды «Атлантиса» добрались до Сен-Назера и оттуда

отправились в Берлин. Капитан Рогге получил чин контр-адмирала и был назначен возглавлять подготовку морских курсантов. Однако впоследствии за антинацистские настроения капитана понизили в должности.

Настоящий автор «Священной войны»

Отечественная война была названа Великой потому, что принесла советскому народу великие муки, в ней же проявилось и его великое мужество. Великий символ отмечает ее начало. В первые же дни войны прозвучала песня «Священная война», в которой ярко выразился дух народа, поднявшегося на защиту своей Родины.

Стихи В. И. Лебедева-Кумача «Священная война» опубликовали 24 июня «Известия» и «Красная звезда». На следующий день их прочитал руководитель Краснознаменного ансамбля песни и пляски РККА Александр Васильевич Александров и тут же написал к ним музыку.

Двадцать седьмого июня на Белорусском вокзале перед уходящими на фронт солдатами ансамбль впервые исполнил «Священную войну». Эта песня настолько потрясла людей, что сразу, после первого куплета, все, как по команде, встали. «Священную войну» пришлось исполнить пять раз подряд!

Происхождение одной из самых дорогих реликвий нашей истории покрыто тайной. И только в 1991 году стало известно наконец имя настоящего автора слов песни. В журнале «Столица» № 6 журналист А. Мальгин разместил статью, в которой рассказал об учителе А. А. Боде, написавшем «Священную войну» еще в 1916 году.

Род де Боде был славен своими военными подвигами. В конце XVIII столетия барон Карл де Боде приехал в Россию. С тех пор российская ветвь протестантских баронов, отказавшись от военной карьеры, полностью погрузилась в мирный труд. Александр де Боде, будущий автор песни, родился 22 марта 1865 года в Клинцах Черниговской губернии. После окончания в 1891 году филологического факультета Московского университета Александр преподавал древние языки в Лифляндии, в гимназии Аренсбурга. Женился на дочери коллежского советника Надежде Ивановне Жихаревой, приняв перед этим, по настоянию родителей невесты, православную веру.

Молодой преподаватель древних языков сделал головокружительную карьеру. Уже в мае 1895 года Александр Боде (частичку «де» он, скорее всего, потерял при крещении в православие) получил чин титулярного советника, а через двадцать лет стал коллежским советником, что, согласно петровскому установлению о рангах, соответствует воинскому

званию полковника. Преподаватель был награжден орденом Св. Станислава 3-й и 2-й степени, Св. Анны 3-й степени.

В 1906 году А. Боде был переведен учителем русской словесности в Рыбинск. Там его застало известие о начале мировой войны. Сначала под звуки «Боже, царя храни» и «Прощания славянки» эшелоны уходили на фронт, затем, уже без оркестров, стали прибывать эшелоны с ранеными. Александр Боде, «русский гугенот», всем сердцем болел за свою страну. Именно в то непростое время и родились удивительные строки, которые спустя двадцать пять лет стали словами знаменитой песни. Вот ее первоначальный текст:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С германской силой темною,
С тевтонскою ордой.

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,
Идет война народная,
Священная война.

Пойдем ломить всей силою,
Всем сердцем, всей душой
За землю нашу милую,
За русский край родной.

Не смеют крылья черные
Над родиной летать,
Поля ее просторные
Не смеет враг топтать!

Гнилой тевтонской нечисти
Загоним пулю в лоб,
Отребью человечества
Сколотим крепкий гроб.

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С германской силой темною,
С тевтонскою ордой.

Но тогда песня не пригодилась. Вероятно, причиной послужил тот факт, что жил автор в захолустье, а может, к тому

времени в стране уже возобладали антивоенные настроения.

Дочь поэта Зинаида вспоминает о последних годах его жизни, которые он провел в поселке Кратово под Москвой: «Отец стал говорить о неизбежности войны с Германией: „Чувствую я себя уже слабым, а вот моя песня „Священная война“ может еще пригодиться“. Считая поэта-песенника В. И. Лебедева-Кумача большим патриотом, отец решил послать ему свою „Священную войну“. Письмо со словами и мотивом песни было отправлено в конце 1937 года, но ответа не было. В январе 1939 года отец умер…» Получается, поэт-песенник послание Боде получил, но промолчал. А когда появилась возможность как-то проявить себя, выбросил из песни куплет «Пойдем ломить всей силою…», написав «дадим отпор душителям всех пламенных идей», исправил «тевтонской» на «фашистской», «германскою» на «проклятою». И подписал без зазрения совести: Вас. Лебедев-Кумач. Надо сказать, что плагиатом он иногда грешил. Например, Лебедева-Кумача еще обвиняли в том, что он присвоил у жительницы Ялты Ф. М. Квятковской слова популярного довоенного фокстрота «Маша». Ходили слухи, что стихи, удивительно напоминающие «Москву майскую» («Утро красит нежным светом…»), были опубликованы в журнале «Огонек» еще до революции.

Вся правда о «катюше»

Осенью 1937 года в РНИИ начали активно работать над идеей механизированных ракетных установок. В институте создали отдел, который возглавил Иван Исидорович Гвай. В конструкторскую группу вошли Алексей Петрович Павленко, Александр Сергеевич Попов, Владимир Николаевич Галковский. Ныне этих великих ученых считают «отцами» легендарного ракетного миномета «катюша». Достоверно неизвестно, кому именно пришла в голову идея оборудовать реактивной системой грузовую автомашину. Одновременно решили использовать в качестве направляющих для реактивных снарядов конструкцию типа «флейта», которую ранее разработали для авиации.

Всего за неделю коллектив авторов подготовил технический проект установки, состояший из двадцати четырех направляющих типа «флейта». Их предполагалось расположить в два ряда на металлической раме, установленной поперек продольной оси типовой грузовой машины марки ЗИС-5. Наводку реактивной системы по горизонтали планировали осуществлять с помощью самого грузовика, а вертикальную — специальным ручным механизмом. Летом 1938 года в обстановке строгой секретности с конвейера сошли два первых опытных образца реактивной системы залпового огня, смонтированной на автомашинах ЗИС-5. Но возникли непредвиденные трудности с испытаниями опытных образцов — наркомат боеприпасов, в ведении которого находились полигоны, отказался предоставить площадки для испытаний нового оружия.

Помог выйти из создавшейся ситуации Реактивный научно-исследовательский институт (РНИИ) — известный военный инженер Василий Васильевич Аборенков (позднее он стал генерал-лейтенантом, заместителем Наркома обороны и командующим гвардейскими минометными частями) помог получить разрешение провести испытания на полигоне Главного артиллерийского управления. ЗИСы с командой расчетов и конструкторами отправились за тысячи километров от Москвы — в далекие дикие степи. Там все выпущенные из опытных установок осколочно-фугасные РС попали точно в расчетный квадрат, взорвались и произвели огромное впечатление на комиссию ГАУ Наркомата обороны. Она даже признала эти испытания «официальными полигонными». В декабре 1938 года новые типы установки прошли войсковые испытания уже на другом полигоне, где их проверяла Государственная войсковая комиссия.

Стоял тридцатипятиградусный мороз. Все системы сработали четко, и ракеты поразили расчетные цели. Комиссия высоко оценила новый вид оружия, и декабрь 1938 года можно официально считать месяцем и годом рождения легендарных «катюш». Путь к массовому военному производству реактивных установок залпового огня оказался довольно тернистым, однако в июле 1941 года первые залпы ракетами по врагу дала батарея, возглавляемая капитаном И. А. Флеровым. В нее входили семь ракетных установок «третьего варианта».

То, что немцам за всю войну так и не удалось узнать секрет «катюши», всего лишь легенда, которую всячески поддерживали советские органы госбезопасности и широко распропагандировали в различных произведениях и художественных фильмах. В действительности уже в октябре — ноябре 1941 года один из образцов нашей ракетной установки, с полным боекомплектом, попал в руки наступавшего противника. Позднее немцам удалось захватить и другие «катюши».

В нацистской Германии, занимавшей ведущее место в мире в области ракетостроения, интенсивно велись работы по созданию своего ракетного оружия залпового огня. Немецкие конструкторы имели и собственные разработки реактивной системы залпового огня, они успешно наладили ее массовое производство. Немцы удачно использовали ракетную установку на фронтах. Подобных установок выпустили немного, поскольку немецкие генералы не считали их эффективными. Изучив нашу захваченную установку, немецкие специалисты были шокированы ее примитивной системой наведения. Немцы сочли подобные конструктивные особенности расточительством, совершенно непригодным для экономики Германии в период войны, — для одного залпа требовались сотни ракетных снарядов. Немцы считали, что установки не обладали необходимой прицельностью. Вместе с тем в Германии возникли серьезные трудности с топливом для ракетных снарядов.

В момент залпа ракеты сжигали столько кислорода, что лошадей отводили в сторону, иначе у них из ноздрей шла кровь. Люди прятались в укрытиях, и зачастую залп осуществлялся дистанционно. Всего в период войны было выпущено 12 миллионов ракетных снарядов, и на фронтах находилось 10 тысяч ракетных установок залпового огня.

Предсказание для Рудольфа Гесса

Вечером 10 мая 1941 года над северо-восточным побережьем Англии был обнаружен неизвестный самолет. Чтобы его перехватить, в воздух поднялись два английских истребителя, но встретиться с нарушителем им не пришлось: самолет летел слишком быстро. Спустя час сообщили, что на территории Шотландии упал немецкий «Мессершмитт-110», а сельскохозяйственному рабочему Дэвиду Маклину удалось задержать его пилота, выпрыгнувшего из самолета с парашютом. Захваченный немецкий пилот Альфред Хорн оказался на самом деле Рудольфом Гессом, заместителем Гитлера.

Почему же Рудольф Гесс совершил такой перелет? Считается, что «наци № 2» сам решил вести мирные переговоры с Англией, а нужную дату ему подсказали звезды в лице его личного астролога, доктора Людвига Шмидта. Он якобы предрек на конец мая — начало июня 1941 года критическое расположение созвездий, грозящее опасностью для Гитлера. В целях спасения фюрера и Германии Гесс и решился на такой необычный поступок. Интересно, что в Англии за день до явления с небес Рудольфа Гесса британский астролог, выступавший под псевдонимом Цыганский Петуленгро, предсказал, что Гитлер скоро потеряет своего ближайшего соратника. Так в деле Гесса еще раз прозвучала тема астрологии.

В Германии перелет «миротворца» посчитали приступом сумасшествия вследствие увлечения астрологией. Исходя из реакции нацистской верхушки, Рудольф Гесс на самом деле сам принял роковое для себя решение. Однако как же обстояло дело в действительности?

Судя по определенным обстоятельствам, можно сделать предположение, что в акции с перелетом в Британию принимали участие и другие лица. «Мессершмитт» Гесса не был оборудован дополнительными топливными баками, поэтому не мог перелететь из Аугсбурга (Германия) в Шотландию без дополнительной дозаправки горючим. Следовательно, он где-то приземлялся. Достоверно известно, что друг Гесса, Альбрехт Хаусхофер, который посоветовал ему обратиться в Англии к герцогу Гамильтону, плотно общался с руководителем абвера адмиралом Канарисом. В конце концов, о том, что перелет Гесса не был сумасбродным поступком, свидетельствует и загадочная смерть «наци № 2» в тюрьме Шпандау в 1987 году. Очевидно, кто-то очень опасался, что преступника могут помиловать и он на свободе поведает миру, чем же он руководствовался, когда

предпринял свой невероятный перелет.

В тюрьме Шпандау Гесс оказался по приговору Нюрнбергского трибунала. Почти каждый шаг заключенного № 7 (так называли Гесса) контролировался многочисленной охраной тюрьмы. Потому новость о самоубийстве Гесса на 94-м году жизни вызвала вполне закономерные сомнения не только у Вольфа Рюдигера Гесса, сына знаменитого заключенного, но и у многих журналистов и политиков. Справедливости ради стоит отметить, что никто, кроме сына Гесса, выпустившего скандальную книгу «Убийство Рудольфа Гесса?», не стал поднимать шум по поводу загадочной кончины старого нациста.

Но каким образом Гесс совершил самоубийство? Согласно официальным данным, во время прогулки 17 августа 1987 года заключенный смастерил из электрического шнура-удлинителя петлю, привязал шнур к оконной щеколде и удавился в садовой беседке, повалившись на пол. Перед смертью Гесс написал письмо, копию текста которого его сын смог получить через месяц. Именно это странное письмо и послужило причиной сомнений относительно добровольного ухода из жизни заключенного № 7. В своем послании Гесс просил прощения у своей бывшей секретарши за то, что отказался признать ее на Нюрнбергском процессе, однако на самом деле эти извинения он уже давно передал ей на словах, после того как ему разрешили свидания. Из письма явствовало, что оно больше соответствует по времени написания концу 1960-х годов, когда у Гесса были большие проблемы со здоровьем. Вероятно, оно было перехвачено охраной и отложено «про запас». Сын Гесса рассказывал, что во время свиданий его отец совершенно не напоминал человека, собирающегося свести счеты с жизнью. В пользу версии об убийстве говорит и тот факт, что Гесс в последние годы очень заботился о своем здоровье: он питал надежду на помилование и собирался дожить отпущенное ему время в кругу семьи. Абсолютно неправдоподобным кажется и сам факт сооружения Гессом петли из электрошнура, поскольку вследствие сильного артрита он просто не смог бы ее сделать. Кроме того, в день своей смерти Гесс надиктовал своему санитару А. Мелауи целый список покупок.

В своей книге сын Гесса Вольф Рюдигер рассказывает, как один южноафриканский юрист по его просьбе вошел в контакт с представителем израильских спецслужб, и тот поведал ему об обстоятельствах убийства Рудольфа Гесса по заданию министерства внутренних дел Великобритании. Выяснилось, что убийство Гесса было спровоцировано слухами о его скором помиловании. Вероятно, кого-то очень обеспокоила

предполагаемая возможность бесконтрольного общения Гесса с представителями прессы.

В день кончины Гесса возле беседки, где было найдено тело, А. Мелауи видел двух незнакомцев в американской военной форме. Со слов санитара, в беседке на земляном полу были заметны следы борьбы. Когда А. Мелауи предложил сделать Гессу массаж сердца, чтобы спасти его, один из офицеров стал делать это слишком «старательно». Как показало впоследствии вскрытие, при «массаже» Гессу сломали девять ребер!

Убийство Гесса опровергло существовавшую тогда версию, что в Шпандау отбывал заключение двойник «наци № 2», а сам Рудольф Гесс был убит еще в 1941 году, когда вермахт узнал о его намерении лететь на переговоры с англичанами.

Сын Рудольфа Гесса абсолютно уверен, что Гитлер был в курсе намерений Гесса и перелет осуществлялся с его подачи. За пять дней до перелета Гитлер и Гесс около четырех часов что-то обсуждали, а за сутки до запланированного вылета состоялась секретная встреча с Альфредом Розенбергом, о результатах которой немедленно доложили фюреру. По мнению Вольфа Рюдигера, на переговорах в Англии речь могла идти даже об общеевропейской мирной конференции. Также сын Гесса считает, что власти Великобритании до настоящего времени скрывают все документы по этому делу, поскольку они содержат компрометирующие английские власти обстоятельства. Вполне возможно, что кто-то в Англии был готов сотрудничать с фашистами и Гесс резонно надеялся на успешное завершение своего сумасбродного вояжа. Очевидно, именно желание сохранить в тайне эти факты и было причиной убийства 93-летнего узника.

Что делал Сталин в Куйбышеве в 1941 году

История Второй мировой войны содержит еще много белых пятен. Одной из таких загадок остается пребывание И. В. Сталина в октябре 1941 года в городе Куйбышеве (современная Самара). До сих пор непонятно, приезжал ли в Куйбышев Сталин. Согласно официальной истории, Сталин не покидал Москвы, однако в известной книге «День “М”» В. Суворова говорится, что Сталин прилетел в Куйбышев в октябре 1941 года, но пробыл там недолго. Так кто же прав?

А. В. Солуянов, директор музея «Бункер Сталина», считает, что эта загадка не разгадана и по сей день. Но объект — бункер Сталина — курировался центральным аппаратом НКВД во главе с Лаврентием Берией, и последний бывал в Куйбышеве, очевидно, не один раз. Не готовился ли Куйбышев к роли «столицы номер два» задолго до войны? И что произошло в октябре 1941 года в Куйбышеве?

Вот что рассказал ветеран войны Николай Васильевич Шубин, служивший в военные годы в одном из подразделений войск НКВД и являвшийся непосредственным участником описываемых ниже событий.

Накануне войны, с 1935 по 1940 год, в городе были проведены масштабные строительные работы, при этом основная их часть велась под землей. Военным инженерам удалось создать практически еще один город — с глубокими бункерами, многокилометровыми туннелями, жилыми кварталами, госпиталями и целыми заводами, работающими и поныне. В секретных документах значится, что проводимые работы проходили под грифом «Волжский крейсер». Они тщательно маскировались под строительство Волжской ГЭС им. Сталина, действительное строительство которой после войны перенесли выше по течению Волги. Многие жители Куйбышева считают, что строительство подземных коммуникаций развернулось в их городе едва ли не сразу после гражданской войны. Правительство «первого в мире государства рабочих и крестьян» из-за опасений, что оно недолго продержится у власти, собиралось скрыться от врагов… под землей! Оказалось, что город на Волге им почему-то больше всего подходил для этой цели.

По мере приближения немецко-фашистских войск к Москве часть заводов вместе с персоналом и оборудованием эвакуировалась в Куйбышев. Чтобы люди прямо с колес

приступили к работе, спешно заливались фундаменты будущих производственных корпусов, где монтировалось оборудование. Цеха же начинали свою работу, не дожидаясь, пока построятся корпуса. К октябрю в Куйбышев переехало из Москвы и советское правительство, но, как уже говорилось выше, официально Сталин остался в Кремле.

Город, где жили тысячи эвакуированных, жил в то время своей напряженной жизнью. Караулы и патрули с едва ли не тотальной проверкой документов, внезапные тревоги, пресечение слухов и вредных «пораженческих разговоров» о вездесущих немецких диверсантах…

Как-то ночью подразделение Николая Васильевича подняли по тревоге: немецкие самолеты сбрасывали бомбы на завод, выпускавший прославленные «катюши». Задание было выполнено быстро: вражеский бомбардировщик сбили, летчиков арестовали. Урон предприятию был нанесен минимальный.

Во время еще одного ночного нападения подразделение Николая Васильевича снова подняли по тревоге, отвезли практически в центр города, в район Старой набережной и приказали занять оборону, при этом было строго запрещено курить и громко разговаривать. Спустя какое-то время солдаты услышали звуки минометных залпов и ружейной пальбы. Было очевидно, что где-то в районе речного порта идет бой: минометы били от речного порта по Хлебной площади. Вскоре звуки канонады стали слышны ближе к центру, они доносились оттуда, где размещался вход в бункер Берии. Офицеры сказали встревоженным бойцам, что это специальные учения. Однако в эту версию никто не поверил — какие могут быть учения в центре города, буквально нашпигованного войсками НКВД, секретными предприятиями и иностранными миссиями.

Стреляли около часа, а затем все стихло. Офицеры объяснили солдатам, что маневры закончились, и подразделение Николая Васильевича Шубина вернулось в свои казармы. Но самое удивительное выяснилось чуть позднее, когда от земляка-штабиста офицер узнал, что город подвергся нападению!

Вот что случилось на самом деле.

Поздно ночью к пирсу речного порта причалили два буксира с баржами без огней, с которых высадился полк вооруженных людей в энкавэдэшной форме. Открыв огонь из минометов и стрелкового оружия и встав цепью, незнакомые отряды начали наступать на город. По дороге к центру «энкавэдэшники» убивали попадавшихся военных патрулей, но у Хлебной площади их сумели остановить. Возле Клуба имени Дзержинского начался ожесточенный бой. К тому моменту сюда стянули боеспособные

части со всего города. Именно тут и произошла решающая схватка между настоящими и ложными энкавэдэшниками.

Наступавшие были остановлены и отброшены. В спешном порядке, бросая оружие и раненых, они погрузились на баржи и отошли к Самарской Луке. Очевидно, они планировали укрыться там, но это им не удалось. По словам штабиста, бои шли даже в Жигулевских каменоломнях. Все нападавшие были уничтожены. По слухам, это были дезертиры, якобы бежавшие с фронта.

Не повезло и нескольким тысячам заключенных из пригородных лагерей. Они ликвидировали разрушения, вызванные ночным боем, а затем их погрузили в вагоны и отправили куда-то за Урал. Ходили слухи, что в лагерях разразилась страшная эпидемия холеры и дизентерии, унесшая не один десяток жизней.

Косвенно пострадали также солдаты и офицеры, участвовавшие тогда в ночном сражении. Все воинские части, находившиеся в тот момент в городе и даже не принимавшие участия в баталиях, были срочно расформированы и отправлены на фронт. Полк Шубина постигла та же участь: спустя несколько дней его переформировали. Часть подразделений, участвовавших в ночном бою, отправили на передовую, другую часть — не участвовавших — на Дальний Восток, охранять границу. Причем переформирование на этом не завершилось, поскольку по прибытии к месту назначения военнослужащих опять раскидали по различным подразделениям. Сам Николай Васильевич попал в танковый полк, где и дождался победного сорок пятого года. Перебирая в памяти бои с японцами, Николай Васильевич абсолютно уверен, что командование бросало его прежних однополчан в самое пекло боев. За все годы после войны Николай Васильевич так и не нашел ни одного своего однополчанина.

Если сделать предположение, что той ночью кто-то действительно напал на город, чтобы арестовать или убить Сталина, то возникает закономерный вопрос: кто это был? Дезертиры, бежавшие с фронта и хотевшие отомстить Сталину за позор лета 1941-го, немецкие диверсанты или группа революционно настроенных офицеров, планировавших свергнуть коммунистическую власть? Какое из предположений наиболее верно, до сих пор неизвестно.

В начале 1990-х годов в «Комсомольской правде» корреспондент Игорь Вирабов писал о самарских бункерах: о «глухом» и самом глубоком в мире бункере Сталина, а также о бункере Берии. Последний располагался у Хлебной площади, именно там, где в 1941 году произошел таинственный ночной бой!

Так был ли смысл нападать на столицу номер два осенью 1941 года? Вывод один: конечно, был! Крупный промышленный центр, в котором работает правительство и, может быть, находится сам Сталин, достаточно удаленный от линии фронта, и вдруг немецкие солдаты входят в него с боями, причем на глазах у эвакуированных в город иностранных посланников!

Это могло иметь неслыханный резонанс в мире. Возможно, поэтому после сообщения о ночных боях в Куйбышеве Сталин и остался в Москве, не решившись приехать в новую столицу. Или же Жуков, убедивший Сталина остаться в Москве, знал о нападении на Куйбышев октябрьской ночью, но предпочел не сообщать ему об этом?

Приговоренные приказом № 270

В августе 1941 года был напечатан приказ Ставки Верховного Главнокомандования Красной армии № 270. Его подписали председатель Государственного Комитета Обороны СССР И. Сталин, заместитель председателя В. Молотов, Маршалы Советского Союза С. Буденный, К. Ворошилов, С. Тимошенко, Б. Шапошников и генерал армии Г. Жуков.

Приказ адресовался всем членам и кандидатам ЦК ВКП(б), секретарям обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик, председателям областных крайисполкомов, СНК республик, секретарям райкомов, горкомов и председателям райисполкомов и горисполкомов. Его специально не публиковали, однако приказ предписывалось прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах и штабах. В самом приказе завуалированно шла речь об обстоятельствах разгрома 6, 12-й и других армий, а также о неудачах на Западном фронте. Исходя из стиля и содержания, можно сделать вывод, что в гневе и впопыхах приказ писал лично Верховный.

Приказ начинался со слов, что «не только друзья признают, но и враги наши вынуждены признать, что в нашей освободительной войне с немецко-фашистскими захватчиками части Красной Армии, их громадное большинство, их командиры и комиссары ведут себя безупречно, а порой прямо героически».

После положительных примеров выхода из окружения противника остатков некоторых частей следует просто лавина проклятий в адрес командармов 28 и 12-й армий и командира 13-го стрелкового корпуса.

«Командующий 28-й армией генерал-лейтенант Качалов, находясь вместе со штабом группы войск в окружении, проявил трусость и сдался в плен немецким фашистам».

«Генерал Понеделин, командовавший 12-й армией, попав в окружение, имел шанс пробиться к своим, как это сделало подавляющее большинство частей его армии. Однако Понеделин не проявил необходимой настойчивости и воли к победе, поддался панике, струсил и сдался в плен врагу, совершив таким образом преступление перед Родиной как нарушитель военной присяги.

Командир 13-го стрелкового корпуса генерал-майор Кириллов, оказавшийся в окружении немецко-фашистских войск, вместо того чтобы выполнить свой долг перед Родиной, организовать вверенные ему части для стойкого отпора противнику и выхода из окружения, дезертировал с поля боя и

сдался в плен врагу…»

Против генералов Владимира Яковлевича Качалова, Павла Григорьевича Понеделина и Николая Кузьмича Кириллова военной прокуратурой были возбуждены уголовные дела по обвинению их в измене Родине. Основа обвинения базировалась на выписках из приказа Ставки № 270 и нескольких малозначащих бумагах.

Судьи Военной коллегии Верховного суда СССР, несмотря на отсутствие доказательств, на основании формулировок того же приказа заочно осудили В. Я. Качалова (29 сентября 1941 года), П. Г. Понеделина и Н. К. Кириллова (13 октября 1941 года), определив каждому в качестве меры наказания расстрел.

Немедленно заработала машина преследования — пострадали жены и совершеннолетние дети Понеделина и Кириллова. Репрессировали даже тещу Качалова.

Отчасти все три генерала стали жертвами политических и военно-стратегических просчетов лиц, подписавших приказ Ставки № 270, поскольку войска, которыми эти генералы командовали, были разбиты превосходящими силами противника. Понеделин и Кириллов были взяты в плен специально обученными фашистами. Достоверно известно, что в плену советские генералы вели себя достойно, невзирая на издевательства и посулы фашистов, а ведь оба отлично знали о приказе Ставки № 270 от 16 августа 1941 года.

Двадцать девятого апреля 1945 года генералы были освобождены американскими войсками. Понеделину даже предлагали службу в армии США, но он отказался.

Третьего мая 1945 года всех бывших военнопленных генералов доставили в Париж и передали советским представителям. Потом генералов переправили в Москву. Некоторое время они жили свободно, носили генеральскую форму и ничего не знали о своих семьях. По всей вероятности, в отношении их проводились мероприятия спецслужб, однако заочный приговор Военной коллегии Верховного суда от 1941 года в исполнение не приводился. По большому счету о нем вообще помалкивали, будто его и не было.

Арестовали Понеделина и Кириллова только 30 декабря 1945 года по постановлению начальника следственного отдела ГУКР СМЕРШ генерала Леонова, санкционированному начальником ГУКР СМЕРШ В. С. Абакумовым и главным военным прокурором генерал-лейтенантом юстиции Н. П. Афанасьевым.

Фактически на основании приказа Ставки № 270 были возбуждены новые уголовные дела, но без ссылок на этот приказ и с умолчанием о наличии уголовного дела с заочным

приговором о расстреле. Генералов заключили в Сухановскую тюрьму особого режима.

В конце 1946 года власти СССР полностью рассчитались с предателем А. А. Власовым и его окружением, а с Понеделиным и Кирилловым не спешили. Для генералов тянулись страшные годы пребывания в тюремных застенках, заполненные редкими допросами, бесконечными продлениями сроков следствия и содержания под стражей.

По всей вероятности, от них ожидали (или требовали) признания вины за окружение и разгром 6 и 12-й армий.

Двадцатого августа 1950 года в соответствии «с новыми обстоятельствами», которых фактически не имелось, по заключению ГВП, Военная коллегия отменила свой заочный приговор от 13 октября 1941 года. Понеделину и Кириллову (по их новым делам) объявили об окончании следствия (без предъявления дела за 1941 год), а 25 августа все той же коллегией обоих, теперь уже очно, снова приговорили к расстрелу с немедленным приведением приговоров в исполнение. Генералы признали, что в бою попали в плен. Суду этого было достаточно.

После смерти Сталина ГВП было проведено настоящее расследование вновь открывшихся обстоятельств, и все та же пресловутая Военная коллегия Верховного суда СССР в феврале 1956 года посмертно реабилитировала бывших генералов. Вскоре были реабилитированы их жены и дочери.

Содержание приказа Ставки № 270 о генерале Качалове было еще более постыдной и трагической нелепостью. Оказалось, что он, командуя в Ельнинской операции 28-й армией Резервного фронта под руководством Г. К. Жукова, попал в сложную боевую обстановку. В боях севернее города Рославля его штаб был отрезан от войск, его поливали наземным огнем вражеские пушки и минометы, а сверху яростно бомбила авиация. Генерал Качалов героически погиб. Это удалось доказать смоленским чекистам при вскрытии братской могилы в деревне Старинка Смоленской области и при проведенном дополнительном расследовании.

Следовательно, в приказе Ставки № 270 просто издевались над погибшим генералом. Он реабилитирован в 1953 году, после смерти Сталина, и, согласно сообщению ГУК МО РФ, «считается погибшим в Великой Отечественной войне в районе д. Старинка Смоленской области» (приказ МО СССР № 0855 от 13 февраля 1954 года).

Жену генерала Качалова Елену и ее мать реабилитировали в 1954 году.

Тень приказа Ставки оскверняет не только память боевых

командиров. В условиях окружения особоотдельщики не имели возможности «подглядывать» за батальонными и полковыми командирами, выяснять, прячутся ли они при бомбежке в щели. Они выполняли другие, более важные задачи. Сражаясь с оружием в руках против врага, они еще должны были скрывать секретные документы, как собственные, так и штабные. Особенно шифры.

Так, известно, что 213-я стрелковая дивизия полковника М. П. Осьминского попала в окружение в районе села Подвысокое, в междуречье Ятрани и Синюхи. Ее яростно атаковали войска 17-й армии немцев и танки генерала Клейста. В эту тяжелую минуту старший оперуполномоченный Особого отдела дивизии лейтенант госбезопасности Митяж с остатками отдела и шифровальщиком Николаем Лютовым на кладбище села Копенковатое Новоархангельского района Кировоградской области закопал пять железных ящиков (сейфов) с документами Особого отдела и штаба дивизии. В ту же ночь все, кроме Лютова, погибли.

Впоследствии, в 1961 году, Лютов вместе со спецкором газеты «Красная звезда» капитаном 3-го ранга Воронецким приезжал в село Копенковатое, где были обнаружены два сейфа из пяти. Остальные три сейфа найдены поисковой экспедицией МВД СССР в 1986 году. Документы из двух сейфов восстановить оказалось невозможно, зато в третьем сохранились документы на триста пятнадцать военнослужащих. Все документы были переданы в Подольский архив МО СССР.

Прославленные маршалы потратили немало чернил на свои воспоминания, оправдывая ошибки Верховного, восхваляя его и свои успехи. Однако никто из них не осудил себя за участие в подписании позорного и, безусловно, вредного для чести армии и страны приказа № 270.

«Освободить Ленинград от блокады»

Волховский фронт был создан 17 декабря 1941 года.

«Задача фронта состояла в том, чтобы в первое время содействовать срыву наступления противника на Ленинград, а затем совместно с Ленинградским фронтом разгромить действующую здесь группировку немцев и освободить Ленинград от блокады». Если бы эта задача не была выполнена, вероятно, события разворачивались бы в другом направлении.

Фронт был создан за счет левого крыла Ленинградского фронта и резервов Ставки Верховного Главнокомандования в составе 4, 52, 59 и 2-й Ударной армий.

Специфика фронта была такова, что 4 и 52-я армии были уже порядком обессилены в боях, а 2-я ударная и 59-я, спешно вооруженные, почти оказались без снарядов.

Возглавив 2-ю ударную, генерал-лейтенант Н. К. Клыков узнал, что в батареях отсутствуют боеприпасы. И тем не менее в январе 1942 года войска Волховского фронта начали наступать. Операция велась в лесисто-болотистой местности, в условиях бездорожья, по глубокому снегу.

В войсках катастрофически не хватало оружия, транспорта, средств связи, продовольствия и фуража. Советское командование планировало ударом войск Волховского фронта с рубежа Волхова и 54-й армии Ленинградского фронта из района Погостья в общем направлении на Любань окружить и уничтожить любанскую группировку войск противника, чтобы выйти в тыл немецко-фашистским войскам, блокировавшим Ленинград с юга. Советским войскам противостояли в полосе между озерами Ладожским и Ильмень 17 дивизий 18-й армии группы армий «Север», создавших мощную оборону под Киришами, на левом берегу Волхова.

Наибольшего успеха достигла 2-я ударная армия. 17 января в районе Мясного Бора ей удалось прорвать оборону противника. Видя такой успех, 2-ю ударную армию стали пополнять за счет частей 52 и 59-й армий.

До сих пор от Ладоги до Новгорода и далее на юг лежат кости погибших солдат, остатки оружия. Местность в этом крае труднопроходимая, потому здесь следы войны сохранились в первозданном виде.

По воспоминаниям ветеранов, в конце 1941 — начале 1942 года в районе станции Погостье 54-я армия Ленинградского фронта, пытаясь пробиться на соединение со 2-й ударной армией, клином вонзилась в немецкие позиции и остановилась,

практически обессиленная. Яростные бои за станцию длились несколько месяцев: утром дивизии штурмовали железнодорожную линию и падали, сраженные пулеметными очередями, вечером подходило пополнение, а утром все повторялось снова.

Так продолжалось много дней. Место сражения покрыл снег. И когда весной он стаял, обнажилась страшная картина. У самой земли лежали солдаты в летнем обмундировании, на них — морские пехотинцы в бушлатах, выше — сибиряки в полушубках, они шли в атаку в январе — феврале 1942 года. Еще выше — «политбойцы» в ватниках и тряпичных шапках, выданных в блокадном Ленинграде. На них — тела в шинелях и в маскхалатах. Зрелище Погостья весной 1942 года было ужасающим. Символом кровавой схватки возвышался над заснеженным полем морской пехотинец, которого пуля настигла в момент бросания гранаты: он так и замерз в напряженной позе.

Бои на Волховском фронте называли «изматыванием сил противника» или «срывом попытки немецкого штурма Ленинграда». Почти вся земля от Петербурга до Новгорода — это череда гигантских кладбищ, братских могил. Только на Невском пятачке лежит 200 тысяч человек — 17 человек на один метр!

Шокируют сами надписи на этих могилах: 16 фамилий, а ниже ужасающее: «Здесь покоятся еще 1366 человек». Потом фамилии: «Сапронов А. И., Черняков В. И., Осипов Д. П., Орлов И. В. …» Всего их 29. А затем: «Здесь же покоится еще 3000 человек».

Первые успехи 2-й ударной всерьез обеспокоили немецкое командование. Против нее гитлеровцы выставили одиннадцать немецких дивизий, сняли боевые части с ленинградских позиций, направили 250-ю испанскую дивизию, мотобригаду «Нидерланды», легион «Фландрия», части из Норвегии…

Втянувшись в горловину прорыва, 2-я ударная оказалась в гигантском «мешке», окружность которого составляла 200 километров.

Слабым местом армии являлся проход, который противник непрерывно пытался закрыть ударами со стороны Подберезья с юга и Спасской Полисти с севера.

19 марта 1942 года 2-я Ударная впервые оказалась в окружении. Ценой невероятных усилий и человеческих потерь командующий Волховским фронтом смог организовать контрудар для соединения со 2-й ударной силами 52 и 59-й армий.

Как рассказывали очевидцы тех событий, когда солдаты шли в бой, винтовки имелись не у всех, их, подбирая, брали у убитых. Невозможно даже представить, что испытывали наши бойцы в тот момент, когда надо было просто встать и идти умирать.

Когда угроза окружения 2-й ударной армии была окончательно снята, Ставка приняла решение о ликвидации Волховского фронта и преобразовании его в Волховскую оперативную группу, которая была включена в состав Ленинградского фронта.

С наступлением весны все в армии только усугубилось. Болота растаяли, потому вырыть окопы либо землянки было просто невозможно. По-прежнему не хватало боеприпасов, а в апреле — мае в армии начался голод. Солдаты питались молодой листвой, березовой корой, кожаными частями амуниции, мелкими животными. Но даже в таких тяжелейших условиях армия продолжала сражаться, углубляясь в немецкие тылы.

Лишь в июне 1942 года армия наконец получила приказ Ставки об отходе. Так и не дождавшись помощи, части прорвали немецкую линию окружения и начали через Долину смерти выходить с оружием в руках. В живых остались немногие…

Героическую 2-ю ударную армию пропаганда Геббельса активно связывала с ее сдавшимся в плен командующим генералом Власовым: в апреле 1942 года Власов сменил на должности тяжело больного Клыкова, а в июне сдался в плен.

Во всех дальнейших операциях по освобождению Ленинграда принимала участие 2-я ударная армия. Она сражалась за Эстонию, Польшу и победоносно закончила войну, приняв участие в Берлинской операции, получив 22 благодарности от Верховного главнокомандующего.

Приказом Ставки от 9 июня 1942 года Волховская оперативная группа была снова переименована в Волховский фронт, в его состав, кроме входивших в него армий, были включены 8 и 54-я армии, а в августе — 14-я воздушная армия. В августе — сентябре 1942 года войска Волховского и Ленинградского фронтов провели Синявинскую операцию, начисто сорвав готовившийся план противника по захвату Ленинграда. В январе 1943 года при прорыве блокады Ленинграда Волховский фронт войсками правого крыла прорвал мощную оборону противника южнее Ладожского озера. Затем бойцы соединились с 67-й армией Ленинградского фронта, образовав совместно с ней коридор, который обеспечил сухопутную связь Ленинграда со страной.

В то же время велись активные наступательные действия на Синявинско-Мгинском направлении. План нового наступления противника на Ленинград был окончательно сорван.

В январе — феврале 1944 года войсками Волховского фронта была проведена Новгородско-Лужская операция, в ходе которой был освобожден Новгород и во взаимодействии с Ленинградским

фронтом, 2-м Прибалтийским фронтом и Балтийским флотом нанесено тяжелое поражение немецко-фашистской группе армий «Север».

Для развития наступления 2 февраля фронт был усилен 1-й ударной армией. А 15 февраля фронт был расформирован, его войска перешли в Ленинградский и 2-й Прибалтийский фронт.

Создатель «Прощания славянки»

Эта удивительная мелодия широко известна во всем мире: уже сотню лет ее исполняют военные оркестры многих стран. А в Польше, во время Второй мировой войны, на мотив марша написали песню «Расшумелись плакучие ивы», ставшую гимном Армии Людовой.

Однако в Советской России, на родине марша, он довольно долго оставался под строжайшим запретом, люди не знали ни имени, ни судьбы его создателя.

Итак, автором музыки марша был офицер русской армии Василий Иванович Агапкин. Родился он в деревне Шанчерово бывшей Рязанской губернии. Мальчик рос сиротой. А поскольку он имел музыкальные способности, то как сын полка попал в военный оркестр 308-го батальона, стоявшего в Астрахани. Там Василий научился играть на трубе и других музыкальных инструментах, выучил музыкальную грамоту. Затем юноша поступил на срочную службу в армию, где его определили в кавалерийские войска. Так Василий Агапкин стал служить в Тверском драгунском полку, отличавшемся давними боевыми традициями и отличным военным оркестром.

Став лихим кавалеристом и прекрасным трубачом, Василий Агапкин для себя решил: вся его жизнь будет связана с военной музыкой. Закончив срочную службу, с рекомендациями от командования Василий Агапкин поступил в Тамбовское военно-музыкальное училище. После его окончания он был направлен штаб-трубачом в 7-й запасный кавалерийский полк.

Подошел 1912 год, начались пышные торжества по поводу столетия Отечественной войны 1812 года. С особым размахом отмечался праздник в полках, ходивших в 1813 году в поход в Европу и бравших Париж, воевавших на Бородинском поле и при Березине. Через год планировали с не меньшим размахом отмечать 300-летие правящего дома Романовых: парады, балы и гуляния. Военные оркестры были нарасхват.

Однако вскоре случились очень важные для всего мира события — Сербия, Черногория и Болгария заключили союз и объявили войну все еще сильной Турции. Это вызвало большой резонанс в русском обществе. Фирмы грамзаписи и нотные издатели сразу же выпустили ноты и пластинки с записями сербского, греческого и болгарского гимнов. Практически в каждом доме стало традицией музицировать на «балканские темы». Тогда Василий Агапкин решил создать собственное произведение. Несмотря на то что Россия не вступала в войну на

Балканах и русская армия не планировала переправляться через Дунай, Василий Иванович все же хотел выразить в музыке переполнявшие его чувства. И, вполне естественно, профессиональный военный музыкант написал военный марш!

По мнению некоторых музыковедов, Агапкин взял за основу ходившую среди солдат народную песню времен Русско-японской войны 1904–1905 годов и обработал ее. Свой марш Агапкин посвятил всем славянским женщинам и назвал его «Прощание славянки».

Свои нотные наброски Агапкин отвез в Симферополь известному на тот момент композитору и нотоиздателю, военному капельмейстеру Якову Богораду. Марш «Прощание славянки» Богораду пришелся по душе. Известный музыкант помог начинающему композитору оркестровать его произведение и издал ноты. Впервые новый марш был публично исполнен на строевом смотре 7-го запасного кавалерийского полка, в котором служил автор. Марш очень понравился солдатам, его стали исполнять оркестры других полков, и вскоре он триумфально зазвучал по всей России.

С началом Первой мировой войны марш «Прощание славянки» Агапкина приобрел уже международную известность — его исполняли военные и гражданские оркестры.

В октябре 1917 года произошли известные всем события переворота, а затем началась гражданская война. Марш Агапкина пользовался популярностью в войсках адмирала Колчака и Добровольческой армии, поэтому для большевистских комиссаров он стал неприемлем, а после гражданской войны оказался под строгим запретом. Из этого следует, что фильмы «про гражданскую», где красные бойцы маршируют под звуки «Прощания славянки», на самом деле не соответствуют действительности. При этом сами большевики активно «воровали» популярные белогвардейские песни. Так, «По долинам и по взгорьям», якобы созданная партизанами Дальнего Востока, в действительности марш знаменитых белых частей «Шли дроздовцы бодрым шагом».

В это непростое время сам Василий Агапкин воевал в рядах 1-го красного гусарского Варшавского полка Западной дивизии. После окончания гражданской войны музыкант вернулся в Тамбов и стал капельмейстером красного гарнизона. В 1922 году Агапкин участвовал в организованном в Москве смотре и вместе со всем оркестром был оставлен по распоряжению наркома для дальнейшего прохождения службы в столице.

Седьмого ноября 1941 года на Красной площади во время знаменитого парада сводным оркестром Московского гарнизона

дирижировал Василий Иванович Агапкин. Однако и тогда популярный ранее марш, ставший фактически музыкальным символом русских солдат и офицеров, не исполнялся. Поэтому и более поздние фильмы о Великой Отечественной, где в фонограммах звучит марш, на самом деле не соответствуют действительности.

Традиционно считается, что запрет на исполнение марша снял получивший международные призы фильм «Летят журавли». Конечно, создатели этого фильма пошли против исторической правды, озвучив пронзительную сцену проводов на войну знаменитым маршем Василия Агапкина. Однако благодаря этому фильму к нам вернулась величественная, ставшая поистине народной музыка военного марша.

Сам автор «Славянки» прожил долгую жизнь, навеки вписав свое имя в историю. Василий Иванович Агапкин скончался в возрасте восьмидесяти лет в 1964 году.

Фальшивомонетчики Второй мировой

Стояла зима 1943–1944 года. Заснеженные бараки концлагеря Ораниенбург тянулись далеко за горизонт. Тут и там среди бараков возвышались сторожевые вышки, ощетинившиеся пулеметами. По колено в снегу заключенные каждый день уныло брели на работы, а провинившиеся — отбывать наказание.

Однажды утром в лагере воцарилось необычайное оживление. Высшее начальство приехало, чтобы провести инспекцию лагеря. Все бараки были заранее тщательно вымыты, вычищены и убраны их жильцами. Комендант в сопровождении штаба напустил на себя важный вид. Подойдя к одному из бараков блока 19, комендант неожиданно остановился в изумлении. Двенадцать человек заключенных гордо сверкали медалями за военные заслуги, а еще шесть человек — Железными крестами 2-го класса.

Коменданту пришлось объяснять начальству, что эти награды недавно присуждены заключенным за исключительную службу.

Этот невероятный эпизод становится более понятным в контексте необычной авантюры: делом с фальшивками Гитлера.

Итак, Вена, сентябрь 1940 года. Вильгельм Хеттль был вызван бригадефюрером СД доктором Рашем как эксперт по Юго-Восточной Европе. Инициатива исходила от всемогущего шефа СД Гейдриха.

Раш поставил перед Хеттлем необычное и конфиденциальное задание: составить полное досье о деле с фальшивыми французскими банкнотами, сфабрикованными в Венгрии в 1925 году.

Для начала Хеттль отправился в Национальную библиотеку, чтобы ознакомиться с газетами того времени. Дело было довольно обычное: в 1925 году члены венгерского движения иррентистов намеревались ввести в обращение фальшивые французские банкноты. Однако группа фальшивомонетчиков была раскрыта, арестована и осуждена.

Примерно в конце 1940 года Хеттлю был дан приказ выехать в Берлин к шефу VI управления РСХА бригадефюреру СС Йосту. В кабинете Йоста Хеттля познакомили с Альфредом Науйоксом. Во время разговора выяснилось, что Германия тоже не прочь распространять фальшивки. На возражение Йоста, что Хеттль еще не давал обета молчания, а ему уже сообщают о столь важных вещах, Науйокс ответил:

— Операция «Андреас». Ну вот, Хеттль, теперь вы приведены

к присяге.

Затем Науйокс поведал всю историю. Недавно ему стало известно, что английские самолеты начали сбрасывать на немецкую территорию фальшивые продуктовые карточки, чтобы дезорганизовать хорошо отлаженную систему снабжения. В ответ решили печатать фальшивые фунты стерлингов и распространять их в Англии с целью расшатать британскую финансовую систему.

На следующий день Науйокс пригласил Хеттля в свое бюро на Дельбрукштрассе, в Западном Берлине. Там Хеттль и узнал о секретах Третьего рейха. Науйокс сам привез его в засекреченную мастерскую, где печатали фальшивые банкноты. Несколько служащих в белых блузах работали за станками. Другие аккуратно разливали на граверные доски кислоту для литографии. Гауптштурмфюрер СС Крюгер принес два швейцарских паспорта и протянул один из них Науйоксу, другой — Хеттлю. Последний пролистал свой экземпляр, однако ничего особенного не заметил — это была довольно качественная подделка.

Два дня спустя они прибыли в Эберсвальде. Машина остановилась перед длинным низким строением — писчебумажной фабрикой Шпехтхаузен.

— Это то, что положит конец Британской империи, — сказал Науйокс.

К ним подошел рабочий — человек лет пятидесяти. Он был известен в преступных кругах Берлина как ловкий фальшивомонетчик.

Самым трудным оказалось подделать гравюру овального изображения в левом верхнем углу банкноты, которую Науйокс назвал «Британия». Но спустя семь месяцев точное воспроизведение «Британии» все же было получено.

Чтобы изготовить бумагу, тоже потребовалось несколько месяцев.

Даты выпусков охватывали период примерно в двадцать лет, и каждой дате соответствовало несколько номеров серий.

В итоге кропотливой работы 1 марта 1941 года Науйокс впервые решился подвергнуть «свои» банкноты экспертизе иностранного банка. Агент принес в швейцарский банк пачку фальшивых фунтов и передал дирекции банка письмо от Государственного банка Германии. В письме выражались серьезные сомнения в подлинности банкнот. Англичане провели тщательную экспертизу, в которой применялись самые современные способы проверки. Экспертиза длилась три дня. В ответе англичане утверждали, что все банкноты — подлинные.

Впоследствии Науйокса отстранили от работы и операцию

возглавил лично начальник Главного управления имперской безопасности Рейнхард Гейдрих. Мастерская Шпехтхаузена показалась Гейдриху не слишком засекреченной, и фабрика по производству фальшивых банкнот во главе с Крюгером была переведена в 1942 году в блок 19 концлагеря Ораниенбург. Теперь эта фабрика стала называться «Предприятие Бернхард».

В 1942 году Гейдрих был убит бойцами чешского Сопротивления. Отныне Хеттль вернулся к работе в VI управление РСХА. Год спустя, в октябре 1943 года, Хеттля пригласил Крюгер, попросивший его оказать помощь в поощрении фальшивомонетчиков. Хеттль предложил Кальтенбруннеру наградить двенадцать человек медалями, а шестерых — крестами за военные заслуги 2-го класса. Дело было сделано.

Постепенно производительность Ораниенбурга росла. На последнем этапе войны фабрика по производству фальшивых денег была переведена в Релд-Зипф в Верхней Австрии. Один из служащих «Предприятия Бернхард», заключенный по имени Скала, впоследствии расскажет англо-американской комиссии по расследованиям, что мастерская достигла уровня производства четыреста банкнот в месяц.

В итоге у секретных нацистских служб не было финансовых проблем. Так, югославские партизаны получали продовольствие и боеприпасы из Англии и других союзных государств. Захватить оружие было почти невозможно. Немцы оружие покупали. Было налажено сообщение с югославами, и теперь часть британского оружия попадала сразу в руки нацистов. Расплачивались они за это толстыми пачками фальшивых фунтов стерлингов.

На фальшивые фунты было организовано и похищение Муссолини, арестованного Бадольо, равно как и похищение графа Чиано и его семьи.

Но вот пришел конец фашистской Германии. Гитлер покончил с собой. Повсюду царил хаос. Австрийские дороги были загружены бесконечными вереницами солдат, спасающихся бегством от передовых американских частей, и колоннами машин с имуществом высших должностных лиц. В этой ужасной неразберихе два грузовика оказались заблокированы на дороге между Зальцбургом и Линцем. Поняв, что положение безнадежно, оберштурмфюрер СС, которому была поручена охрана грузовиков, отдал приказ выбросить ящики в реку. Через двенадцать дней гонимые сильным течением ящики открылись и по воде поплыли сотни тысяч купюр английских фунтов. Американские власти забили тревогу.

ЦРУ немедленно провело свое расследование, в результате

которого выяснилось, что эти два грузовика были частью колонны машин, исчезнувших у озера Топлиц. По сообщению местных жителей, служащие спецвойск в спешке бросали в воды озера «большие ящики и коробки из белого металла».

В итоге, согласно проведенному расследованию, с 1940 по 1945 год немцы напечатали около ста пятидесяти миллионов фальшивых фунтов стерлингов.

«Русских военнопленных не существует»

В наше время многие мифы советской эпохи развенчаны, но до сих пор так и не поднят вопрос о бывших советских военнопленных, судьбах 5 700 000 человек, незаслуженно обвиненных в предательстве Родины. Из них около 3 300 000 человек погибли, 930 000 до конца войны пребывали в Германии, в том числе 750 000 в качестве рабочей силы, свыше миллиона были освобождены, некоторые оказались в армии Власова. Более полумиллиона репатриированных солдат и офицеров просто так, без суда и следствия были брошены в заранее подготовленные спецлагеря НКВД, созданные по приказу ГКО от 27 декабря 1941 года…

А ведь в 1929 году сорок одно государство, принимавшее участие в Первой мировой войне, подписало Женевскую конвенцию, которая обязывала сохранять жизнь военнопленным, обеспечивать их питанием, одеждой и жильем, не использовать их труд на тяжелой и связанной с военными заказами работе, за побег наказывать только в дисциплинарном порядке. Но советское правительство наотрез отказалось подписывать этот документ.

Невзирая на страстные заверения, что «бить врага мы будем на его территории», за четыре первых месяца войны Красная армия отступила в глубь своей страны и понесла огромные потери. Мировая история еще не знала случая, когда за такой короткий срок в плен попало свыше полутора миллионов человек.

Зато Сталин с речью по радио 3 июля 1941 года яростно распекал тех, кто «своим паникерством и трусостью мешает делу обороны». Уже тогда вождь призывал «братьев и сестер» вести с ними «беспощадную борьбу», «уничтожать их на каждом шагу», «предавать суду военных трибуналов как пособников врага». Точно так же действовала и советская пропаганда и дипломатия, заявляя: «Нет у нас никаких пленных, есть только дезертиры».

Председатель МКК Марсель Юнод еще 22 июня предложил правительствам СССР, Германии, Румынии и Финляндии обмениваться списками убитых, раненых и попавших в плен. На себя МКК брал заботу о пострадавших на фронтах. Принятие плана Юнода подарило бы жизни тысячам советских солдат, но списки Москве были вовсе ни к чему. Те, кто погиб в плену, — туда им и дорога, а кто выжил — добро пожаловать к Лаврентию Павловичу Берии.

В декабре 1941 года, на встрече в Берлине с Риббентропом, Юнод предложил другой выход: действуя на основе принципов гуманизма и международного права, обменяться списками пленных и организовать через США посылки с едой и одеждой в советские и немецкие лагеря. Риббентроп сообщил об этом Гитлеру, а тот — Сталину. Ответ вождя всех народов был таков: «Русских военнопленных не существует. Русские солдаты сражаются насмерть. Если же они выбирают судьбу военнопленных, они автоматически исключаются из советского общества».

Немецкое командование рассчитывало на быструю победу, однако никак не ожидало, что возьмет в плен так много советских воинов. В соответствии с начальным планом, фюрер рассчитывал взять в плен 790 000 человек с последующим их размещением в восемнадцати лагерях. Однако уже первые месяцы войны заставили в корне пересмотреть этот вопрос.

Шестого августа немецкое командование высчитало рацион питания советских военнопленных: 2040 калорий неработающим и 2220 калорий работающим. Мясо в меню отсутствовало, только хлеб, картофель и крупа. Геринг потребовал, чтобы ни при каких условиях эти нормы не повлияли на питание немцев. А министр продовольствия Баке заявил: «Русский желудок эластичен — его не надо жалеть».

Пленные французы, англичане, американцы имели крышу над головой, были накормлены и одеты. Международный Красный Крест располагал их точными списками, проверял лагеря, добиваясь от немецких властей выполнения Женевской конвенции, отправлял посылки с гуманитарной помощью и оказывал медицинскую помощь. Пленные евреи, коммунисты и комиссары, согласно приказу, расстреливались на месте или отправлялись в концлагеря. Остальных размещали подальше от линии фронта: сначала в пересменных лагерях без бараков, а потом в стационарных, с бараками. Условия содержания были настолько чудовищными, что в день от холода и голода погибало 150–200 человек.

И только в 1942 году, когда пленники стали работать на рейх, условия их содержания улучшились Хотя ненамного — только для поддержания трудовой активности.

Сталин проявил интерес к советским военнопленным, только когда война подходила к концу и участь Германии была решена. Слова «предатели», «изменники», «дезертиры» быстро изъяли из лексикона и заменили на «советские граждане, подлежащие репатриации». Однако все это делалось вовсе не из гуманных соображений, а потому, что СССР понадобилась поддержка

англичан и американцев.

Самым удобным моментом для решения этой проблемы Сталин посчитал встречу Большой тройки в Ялте в феврале 1945 года. В совместном заявлении для прессы, в частности, говорилось: «Мы обязуемся оказывать всестороннюю помощь, совместимую с требованиями ведения военных операций, в целях обеспечения быстрой репатриации всех военнопленных и гражданских лиц».

Рузвельт и Черчилль отлично знали, что ожидает советских военнопленных после возвращения на Родину, но перечить Сталину не стали. Ведь в повестке дня были вопросы и поважнее: будущее Германии, европейские границы. А дальше случилось страшное: эшелоны с тысячами заключенных пошли на восток — в Сибирь…

Анархистская республика Каминского

Четвертого октября 1941 года немецкие войска захватили поселок Локоть Орловской области (ныне он относится к Брянской). Но еще до этого времени здесь гуляла анархия. Отбившиеся от частей бойцы, раненые, уголовники, крестьяне смешались в одну мятежную толпу.

Эта местность и ранее прославилась своей «контрреволюционностью». Здешние крестьяне крепостного права не знали и были довольно свободолюбивы. Против советской власти они восстали еще в 1918 году, а затем долго препятствовали внедрению колхозов.

В 1938 году в этих местах решил поселиться вернувшийся из сибирской ссылки Константин Воскобойник. Отбывал он наказание за то, что десять лет жил под чужой фамилией, в чем сам признался, явившись в ОГПУ. Это добровольное «раскаяние» спасло ему жизнь, поскольку за Воскобойником числились грехи гораздо посерьезнее: в 1921 году он был пулеметчиком в мятежном отряде эсера Попова, но после разгрома сумел скрыться. Приехав в Локоть, Воскобойник устроился преподавать физику в местном техникуме. Инженерно-экономическое образование у Воскобойника имелось, он получил его, когда еще жил под «псевдонимом».

Перед войной в поселок приехал еще один инженер, химик Бронислав Каминский, поляк по отцу и немец по матери.

Его мытарства начались в 1935 году, когда Каминского исключили из партии. Впоследствии он говорил, что причиной явилась написанная им статья против коллективизации. Как обстояло дело в действительности, неясно, но известно другое: в августе 1937 года Каминского уже арестовали, «пристегнув» к делу профессора Чаянова, обвиненного в создании «террористической» Крестьянской партии (в действительности выдуманной на Лубянке). Александр Чаянов, выдающийся ученый, теоретик кооперации и действительный противник насильственной коллективизации, был расстрелян. Каминскому же судьба улыбнулась. Он просидел в тюрьме до ноября, а затем был выслан в Шадринск Курганской области, откуда после освобождения перебрался в Локоть. Там Каминский устроился на спиртзавод.

Двое вчерашних ссыльных быстро нашли общий язык. А когда пришли немцы, предложили им свои услуги. В конце концов, ими

заинтересовался генерал-полковник Шмидт, командующий 2-й танковой армией, чей штаб находился в Орле. Воскобойника назначили бургомистром, Каминского — его заместителем.

Все население согнали на собрание, во всеуслышание объявленное вечевым сходом, в типографии отпечатали манифест «Национал-социалистической трудовой партии России, которая якобы «создалась в подполье в сибирских концлагерях». Неизвестная ранее партия провозгласила полное уничтожение коммунистического и колхозного строя, бесплатную передачу земли крестьянам в вечное пользование, свободу частной инициативы, а также двухмесячные отпуска. Манифест подписал «инженер Земля» — так прозвал себя Воскобойник.

Однако бургомистр не увидел результатов своих трудов. 8 января 1942 года партизаны, совершавшие рейд по немецким тылам, ворвались в Локоть. Воскобойник был смертельно ранен, и руководителем был назначен Каминский.

Что касается новосозданного государства, образованного двумя бывшими «чаяновцами», так называли себя Воскобойник и Каминский, то от всех громких идей Чаянова в нем осталось одно слово — «самоуправление». Да и оно являлось всего лишь камуфляжем. Структура администрации была такой же, как и у обычных советских исполкомов. В обращении ходили советские деньги, зарплата полицейских и учителей составляла 500 рублей.

Собственная газета называлась «Голос народа». Редактировал ее бывший директор школы Николай Вощило. Сначала выходило две тысячи экземпляров, а к середине 1943 года тираж увеличился до двенадцати тысяч. Газету распространяли в Брасовском уезде и еще в семи — так вырос Локотской округ. В него вошли районы нынешних Брянской, Орловской и Курской областей. После такого внушительного расширения Каминский получил должность обер-бургомистра.

Крестьянам новая власть разрешила поделить между собой колхозных лошадей, корма, постройки, хлеб. Из-за нехватки лошадей крестьянам приказали объединяться в земельные общества и помогать друг другу. Эти своеобразные колхозы были обязаны платить налоги, им доводили план «госпоставок». Часть «оброка» передавалась немецкой армии. Промышленные предприятия оставались «государственной» собственностью.

Судебная система действовала очень быстро. Развернув активную борьбу с самогонщиками и пьяницами, Каминский заявил, что порочные пристрастия будут караться расстрелом. Символом новой эпохи стал перевод часов по приказу Каминского: стрелку перевели на один час назад — к дореволюционному прошлому. А позже, в честь первой

годовщины оккупации, Каминский приказал переименовать поселок Локоть в город Воскобойник! Генерал-полковник Шмидт, первый покровитель Каминского, однажды заметил, что всю Россию необходимо преобразовать по подобию Локотского округа. Бургомистр скромно ответил, что он всего лишь инженер. На что услышал: «Фюрер тоже был художником, а стал вождем нации».

«В верхах» по достоинству оценили заслуги Каминского. Сам Альфред Розенберг, министр восточных территорий, составил докладную записку Гитлеру «О русском самоуправлении округом Локоть». Но высоко оценивались в ней не так достижения «гражданского строительства», как успешные карательные операции против партизан. В этом состояла главная деятельность Каминского. Являясь гражданским повелителем земель, на которых проживало около полумиллиона человек, основным делом он считал командование созданной им бригадой РОНА («Российской освободительной народной армии»). Это воинское соединение насчитывало к концу оккупации до 10 тысяч человек. РОНА состояла из пяти полков, у нее были 24 танка Т-34, пушки, зенитные орудия, бронемашины. Добровольцев катастрофически не хватало, поэтому в ход шла принудительная мобилизация. Новобранцев старались повязать кровью. Карателя «бригады Каминского» (так их называли немцы) отличались крайней жестокостью.

Бывший конезавод превратили в тюрьму, где пытали захваченных партизан. По словам очевидцев, Каминский лично участвовал в этом. Ему активно помогала Макарова-Гинзбург, прозванная Тонькой-пулеметчицей. Эта дама была палачом окружной тюрьмы и лично расстреляла около двухсот заключенных. За каждую партию жертв ее награждали графином спирта.

Вскоре Красная армия стала наступать, немцы отступали, и Каминский издал приказ об эвакуации. В «самоуправлении» началось брожение, люди массово бежали к партизанам. На запад ушла РОНА, прихватив с собой семьи. В августе 1943 года каминцев направили в город Лепель Витебской области. Здесь они опять занимались карательными операциями против партизан. И так проявили себя, что в июле 1944 года бригаду включили в состав войск СС (впоследствии 29-я гренадерская дивизия СС). Каминский получил звание бригадефюрера СС и Железный крест.

В августе 1944 года головорезы Каминского получили задание подавить Варшавское восстание. Гитлеровцы имели по этому поводу и свои расчетливые соображения. На другом берегу

Вислы стояла Красная армия (она вошла в Варшаву только в январе 1945 года), а здесь бесчинствовали пьяные каратели, матерившиеся по-русски. На руке каждого мародера красовалось по три — пять пар часов, а их женщины увешивали себя драгоценностями.

Предателя Каминского убрали свои же хозяева. Военно-полевой суд был скорым. Бригадефюрера СС расстреляли вместе с его штабом. Сведения об этом постарались довести до польского подполья, но скрыли от самих каминцев. Опасаясь неприятных последствий с их стороны, объявили, что «вождь» убит… польскими подпольщиками. Вскоре 29-ю дивизию СС расформировали, при этом многих ее «гренадеров» отправили в ряды остарбайтеров и даже в концлагеря.

При работе с архивом Брянского УФСБ был обнаружен документ, который помог пролить свет на личность Каминского, мнившего себя освободителем России, и стал основой еще одной версии его гибели. Мечтой Каминского в ссылке было отнюдь не свержение большевизма. Начальник управления НКВД Орловской области Фирсанов сообщал 17 июля 1942 года начальнику Второго управления НКВД Федотову: «28 марта 1940 года Шадринским НКВД Каминский был завербован секретным сотрудником под кличкой „Ультрамарин“ для разработки ссыльных троцкистов… Всех их Каминский характеризовал в 1940 году как антисоветски настроенных, за исключением Прониной».

Вполне возможно, что и в Локоть Каминский прибыл со специальной миссией. В любом случае, «стучал» Бронислав Владиславович и здесь, правда, по отзыву лейтенанта Гурова, «агент к работе относился недобросовестно, на явки являлся неаккуратно, задания точно не выполнял».

Заканчивая свое донесение, майор Фирсанов спрашивает: «Не считаете ли вы целесообразным выдать Каминского немцам как секретного сотрудника НКВД? Подписка его, выданная Шадринскому РО НКВД, у нас имеется».

В 1942 году этого по каким-то причинам не сделали. Но вот как раз в 1944-м, как сообщается в некоторых публикациях, один заключенный концлагеря Заксенхаузен — бывший командир диверсионного отряда, воевавшего под Орлом, капитан госбезопасности, — смог организовать якобы «утечку» информации с компроматом на Каминского. Он «по секрету» сообщил сокамернику, что командир РОНА Каминский на самом деле — давний агент НКВД, внедренный к немцам.

Конечно, предать огласке такую шокирующую информацию ведомство Гиммлера не могло. В те дни после провала июльского покушения на фюрера шла тотальная чистка армии, а проводили

ее эсэсовцы. Они решили, что Каминскому для приговора вполне достаточно обвинения в обыкновенном мародерстве.

Тайна вторжения Гитлера в Америку

В субботу 13 июня 1942 года двадцатилетний пограничник морской береговой охраны Джон Каллен сразу после полуночи вышел со своего поста в Амагансетте на Лонг-Айленде. Он совершал обычный патрульный обход побережья, подсвечивая себе дорогу фонариком. Пограничник отошел от поста всего на полмили, когда неожиданно наткнулся на четырех человек, стоявших на мели вокруг небольшой лодки. Пограничник насторожился и спросил, кто эти люди.

Один из незнакомцев, говоривший с легким иностранным акцентом, объяснил, что он и его товарищи — рыбаки и что они заблудились в тумане.

Каллен не поверил им и попросил пройти на пост.

Тогда длиннолицый «рыбак» сказал:

— Послушай, парень, у тебя есть родные? Ты хочешь их снова увидеть? Тогда возьми вот эти деньги и забудь, что ты здесь видел!

Ошеломленный юноша почувствовал в своей руке пачку купюр. Он понял, что в одиночку ему с этими людьми не справиться. Отступив назад, он быстро побежал к посту береговой охраны.

Тем временем длиннолицый человек и трое его спутников быстро разгрузили резиновую лодку, на которой они доплыли до берега с доставившей их подводной лодки U-202. Выкопав яму, люди сложили в нее четыре водонепроницаемых ящика, заполненных взрывчаткой, детонаторами и часовыми механизмами. Взрывчатки было столько, что можно было нанести серьезный удар по американской промышленности. После этого незнакомцы пошли по дороге вдоль побережья по направлению к железнодорожной станции Амагансетта. Когда Каллен и другие пограничники прибежали на побережье, никого на берегу уже не было.

План диверсий против основных американских предприятий был составлен абвером — разведкой немецкого верховного военного командования. Разрабатывал его лейтенант разведки Вальтер Каппе. В течение двенадцати лет Каппе занимался пропагандой нацизма в Чикаго и Нью-Йорке. Для создания соответствующей организации он планировал привлекать этнических немцев, живущих и работающих в Соединенных Штатах, которые хорошо знали американцев и их язык. Каппе был уверен, что ему удастся найти среди них людей, поддерживающих фатерланд. Предполагалось, что контактировать с Каппе и друг с

другом они будут, давая объявления в чикагской газете «Трибюн». Когда подрывная сеть окончательно наладится, Каппе лично проникнет в Соединенные Штаты и станет у руля, обосновавшись в законспирированной штаб-квартире в Чикаго.

Зимой 1941 года Вальтер Каппе начал вербовать в Германии первых агентов. Это была кропотливая и продолжительная работа. Он знакомился с имеющимися в гестапо списками недавних репатриантов, выступал в Институте зарубежных стран, организованном для привлечения немцев, живущих за границей, в национал-социалистическую партию, просматривал картотеки вермахта, разговаривал с кандидатами. В конце концов 10 апреля 1942 года небольшая группа добровольцев была собрана. Первую группу начали инструктировать в комплексе отведенных под школу построек, стоявших в густом лесу недалеко от Берлина. В число добровольцев входили: Джордж Джон Даш, Вернер Тиль, Эдвард Керлинг, Герман Нойбауэр, Герберт Ганс Гаупт (самый молодой в группе), Эрнст Петер Бюргер, Генрих Генк и Рихард Квирин.

В полдень лейтенант Каппе повел своих подопечных на экскурсию по школе. За спальным помещением располагались гимнастический зал, классная комната, специально оборудованная лаборатория, помещение-цитадель для работы со взрывчатыми веществами и два тира. Каппе сказал курсантам, что с этого момента никто не должен знать, где они находятся.

А дальше началась ежедневная интенсивная подготовка добровольцев: гимнастика, лекции по зажигательным средствам, взрывчатым веществам, запалам, часовым механизмам и тайнописи, практические занятия по метанию гранат, стрельбе и борьбе, а также выполнение заданий по совершению диверсий.

Двадцать девятого апреля начался последний этап проверки курсантов. Группу разбили на команды и каждой выдали запечатанные инструкции с заданием отправиться к макету фабрики, на конечную станцию железнодорожной ветки или к нефтехранилищу. Прибыв на место, группа скрытно изучала обстановку, готовила взрывчатку и в течение двух суток уничтожала объект.

Итак, проверка была закончена. Выпускникам пообещали ежемесячное жалованье и хорошую работу после войны, затем разделили на две группы и дали задания. Группе № 1, которой руководил Даш, предписывалось совершить диверсии на нескольких американских алюминиевых заводах и на криолитовом предприятии в Филадельфии. Эта группа должна была также взорвать шлюзы на реке Огайо между Питтсбургом и Луисвиллем. Группе № 2, возглавляемой Керлингом, поручалось

заняться железнодорожными мостами и тоннелями, взорвать нью-йоркский мост Хелл-Гейт на Ист-Ривер, разрушить систему водоснабжения Нью-Йорка. Помимо этого, члены обеих групп должны были при любой возможности взрывать бомбы в общественных местах, чтобы сеять панику.

Каппе приказал каждому из своих подопечных сразу же убирать своих сотоварищей, замеченных в проявлении слабости или трусости.

Утром 26 мая, за два дня до погрузки диверсантов на подводные лодки U-201 и U-202, стоявшие в бухте Лориенте, Каппе выдал им деньги на проведение операций: 50 000 американских долларов старшему в группе и по 4400 долларов, спрятанных в поясах, остальным. Укладывая деньги в свой чемоданчик с двойным дном, Даш сообразил, что они состоят преимущественно из «золотых» банкнот, вышедших из обращения еще девять лет назад. Уличающие купюры были быстро заменены, однако сомнения остались. Впоследствии Даш объяснял: «У меня не выходили из головы эти деньги. Если они так небрежны — эти люди, которые все организуют и готовят нас, — то чего стоят наши головы?»

Приехав в Нью-Йорк, Даш и Бюргер устроились в «Говернор Клинтон отеле» на Уэст 31-стрит, а Генк и Квирин — в «Мартинике». Диверсантам вполне благополучно удалось высадиться, они ни у кого не вызвали подозрений в поезде и быстро «растворились» в городе. Позднее они приобретут автомобиль, то выкопают взрывное снаряжение и перепрячут его в горах Катскилл, как и было запланировано. Спешить не следовало, Каппе подчеркивал, что не надо проводить открытых диверсий до того момента, пока обе группы как следует не вживутся в образы обыкновенных американцев.

Однако неожиданно в действиях диверсионной группы № 1 произошел решительный перелом. Едва Даш и Бюргер остались в номере одни, Даш решительно сказал Бюргеру, что ему не нравится вся эта затея и он знает способ, как из этого выкрутиться.

— Если ты не согласен, мне придется тебя убить прямо здесь и сейчас.

— Я с тобой, — последовал ответ Бюргера.

Итак, в субботу, перед восмью часами вечера, в кабинете сотрудника ФБР Дина Ф. Макуортера, находившегося в Федеральном суде Нью-Йорка, зазвонил телефон. Когда он поднял трубку, человек, говоривший со слабым иностранным акцентом, сказал, что он высадился с немецкой подводной лодки и располагает важной информацией для Дж. Эдгара Гувера.

Надо сказать, что шел седьмой месяц войны, и ФБР замучили звонками сумасброды и просто чудаки, поэтому Макуортер составил докладную записку о странном звонке и занялся другими делами. Однако этот звонок приобрел иной смысл, когда служба береговой охраны сообщила ФБР о ночном происшествии у Амагансетта и обнаруженных затем ящиках со взрывчаткой.

Тем временем в тысяче миль к югу подлодка U-201, перевозившая диверсионную группу № 2, направлялась к побережью Флориды. Семнадцатого июня она всплыла поблизости от Понте-Ведра-Бич, в двадцати пяти милях к юго-востоку от Джэксонвилла. Пересев в резиновую лодку, Керлинг, Нойбауэр, Тиль и Гаупт добрались до берега и благополучно причалили. Быстро переодевшись и закопав снаряжение, группа дошла до автострады № 1, откуда выехала автобусом до Джэксонвилла. Следующим утром Керлинг и Тиль уже ехали в поезде, идущем до Цинциннати, а Гаупт и Нойбауэр находились на пути в Чикаго.

Между тем Джордж Даш приехал на поезде в Вашингтон и позвонил в главное управление ФБР. Он представился и сообщил, что поселился в отеле «Мэйфлауэр» в номере 351.

Вскоре он уже рассказывал о себе двум появившимся в его номере особым агентам ФБР Дуэйну Тревору и Томасу Донегану. На следующий день их сменили агенты Фрэнк Джонстон и Норвалл Уиллз; стенографистки же в номере 351 менялись каждые два часа. Признание Даша заняло 254 машинописные страницы, напечатанные через один интервал. В числе прочей информации были сведения о Каппе и его диверсионной школе. Диверсант составил список объектов, указанных группам № 1 и № 2, дал описание всех членов групп и назвал имена и адреса людей в Соединенных Штатах, с которыми они могли пойти на контакт. Даш также рассказал, что немецкие подводные лодки погружаются на глубину, недосягаемую для глубинных бомб союзников. Диверсант искренне надеялся, что за его содействие ему предоставят возможность участвовать в пропагандистских радиопередачах для немецкого народа.

В тот же вечер агентами ФБР в Нью-Йорке был арестован Эрнест Петер Бюргер. Было заметно, что при аресте он испытал явное облегчение. Затем были арестованы диверсанты Генк и Квирин.

У Эдварда Керлинга, старшего в группе № 2, в Нью-Йорке жила жена. 22 июня он выехал из Цинциннати в сопровождении Тиля, чтобы увидеться с ней, а вечером следующего дня их арестовали.

Тем временем Гаупт вернулся в свою комнату в старом

родительском доме в Чикаго. Будучи довольно самоуверенным, он явился в отделение ФБР, чтобы узнать о своем призывном статусе. «Все в порядке», — ответили ему. В действительности все обстояло не так. ФБР установило за ним круглосуточную слежку, а через неделю, в ночь на 27 июня, задержало, после того как он вывел агентов на Германа Нойбауэра, последнего из диверсантов.

Через пять дней, 2 июля, президент Рузвельт назначил военную комиссию для слушания этого дела. Такой трибунал созывался в Соединенных Штатах впервые со времен убийства Авраама Линкольна в 1865 году и проходил совершенно секретно. Один за другим питомцы лейтенанта Каппе давали свидетельские показания. Особо они настаивали на своей якобы давней неприязни к гитлеровскому режиму. Бюргер сообщил о проблемах, которые у него возникли с гестапо, и напомнил комиссии о том, что его признание содержало очень важную для Соединенных Штатов информацию: подробные сведения о сообщниках, о принципах действия привезенных ими взрывных устройств, о характеристиках и устройстве подводной лодки U-202.

Резюмируя судебное следствие, главный военный прокурор шутливо заметил:

— Если принять версию защиты, джентльмены, то можно сделать вывод, что обвиняемые прибыли сюда не как вредители, а как беженцы.

Восьмого августа был оглашен вердикт в деле диверсантов. Все они были признаны виновными в нарушении законов войны. Даша приговорили к тридцти годам тюрьмы, Бюргера — к пожизненному заключению, а остальных — к смерти на электрическом стуле. Исполнение приговора состоялось в тот же день. Всех членов группы похоронили в безымянных могилах в Вашингтоне. Эта новость стала сенсацией во всем мире: меньше чем через два месяца после своей высадки на американский берег все диверсанты были пойманы и наказаны!

Узнав об этом, адмирал Дениц пришел в неописуемую ярость. Еще бы — из-за этой авантюры его субмарины подвергались риску! Впоследствии адмирал несколько месяцев подряд отказывался участвовать в акциях абвера, требовавших перевозок на подводных лодках.

«Ни шагу назад»: раскрытые тайны штрафбатов

«Трусов, паникеров, дезертиров истреблять на месте» — из приказа Наркомата обороны (НКО) № 227 от 28 июля 1942 года («не подлежит опубликованию»).

В так называемых штрафных батальонах воевали преимущественно не уголовники, а командиры, разжалованные на месяц, по разным причинам не выполнившие боевых задач. Статистика учета побывавших и погибших в штрафбатах не велась и тем более никогда не публиковалась.

Особенно тяжелыми были первые два года войны, когда советская армия несла поистине колоссальные потери, пядь за пядью оставляя родную землю. Именно в то время Сталин и подписал свой трагический по содержанию приказ.

Этот приказ вошел в историю и стал не только жестким уроком для армии, но и мобилизующей силой. «НИ ШАГУ НАЗАД БЕЗ ПРИКАЗА ВЫСШЕГО КОМАНДОВАНИЯ. ПАНИКЕРЫ И ТРУСЫ ДОЛЖНЫ ИСТРЕБЛЯТЬСЯ НА МЕСТЕ».

Вслед за приказом, на следующий день, то есть 29 июля 1942 года, в войска поступила директива Главного политического управления Красной армии. Она предъявила требования всем политработникам, всем коммунистам перестроить всю партийную и политработу в соответствии с этой задачей. Следует отметить, что приказ № 227 был направлен прежде всего против командного и политического состава Красной армии. В приказе, в частности, говорилось: «Нельзя терпеть дальше командиров, комиссаров, политработников части и соединения, которые оставляют боевые позиции самовольно. Нельзя терпеть дальше, когда командиры, комиссары, политработники допускают, чтобы несколько паникеров определяли положение на поле боя, чтобы они увлекали в отступление других и открывали фронт врагу». И снова подчеркивалось: «Паникеры и трусы должны истребляться на месте». В приказе давалось вводное пояснение о том, что противник для повышения дисциплины и ответственности сформировал более ста штрафных рот для рядовых и около десятка штрафных батальонов для офицеров, нарушивших дисциплину и проявивших в бою трусость. Таких офицеров в гитлеровской армии лишали орденов, заслуг, посылали на опасные участки фронта, чтобы они искупили свою вину. Немцы сформировали специальные отряды-заграждения, поставили их позади малодушных дивизий и приказали расстреливать тех, кто

пытается отступить или сдаться в плен. Как считал И. В. Сталин, именно эти меры подняли дисциплину и боеспособность гитлеровской армии. «Не следует ли нам поучиться в этом деле у наших врагов, как учились в прошлом наши предки у врагов и одерживали потом над ними победу?» Сталин сам отвечает на свой вопрос: «Я думаю, что следует». И далее уже идет конкретное пояснение: командиры рот, батальонов, полков, дивизий, соответствующие комиссары и политработники, отступающие с боевых позиций без приказа свыше, являются предателями Родины. И поступать с ними следует, как с предателями Родины. Далее приказ № 227 поясняет: «снимать с должности командиров, комиссаров, политработников всех ступеней, провинившихся по трусости, неустойчивости, нарушении дисциплины, допустивших отход войск, снимать с должности и отправлять в вышестоящий трибунал, чтобы после суда на трудных участках фронта искупить свою вину. Эта часть приказа относится более к крупным штабным командирам, которые не находятся на передовой и не могут быть «истреблены на месте». И в итоге совершенно конкретно: «сформировать в пределах фронта от одного до трех штрафных батальонов (по 800 человек) для старшего и среднего разжалованного комсостава, чтобы в более трудных условиях искупили свою вину кровью, а также сформировать в пределах каждой армии от 5 до 10 штрафных рот (от 150 до 200 чел. в каждой), куда направлять рядовых и младших командиров, чтобы в более трудных условиях дать им возможность искупить свою вину перед Родиной кровью.

В результате, если исходить из приказа № 227, количество офицеров, разжалованных в штрафбатах, должно составить около 2400 человек, в штрафротах же в пределах фронта — максимум до шести тысяч человек. Цифры просто колоссальные! Скорее всего, на тот момент Сталин всю вину возлагал на командиров и не против был заменять их в ходе войны.

Далее следует: «сформировать в пределах каждой армии до пяти заградотрядов по 200 бойцов в каждом. Размещать их в тылу неустойчивых дивизий и обязать их в боевых условиях в случаях бегства, паники, отступления паникеров и трусов расстреливать на месте и тем помочь честным бойцам выполнить свой долг перед Родиной.

Было совершенно очевидно, что свою вину и вину Генерального штаба (находившегося под контролем Сталина и контролем НКВД) в оперативно-тактической неподготовленности армии к боям на своей территории вождь всех народов целиком переложил на армию.

Вот что являлось наказанием для разжалованных

командиров: лишить воинского звания, разжаловать в рядовые, направить в штрафной батальон сроком на один месяц, чтобы кровью искупил свою вину. Поступивший в штрафбат сдавал все свои награды, партийные и другие документы и переодевался в казенную одежду без знаков различия — принадлежности к военнослужащему (без звездочки на пилотке). Он должен был обращаться к начальникам по форме «гражданин лейтенант» и т. д., сам же имел звание «штрафник». За тридцать суток пребывания в штрафбате штрафники были обязаны участвовать в бою не менее раза. Их посылали группами, взводами, отделениями на самые рискованные участки, через минные поля и т. п. Сзади шло пулеметное прикрытие, подразделение НКВД, причем именно против штрафников, если они начнут отступать или ползти назад. Всех строго предупреждали: «Назад из боя, если будете ранены, не ползти. Вас пристрелят, мы ведь не знаем, почему вы ползете назад. Ждите. Вас потом подберут».

Подобные порядки существовали и в штрафротах. Право направления разжалованных имел трибунал, однако на самом деле это стали решать командиры соединений. Они имели право наказать за трусость, за отступление в бою, за то, что боец потерял оружие, что в бою у него отказал пулемет, за сознательное членовредительство, за невыполнение боевого приказа, за необеспеченную полевую связь, за дезертирство, самовольные отлучки и т. д.

Прошедшего бой штрафника отпускали в часть, возвращая награды и звания. В случае его гибели о нем сообщали семье и семья получала пенсию. Штрафные батальоны и роты дрались в бою жестоко, ведь впереди враг, а позади — смерть.

Уже в середине 1943 года ход войны коренным образом изменился. Разгром немцев под Сталинградом, прорыв блокады Ленинграда и другие успехи резко подняли боевой дух нашей армии. Паника и отступления в бою, случаи самострелов, уклонения от боя стали довольно редкими. Как следствие — количество командиров и рядовых-штрафников уменьшилось.

Но сами штрафные части оставались до самого конца войны. На тот момент возник уже совершенно иной контингент штрафников, направляемых на отбытие наказания по другим причинам и зачастую без суда трибунала.

Так, красноармейцев часто наказывали за самоволку, пьянство, связи с местными женщинами. Последнее было вызвано опасением, что солдаты заразятся венерическими заболеваниями, а это повлияет на их боеспособность. Поэтому было объявлено, что такие случаи будут рассматриваться как сознательное членовредительство.

Также продолжались разжалования и отправки в штрафбат командного состава — за затонувшее при переправе орудие, за то, что летчик перепутал окопы и отбомбился по своим или зенитчики сбили свой самолет, за то, что боец не смог вовремя доставить боеприпасы, и т. д. Бывало, что кто-то с кем-то просто сводил счеты… К сожалению, мясорубка тех лет не разбирала, кто прав, кто виноват. Нередки были доносы, ошибочные, а то и вовсе нелепые обвинения, а самым ужасным было то, что многие достойные офицеры и солдаты так и не вернулись из штрафбата в свои части. Кровью искупили вину, которой не было.

Тридцатая батарея береговой обороны

В одном из фильмов многосерийной телеэпопеи «Великая Отечественная» этот эпизод длится всего несколько секунд. Сперва на экране возникает советская башенная установка береговой обороны, ведущая ожесточенный огонь по противнику. Потом кадры нацистской кинохроники — солдаты вермахта толпятся у огромных орудий, чуть ли не отвесно задравших широкие короткие стволы. Слышатся выстрелы… И снова советская батарея. Крупным планом — сухощавый командир во флотском кителе с нашивками капитана. Залп. Так наши кинооператоры засняли капитана Георгия Александера, командира 30-й батареи береговой обороны.

Чтобы защитить Севастополь с моря, в устье реки Бельбек в 1912 году начали строить бронебашенную батарею. Местность представляла собой возвышенность, немного выгнутую и одной стороной обращенную к морю. Кроме того, орудия имели возможность кругового обстрела. К 1914 году успели вырыть котлованы для башен и несколько подземных погребов. Затем строительство батареи законсервировали: российский флот господствовал на Черном море в 1914–1917 годах.

В конце 1920-х годов командование морских сил Черного и Азовского морей решило закончить строительство, за помощью обратились к наркому обороны К. Е. Ворошилову. Тот одобрил представленный проект, и работа закипела. При строительстве широко применялись многие механизмы и детали, оставшиеся от тяжелых боевых кораблей царского флота. В 1933 году батарея береговой обороны, по мощности залпа аналогичная линкору, вступила в строй. Ей присвоили номер тридцать, командиром назначили выпускника Московского артиллерийского училища, капитана Георгия Александера, военкомом — старшего политрука Ермила Соловьева.

А вскоре прогремели первые залпы Великой Отечественной войны. На всех фронтах шли кровопролитные бои, германское командование планировало быстро захватить Севастополь. Но 1 ноября 1941 года, ровно в 12.40, на колонны мотомехчастей фашистов неожиданно обрушился огневой удар невиданной силы. Немцы совершенно не ожидали такой мощи, ведь, по сведениям немецкой разведки, на данном направлении располагалось мало частей Красной армии.

Прибыв в Севастополь, командующий Приморской армией

генерал-майор И. Е. Петров подробно изучил обстановку, оценил очень удачное расположение двухбашенной четырехорудийной батареи Александера, ее «царственный» калибр — двенадцать дюймов (305 мм), способность вести огонь по кораблям противника и по его сухопутным частям.

Второй штурм Севастополя начался утром 17 декабря, ему предшествовала сильная артподготовка. По приказу Манштейна, в наступление ввели пять дивизий. В первую очередь гитлеровцы планировали захватить батарею Александера, поэтому в районе реки Бельбек и Мекензиевых гор разгорелись кровопролитные бои. Однако в глубоких потернах и на командном пункте батареи шум боев был практически не слышен. Александер, склонившись над картой, делал соответствующие расчеты, после чего командовал: «Изготовиться к стрельбе!»

Кстати, нигде, кроме Севастополя, в ходе войны расход артиллерийских снарядов не превышал расход винтовочных и автоматных патронов. Удивленный этим обстоятельством, генерал Петров приказал проверить эти сведения, но цифры оказались прежними: 49 тысяч снарядов против 47 тысяч патронов.

Под новый 1942 год Александер понял, что стала падать точность и дальность стрельбы. Стволы орудий порядком износились — нарезы в их каналах стерлись, поэтому снаряды после выстрела неустойчиво держались на траектории. В строго засекреченном месте, в одной из бухт, хранились запасные, 50-тонные стволы. Однажды январской ночью их достали, перевезли на батарею и тщательно замаскировали. Стали мозговать над тем, как обновить батарею, если противник практически рядом. Кроме того, согласно инструкции, чтобы заменить стволы, необходима была работа со спецкранами в течение шестидесяти суток. Выход нашел артиллерийский мастер С. И. Прокуда. Длинными зимними ночами батарейцы под его руководством методом «бурлацкой артели», практически вручную, используя лишь небольшой кран и домкраты, всего за шестнадцать суток заменили стволы на «тридцатой».

В 1942 году Гитлер вызвал в Берлин Манштейна, чтобы заслушать его доклад о затянувшейся операции. Два неудачных штурма Манштейн оправдывал тем, что подступы к городу хорошо укреплены, а русские матросы дерутся просто отчаянно и фанатично. Кроме того, у русских много артиллерии, в том числе неуязвимый форт с орудиями невероятно крупного калибра. И вот тогда под Севастополь и были направлены орудия сверхбольшого калибра — два типа «Карл» и одно «Дора».

С «тридцатой» отлично просматривался весь фронт под

Севастополем, и Александер организовал инструментальную разведку. Одного, потом другого «Карла» выдали яркие вспышки при выстрелах и характерный, харкающий звук. Между невероятными «чудищами» и батареей Александера началась артиллерийская дуэль. Помимо «Доры» и «Карлов», гитлеровцы стянули под Севастополь несколько тяжелых орудий 11, 12 и 14-дюймового калибра. Снаряды этих орудий то и дело обрушивались на кварталы города. Над Севастополем стояло огромное облако пыли и дыма, и вскоре красавец город был окончательно разрушен.

Последний штурм Севастополя был крайне ожесточенным. Только на батарею Александера было направлено несколько полков пехоты, не считая саперной роты, оснащенной огнеметами и зарядами для подрыва бронебашен. Вражеские бомбардировщики совершали до шестисот вылетов ежедневно.

На седьмой день штурма огромный снаряд угодил в башню. Погибли наводчики и замочные, тяжело ранило командира башни. Однако расчет заменили, орудия ввели в строй, и бой продолжился.

Вскоре «Карлы» были сильно повреждены огнем батареи Александера и их вывезли в Германию. «Дору» же засекли летчики, которые своим ударом вывели из строя энергопоезда, состав спецсопровождения, платформы обслуживания и вагоны с боеприпасами. Генерал-майор, командовавший «Дорой», немедленно попросил командование перебазировать его за пределы Крыма.

Под Севастополем каждый день погибало и получало ранения до четырех с половиной тысяч немецких солдат. Однако и силы защитников были на исходе. Батарею Александера прикрывал батальон морских пехотинцев и минометная батарея лейтенанта Пятецкого. Они геройски выполняли приказ генерала Петрова: «Беречь батарею!» Однако к 12 июня от батальона осталось меньше роты. Сильно поредел и 90-й стрелковый полк, державший фронт вблизи 30-й. Запасы снарядов подходили к концу.

Положение стало слишком критическим. На общем совете личного состава приняли решение прорываться небольшими группами в горы, к партизанам. Некоторым бойцам это удалось. Через несколько дней противник опоясал батарею пулеметными точками. Соловьев руководил одной из последних групп прорыва. В одну из атак его тяжело ранило. Александер уходил последним. В подземных галереях оставались только тяжелораненые и медперсонал.

Двадцать четвертого июня командир попрощался с

политруком и вместе с небольшой группой батарейцев через водосток ночью вышел к реке Бельбек. Однако предатель из местных выдал Александера, и после пыток тот был расстрелян в симферопольской тюрьме.

Когда из Севастополя ушли последние корабли, на батарее подземные бои продолжались еще девятнадцать суток! Даже подорвав входные двери, нацисты долго не могли войти внутрь потерн. Искалеченные моряки каждый раз открывали автоматный и винтовочный огонь. Когда же был захвачен центральный пост, старший политрук Ермил Соловьев, не желая попасть в плен, застрелился. В дальних потернах и узких ходах раненые продолжали сражаться практически вслепую.

Призывы немцев сдаться и обещания сохранить пленникам жизнь остались без ответа. Тогда гитлеровцы пустили в подземные сооружения газы. Под землей все смолкло…

В самом конце Великой Отечественной войны в руки советского командования попали особо секретные архивы Третьего рейха. Среди чертежей и технической документации об орудиях «монстрах», о неосуществленных проектах всевозможного «чудо-оружия» были обнаружены описания и чертежи… батареи Александера, сделанные немецкими специалистами.

Это было подлинное научное исследование, включавшее расчеты на прочность артсистемы, износ стволов, анализ порохов и ряд других технических вопросов.

В конце был сделан вывод, что «форт русских „Максим Горький 1“ являлся подлинным шедевром военного инженерного искусства» и что именно поэтому он смог отсрочить падение Севастополя более чем на полгода.

Загадки заградотрядов

Эта тема до сих пор мало изучена. Однако на самом деле прежде всего надо отметить, что заградительные отряды не являются изобретением сталинского руководства. В той или иной форме такие структуры были известны еще в глубокой древности.

В Гражданскую войну заградительные отряды использовали как белые, так и красные. Чтобы увеличить численность войск, обе стороны применяли насильственную мобилизацию. Известны случаи, когда колчаковцы подгоняли наступавшие цепи артиллерийским огнем.

Однако во время Второй мировой войны смысл существования заградотрядов исказился. Рассказывая о них, часто, случайно или намерено, допускают смешение двух совершенно разных вещей, — ведь под термином «заградительные отряды» понимаются совершенно разные структуры.

Изначально в Красной армии действовали так называемые заградительные отряды войск НКВД по охране тыла. Руководило ими Управление особых отделов НКВД Лаврентия Берии. Войска НКВД — это аналог современных внутренних войск, куда призывались на срочную службу обычные люди. Части по охране тыла фактически выполняли те же функции, что полевая жандармерия вермахта или англо-американская военная полиция. Они обеспечивали безопасность тыловых коммуникаций, отлавливали вражеских агентов, дезертиров, мародеров и т. д. и доставляли их в особые отделы для выяснения.

В случае с войсками НКВД дело, однако, обстояло серьезнее. Как известно, первые месяцы войны были примечательны отступлениями и эвакуациями. Пользуясь неразберихой, некоторые командиры и политработники срывали знаки различия и уничтожали документы, солдаты бросали оружие… Их и задерживали заградотряды НКВД и по мере необходимости направляли в особые отделы, которые искали шпионов. Потому не всех задержанных ставили к стенке. Из официального документа:

«Совершенно секретно
Народному комиссару внутренних дел СССР
Генеральному комиссару государственной безопасности
товарищу БЕРИЯ

СПРАВКА

С начала войны по 10-е октября с. г. Особыми отделами НКВД и заградительными отрядами войск НКВД по охране тыла задержано 657 364 военнослужащих, отставших от своих частей и бежавших с фронта.

Из них оперативными заслонами Особых отделов задержано 249 969 человек и заградительными отрядами войск НКВД по охране тыла — 407 395 военнослужащих.

Из числа задержанных Особыми отделами арестовано 25 878 человек, остальные 632 486 человек сформированы в части и вновь направлены на фронт.

В числе арестованных Особыми отделами:

шпионов — 1505

диверсантов — 308

изменников — 2621

трусов и паникеров — 2643

дезертиров — 8772

распространителей провокационных слухов — 3987

самострельщиков — 1671

других — 4371

Всего: — 25 878

По постановлениям Особых отделов и по приговорам Военных трибуналов расстреляно 10 201 человек, из них расстреляно перед строем — 3321 человек».

Появление же других, овеянных жуткими подробностями заградотрядов относится к лету 1942 года. Они были сформированы после знаменитого приказа Народного комиссариата обороны № 227 от 28 июля 1942 года. Приведем некоторые выдержки из приказа:

«Не хватает порядка и дисциплины в ротах, полках, дивизиях, в танковых частях, в авиаэскадрильях. В этом теперь наш главный недостаток. Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять свою Родину.

Нельзя дальше терпеть командиров, комиссаров, политработников, части и соединения которых самовольно оставляют боевые позиции. Нельзя терпеть дальше, когда командиры, комиссары, политработники допускают, чтобы несколько паникеров определяли положение на поле боя, чтобы они увлекали в отступление других бойцов и открывали фронт врагу.

Паникеры и трусы должны истребляться на месте.

Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно явиться требование — ни шагу назад без приказа высшего командования».

«2. Военным советам и прежде всего командующим армиями…

б) сформировать в пределах армии 3–5 хорошо вооруженных заградительных отрядов (по 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов и тем помочь честным бойцам дивизий выполнить свой долг перед Родиной».

«3. Командирам и комиссарам корпусов и дивизий:

а) безусловно снимать с постов командиров и комиссаров полков и батальонов, допустивших самовольный отход частей без приказа командира корпуса или дивизии, отбирать у них ордена и медали и направлять в военные советы фронта для предания военному суду;

б) оказывать всяческую помощь и поддержку заградительным отрядам армии в деле укрепления порядка и дисциплины в частях».

Этот ужасающий приказ отдали не от хорошей жизни. Летом 1942 года положение Красной армии было критическим. На юге фронта практически не было. По бескрайней степи брели остатки частей, без связи и совершенно дезориентированные. Перед правительством СССР стоял выбор — либо полная катастрофа, либо крутые меры. Так были созданы заградотряды.

Посылали в заградотряды обычных военнослужащих — из частей, не принадлежащих к ведомству Берии. Отдельного центрального командования у заградотрядов не было. Так, приказ о непосредственном создании таких отрядов издавал командующий конкретной армией, который сам решал, кого туда послать и как вооружить. Именно командующему армией они и подчинялись. Интересный факт: фронтовые командиры были недовольны не фактом создания заградотрядов, а тем, что эти структуры часто были вооружены автоматами, которых тогда катастрофически не хватало.

Не было никаких фактов, что в такие отряды набирали уголовников, которых поили водкой.

В соответствии с приказом, заградотряды выставлялись в тылу у неустойчивых дивизий, то есть частей, наскоро сформированных из новобранцев, укомплектованных необстрелянными командирами.

Но на самом деле все было не так безоблачно. Вот что сообщает один из ветеранов, служивших в этих соединениях.

«Дело было на Северном Кавказе. Нам встретилась часть, отступающая в полном беспорядке…

Слова на них уже не действовали. Мы стали стрелять в

воздух, потом — в землю перед отступающими… Затем наш командир принял решение: расстрелять на месте капитана, командовавшего частью… Этот расстрел… привел остальных в чувство».

По всей видимости, такое случалось не раз.

По поводу массовых расстрелов отступавших ветеран Кононов вспоминает: «На передовой у нас ходили слухи, особенно среди новобранцев, что за спиной стоят пулеметы, которые откроют по нам огонь, если мы уйдем с позиции. Но чтобы его действительно открывали — такого я не видел и не слышал». Можно предположить, что особые отделы таким образом психологически обрабатывали солдат.

Советские заградотряды прекратили свое существование незадолго до окончания войны. Ситуация на фронтах после 1943 года существенно изменилась, и такая структура стала больше не нужна. К 20 ноября 1944 года, в соответствии с приказом НКО СССР № 0349, заградотряды были расформированы.

Следует учитывать и такую тонкость. Со слов полковника в отставке Ширенко: «На войне бывает всякое. К примеру, я наблюдал, как командир артиллерийской батареи по ошибке накрыл собственную отступающую часть. Его, кстати, за это отправили под трибунал, а потом — в штрафной батальон. Попадали солдаты и под собственные пулеметы. И собственные самолеты и танки подбивали. Мало кто знает, к примеру, что самое крупное в мировой истории танковое сражение под Прохоровкой началось с перестрелки между своими. Две наши танковые колонны не узнали друг друга в тумане».

Возможно, из-за таких трагических, но неизбежных на войне ошибок и поползли слухи о расстрелах своих?

Секреты битвы под Ржевом

Историки не хотят исследовать ржевскую тему. Долгое время от народа скрывали правду: советские войска четырнадцать месяцев вели ожесточенные бои местного значения, город был оставлен врагом, а не «взят нашими войсками в ходе тяжелых боев», как пытались это представить. В результате — победителей нет, явных успехов — тоже, зато потери огромны и совершенно бессмысленны.

Лишь недавно местные краеведы провели детальные исследования, которые в какой-то мере приоткрывают завесу тайны над давними событиями. Изданы и воспоминания немецкого генерала Хорста Гроссмана «Ржев — краеугольный камень Восточного фронта», которые названы издателями «единственной серьезной попыткой на материалах архивов и воспоминаний дать полную картину Ржевской битвы».

Самый простой вопрос: почему небольшой город (около 50 тысяч жителей до войны), находящийся в двухстах километрах от Москвы и в тысяче четырехстах от столицы Германии, немцы называли «воротами Берлина» и фактически вцепились в него зубами?

Итак, в первых числах декабря 1941 года фашисты спешно отступали от Москвы. Гитлер 19 декабря провозглашает себя главнокомандующим сухопутными войсками и 3 января 1942 года отдает приказ отступающим армиям: «Цепляться за каждый населенный пункт, не отступать ни на шаг, обороняться до последнего солдата, до последней гранаты…» Выполняя приказ фюрера, немцы, отступив от Москвы до линии Ржев — Гжатск (ныне Гагарин) — Вязьма, «зацепились» за Ржев. Город находился фактически в кольце наших войск с севера и даже с запада, однако враг держался в нем дольше года.

Несмотря на то что от удара под Москвой немецкие войска совершенно обессилели, они оборонялись довольно мощно. А наша более чем миллионная армия, стремившаяся на запад, в течение трех с половиной месяцев («Ржевско-Вяземская стратегическая наступательная операция 8 января — 20 апреля 1942 года») безрезультатно выбивала врага из города.

И неожиданно в начале марта 1943 года немцы сами оставили Ржев, отступили на 150–200 километров к западу и фактически открыли нашей армии путь на Берлин. Хотя это были только первые шаги на пути к победе.

Почему же отступили немцы? «Гитлер в конце концов разрешил», — воспоминает генерал Гроссман. Можно сделать

вывод, что фюрер, признав явное превосходство нашей армии, понял бессмысленность сопротивления. Тогда возникает другой вопрос: почему советское командование не сказало людям правду? Почему 3 марта 1943 года вышла очередная сводка: «несколько дней назад наши войска начали решительное наступление на Ржев. Сегодня после длительных и тяжелых боев они взяли город»?

Итак, советские части вошли в Ржев, и Черчилль лично поздравил Сталина с этим событием, сказав: «Мне известно, какое большое значение вы придаете освобождению этого пункта».

Но так ли уж значим был Ржев?

Известный историк Вадим Кожин считает: «Был свой объективный смысл в ржевском противоборстве и у нас, и у врага, правда, кардинально различный смысл: сопротивляясь под Ржевом, враг отдалял свое поражение, а мы, атакуя его, приближали свою победу».

Другие историки придерживаются похожего мнения: «Не было бы Ржева — не было бы и Сталинграда. Именно потери, которые понес враг под Ржевом, помогли отстоять город Сталина».

Потери действительно были поистине колоссальные — за четырнадцать месяцев раненых, убитых и взятых в плен более 1,1 миллиона человек. Красная армия сковала до 1/6 части всех дивизий Восточного фронта (для сравнения: под Сталинградом воевало около 1/4 всех солдат вермахта). А наступательная операция 30 июля — 23 августа 1942 года отвлекла от Сталинграда три танковые и девять пехотных дивизий.

Мнение других историков более категорично. Например, известный ученый, доктор философских наук, начальник Института военной истории Министерства обороны Дмитрий Волкогонов считает: «Ржев можно отнести к одной из самых крупных неудач советского военного командования в Великой Отечественной войне».

А вот данные, освобожденные от грифа секретности в 1993 году. «На Ржевско-Вяземском плацдарме с начала января 1942 года по конец марта 1943 года были проведены три крупномасштабные операции: Ржевско-Вяземская (8 января — 20 апреля 1942 года, общие потери 776 889 человек), Ржевско-Сычевская (30 июля — 23 августа 1942 года, общие потери 193 683 человека) и Ржевско-Вяземская (2–31 марта 1943 года, общие потери 138 577 человек). Во всех трех операциях погибли 1 109 149 человек».

Однако даже такая страшная цифра потерь, скорее всего, занижена, поскольку, кроме перечисленных трех операций, под

Ржевом постоянно велись активные боевые действия.

Местные краеведы считали, что колоссальные людские потери и разрушение города явились результатом не столько героизма советских солдат, сколько грубых просчетов советского командования. Потому они не поддержали несколько раз возникавшую идею присвоения Ржеву звания «город-герой».

Защищавшие «дом Павлова»

Во время легендарной обороны Сталинграда в конце сентября 1942 года разведывательная группа, возглавляемая сержантом Павловым, заняла в центре города четырехэтажный дом и прочно закрепилась в нем. Это здание, названное позже «домом Павлова», стало важным опорным пунктом, который отражал отчаянные атаки противника вплоть до начала контрнаступления советских войск.

Пятьдесят восемь суток дом обороняли 24 воина разных национальностей. И лишь недавно выяснили имена еще двух солдат, которых, как оказалось, специально вычеркнули из списка сотрудники органов госбезопасности.

До войны четырехэтажный дом был жилым зданием облпотребсоюза. Находилось здание по адресу улица Пензенская, 61, на главной площади города. Дом считался одним из самых престижных в Сталинграде, его окружали элитные Дом связистов, Дом работников НКВД. Как полагается, в престижном доме проживали специалисты промышленных предприятий и партийные работники. Прямая ровная дорога вела от дома прямо к Волге. Именно это обстоятельство и сыграло свою решающую роль.

Дом посчитали важным тактическим узлом обороны. Советское командование поставило перед гвардейцами 13-й дивизии генерала Родимцева задачу любыми путями захватить здание и прочно удерживать. На штурм была послана целая рота, а после его окончания в живых остались четыре человека. Возглавил новоиспеченный «гарнизон» старший по званию сержант Яков Павлов. В полном окружении четверо бойцов отчаянно отражали атаки противника, пока к ним в конце концов не подоспела помощь.

Удивительный парадокс, случалось, что гитлеровские дивизии с ходу брали столицы государств, а в Сталинграде за 58 дней они не смогли захватить обычный четырехэтажный дом, который защищало подразделение советских солдат.

Один из оставшихся в живых защитников «дома Павлова» Иван Афанасьев писал: «Третьего октября 1942 года противник начал штурмовать наше здание. Его он старался захватить любой ценой, потому что этот дом был ключом к Волге в этом районе. Каждый день приходилось отбивать несколько ожесточенных атак. За почти два месяца обороны дома в ней приняло участие 24 человека, но одновременно нас было в гарнизоне не более 15 человек. Ну а гитлеровцев мы положили немало».

Интересно, что на оперативной карте немецкого командующего сталинградской группировкой Паулюса «дом Павлова» был обозначен как крепость.

Боеприпасы для «дома Павлова» доставляли на лодках, питались солдаты горелой пшеницей, спали когда придется, поскольку непрерывно приходилось отбивать вражеские атаки. Вместо постели вату под себя подкладывали, которой трубы были обмотаны.

Из мемуаров сержанта Якова Павлова: «Нас, горстку бойцов, засыпали бомбами фашистские самолеты, штурмовали танки противника, беспощадно били артиллерия и минометы. Ни на минуту не прекращался пулеметно-автоматный огонь. Нам порой не хватало боеприпасов, не было пищи, воды. От разрывов снарядов нечем было дышать…»

Стоит заметить, что, несмотря на героизм и мужество солдат, Золотую звезду Героя Советского Союза получил лишь сержант Яков Павлов.

Долгое время считалось, что дом обороняли 24 героя девяти национальностей. На самом деле их было больше. Двадцать пятого солдата из Калмыкии Гора Хохолова после войны просто вычеркнули из списка бойцов. Лишь спустя шестьдесят два года память о нем была восстановлена.

Умалчивали и о еще об одном герое — абхазце Алексее Сукбе (или Цугбе, как в некоторых документах). Интересно, что в радиомемуарах героя Сталинградской битвы маршала Василия Чуйкова эта фамилия звучала, правда среди погибших: «Горстка советских воинов защищала дом, названный потом домом сержанта Павлова… Многие герои битвы пали смертью храбрых. В городе на Волге и сегодня чтут память этих парней. Это: русские Александров и Афанасьев, украинцы Сабгайда и Лущенко, грузины Мосиашвили и Степанашвили, узбек Тургунов, казах Мурзаев, абхазец Сукба, таджик Турдыев, татарин Рамазанов».

Историкам удалось выяснить, что Алексей Шабанович Сукба, 1919 года рождения, беспартийный, был призван в армию в июле 1941 года Гудаутским районным военкоматом Абхазской АССР.

В книге самого Павлова, вышедшей в 1948 году в Сталинградском издательстве, пофамильно названы лишь семь человек, однако Сукба тут тоже есть!

Упоминается Алексей и в армейской газете «Сталинское знамя» (за декабрь 1942 г.). Вскоре Сукба был награжден орденом Красной Звезды и медалью «За оборону Сталинграда».

В 1944 году война привела этого солдата в Западную Белоруссию. А затем происходит непонятное — его фамилия

оказалась в списках власовцев из так называемой РОА (Русской освободительной армии). Согласно документам, Сукба не сражался против своих, а нес караульную службу. Однако и этого хватило, чтобы имя солдата исчезло из истории Сталинградской битвы.

Сталинская цензура проявила себя не сразу. Еще несколько лет имя Сукбы публично упоминали всякий раз, когда речь заходила о геройской обороне. И лишь в середине 1950-х годов, когда по случаю торжеств удалось собрать всех павловцев, чекисты взяли с них подписку о неразглашении тайны. Тогда вместе с абхазцем Сукбой исчез из списков защитников дома и калмык Хохолов, чей народ был репрессирован Сталиным.

Вот почему, когда в начале 1960-х годов возводили каменное панно на торце восстановленного «дома Павлова», там значилось только 24 бойца 9 национальностей.

Трагедия волжско — татарского легиона

В 1943 году под Витебском произошло поистине беспрецедентное событие: в день Красной армии на сторону партизан, окруженных немецкими войсками, полностью перешел 825-й батальон волжско-татарского легиона. Он был сформирован нацистами из советских военнопленных, в основном татар. Создавая такое воинское подразделение, гитлеровцы пытались разыграть «национальную карту» в войне против СССР. Благодаря сохранившимся архивным документам историкам удалось выяснить все подробности неизвестной ранее страницы битвы с фашизмом.

Из числа военнопленных немцы сформировали более ста восьмидесяти частей. Всего в этих частях находились:

— три русские бригады численностью 13 000, 12 000 и 18 000 человек;

— части из латышей — всего 104 000 человек, из литовцев — 36 800 человек;

— из азербайджанцев — 36 500 человек, из грузин — 19 000 человек, из выходцев с Северного Кавказа — 15 000 человек, из татар — 12 500 человек, из крымских татар — 10 000 человек, из армян — 7000 человек, из калмыков — 5000 человек. Всего насчитывалось 298 800 человек.

Формирование волжско-татарского легиона развернулось осенью 1942 года на территории оккупированной Польши в районе местечка Едлино близ Радома. Одним из первых был подготовлен к отправке в район боевых действий 825-й батальон легиона. Его численность — примерно тысяча человек, а весь штаб состоял из немецких офицеров.

Восемнадцатого февраля 1943 года батальон эшелоном направили в Витебск, в окрестностях которого оккупанты окружили несколько крупных партизанских отрядов. Расправиться с ними гитлеровцы планировали руками бывших советских военнопленных.

Положение партизан под Витебском было критическим. Сохранился отчет с грифом «совершенно секретно», где, в частности, говорилось: «Шесть тысяч партизан были окружены в этом районе отрядами противника общей численностью до 28 000 человек, имевших артиллерию, танки и авиацию».

В числе других заблокированной оказалась и 1-я витебская партизанская бригада под командованием Михаила Бирюлина. В

ней насчитывалось приблизительно пятьсот человек. Однако партизанская разведка усиленно работала, она установила, что на помощь немецкой дивизии, проводившей карательную операцию, прибыла отдельная часть, сформированная из пленных татар, башкир и чувашей. Эти сведения были получены от руководителей подпольной группы в «татарском» батальоне Рашита Хаджиева и Рахимова, которые сами искали связи с партизанами.

Сначала связная Нина Буйниченко сообщила, что к ней в дом заходил военврач прибывшего батальона, назвавшийся Жуковым. (Позже выяснилось, что настоящая его фамилия Волков.) Он спрашивал, кто помог бы «найти ход» к партизанам. Буйниченко, обсудив ситуацию с руководством, предложила Жукову направить в лес парламентеров для переговоров. При встрече с партизанами парламентеры, в числе которых были Фахрутдинов, Лутфулин и Трубкин, объяснили, что действуют по заданию подпольной организации, созданной еще во время формирования батальона в Едлино.

Штаб бригады долго взвешивал все обстоятельства перехода и учитывал возможности провокации. В результате на переход было дано добро, однако лишь при соблюдении некоторых условий. Во-первых, батальон должен был вначале ликвидировать своих немецких офицеров и гитлеровские гарнизоны в деревнях Сеньково, Гралево и Сувары. Во-вторых, уходить в лес, разделившись на три группы и в определенной последовательности. В-третьих, тотчас сложить оружие. Сигналом к началу операции должны были послужить взрыв штаба батальона и пуск трех сигнальных ракет.

Парламентеры условия приняли. Но в обратную дорогу ушли только двое, оставив в качестве заложников Лутфулина и Трубкина.

Переход едва не закончился провалом. В какой-то момент гитлеровцы получили донос и взяли в плен руководителей подпольной группы Рашита Хаджиева и Рахимова. Они были отправлены в Витебск и расстреляны.

Руководство переходом батальона взял на себя командир штабной роты Хусаин Мамедов. Он приказал Гари Галеву уничтожить штаб батальона. Вместе с тем перебежчики группами стали выдвигаться в лес. Первая, самая большая группа состояла из пятисот шести человек. Они отдали свое оружие партизанам. Затем благополучно перешли остальные.

Из сохранившегося отчета командования партизанских бригад: «Уничтожив немецкое командование, 23.02.43 в 14.00 весь батальон перешел на сторону партизан в составе 930

человек, имевших на вооружении три 45-миллиметровые пушки, 100 ручных и один станковый пулемет, 550 винтовок, комплекты боеприпасов и в полном составе батальонный обоз. Перешедшие были распределены между бригадами Захарова и Бирюлина. Впоследствии солдаты этого батальона участвовали в боях по прорыву вражеской блокады, где проявили мужество и геройство в борьбе с немецкими захватчиками».

Есть информация об этом переходе и в материалах расследования, предпринятого органами НКВД и СМЕРШ. Надо сказать, что к лету 1943 года многие члены татарского батальона были арестованы и направлены в «лагеря специального назначения». Контрразведчиков волновал вопрос: действительно ли добровольно или под давлением обстоятельств батальон перешел к партизанам? Для выяснения подробностей в конце июня 1943 года заместитель начальника отдела контрразведки СМЕРШ спецлагеря № 174 (Подольск) майор Кирсанов направил запрос в штаб партизанского движения Белоруссии:

«По непроверенным данным, переход на сторону партизан произошел в вынужденной обстановке, ввиду сложившихся обстоятельств — активных действий партизан против батальона, из состава которого в Подольском лагере спецназначения содержится 31 человек, а остальные якобы находятся в партизанских бригадах Алексеева, Дьячкова и Бирюлина».

С ответом не задержались: «Факт перехода на сторону партизан 825-го батальона „волго-татарского легиона“ в феврале месяце с. г. действительно имел место». А дальше пошла сплошная перестраховка, вполне соответствующая духу того времени: «Переход батальона был совершен в результате разложенческой работы, проведенной среди его личного состава. Обстановка в это время складывалась не в пользу партизан, однако сам факт их активных действий и проведение агентурных комбинаций, безусловно, имел влияние на личный состав батальона, убедившегося в лживости немецкой пропаганды о том, что партизаны якобы не представляют серьезного противника».

При этом ни один автор «разложенческой работы» в лагере противника не был назван. Вероятно, потому, что это были выдумки.

Но как бы там ни было, такая формулировка явилась серьезным аргументом в пользу полной реабилитации участников перехода 23 февраля 1943 года.

Фашисты же, получив горький урок, не решились направить на восток другие батальоны волжско-татарского легиона. Один из них был послан на Балканы, другой — во Францию. Однако и там «татарские» батальоны перешли на сторону антифашистских

отрядов Сопротивления.

Следует сказать, что к этому ответственному шагу легионеры еще в Радомском лагере военнопленных были заранее подготовлены подпольщиками. В их число входил известный татарский поэт Муса Джалиль и молодой офицер Красной армии Гайнан Курмашев. В августе 1943 года подпольщики были арестованы гестапо и казнены. Но свою благородную миссию они выполнили.

Последний приют фюрера

В восьми километрах от Винницы расположено место, которое не дает покоя исследователям и журналистам: в годы Второй мировой войны здесь был возведен мощный подземный командный пункт Гитлера «Вервольф». С тех пор этот район окутан самыми мрачными поверьями.

Согласно мнению исследователей, под толстым слоем песчаника в скалистом грунте на уровне третьего подземного этажа располагалась железнодорожная ветка. Именно по ней и доставляли загадочные грузы. Толщина стен подземного сооружения составляла пять метров, а его перекрытий — восемь!

Строили подземное убежище более четырех тысяч человек, в основном военнопленные. После окончания работ все они были уничтожены. Были задействованы и немецкие специалисты, которых постигла та же участь. Они покоятся в нескольких братских могилах в ближайших к «Оборотню» селах.

Пленных содержали в нечеловеческих условиях, в коровниках и конюшнях. Стояла морозная зима 1942 года. Полураздетых, голодных людей гнали на работу колоннами в оцеплении собак и автоматчиков. Кто падал и не мог больше двигаться — пристреливали.

По документам, впервые фюрер посетил свою винницкую ставку в июле — октябре 1942 года, вторично — в августе 1943-го и пробыл около месяца. Была с ним и Ева Браун. Здесь Гитлер принимал японского посла, вручал Железный крест летчику-асу Францу Беренброку, сбившему более сотни самолетов.

Но возникает вопрос: чем еще, кроме управления военными действиями, занимался здесь фюрер? Гиммлер лично заведовал охраной объекта. По его приказу зенитные установки сбивали любой, даже свой самолет, появившийся на подступах к бункеру.

Итак, версий о предназначении бункера много, и одна противоречивее другой. Исследования «Вервольфа» (законсервированного путем взрыва всех входов) велись и в 1960-е годы, и в 1989–1990 годах — в рамках комплексной программы «Гермес». После шурфования, эхолокации, рекогносцировки и съемок местности со спутников экспедиции отбывали, увозя с собой засекреченные данные, с которыми рядовой человек вряд ли скоро ознакомится. До сих пор неизвестно, сумели ли ученые и спецслужбы проникнуть в сам бункер и его объект № 3. Что в нем спрятано? Золото рейха или Янтарная комната? Эти интригующие вопросы и поныне остаются без ответа.

Что делали японские диверсанты в Сибири

В августе 1991 года в Москву прибыл таежный сибирский охотник Иван Петрович Приходько, бывший в годы войны летчиком-истребителем. Зайдя в редакцию газеты «Аномалия», он показал свою удивительную находку — кусок дюраля с вонзившимся в него и там застрявшим авиационным снарядом.

В глухой тайге охотник обнаружил обломки истребителя «Аэрокобра», поставлявшегося американцами в СССР по ленд-лизу. С Аляски своим ходом они летели до Красноярска. Дальность беспересадочного полета «Аэрокобр» была небольшая, поэтому маршрут вполне закономерно поделили на несколько этапов. Советские летчики принимали самолеты на Аляске и перегоняли сначала через Берингов пролив до Уэлькаля — аэродрома на берегу Анадырского залива. Затем маршрут вел через безлюдную сибирскую тайгу до Красноярска. Летели группами за лидером — бомбардировщиком В-25.

За все время существования этой трассы в СССР перелетело более 8000 истребителей. Есть данные, что во время перелетов разбилось 40 самолетов и погибло 115 летчиков. В числе погибших был и друг Ивана Петровича Приходько, и именно его машину он обнаружил в тайге. Благодаря своей страшной находке охотник узнал, что самолет его друга был сбит из советской 37-миллиметровой авиапушки! Ситуация весьма странная, поскольку снаряды попали в брюхо самолета, то есть в него стреляли почти под прямым углом снизу, причем с большой дистанции. В противном случае снаряд не пробил бы тонкий дюраль. По всей вероятности, стреляли с земли, однако в этой местности, сплошная безлюдная тайга!

Тайна открылась только через два года. Врач одной из больниц Владивостока прислал письмо, в котором сообщал, что в больнице скончался одинокий старик чукча, незадолго до смерти сделавший удивительное признание. В действительности он был японцем, лейтенантом императорской армии, заброшенным с диверсионными целями в СССР летом 1944 года! Назвался старик именем Ким.

Во время войны японцы знали о трассе летевших в СССР американских истребителей, и японская разведка решила помешать этим поставкам. В одной из диверсионных школ японцы подготовили несколько групп диверсантов-камикадзе. Их намеревались забросить в сибирскую тайгу в район трассы

перелета «Аэрокобр». Каждая группа состояла из двух человек — мужчины и женщины, которым предстояло изображать обычную чукотскую семью. Чукотского языка, естественно, никто из них не знал, однако по-русски диверсанты говорили сносно.

Кима и его спутницу Асю сбросили с трофейного американского бомбардировщика B-25. В сброшенных вместе с ними тюках были упакованы разборный чукотский шалаш, ящики с боеприпасами и портативная зенитка, сделанная на базе советской авиационной 37-миллиметровой пушки. После выполнения задания Ким должен был сделать себе харакири, а Ася специальным кинжалом перерезать ему горло, затем уничтожить все улики и принять яд. О возвращении домой речь даже не шла, диверсантов запугали безлюдной сибирской тайгой и 80-градусными морозами. В действительности же Японию больше всего беспокоили последствия возможного разоблачения диверсантов.

Ким и Ася выполнили все пункты задания, однако, по иронии судьбы, над тем местом, куда их забросили, не пролетел ни один самолет. Продукты были на исходе. Миссия подошла к концу и впереди мужчину и женщину ожидала смерть. За императора и божественную Японию.

Однако молодые люди полюбили друг друга. После долгих странствий, идя все время в сторону восходящего солнца, они вышли на побережье, где располагался небольшой рыболовецкий поселок. Там и стали жить молодые люди, по-прежнему изображая чукотскую семью. Но однажды Ким пришел к председателю колхоза и сказал: «Моя хочет ловить рыбу, моя знает мотор».

Так бывший японский лейтенант Ким стал советским рыбаком. На родину пара решила не возвращаться. Жили как все вокруг, потом родился сын, пошли внуки. Сын закончил институт и стал большим начальником во Владивостоке. Когда Ким вышел на пенсию, они переехали к сыну в город. Но случилась трагедия — в автокатастрофе погибли сын, его жена и внуки. Вскоре умерла Ася, и Ким остался один.

Эта история поистине невероятная, и если учесть, что Ким не сделал ни одного выстрела, то кто же тогда сбил «Аэрокобру» друга Ивана Петровича Приходько. И другой не менее важный вопрос, на который тоже нет ответа: сколько из погибших над тайгой самолетов сбили японцы?

Оригинальная идея Скорцени

Во второй половине 1944 года эсэсовцы полностью взяли под свой контроль все направления разработок новейшего вооружения и любые военные проекты по созданию новых образцов техники.

Группенфюрер Ганс Каммлер занимался работами, связанными с ракетной техникой, и рейхсфюрер СС Гиммлер остался им доволен. Он решил, что пришло время привлечь сотрудников РСХА к реализации строго засекреченных проектов. Но главное, Гиммлер втайне надеялся, что удастся создать что-то новое и выслужиться перед фюрером.

Мысль о диверсии не покидала рейхсфюрера. Он вызвал к себе начальника VI отдела РСХА, являвшегося руководителем управления внешней разведки «Ауслянд-СД», Вальтера Шелленберга и предложил ему подумать над новыми видами диверсий.

— Имеете ли вы конкретную цель, рейхсфюрер? — уточнил Шелленберг.

Он не любил расплывчатых формулировок и хотел четко знать, кого и где решил достать глава «черного ордена».

— Конечно, — ответил Гиммлер. — Это военные объекты русских за Волгой и на Урале, а также объекты англичан.

Шелленберг поручил выполнение важного секретного задания оберштурмбаннфюреру Отто Скорцени. Скорцени закончил Венский университет и был дипломированным инженером, в порученном деле без технической подготовки и хороших знаний не обойтись.

Вскоре в Главном управлении имперской безопасности создали специальную группу по разработке образцов вооружения особого назначения, которую и возглавил Отто Скорцени. Получив доступ ко многим секретным разработкам, новый руководитель группы предложил сперва создать управляемые «человеко-снаряды», подобие самолета-ракеты — пилотируемой бомбы. Вальтер Шелленберг необычайно воодушевился. По его мнению, такое оружие станет высокоточным. Однако достанет ли оно до Поволжья и Урала, неизвестно.

Затем Отто Скорцени предложил создать специальные планеры (он уже опробовал их в операции по освобождению Бенито Муссолини). Планер предполагалось снабдить взрывчаткой и поднять на максимальную высоту. А уже оттуда он сможет начать свой управляемый единственный полет, в конце пилот направил бы его на определенную цель. Это была

своеобразная модификация идеи пилотируемой бомбы.

Раздосадованный Вальтер Шелленберг намекнул Скорцени, что тот начинает повторяться, ведь до Поволжья и Урала планер, как и «человеко-снаряд», не долетит. Слишком далеко на запад отодвинулся фронт, и слишком гигантские территории в СССР!

Скорцени опять задумался. И решил проконсультироваться с Гуго Эккенером — знаменитым немецким воздухоплавателем и конструктором дирижаблей, который еще в 1931 году на своем дирижабле «Граф Цеппелин» прилетал в Ленинград и проводил советско-германскую арктическую экспедицию.

Семидесятишестилетний Гуго Эккенер предложил Отто Скорцени воспользоваться забытой идеей дирижаблей: бесшумные, достаточно быстроходные, их практически не засекают акустические установки противовоздушной обороны, и есть возможность принять на борт достаточно большой груз. Конечно, дирижабли имели свои недостатки, но можно было попробовать. Взвесив все за и против, Скорцени отказался от постройки дирижаблей.

Тогда Эккенер предложил ему лететь на воздушном шаре. Эта идея оказалась довольно интересной: гондола шара могла разбираться, а сам купол в нерабочем состоянии представлял собой большой сверток специальной ткани. В разобранном виде воздушный шар могли доставить куда угодно, а на месте собрать и приготовить к полету. Вдохновившись этой идеей, Скорцени начал подготовку расчетов нового, совершенно неожиданного проекта.

Идею полета на воздушном шаре Скорцени объединил с идеей пилотируемой бомбы — с воздушного шара планировалось производить обстрел объектов противника снарядами с камикадзе. Инженеры срочно в обстановке строгой секретности разрабатывали конструкцию специальной гондолы-корзины для различных типов воздушных шаров с различной грузоподъемностью. Поднявшись высоко над землей, воздушный шар, оборудованный специальной кабиной, становился недосягаемым для противовоздушной обороны противника и, неся на борту пилотируемые бомбы, мог незаметно «подкрасться» к военно-промышленным заводам в Куйбышеве, Челябинске или Магнитогорске.

Скорцени знал о тайных арктических базах нацистских субмарин, потому придумал еще более неожиданный ход. В разобранном виде воздушный шар доставлялся на подводной лодке к арктическому побережью СССР. Вместе с шаром выгружались и экипаж смертников, и управляемые бомбы. На берегу шар собирали, он взлетал и брал курс на Урал.

Противовоздушная оборона русских в этом случае могла не сработать — так далеко от фронта никто не ждал нападения с воздуха. То есть шар мог свободно долететь до цели и внезапно атаковать ее. Пилоты шара и «люди-бомбы» погибали за фюрера и Германию.

Расчеты атмосферных воздушных потоков сделать несложно: для этого имелся богатый материал, полученный еще арктической экспедицией Эккенера в 1931 году. Мало того, чудо немецкой технической мысли позволяло частично управлять шаром и даже наводить его на цель по радио.

Идея казалась немного бредовой, однако она вполне серьезно рассматривалась начальником «Аусланд-СД» Вальтером Шелленбергом и была им одобрена. Понравилась она и рейхсфюреру СС Генриху Гиммлеру. На секретных заводах развернулось изготовление специальной разборной гондолы-корзины для воздушного шара, которую можно в разобранном виде перевезти на подводной лодке.

Однако воплотить идею в жизнь так и не удалось: сначала Скорцени срочно перебросили на выполнение другого задания, а потом Красная армия уже стояла у стен Берлина.

Кто был среди власовцев

В последние годы число публикаций о сотрудничестве граждан СССР с фашистской Германией в военное время значительно возросло. Однако о подлинном масштабе и характере этой трагедии не знает никто. Называются разные цифры, свидетельствующие о военном сотрудничестве с врагом. Так, в 1941–1945 годах на стороне Германии воевало от 800 тысяч до одного миллиона двухсот тысяч людей, считавшихся по состоянию на июнь 1941 года гражданами СССР. Многие кадровые советские офицеры, попавшие в плен, оказались в формированиях Власова (или, как они назывались, Вооруженных силах Комитета освобождения народов России). Установлено, что в период с осени 1944 года по весну 1945 года в этих формированиях сражались один генерал-лейтенант Красной армии, шесть генерал-майоров, один бригадный комиссар, один комбриг, 42 полковника, один капитан 1-го ранга, 21 подполковник, два батальонных комиссара, 49 майоров и т. д.

В отечественной литературе и кинематографе власовцев часто изображают сборищем подонков, пьяниц и насильников. Но мало кто задумывался, что в действительности представляли собой люди, составлявшие ну хотя бы командную верхушку «восточных» формирований.

Начальником штаба власовцев был бывший профессор Академии Генштаба, а затем замначштаба Северо-Западного фронта генерал-майор Ф. Трухин. По общему мнению, талантливый военный специалист.

Истребительной эскадрильей власовцев руководил старший лейтенант Красной армии кавалер ордена Ленина и Герой Советского Союза Б. Антилевский, ночной бомбардировочной — капитан, также кавалер ордена Ленина и Герой Советского Союза С. Бычков.

Начальником оперативного отдела штаба власовцев был полковник А. Нерянин, которого начальник советского Генерального штаба Б. Шапошников когда-то называл «самым блестящим офицером Красной армии». Нерянин, единственный из выпуска 1940 года, окончил Академию Генштаба на «отлично» по всем показателям.

Командир 1-й пехотной дивизии Вооруженных сил Комитета освобождения народов России полковник Красной армии С. Буняченко, сын крестьянина, в октябре 1942 года принял 59-ю стрелковую бригаду, от которой осталось 35 процентов личного состава. Без поддержки танков и авиации он четверо суток

отбивался от немецких танков и мотопехоты в районе Урух-Лескен. Практически все солдаты погибли, а самого Буняченко захватила румынская разведгруппа. Позднее в концлагерь, где был Буняченко, пришли власовские пропагандисты…

Майор И. Кононов, ставший впоследствии командиром 102-го казачьего полка вермахта, а затем командиром казачьей дивизии и корпуса, был награжден в финской войне орденом Красной Звезды за бои в окружении. Летом 1941 года Кононов сражался на самом сложном участке в арьергарде, прикрывая отступление своей дивизии. 22 августа с большей частью полка он перешел на сторону немцев, сказав, что «желает бороться против ненавистного сталинского режима».

Интересно, что сложившийся стереотип о том, что в плен к немцам сдавались преимущественно попавшие в окружение, деморализованные, часто раненые красноармейцы, не совсем соответствует действительности. Часто целые группы бойцов и командиров совершали организованные переходы к немцам с оружием в руках, иногда под звуки музыки.

Можно предположить, что часть перебежчиков ушла к врагу, не просто пытаясь спасти жизнь, а по своим идейным соображениям. Например, Трухин, по его собственным словам, не мог простить Сталину уничтожение военных кадров в 1930-е годы. Кононов потерял трех братьев в результате «расказачивания» на Дону. И таких примеров масса.

Боеспособность «восточных» батальонов вермахта была не везде одинаковой. Тем не менее задокументированы и проявления отчаянной смелости власовцев, например в боях против англо-американских частей после открытия второго фронта. Адъютант командующего добровольческими частями во Франции обер-лейтенант Гансен в июне 1944 года пометил в своем дневнике: «Наши восточные батальоны в боях на побережье проявили такую храбрость, что решено поместить их дела в специальной сводке вермахта».

Большинство старших офицеров Вооруженных сил Комитета освобождения народов России оказались в результате выданы англо-американскими оккупационными властями советской стороне. В 1945–1946 годах все они были казнены по статье «за измену Родине».

Очевидно одно: вследствие политики сталинского руководства на сторону Германии в 1941-м и последующих годах перешло множество способных и хорошо подготовленных кадров Красной армии.

Секретное хранилище нацистской документации

Тысяча девятьсот сорок четвертый год начался для Третьего рейха не слишком удачно: 3 января, после долгих, ожесточенных боев, Красная армия вышла наконец к линии бывшей государственной границы СССР.

Девятнадцатого января русские прорвали железное кольцо блокады вокруг Ленинграда. Гитлер отчаянно ненавидел этот город и сперва хотел отдать его финнам, но затем решил вообще стереть с лица земли, предварительно вывезя все самое ценное.

Сильный удар нанесли Германии англо-американские войска, которые 6 июня 1944 года высадились в Нормандии. Это была широкомасштабная операция, не оставлявшая сомнений в том, что в Европе отныне открыт еще один фронт. Даже «Атлантический вал» — возведенная немцами система укреплений — не помог сдержать прорвавшихся на оперативный простор англосаксов и американцев.

Двадцатого июля на фюрера было совершено неудачное покушение. Тотчас же полетели головы участников июльского заговора. Рейхсфюреру СС Гиммлеру было трудно признаться даже себе, что участие в этом заговоре многих лиц для него стало просто шоком. Выходило, что его ведомство пригрело врагов. С целью реабилитации Главного управления имперской безопасности его сотрудники активно принялись за работу.

Аресты, допросы, тщательные обыски, изъятие любых компрометирующих бумаг — вскоре гора документов выросла просто до невероятных размеров. Причем каждая бумажка была нужной и при определенных обстоятельствах могла стать своеобразной политической бомбой. Некоторые документы содержали довольно серьезную компрометирующую информацию на политических деятелей многих европейских и даже заокеанских стран.

Генриха Гиммлера всерьез озадачил вопрос, что делать с этой опасной информацией. Кальтенбруннер предложил превратить эту груду документов в досье и надежно спрятать. Гиммлер согласился с ним.

— Тайное хранилище для наших архивов необходимо обустроить на австрийской территории, — предложил Кальтенбруннер. — Неподалеку от Мюнхена раскинулась гористая местность, изобилующая труднодоступными точками. И там есть одиноко стоящие замки.

Гиммлер немедленно распорядился найти подходящее место в Австрийских Альпах.

В тот же день на территорию Австрии с особым заданием выехал специальный эмиссар РСХА — подполковник Бенинг. Он имел непосредственное отношение к работе с совершенно секретными документами СД и сокрытию в тайниках награбленных СС сокровищ. Поэтому Гиммлер и Кальтенбруннер могли совершенно спокойно доверить ему работу по сохранности тайны архивов нацистских спецслужб.

В один из августовских дней 1944 года шеф СД Кальтенбруннер доложил рейхсфюреру СС Гиммлеру, что подходящий замок найден. Это был замок Миттервиль.

Согласно некоторым данным, рейхсфюрер СС лично выезжал в Австрию для ознакомления с местом, выбранным для хранения секретных архивов РСХА, и остался доволен таким выбором.

Так замок Миттервиль стал суперсекретным, тщательно охраняемым объектом. Кроме работавших в замке чинов СС его охранял батальон вооруженных до зубов эсэсовцев. В замок на грузовиках привозили ящики с совершенно секретной документацией и быстро сортировали ее, составляя соответствующие описи. По приказу Гимммлера доступ к хранившимся в Миттервиле бумагам осуществлялся только с его личного письменного разрешения.

В начале 1945 года, спустя несколько месяцев после создания суперсекретного архива в замке Миттервиль, из Берлина поступил приказ рейхсфюрера СС:

— Подготовить материалы к эвакуации и захоронению в тайниках, для чего прибудут специальные команды Главного управления имперской безопасности. В случае невозможности эвакуации все материалы подлежат немедленному уничтожению путем сожжения.

Однако специальные команды так и не прибыли. Тогда, получив по рации кодированный сигнал из Берлина, командир батальона охраны приказал все сжечь.

Одни солдаты заняли круговую оборону, чтобы помешать врагу прорваться в замок Миттервиль, а другие растопили большие старинные камины и печи, а во дворах разожгли костры. Бумаги жгли круглые сутки, тщательно вороша костры, чтобы ни один листок не уцелел. По словам местных жителей, над замком стоял высокий столб темного дыма, а вокруг летали ломкие черные хлопья.

Когда союзные войска прорвались наконец к замку Миттервиль, он встретил их пустотой: ни секретных архивов, ни эсэсовской охраны уже не было.

Советские генералы в немецком плену

Во время Второй мировой войны в немецкий плен попали 5 миллионов 740 тысяч советских солдат. И только около одного миллиона находилось в концентрационных лагерях к концу войны. В немецких списках умерших стояла цифра около двух миллионов. Из оставшихся — 818 тысяч сотрудничали с немцами, 473 тысячи были уничтожены в лагерях на территории Германии и Польши, 273 тысячи погибли и около полумиллиона были расстреляны в пути, 67 тысяч солдат и офицеров совершили побег. Согласно неумолимой статистике, в немецком плену погибали двое из трех советских военнопленных. Особенно страшным в этом отношении был первый год войны. Из 3,3 миллиона советских военнопленных, захваченных немцами в течение первого полугода войны, к январю 1942 года погибли или были уничтожены около двух миллионов человек. Массовое уничтожение советских военнопленных по темпам расправы опередило даже истребление представителей еврейской национальности в период пика антисемитской кампании в Германии.

Интересно, что архитектором геноцида стал совсем не член СС, а престарелый генерал пехоты, находившийся на военной службе с 1905 года. Звали его Герман Райнеке, и он возглавлял в германской армии отдел потерь военнопленных. Еще до начала операции «Барбаросса» Райнеке предложил изолировать военнопленных и евреев и передавать их в руки СС для «специальной обработки». Позднее, на должности судьи «народного суда», он приговорил к виселице сотни немецких евреев.

В немецкий плен попали 83 (по другим данным — 72) генерала Красной армии, преимущественно в 1941–1942 годах. Среди военнопленных было несколько командармов, десятки командиров корпусов и дивизий. Многие из них не изменили присяге, и только единицы согласились сотрудничать с врагом. Из них 26 человек (по другим данным 23) погибли по разным причинам: расстреляны, убиты лагерной охраной, умерли от болезней. Остальных же после Победы ждала депортация в Советский Союз. Из них 32 человека репрессированы (семь повешены по делу Власова, 17 расстреляны на основании приказа Ставки № 270 от 16 августа 1941 г., оставшийся в истории под названием «Ни шагу назад») и за «неправильное» поведение в

плену восемь генералов приговорены к различным срокам заключения. Оставшихся 25 человек после более чем полугодовой проверки оправдали, но затем уволили в запас.

О судьбах многих советских генералов, оказавшихся в немецком плену, ничего неизвестно. Ниже приведем несколько примеров.

До сих пор остается загадкой судьба генерал-майора Богданова, который руководил 48-й стрелковой дивизией. Это подразделение было уничтожено в первые дни войны в результате выдвижения немцев от границы к Риге. В плену Богданов примкнул к бригаде Гил-Родинова, которая формировалась немцами из представителей восточноевропейских национальностей. Перед этой бригадой ставились задачи антипартизанской борьбы. Сам подполковник Гил-Родинов до пленения служил начальником штаба 29-й стрелковой дивизии. Богданову же предложили должность начальника контрразведки.

В августе 1943 года военнослужащие бригады перебили всех немецких офицеров и совершили переход к партизанам. Гил-Родинов был впоследствии убит, когда воевал уже на стороне советских войск. Судьба же Богданова осталась неизвестной.

Генерал-майор Доброзердов руководил 7-м стрелковым корпусом, которому в августе 1941 года была поставлена задача остановить продвижение немецкой 1-й танковой группы в район Житомира. Контратака корпуса оказалась неудачной, в какой-то мере поспособствовала тому, что Юго-Западный фронт под Киевом был окружен немцами. Доброзердов остался жив и затем был назначен начальником штаба 37-й армии. На тот период на левом берегу Днепра советское командование активно перегруппировывало разрозненные силы Юго-Западного фронта. В таких условиях всеобщей неразберихи Доброзердов оказался в плену. Сама 37-я армия была расформирована в конце сентября, а потом вновь создана под командованием Лопатина, чтобы оборонять Ростов. Доброзердов испытал на себе все ужасы плена, но выжил, а после войны вернулся на родину. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Генералу-лейтенанту Ершакову посчастливилось уцелеть при сталинских репрессиях. Летом 1938 года, в самый разгар процесса чисток, он был назначен командующим Уральского военного округа. В первые дни войны округ был трансформирован в 22-ю армию, ставшую одной из трех армий, которые воевали в самом пекле — на Западном фронте. В начале июля 22-я армия не смогла воспрепятствовать продвижению немецкой 3-й танковой группы по направлению к Витебску и в августе была полностью разгромлена. Ершакову удалось спастись.

В сентябре 1941 года он возглавил 20-ю армию, которая была уничтожена в сражении под Смоленском. Тогда же Ершаков попал в плен, из которого вернулся. Однако дальнейшая его судьба также неизвестна.

Необычна и полна загадок судьба генерал-майора Мишутина. Он родился в 1900 году, участвовал в боях на Халхин-Голе, а к началу Великой Отечественной командовал стрелковой дивизией в Белоруссии. Однажды во время проведения боевой операции Мишутин бесследно исчез (та же печальная участь постигла и тысячи других советских воинов). В 1954 году бывшие союзники сообщили в Москву, что Мишутин занимает высокий пост в одной из разведывательных служб Запада и работает во Франкфурте. По одной из версий, генерал вначале примкнул к войскам Власова, а впоследствии был завербован генералом Пэтчем, командующим американской 7-й армией, и стал западным агентом. Другая версия (в изложении русского писателя Тамаева) более реальна: генерал Мишутин был расстрелян немцами за отказ сотрудничать, а его имя стал использовать другой человек, проводивший набор военнопленных во власовскую армию.

В ведении генерал-лейтенанта Музыченко в начале войны находилась 6-й армия Юго-Западного фронта. Она состояла из двух огромных механизированных корпусов, на которые советское командование возлагало большие надежды. Обороняя Львов, 6-я армия оказала врагу стойкое сопротивление. Впоследствии эта армия воевала в районе городов Броды и Бердичев, где в результате плохо скоординированных действий и отсутствия авиационной поддержки была разгромлена. Двадцать пятого июля армию перебросили на Южный фронт, где она была окончательно уничтожена в Уманском котле. Тогда же был взят в плен и генерал Музыченко. Он сумел выжить, однако не был восстановлен в должности, поскольку отношение Сталина к генералам, сражавшимся на Южном фронте и попавшим в плен, было более суровым, чем к генералам, плененным на других фронтах.

Генерал-майор Огурцов руководил 10-й танковой дивизией, входившей в состав 15-го механизированного корпуса Юго-Западного фронта. Поражение дивизии в составе «группы Вольского» южнее Киева определило судьбу этого города. Огурцов был пленен, однако смог совершить побег во время транспортировки из Замостья в Хаммельсбург. Генерал примкнул к группе партизан на территории Польши, возглавляемой Манжевидзе.

28 октября 1942 года Огурцов героически погиб в бою на территории Польши.

Генерал-майор танковых войск Потапов являлся одним из пяти командующих армиями, которых немцы пленили за время войны. Потапов отличился в боях на Халхин-Голе, где командовал Южной группой. В начале войны он руководил 5-й армией Юго-Западного фронта. Она воевала, наверное, лучше других, пока Сталин не принял решение о перенесении «центра внимания» на Киев. 20 сентября 1941 года в ходе ожесточенных сражений под Полтавой Потапов был пленен. Согласно неподтвержденным данным, с Потаповым беседовал лично Гитлер, пытаясь убедить его перейти на сторону немцев. Советский генерал ответил отказом. После освобождения Потапов был награжден орденом Ленина, а позднее повышен в звании до генерал-полковника, впоследствии был назначен на должность первого заместителя командующего Одесским и Карпатским военными округами. Его некролог подписали все представители высшего командования, и в нем, конечно же, ничего не говорилось о его пленении и пребывании в немецких лагерях.

Последним генералом (и одним из двух генералов ВВС), захваченным немцами в плен, был генерал-майор авиации Полбин, командующий 6-м гвардейским бомбардировочным корпусом. Это подразделение поддерживало деятельность 6-й армии, которая в феврале 1945 года окружила Бреслау. Генерал был ранен, захвачен в плен и убит. И только потом немцы установили его личность.

Комиссар дивизии Рыков был одним из двух высокопоставленных комиссаров, которых немцы взяли в плен. Вторым человеком такого ранга, плененным немцами, стал комиссар бригады Жиленков. Он смог скрыть свою личность и позднее присоединился к власовскому движению. Рыков вступил в ряды Красной армии в 1928 году и к началу войны служил комиссаром военного округа. В июле 1941 года его назначили одним из двух комиссаров, прикрепленных к Юго-Западному фронту. Вторым был Бурмистенко, представитель Коммунистической партии Украины. Во время прорыва из Киевского котла Бурмистенко, командующий фронтом Кирпонос и начальник штаба Тупиков погибли, а Рыков был ранен и попал в плен. Согласно приказу Гитлера, всех захваченных комиссаров немедленно уничтожали, даже если это означало ликвидацию «важных источников информации». Поэтому Рыкова немцы истязали до смерти.

Плененный немцами генерал-майор Сысоев, командир 36-го стрелкового корпуса, на тот момент был переодет в форму рядового солдата. Сысоев смог совершить побег, а затем примкнул к партизанам, возглавляемых знаменитым Федоровым.

После освобождения Украины Сысоев возвратился в Москву, где был реабилитирован.

Генерал-майор авиации Тхор, командовавший 62-й воздушной дивизией, был первоклассным военным летчиком. В сентябре 1941 года он был сбит и ранен при ведении наземного боя. Тхор испытал на себе все ужасы лагерей и, невзирая ни на что, активно участвовал в движении сопротивления советских узников в Хаммельсбурге. Этот факт, естественно, привлек внимание гестапо. В декабре 1942 года Тхор был переправлен во Флюссенберг, где в январе 1943 года его расстреляли.

Генерал-майор Вишневский был пленен спустя две недели после принятия им командования 32-й армией. Армия эта в начале октября 1941 года была направлена под Смоленск, где в течение нескольких дней противник ее полностью разгромил. Это случилось в тот момент, когда Сталин оценивал вероятность военного поражения и планировал переезд в Куйбышев. Затем последовал приказ об уничтожении ряда высших офицеров, которые были расстреляны 22 июля 1941 года. Среди них: командующий Западным фронтом генерал армии Павлов; начальник штаба этого фронта генерал-майор Климовских; начальник связи того же фронта генерал-майор Григорьев; командующий 4-й армией генерал-майор Коробков. Вишневский выдержал все ужасы немецкого плена и вернулся на родину. Однако дальнейшая судьба его также неизвестна.

Масштабы потерь советского и немецкого генералитета вообще несравнимы. Четыреста шестнадцать советских генералов и адмиралов погибли или умерли за сорок шесть с половиной месяцев войны. В то время как с немецкой стороны эта цифра составляла в 1941–1942 годах всего несколько человек. В 1943–1945 годах в плен попали 553 немецких генерала и адмирала, из них свыше 70 процентов было пленено на советско-германском фронте. На эти же годы пришлось подавляющее большинство смертельных исходов среди высших офицеров Третьего рейха. В результате общие потери немецкого генералитета вдвое превышают число погибших советских высших офицеров: 963 против 416.

Секреты американских людей — амфибий

В военное время ежедневно на тихоокеанском побережье у Коронадо, в южной Калифорнии, можно было видеть группу загорелых мускулистых парней в плавках, которые, казалось, просто купались и резвились в свое удовольствие. Они ныряли в буруны прибоя, делали длинные заплывы под водой, качались на гребнях волн. Все это напоминало занятия спортом. В действительности же эти молодые люди занимались особым сложным видом боевой подготовки. Юноши служили в UDT — командах взрывников-подводников американских военно-морских сил и были известны как фрогмэн — люди-лягушки.

Во время Второй мировой войны фрогмэны являлись сверхсекретным подразделением, в функции которого входило проведение предварительных работ по подготовке морского десанта. А именно требовалось до подхода десантных частей подбираться к побережью, разведывать его, планировать высадку, очищать берег и прибрежные воды от мин и заграждений. Эти люди сохранили тысячи чужих жизней, заплатив за них собственными.

Убеждение в необходимости такого подразделения возникла еще во время кровопролитнейшей высадки на Тараву. На подходах к этому острову, под водой, японцы установили ряды стальных ежей из рельсов, и десантные суда ВМС США, устремившись к берегу, одно за другим стали натыкаться на них и тонуть. Толпившиеся на них морские пехотинцы погибали под косившим их с берега пулеметным огнем. В конечном итоге Тарава была захвачена, но победа досталась слишком дорогой ценой. В этой связи командование военно-морских сил решило предпринять соответствующие меры.

Двадцать четвертого июня 1945 года к берегам Борнео приблизилось 8-е амфибийное соединение Седьмого флота, доставившее десант для захвата острова. В 7.30 американцы начали бомбардировку, а в 8.00 семь небольших катеров с пловцами в ластах и подводных масках отделились от кораблей и устремились к побережью. Во время совершения этого маневра три катера были повреждены огнем японской артиллерии.

В пятистах метрах от берега катера развернулись и пошли вдоль него. С каждого из них на воду опустили резиновый плот и потащили у скрытого от берега борта на привязи. По сигналу фрогмэны по двое перебирались на плот и через каждые

пятьдесят метров уходили под воду, устремляясь к побережью. Плыли бойцы брассом — такой стиль практически не дает всплесков, и при этом на поверхность под огонь противника выставляется меньше частей тела.

Итак, пловцы преодолели небольшое расстояние до линии прибрежных препятствий — четырех рядов толстых, двадцатисантиметровых в диаметре свай, воткнутых в коралловое дно и едва выглядывающих из воды, на которые была натянута колючая проволока.

Каждая двойка фрогмэнов должна была работать на зоне в пятьдесят метров. Каждому бойцу были надеты на шею плексигласовая пластина и карандаш. Глубоко ныряя, фрогмэны оставались минуту под водой, потом всплывали и по памяти наносили рисунок заграждения на пластину. Затем фрогмэны снова ныряли. В разгар работы японцы открыли по ним минометный, а затем пулеметный огонь. Тогда пловцам, пережидая опасность, пришлось долго оставаться под водой. Когда наконец разведка была закончена, фрогмэны вернулись на плоты. Вскоре к ним подоспели катера, пловцов стали вытаскивать из воды, а спустя некоторое время штабные офицеры на кораблях уже изучали мокрые исчерченные куски плексигласа.

Теперь предстояла работа по уничтожению заграждений. И снова вперед устремились катера. На этот раз вслед каждой паре фрогмэнов в воду спускалась взрывчатка — тридцать килограммов по пять упаковок, каждая из которых была установлена на надувной резиновой камере. Таща за собой взрывчатку, пловцы осторожно пробирались в сторону берега. Добравшись до линии препятствий, они быстро и аккуратно прикрепили взрывчатку к основанию свай под водой и соединили ее с пентритовым детонирующим шнуром, протянув его по их верхушкам. За полчаса фрогмэны заминировали полмили заграждений и поплыли к катерам. У заграждений остались двое зажигателей, которым требовалось поджечь шнур. Подождав пятнадцать минут, они также последовали за товарищами. Раздался оглушительный взрыв. Чуть переждав, фрогмэны вернулись, чтобы убрать другие смертоносные ловушки.

Высадка десанта состоялась 1 июля. При массированной поддержке корабельных орудий сзади и катеров UDT впереди многочисленные десантные суда направились к берегу, на котором вскоре был захвачен плацдарм. С ходу был отвоеван Баликпапан — крупнейший порт Борнео и центр богатого нефтеносного района. На Борнео высаживались десанты и в других местах. В захвате Борнео принимали участие силы 7-й дивизии 1-го австралийского корпуса, усиленные американскими

и голландскими подразделениями, и 2-я авиагруппа американской морской пехоты, которую активно поддерживали пять легких крейсеров, четырнадцать эсминцев и авиация.

Захват Борнео был самой обычной десантной операцией, подготовленной и возглавленной UDT. Например, у Гуама главным препятствием являлся коралловый риф, располагавшийся в трехстах метрах от берега. Пловцы UDT с помощью трех тонн взрывчатки прорвали в нем широкий безопасный проход. В момент высадки шедшие в первых рядах морские пехотинцы увидели установленный на рифе шест с необычным объявлением: «Морские пехотинцы, добро пожаловать на Гуам! Побережье открыто благодаря любезности UDT. USO — два квартала влево». (USO — United Service Organizations — ассоциация, созданная в феврале 1941 года усилиями добровольцев, чтобы оказывать помощь и содействие американским военнослужащим и членам их семей, а также организовывать досуг солдат Соединенных Штатов, служащих за морями.)

Свои самые тяжелые потери фрогмэны понесли при высадке в Нормандии в секторе «Омаха». Широкий и отлогий берег имел шестиметровый прилив, который был таким быстрым, что от него приходилось убегать. Между его самой низкой и самой высокой границами расчетливые немцы оборудовали три ряда столбов, плотно оплетенных колючей проволокой. Немцы рассчитывали, что первые десантные суда подойдут во время отлива, а после этого быстро прибывающая вода спрячет заграждения и остальные корабли попросту застрянут. В итоге успевший высадиться на берег десант окажется отрезанным.

Пловцам из UDT не разрешили произвести рекогносцировку побережья Нормандии, поскольку это могло выдать всю готовящуюся операцию. Однако фрогмэны довольно точно знали о береговой обороне из донесений французского подполья, из аэроснимков воздушной разведки и фотографий, сделанных через перископы подводных лодок. Фрогмэны шли вместе с первой волной десанта на надувных лодках. С берега их поливали огнем 88-миллиметровые зенитные пушки. Тех фрогмэнов, которым удалось добраться до побережья, застал прилив. Обгоняя его, бойцы устремились к первой линии столбов с проволокой, сопровождаемые разрывами снарядов и фонтанчиками песка от пуль. То и дело бойцы подрывались на своей же взрывчатке.

На одном участке фрогмэны смогли взорвать ряд за рядом все три линии заграждений за сорок пять минут. В эту высадку потери людей-лягушек убитыми и ранеными составили сорок один процент.

Объект бактериологического оружия

Одной из первых серьезных попыток Японии применить свой арсенал бактериологического оружия была провокация вспышки чумы в маньчжурском городе Ванъемяо. Сентябрьской ночью 1945 года маршал Малиновский сообщил из своей чанчуньской ставки в Кремль Верховному главнокомандующему, что в городе Ванъемяо, определенном как основной отправной пункт возвращения войск на родину, вспыхнула чума. Помимо сорока тысяч местных жителей там, по решению ГКО, в лагерях было сконцентрировано для отправки около четырехсот тысяч военнопленных, сотни эшелонов с трофеями. Чума была заброшена из тайника 731-го японского объекта бактериологического оружия.

Верховный приказал локализовать и устранить эпидемию, а всю информацию о вспышке засекретить. Координатором этих работ был назначен заместитель начальника оперуправления фронта генерал Светличный.

Вскоре в городе уже работала группа главного эпидемиолога фронта профессора Первушина и начальника фронтового эвакопункта полковника медслужбы Пятницкого. Получив от них подтверждение о распространении чумы, Светличный срочно собрал командиров частей. Он распорядился вывести войска из города, расположить их в двадцати километрах от Ванъемяо в палатках, изолировать себя от внешнего мира сплошной траншеей, держать связь по рации, питаться сухим пайком и вообще быть в состоянии повышенной боевой готовности. В ночное время кострами планировалось освещать окружающую местность и ни при каких обстоятельствах никого не пропускать к себе извне — ни людей, ни животных. Отдельным частям было приказано оцепить город и выставить заградотряды.

В первую же ночь из города на солдат пошли группы китайцев, большинство которых было явно инфицировано. Люди умоляли пропустить их, но безуспешно, ведь пропустить — означало дать возможность эпидемии распространяться дальше.

Как впоследствии выяснилось, люди шли напролом потому, что японцы каждый раз после испытаний действия бактерий на население поджигали села, уничтожая при этом и больных, и здоровых. И случалось такое довольно часто: в тридцати километрах размещался один из объектов 731-го маньчжурского отряда — главной базы самураев по созданию запасов бактериологического оружия.

Вернувшихся в город уже на рассвете встретили на улицах

советские врачи. Одетые в защитные костюмы, они начали всеобщую вакцинацию населения и пленных.

Спустя два дня Ваньемяо был засыпан хлорной известью, а на каждом углу и перекрестке стояли автоматчики в специальных костюмах — они уничтожали бродячих животных, контролировали людей, пытавшихся перебегать от фанзы к фанзе. Угроза применения оружия принуждала их быть послушными.

А медики и военные продолжали гасить очаг эпидемии.

Спустя три недели блокада была снята. Чума унесла жизни меньше ста человек. Среди советских воинов, к счастью, никто не заболел. Все медики были удостоены боевых наград.

В начале августа 1945 года семнадцатилетний солдат Александр Леонтьев, сын работника НКВД, был направлен из отдельного батальона Забайкальского фронта на границу в поселок Старый Цурухайтуй. Там юноша под видом рыбака проверял уровень воды напротив японской заставы. Вечером 8 августа он вернулся в штаб, где доложил о собранных данных.

А в ту же ночь передовые отряды пограничников и саперы, которых вел Леонтьев, перешли реку и наголову разгромили вражескую заставу. Уже на рассвете части 36-й армии, всю войну сдерживающие здесь японцев от нападения на СССР, устремились в Маньчжурию по пяти переправам. Так началась операция по разрушению мощной обороны на подступах к Хайлару, где, по данным разведки, был мощнейший укрепрайон. Штурм этого укрепрайона длился десять дней.

Далее с помощью мощной разведки точно прогнозировались события в закрытой зоне и их развитие.

С переходом Аргуни контрразведчики не прекратили работать. Теперь перед ними стояла задача обезвредить базы, подготовленные врагом на случай поражения и перехода к партизанской войне силами смертников. Активно работать вынуждал и приказ военного министра Японии от 14 августа, предписывавший милитаристам уничтожить все следы прежних преступлений, в особенности — уличающие их страну в подготовке к бактериологической войне. На этот приказ СМЕРШ неожиданно вышел, столкнувшись с фактами массовой маскировки военных преступников под коммерсантов и врачей. Переодетым военным и ученым, которые не смогли бежать на острова, был дан приказ скрыться от советской контрразведки без следа, иными словами, покончить жизнь самоубийством. Сообщили о нем те, кто ослушался этого страшного приказа. Плененные смертники рассказывали, что им гарантировано возвращение домой, если они выйдут на тайники, вынут из них фарфоровые бомбы и заложат их под колеса продвигающихся

русских колонн.

Потому-то вместе с передовыми отрядами Красной армии в обязательном порядке шли врачи-бактериологи. В одной из лабораторий служил и юный боец Александр Леонтьев.

Однажды противник заметил работу лаборатории на колесах, и, когда четыре машины отъехали в районе тоннеля Хинганского перевала от боевого прикрытия, на них тут же напали камикадзе. Разгорелся жестокий бой. И лишь помощь подоспевшего отряда спасла бактериологов. С тех пор их надежно охраняли. Бактериологи вскоре обследовали весь район до Чанчуня и составили карту зон, указывающую на места возможных выходов диверсионных отрядов противника.

По окончании работы Александр Леонтьев вернулся в батальон, который готовился к зиме выйти из Харбина в Забайкале. Однако контрразведка просила ученых собрать информацию о бывшей фабрике смерти. Такие данные можно было получить от плененной охраны лабораторий и от населения, на себе испытавшего все ужасы страшного оружия. Потому вскоре лаборатория на колесах переехала под Ванъемяо, где располагался один из крупнейших лагерей военнопленных, предназначенных для их вывоза в Сибирь. Юному солдату было приказано внедриться в круг ровесников из семей белоэмигрантов и с их помощью собирать необходимую информацию.

Таким образом, установлено и доказано юридически, что в Харбине еще в 1933 году был сформирован секретный научно-исследовательский центр — «отряд Камо». Были получены и данные о том, что летом 1938 года тысячи военнопленных китайцев построили специальную военную зону — городок за колючей проволокой, пребывавшей постоянно под током высокого напряжения. Подтвердились и были официально зафиксированы факты перевода этого особого отряда в подчинение Квантунской армии под видом управления по водоснабжению частей, хотя к началу Второй мировой войны он уже активно проводил многочисленные испытания над людьми и животными Внутренней Монголии и Китая.

С помощью полученных данных была выявлена и конспиративная квартира отряда. Она располагалась в Харбине под вывеской пансионата «Березка». Местное население из русских эмигрантов поспособствовало вычислению жандармов, которые охраняли режим секретности центра.

Пленные японские генералы, услышав, что советские следователи знают о тайне «Березки», быстро дали показания. Как выяснилось, после перехода Красной армией границы ученых и их

научные материалы эвакуировали в метрополию. Аналогичные базы работали в Хайларе, Линьхоу, Суньу, Муданьцзяне. Все это стало основой доказательств преступлений отряда № 731.

В 1949 году собранные материалы были представлены как официальное обвинение Японии в разработке, производстве и применении бактериологического оружия. На суде командующий Квантунской армией Ямада и другие офицеры под давлением улик признались, что планировали такие удары по Хабаровску, Благовещенску, Уссурийску и Чите. В частности, сюда намечалось сбросить сосуды с чумными блохами, а также распылить с самолетов бактерии сибирской язвы и холеры. А генерал медицинской службы Кавасима рассказал о том, что в 731-м отряде широко проводились эксперименты по действию смертоносных бактерий на заключенных китайцах и русских.

Большинство специалистов отряда № 731 сразу же после войны переехали в США, где продолжили свою работу. Их «достижения» американцы применяли впоследствии в Северной Корее во время войны 1950–1953 годов.

Действия «черного ордена» в Антарктиде

Мир лишь недавно узнал о деталях разработок секретных лабораторий и заводов, принадлежавших тайному нацистскому ордену, который был замаскирован под структуру СС во главе с Генрихом Гиммлером.

Начиная с 1938 года к берегам Антарктиды постоянно отправлялись экспедиции, организованные СС. Экспедиции состояли из геологов, специалистов по сооружению подземных объектов, инженеров. В районе Земли Королевы Мод нацисты натолкнулись на обширные области, свободные ото льда. Позднее сюда прибыли специалисты по морской биологии. Грузовые суда под охраной подводных лодок привозили на побережье горючее, запасы продовольствия и разнообразное оборудование. На тот момент один из ученых, работавших в секретных лабораториях, Виктор Шаубергер создал основы аэродинамики скоростного истребителя в виде диска. Его испытания должны были проходить на секретной базе СС в Антарктиде.

Нацистами была построена огромная подземная база «Neuschwabenland» («Новая Швабия»). Антарктическую тайну Третьего рейха охраняли лучшие экипажи подводных лодок, которые поражали любой корабль, оказавшийся на трассе каравана от Южной Африки до Земли Королевы Мод. Во время войны в антарктических подземных комплексах нацисты разрабатывали и испытывали новейшее оружие. Однако, по мере того как война подходила к концу, налаженная система производства, снабжения и секретности все чаще не срабатывала. К концу 1943 года на южноамериканские базы окончательной сборки было направлено всего двадцать дисколетов.

Впервые о масштабе и целях грандиозных работ в Антарктиде весь мир узнал после захвата двух подводных лодок у побережья Аргентины. Конец войны был не за горами, и американцы поспешили прибрать к рукам все, что касалось секретных разработок, сосредоточенных в главной антарктической базе — «Новый Берлин», или «База-211».

В 1947 году американскому адмиралу Ричарду Берду было приказано ликвидировать «Базу-211». Адмирал сформировал эскадру из тринадцати кораблей, имевших на борту четыре тысячи человек солдат и вспомогательного персонала. На подходе к берегам Земли Королевы Мод мощная эскадра была атакована неизвестно откуда появившимися летающими дисками,

наводившими ужас на экипажи кораблей. В итоге эскадра поспешила покинуть прибрежные воды. Это был первый военный визит в тайное логово ордена СС.

В конце 1947 года, тщательно изучив неудавшуюся экспедицию Берда, специалисты узнали подробности этого похода. В частности, адмирал рассказывал, что, когда до береговой черты, свободной ото льда, оставалось не более двух миль, он и радист перешли на палубный самолет-корректировщик С-47 и поднялись в воздух на четыре тысячи футов. Самолет устремился к скалистому берегу. При развороте адмирал заметил в воздухе странные аппараты, напоминающие британские солдатские каски. Один из аппаратов оказался над самолетом и в точности повторял все его маневры. По своим размерам он был не меньше длины самолета. Удивительным было то, что нижняя его часть все время вращалась.

Этот диковинный аппарат стал идти на снижение. Сигнальные лампы самолета стали мигать, а затем погасли. Пилот, открывший часть бокового окна, начал о чем-то перепуганно кричать. Далее слова Берда: «Это невозможно объяснить, но мы, подобно вертолету, снижались до тех пор, пока гидролыжи не коснулись земли. К нам подошли трое. Один из них жестом показал, куда надо следовать. Через несколько минут мы оказались в каком-то ангаре. На английском языке с акцентом нам предъявили их обращение к главе нашего правительства. Все сводилось к тому, что правительство Америки не должно взрывать ядерные заряды. Они предупреждали наше правительство о возможных последствиях. Нас вывели на поверхность и проводили к самолету, который оказался у самой кромки воды. Судя по всему, они вызвали свои диски, после чего, подойдя к нам, сказали на немецком что-то вроде “Aufwiedersehen!” (До свидания!)».

После возвращения в США Берд дал интервью. В частности, он сказал, что если Америке придется воевать еще раз, то можно ожидать атаки с воздуха истребителями, скорость которых позволяет им летать от полюса до полюса.

Однако специалисты не верят его словам. Более правдоподобным кажется мнение сэра Роя Феддона, руководителя технической миссии в Германии по линии ВВС США: «Я знаком с некоторыми секретными проектами и полагаю, что если немцы могли бы продлить войну на 8–12 месяцев, то мы столкнулись бы с набором абсолютно новых и смертоносных достижений в авиации».

Тайна сотрудничества США и Германии

В последнее время было напечатано много материалов, освещающих ранее засекреченные вопросы сотрудничества гитлеровской Германии и СССР в предвоенный период. Но следует также заметить, что нацистам помогали многие, и США в том числе.

«Наживайтесь на войне!» — под этим девизом активно работали многие американские фирмы. Их владельцы деловито содействовали кровавым злодеяниям нацистов. Потому неудивительно, что даже спустя годы против таких фирм возбуждаются уголовные дела.

Так, через полвека в окружном суде Бруклина (район Нью-Йорка) за военное сотрудничество с гитлеровским рейхом было возбуждено уголовное дело против концерна «Интернешнл бизнес машин», более известном как IBM. Электронная продукция фирмы помогала обеспечивать боевые операции вермахта, а в концлагерях «калькулировать» число узников и кандидатов на сжигание в печах. Такие «калькуляторы» ныне выставлены в Мемориальном музее жертв Холокоста в Вашингтоне как экспонаты.

Пятого июля 1941 года, то есть за пять месяцев до официального вступления США в войну с Германией, американский майор Ч. Барроуз из военной разведки направил следующее донесение в Вашингтон: «"Стандард ойл оф Нью-Джерси" поставляет нефть на Канарские острова. Примерно двадцать процентов этих поставок предназначено для германского правительства… Осведомитель обратил внимание на то, что до сих пор не было торпедировано ни одно из судов "Стандард ойл", хотя суда других американских компаний, действовавших на иных маршрутах, постигала такая участь».

Выходит, что «серые волки» рейха пускали на дно американские корабли еще до объявления войны, заправляясь перед этим американским же горючим. Заметим, что компания принадлежит Рокфеллерам! Кстати, эта же нефть перерабатывалась в авиационный бензин и для люфтваффе, чьи самолеты бомбили Англию, на которую было сброшено 60 000 тонн бомб. Во время яростных атак погибли и были ранены 86 000 британцев, разрушено более миллиона зданий…

Переброска нефти в Германию происходила через территорию франкистской Испании. Горючее сжигали в моторах

немецких танков на Восточном фронте против СССР, который с США уже был союзником. Через Испанию «Стандард ойл» поставила Гитлеру 25 000 тонн сульфата аммония и 10 000 тонн хлопка для производства взрывчатки.

Уолтер Тигл, на тот момент председатель совета директоров концерна, отличался наглостью и был убежден в том, что Россию необходимо уничтожить. Судьба, кстати, распорядилась так, что немцы все же потопили танкер, носивший его имя. Тигл помог организовать доставку нефти концерну «ИГ Фарбениндустри», главному поставщику взрывчатки и отравляющих веществ нацистскому рейху. Эти два монстра еще в 1929 году заключили секретное соглашение о сотрудничестве на восемнадцать лет. Когда началась Вторая мировая война, в Гааге на «тайную вечерю» собрались их представители. Они в деталях обсудили главнейшие вопросы о продолжении деловых связей в условиях войны, о дележе прибылей, подтвердили раздел мировых рынков по установленным границам и обязательства об обмене технической информацией. Договор был подписан только на период войны независимо от того, станут ли воевать США и Германия друг с другом.

Являясь приятелем председателя правления «ИГ Фарбен» Германа Шмитца, Уолтер Тигл помог организовать ему поставки тетраэтилсвинцовых присадок для производства авиабензина. Операция велась через британский филиал «Стандард ойл»! На этом бензине работала вся гитлеровская авиация, совершая налеты на Англию — союзницу США. Вместе с тем Тигл продал присадки и в Японию, авиация которой в «ответ» уничтожила в Перл-Харборе Тихоокеанский флот США.

Не только нефть, но и каучук продавала вермахту «Стандард ойл». Поставки начались в 1939 году и производились даже в декабре 1942-го, то есть спустя год после начала войны между США и Германией.

Сотрудничали с Германией и производители двигателей. Еще в 1929 году «Дженерал моторс» закупила там предприятия фирмы «Адам Опель». Руководитель филиала «Дженерал моторс» в Германии Джеймс Муни часто общался с Гитлером после вторжения немецких войск в Польшу. Во время войны они производили части для танковых моторов и боевых самолетов, в том числе и для «Юнкерсов-88». Напомним, что это был основной бомбардировщик Германии. Там же велась разработка и изготовление двигателей для первого реактивного самолета «Мессершмит-262», который на сто миль превосходил по скорости своего американского конкурента «Мустанг Р-150». Заводы «Дженерал моторс», а также «Форд» выпускали в Германии для

вермахта девяносто процентов «трехтонок» и семьдесят — тяжелых грузовиков.

О Генри Форде отдельный разговор.

Выпуск гражданских машин «Форд мотор компани» прекратила еще до Второй мировой войны. Когда в 1942 году возникла необходимость направить все усилия на нужды армии, была запущена гигантская программа перевода производства на военные рельсы, начатая сыном промышленника Эдзелом Фордом. Это позволило корпорации выпустить 8600 четырехмоторных бомбардировщиков B-24 «Либерейтор», 57 000 двигателей для самолетов, более четверти миллиона танков, противотанковых установок и другого военного оборудования менее чем за три года. В 1943 году программа Эдзела Форда достигла максимума своей производительности, следуя лозунгу «все для фронта, все для победы».

И все же это не помешало «Форду» снабжать армию Роммеля в Северной Африке бронетранспортерами, которые применялись в боях с английской армией. Об этом консул США в Алжире Феликс Коул 1 июля 1942 года сообщил в госдепартамент.

Как уже упоминалось, немцы наградили главу IBM Томаса Ватсона, они же удостоили награды и мистера Форда. Однако Соенса Бенна по каким-то причинам обошли. А ведь тот сделал для нацистской Германии ничуть не меньше, чем IBM, «Дженерал моторс» и «Форд». Он являлся главой «Интернешнл телефон энд телеграф» (ITT) — концерна, который поставлял вермахту военные средства связи, радары, взрыватели для снарядов, компоненты самолетов-снарядов «Фау-1» и баллистических ракет «Фау-2».

Интересный факт: дядя безвинно погибшего в России Рауля Валленберга Якоб также поставлял Германии из Швеции заготовки для «Фау-2» одновременно с железной рудой и чугуном. Системы связи, которыми ITT снабжал нацистов, дали им возможность раскрыть американский дипломатический шифр. Так немцы узнали для себя много интересного. Знаменитый руководитель нацистской разведки Вальтер Шелленберг являлся членом директората ITT и держателем толстого пакета его акций.

«Несправедливость» с Бенном «исправило» правительство Трумэна. В феврале 1946 года начальник связи армии США генерал Харри Иглис от имени президента вручил ему медаль «За заслуги». При этом генерал произнес: «Вы награждаетесь за достойную исключительной похвалы деятельность в служении США». Очевидно, что его слова были лицемерны.

Надо отметить, что именно упомянутый концерн «ИГ Фарбен» изготовлял газ «Циклон Б», которым убивали узников

концлагерей. Впервые этот газ испытали на группе советских пленных офицеров в Освенциме в блоке № 11. Затем газ активно применялся в других лагерях. Исследователи считают, что с помощью этого газа нацисты в лагерях смерти умертвили около шести миллионов человек.

А вот еще одно непрямое подтверждение: во время массированных бомбардировок союзной авиацией территории Германии предприятия «ИГ Фарбен» как ни в чем не бывало продолжали увеличивать выпуск военной продукции. Когда закончилась война и журналисты приехали посмотреть на «руины» заводов «ИГ Фарбен», они были шокированы: от бомбардировок пострадало лишь пятнадцать процентов предприятий. То есть заводы были настолько безопасным местом, что при авианалетах немцы прятались в них, как в бомбоубежищах. И последний потрясающий факт: когда американцы в марте 1945 года вступили в разбомбленный Франкфурт-на-Майне, там в нетронутой бомбами штаб-квартире концерна один из его руководителей Георг фон Шницлер произнес: «Господа, радостно снова работать вместе с вами»…

Охота на Сталина

Разведывательные службы и Германии, и других стран искали всяческие пути, чтобы организовать покушение на жизнь Сталина, поскольку в случае успеха этого преступления Советский Союз потерял бы Верховного главнокомандующего. Враждебные Союзу силы рассчитывали на серьезные политические последствия такого шага как внутри страны, так и на мировой военной арене.

Агенты спецслужб получили маршруты, по которым обычно следовали автомобили Сталина и других членов Государственного Комитета Обороны (ГКО). Германские агенты-террористы, засланные в Москву для физического устранения главы государства, также располагали описанием спецавтомобилей, путь следования которых пролегал в Кремль и из Кремля. Однако охрана Сталина — отборные агенты, переодетые в штатское, — неусыпно вела наружное наблюдение за улицами и с особым вниманием — за Арбатом и выездом через Кутузовский проспект. Этот путь лежал прямо к даче Сталина, находившейся в Кунцево. На крышах и в домах по этим и другим улицам караулили снайперы, внизу сновали дежурные агенты. Связь между всей охраной была отлично налажена, а деятельность агентов засекречена.

Как открылось позднее, террористы намеревались совершить покушение на Сталина прямо у него на даче, когдва там поздним вечером собирались члены Политбюро и ГКО. Но германские агенты не знали, что лес вокруг Кунцево находится под воздушной защитой особого подразделения советских истребителей. Эта личная авиационная часть располагалась на двух аэродромах — Внуково и Кубинка. Наземная защита также была задействована в охране Сталина. Батареи зенитной артиллерии находились в Крылатском (сейчас этот густонаселенный район входит в черту Москвы). В случае опасности захвата противником подмосковной резиденции главнокомандующего или высадки десантных войск оборону могли поддержать танковые войска.

Никого не удивляет сейчас, что немецкая разведка стремилась устранить Сталина. Однако почти совсем неизвестным остается тот факт, что на жизнь советского вождя покушались японцы. Вопрос о попытках японских военных устранить Сталина изучал дипломат-ветеран Анатолий Николаев, бывший сотрудник советской части Международного военного трибунала для Дальнего Востока, который работал в Токио. По его рассказам, японская разведка не просто проводила

диверсионную деятельность против Союза, но и готовила смертельную спецоперацию. Веские доказательства существования плана убийства Сталина были представлены во время рассмотрения раздела обвинения «Агрессия Японии против Советского Союза».

В настоящее время только немногие специалисты знают о том, что в террористическом акте, направленном на уничтожение Сталина, японские спецслужбы планировали задействовать перебежчика Люшкова. Незадолго до конфликта пограничных войск у озера Хасан 13 июня 1938 года в земли Маньчжурии бежал начальник управления НКВД по Дальнему Востоку Генрих Люшков — один из доверенных лиц руководителей НКВД Ежова и Агранова, который принимал участие в следствии по делам об убийстве Кирова и «заговорах» против Сталина.

Люшков передал японскому генштабу всю информацию, которой владел на тот момент. Он сообщил о работе глубоко законспирированной группы военных разведчиков. (Предатель не знал, кто руководит ею, поэтому спецслужбы не арестовали Рихарда Зорге.) Среди прочего Люшков рассказал о дезинформационных мероприятиях Особой Краснознаменной Дальневосточной армии, о дислокации и планах ее частей.

В книге «Покушение на Сталина» японский автор Хияма ссылается на оценку Коидзуми Коитиро, офицера 5-го отдела генштаба императорской армии: «Сведения, которые сообщил Люшков, были для нас исключительно ценными…» Однако в Токио отклонили кандидатуру Люшкова как исполнителя теракта, направленного против Сталина, поскольку его личность была слишком хорошо известна.

Одну из главных ролей в проведении подрывной и диверсионной деятельности против нашей страны сыграл генерал-лейтенант Хироси Осима. В 1936–1938 годах Осима был военным атташе Японии в Германии, а в 1938–1939 и в 1941–1945 годах он служил в качестве посла. Меморандум рейхсфюрера Гиммлера о встрече с послом Осимой в Берлине от 31 января 1939 года бесспорно доказывал связи спецслужб Берлина и Токио в подрывной деятельности.

В документе значилось: «Сегодня я посетил генерала Осиму… Мы обсудили заключение договора, благодаря которому треугольник Германия — Италия — Япония принял определенную твердую форму. Он сообщил мне также, что вместе с германским контршпионажем (абвер) осуществляет большую работу по разложению в России через Кавказ и Украину. Однако эта организация сможет стать эффективной только в случае войны». Далее следовало: «Для этого ему (Осиме) удалось послать

десять русских с бомбами через русскую границу. Эти русские имели приказ убить Сталина. Большое количество других русских, которых он также послал, были застрелены на границе…

Берлин, 31 января 1939 г.

Рейхсфюрер СС Гиммлер».

Осима, когда пришло время ему отвечать на Токийском процессе, менял показания, запутывая следствие, и тянул время, пытаясь отложить суд. С особым упорством генерал отвергал обвинения и отрицал свои действия по подготовке убийства Главнокомандующего СССР. Покушение на Сталина было очень рискованным делом, признавал он в то же время. Имеются данные, что Сталина планировали убить на Кавказе — в Мацесте, где он принимал лечебные ванны. Ему предназначались разрывные пули. Риск провала операции или возникновения непредвиденных обстоятельств был так велик, что возвращение группы террористов даже планом не предусматривалось. Операция получила название «Медведь».

Покушение на жизнь должна была осуществить группа из шести членов эмигрантского «Союза русских патриотов». Согласно списку, их фамилии были Безыменский, Лебеденко, Малхак, Смирнов, Сурков и Зеленин. В их задачу входило пересечь границу СССР и проникнуть в Сочи. Сталин имел обыкновение принимать в Мацесте ванны и в это время находился в ванной комнате один. Люшков в прошлом был начальником Азово-Черноморского управления НКВД и знал порядок «омовения» до тонкостей, таким образом, он смог разработать план убийства.

План состоял в следующем. Техническая особенность ванного корпуса предусматривала, что в ночное время напор воды уменьшали и уровень ее опускался. Убийцы могли проникнуть по водостоку до подземного накопителя. Высота его составляла три метра. В углу в потолке был люк, который вел в кладовку для хранения хозяйственного инвентаря — метел, тряпок и прочего. Таким образом открывалась возможность проникновения в сам корпус. Далее террористы должны были заменить двоих техников, работавших в бойлерной. В лагере в Чанчуне для подготовки мероприятия соорудили макет корпуса. Террористы тренировались обращаться с механизмами, чтобы не вызвать подозрений, выполняя обычную для техников работу. После приезда Сталина двое, переодетые в халаты, должны открыть люк и впустить остальных. Затем уничтожить охрану и только потом убить Сталина. Все было продумано до мелочей. На репетициях в девяти случаях из десяти охрана не успевала среагировать.

В начале января 1939 года группа отплыла в Неаполь на

пароходе «Азия-мару». 17 января она уже была в Неаполе, 19 января в Стамбуле.

Двадцать пятого января террористы прибыли к границе у селения Борчка. Однако когда боевики вошли в расселину, по которой предполагалось пробраться на территорию СССР, неожиданно по ним открылся пулеметный огонь. Трое были убиты, остальные спаслись бегством. Причина провала операции на начальном этапе так и не была установлена японцами. Тем не менее один факт может натолкнуть на решение загадки.

Еще в Дайрене, недалеко от отеля, в котором разместилась группа террористов, задержали одного китайца, у которого во время обыска нашли записку: «Следите за нами. Лео». Китайцу удалось бежать, и личность Лео так и не установили. Предположения сводились к тому, что в группе был агент НКВД. Согласно данным японского исследователя Хияма Есикаки, этим человеком был Борис Безыменский, переводчик МИДа в Маньчжоу-го. Скорее всего, это и был тот самый Лео, которого так и не смог выдать перебежчик Люшков.

В том же 1939 году японцы попытались пронести на мавзолей мину замедленного действия, взрыв которой должен был состояться 1 мая в 10 часов утра. Чекистов предупредил все тот же Лео, и вторая попытка была сорвана.

Безопасность вождя обеспечивалась не только поражающей воображение системой охраны, но и техническими средствами. Предположим, что агентам спецслужб противника удалось подкараулить автомашины с лидерами государства. Любой план террористов был обречен на провал. Дело в том, что правительственные машины ездили не поодиночке, а группой, причем в пути они часто меняли свое место в колонне. Автомобили, новейшие лимузины СССР того времени ЗиС-101, невозможно было различить, поскольку все они были одного цвета и не имели никаких наружных знаков. Определить, в какой машине находится Сталин, а в какой — его охрана, не представлялось возможным.

Американский автомобиль «Паккард», обыкновенно возивший Сталина, был снабжен бронированным корпусом и пуленепробиваемыми стеклами. Система распыления отравляющего газа дополняла техническое усовершенствование спецмашины. Масса «Паккарда» без пассажиров достигала семи тонн. Ручная граната или выстрел в упор из винтовки или автомата не причинил бы корпусу никакого вреда.

Генерал Осима так и не признал себя виновным в ходе Токийского процесса. Разведчик его ранга просто не мог позволить себе признания вины. Для этого нужны были очень

серьезные факты, доказательства. Однако вина генерала Осимы была доказана. Этому поспособствовали свидетельства японских офицеров, письменные показания Семенова и Родзаевского, протокол допроса одного из главных немецких военных преступников — Гесса и другие документы. Сбор этих документов потребовал большого напряжения, и вот почему.

Второго сентября 1945 года Япония подписала акт о капитуляции. Бомбардировки в то время уже прекратились, но Токио пылал в пожарах. Японцы спешили уничтожить свои архивы, в том числе и архивы разведывательных служб: их целью было замести следы военных преступлений. Во всех зданиях министерств в спешном порядке сжигалось огромное количество бумаг. Однако следствию все же удалось заполучить достаточное количество документов. Генерал-лейтенант императорской армии Осима был признан виновным Международным трибуналом: «Подсудимый Осима, находясь в Берлине, тайно занимался подрывной деятельностью, направленной против советского государства и его руководителей, обсуждая эти вопросы с Гиммлером».

Известно, что на Сталина планировалось еще два покушения — одно из них должно было состояться во время Тегеранской встречи Большой тройки, исполнение другого возлагалось на Шилова-Таврина.

Между тем не только японские и немецкие спецслужбы пытались убрать Сталина. Историк Бертон Херш (США) сообщает, что планы убийства Сталина после войны вынашивали и бывшие союзники СССР по войне — американцы. План устранения Сталина был согласован в 1952 году с заместителем директора ЦРУ Аленом Даллесом. Но директор ЦРУ У. Смит приостановил его реализацию, опасаясь непредсказуемых политических последствий. Это решение оказалось оправданным: в начале 1953 года «великий красный диктатор» умер своей смертью.

Николай Гастелло или Александр Маслов?

Попытаемся восстановить последовательность событий того дня, когда Николай Гастелло вошел в бессмертие, — 26 июня 1941 года. На четвертый день войны немецкие танки под началом Гота и Гудериана совершали марш по земле Белоруссии со скоростью 100 километров в сутки. А уже 29 июня 3, 4, 10 и 13-я советские армии Юго-Западного фронта были окружены. Наши войска должны были любой ценой сдержать продвижение войск врага. Двадцать шестого июня с Боровского аэродрома, расположенного под Смоленском, взлетели в небо три советских бомбардировщика ДБ-3Ф. Они должны были отбомбиться в районе шоссе Радошковичи — Молодечно, где было больше всего немецких танков. Эти бомбардировщики пилотировали, по донесению командования, капитаны Николай Гастелло, Александр Маслов и старший лейтенант Федор Воробьев.

Жители поселка стали очевидцами того, как около 12.00 26 июня «сталинские соколы» успешно атаковали немецкую колонну. Самолет пилота Воробьева, сбросив бомбы, развернулся и ушел к своим — за линию фронта. Два других бомбардировщика уже после выполнения боевой задачи, то есть по пути к базе, были подбиты немецкими зенитчиками. Один из них (горящий, с хвостом черного дыма) «ушел в неизвестном направлении». В этом состоят свидетельства донесений 207-го авиаполка 42-й авиадивизии и местных жителей. Второй же истребитель, который тоже горел, сделал разворот, дотянул до вражеской колонны и спикировал в самую гущу немецких танков.

Федор Воробьев, который вернулся на аэродром в Брянск (в связи с тем, что наши войска отступали, 207-й авиаполк в тот же день, 26 июня, перебазировался в Брянск), в рапорте полета указал: он и штурман лейтенант Рыбас видели, что отважный самолет, совершивший огненный таран, пилотировал капитан Гастелло.

«26 июня 1941 г. беспримерный героический подвиг совершил капитан Николай Гастелло, который свой подбитый самолет направил на колонну вражеских танков и цистерн. Десятки машин были уничтожены на месте от взрыва самолета отважного летчика» (История СССР. М.: Политиздат, 1970. С. 241).

Вопросов, казалось бы, не должно быть. В течение продолжительного времени именно Гастелло изображали на фоне

истребителя.

Попробуем восстановить цепь событий того дня.

Один из истребителей вернулся на свою базу и с успехом продолжал атаковать фашистов. (Лейтенант Рыбас позднее окажется пропавшим без вести, а старший лейтенант Воробьев погибнет в ноябре 1941 года.) Командир второго истребителя Николай Гастелло отважился на славный подвиг — первым в истории Отечественной войны пошел на таран и стал Героем Советского Союза. О нем сложено немало стихов, спето песен, и на легенде о его подвиге воспитывалась советская молодежь.

Суровая тайна годами окружала судьбу экипажа третьего советского бомбардировщика, который 26 июня вместе с Гастелло и Воробьевым улетел бомбить немецкие танки. А также судьбу капитана Александра Маслова, призванного в Красную армию из подмосковной Коломны.

А дело было так. Самолет, подбитый немецкими зенитками, загорелся в воздухе. Но Маслов не решился, по примеру боевого товарища, развернуть бомбардировщик на вражеские позиции и повторить подвиг Николая Гастелло. Самолет Маслова «ушел в неизвестном направлении».

Только в мае 1942 года родственникам Маслова в Коломну, а также родственникам членов его экипажа — штурмана лейтенанта Владимира Балашова, младшего сержанта стрелка-радиста Григория Реутова и младшего сержанта воздушного стрелка Бахтураза Бейскбаева — командование 207-го авиаполка отправило извещения, что их мужья (дети) «пропали без вести».

Формулировка эта вплоть до начала 1990-х годов в контексте идеологии Красной армии воспринималась как предательство и измена Родине.

В самом деле, была ли гарантия, что «пропавший без вести» солдат или офицер героически погиб, а не сдался в плен врагам? Когда жена капитана Маслова Софья Евграфовна в 1944 году вернулась в Коломну, ее дочку Иру отказались принять в детский сад: очередь на место в саду была большая и состояла из детей, чьи отцы погибли на фронте. А личность ее отца вызывала сомнения, если не опасения, ведь он мог оказаться врагом народа. Семья Маслова даже не получала от государства пенсию по потере кормильца. Рассказы соседей свидетельствуют, что от Софьи Евграфовны отказались даже родители ее мужа. Отец Маслова, бывший в военное и послевоенное время председателем коломенского колхоза «Проводник», отказал ей в помощи.

Софья Евграфовна проливала горькие слезы и жаловалась на судьбу. Ведь ее муж и Николай Гастелло были сослуживцами в одном авиаполку, закадычными друзьями, а сама она хорошо

знала и Колю, и его жену Аню, когда-то они дружили семьями. В один день все изменилось. Николай Гастелло стал Героем Советского Союза, кумиром детишек и примером для комсомольцев. А ее Саша стал изгоем, имя которого не желали вспоминать ни в Коломенском райвоенкомате, ни в Коломенском райкоме партии. Не знала тогда еще Софья Евграфовна, какую фантастическую метаморфозу уготовила судьба 26 июня 1941 года участникам того таинственного вылета.

В 1951 году, по случаю 10-летия подвига Николая Гастелло (урожденного белоруса), республикой было принято решение увековечить память своего великого земляка и поставить ему в поселке Радошковичи памятник. Кроме того, было решено перезахоронить его останки вместе с членами экипажа (штурманом Скоробогатым, воздушным стрелком Бурденюком и стрелком-радистом Калининым) в братскую могилу в сквере Радошковичей. До 1951 года их тела оставались на том же поле, где они героически погибли, уничтожая колонну немецких танков, — в деревне Декшняны. Тогда, в 1941 году, в деревне во всю хозяйничали немцы, останки экипажа тайно ночью похоронили местные жители, спешно завернув их в парашюты. (Кстати, расследование, предпринятое уже после войны, показало, что советский бомбардировщик таранил не колонну танков, а немецкую зенитную батарею: он упал в 180 метрах от дороги, где шла техника, хотя это, естественно, нисколько не умаляет подвига.)

Торжественное перезахоронение праха героев доверили произвести радошковичскому райвоенкому подполковнику Котельникову. При огромном стечении народа 26 июня 1951 года вскрыли старую братскую могилу. В сохранившейся планшетке пилота, которую сразу открыл райвоенком, он обнаружил… документы на имя капитана Александра Спиридоновича Маслова. А также чудом уцелевшие летные очки и расческу. Кроме того, в могиле был найден медальон на имя стрелка-радиста Григория Реутова, члена экипажа капитана Маслова.

Военком соображал очень четко. Выходит, что немецкие войска атаковал не всесоюзный герой капитан Гастелло, а капитан Маслов и его экипаж. Не истребитель Маслова «ушел в неизвестном направлении», как до сих пор считалось, а самолет Гастелло! Ведь ДБ-3Ф Воробьева в тот день благополучно вернулся на свой аэродром.

Разумеется, подполковник Котельников воздержался от того, чтобы огласить находку документов прямо на церемонии. И сомнения свои оставил при себе. «Отважный экипаж Гастелло» с полагающимися почестями торжественно перезахоронили в

сквере поселка Радошковичи. А самому Николаю Гастелло открыли бронзовый памятник.

Однако в тот же день, вечером, подполковник отправил письмо в ЦК КП(б) Белоруссии под грифом «Секретно». Подполковник отлично понимал, что его обращение в Минобороны СССР не может рассчитывать на результаты — там просто могли проигнорировать, «похоронить» письмо. Воинскую этику Котельников нарушил, но все же проинформировал ЦК о находках. Его терзал вопрос: что с этим делать? Через некоторое время (также под грифом «Секретно») за подписью зав. административным отделом ЦК Перепелицына он получил ответ: ему следовало обращаться в отдел по учету потерь Советской армии.

Первая информация о подвиге Николая Гастелло в сводках Совинформбюро появилась 5 июля 1941 года. В кровавое время войны советские люди, как военные, так и гражданские, гибли тысячами и десятками тысяч. Партия, а также ленинское Политбюро нуждались в «маяках самопожертвования». В идеале боец не просто падал от пулеметной очереди, а закрывал своим телом амбразуру. Не просто был раздавлен немецким танком, а бросился под гусеницы со связкой гранат.

Инструкция воинов вермахта гласила: если твой танк подбит, ты обязан спасать свой экипаж. Наша же инструкция однозначно приказывала превратить горящий танк вместе со всем экипажем в долговременную огневую точку. Лишь громкие примеры «массового героизма» могли спасти отцов нации от позора и пресекли бы всякие разговоры о геноциде советского народа его же командованием.

Воздушный бой в районе поселка Радошковичи и героический таран немецких войск примерно вписывались в идеологию сталинского режима. Это обстоятельство объясняло, почему никто не стал разбираться, кто же на самом деле герой. Героем — и это истинная правда — была вся страна.

В коломенской квартире Эдуарда Васильевича Харитонова царит военный строй. И все документы — свидетельства подвига его земляка-белоруса Александра Маслова находятся в полном порядке. Эдуард Васильевич — майор ВВС в отставке. Этому делу он посвятил свое время в 1990 году, когда стал помощником народного депутата СССР Владимира Стадника. И когда под давлением общественности Минобороны пришлось открыть если не все, то часть своих секретных архивов.

— Я убежден, — говорит Эдуард Васильевич, — что первый огненный таран совершил капитан Маслов. А капитан Гастелло — военный преступник. В том бою он выпрыгнул с парашютом. А это

ст. 262 УК РСФСР: «Оставление погибающего военного корабля». Как пилот бомбардировщика Гастелло должен был сначала выбросить с парашютами экипаж. А потом уже прыгать сам.

В Центральном военном архиве Минобороны, что в Подольске, в 1996 году Эдуард Васильевич нашел список «безвозвратных потерь начальствующего и рядового состава 42-й авиадивизии с 22.06 по 28.06.41 г.» (серия «Б», № 138). На нем стояла подпись старшины Бокова — помощника начальника отдела строевой части.

В списке значится экипаж Гастелло: сам капитан, а также Анатолий Бурденюк, Григорий Скоробогатый и Алексей Калинин. В графе «Примечания» сказано, что «один человек из этого экипажа выпрыгнул с парашютом из горящего самолета, кто — неизвестно».

Остается еще одно обстоятельство. Какое-то время у памятника Гастелло была братская могила. По некоторым сведениям, там был похоронен сам Гастелло, а также были указаны фамилии членов экипажа. Только фамилии эти были — Маслов, Балашов, Реутов, Бейскбаев. Ни одного воина из экипажа Гастелло там не значилось.

Когда Харитонов в 1991 году отправился в Радошковичи, эта загадочная братская могила уже была перенесена в другое место — в еще более братскую могилу, где захоронено гораздо больше советских солдат и офицеров, не имевших никакого отношения к авиации.

Эмиль Морис — «первый солдат СА»

Эмиль Морис был шофером, телохранителем и одним из очень немногочисленных близких друзей Адольфа Гитлера. Он родился 19 января 1897 года в небольшом городке Вестермуре. По окончании школы получил профессию часового мастера. В Первой мировой войне Морис, скорее всего, не принимал участия, так как был слишком молод.

Однако Эмиля заинтересовала политика — экстремистское движение революции, связанное с вооруженным насилием. Европу сотрясали политические и военные катаклизмы, в России была повержена трехсотлетняя монархия и власть захватили коммунисты. Германия потерпела поражение в Первой мировой войне и вынужденно заключила позорный для нее Версальский мир. Кайзер Вильгельм утратил право на престол. Спартаковцы, коммунисты, появление новых республик на карте Европы, волнения в Австрии, которые были связаны с развалом другой огромной империи, Австро-Венгрии, — все это сильно будоражило воображение и толкало молодого и авантюрного Мориса к действиям.

В 1919 году он пополнил собой ряды Германской рабочей партии, которая отличалась сильным антисемитизмом и радикальным национализмом. При ее реорганизации в Национал-социалистическую рабочую партию Германии Эмилю выдали новый партийный билет, и с тех пор он считался национал-социалистом с большим стажем.

Позднее он познакомился с Ульрихом Графом — одним из основателей национал-социалистического движения. Этот крепкий немец сорока лет раньше был мельником и мясником, а впоследствии стал бригадефюрером (генерал-майором) СС. В Германии на тот момент часто происходили ожесточенные стычки национал-социалистов с коммунистами и значительно реже — с полицией. И тогда Граф сказал соратникам:

— Нам нужно срочно создать свои боевые группы для охраны митингов. Иначе улицы останутся за коммунистами.

Характер Эмиля Мориса выдавал типичного уголовного преступника. С восторгом он вступил в новообразованное партийное подразделение «орднергруппе», целью которого было проводить активные боевые действия во время массовых партийных мероприятий.

В скором времени у национал-социалистической партии появился новый оратор, популярность которого все больше возрастала, — Адольф Гитлер. Всегда готовый выступать по

любому поводу и перед любой аудиторией, он работал над своим мастерством оратора, собирая случайных прохожих на улицах германских городов и произнося перед ними пламенные речи о гибельном положении их родины.

Талант Гитлера был скоро оценен нацистами, и ему предоставляли возможность выступать все чаще и чаще. Политические противники нацистов не собирались без боя отдавать ни завоеванные ими позиции, ни голоса будущих избирателей на выборах в рейхстаг.

Оценив опасность потери такого важного соратника, Граф выделил для охраны Адольфа Гитлера свою специальную группу, которая должна была обеспечить безопасность оратора партии во время его выступлений. Так Морис попал в «орднергруппе» личной охраны будущего фюрера национал-социалистов. Когда настало время выбрать себе постоянного телохранителя, вопрос этот был для Гитлера решен. Граф получил эту должность еще до поворотного «Пивного путча» 1923 года в Мюнхене.

Во время «Пивного путча» и его подавления Граф был тяжело ранен в жестокой схватке, однако ему удалось выжить. Эмиль Морис не покинул своего «хозяина» Адольфа Гитлера и вместе с ним отправился за решетку. Позднее, став фюрером, Гитлер не забыл о верности Ульриха Графа и Эмиля Мориса — в партийных кругах они стали известны не иначе как «первые солдаты СА».

После провала путча Адольф Гитлер 26 февраля 1924 года предстал перед судом по обвинению в государственной измене. Он получил наказание в виде пяти лет заключения, которые ему предстояло отбывать в старой тюрьме Ландсберга. Туда за ним последовал и Эмиль Морис.

В тюрьме Ландсберга Адольф Гитлер находился в условиях, не похожих на заключение. Скорее, это было чем-то вроде санатория. Адольф завтракал в постели, у него была удобная камера и возможность выступать перед соседями по камере, он совершал ежедневные длительные прогулки по тюремному саду. Здесь же, в Ландсберге, он начал диктовать свою книгу «Майн кампф». И первым, кто вел запись «библии национал-социализма», стал личный телохранитель Эмиль Морис, малоизвестный участник работы над «Майн кампф». Именно он записывал первую часть труда будущего фюрера, а не Рудольф Гесс, как это обычно принято считать. Гессу выпало уже только заканчивать первую часть книги.

Эмиль Морис не вызывал на себя гнев и недовольство соратников по партии, не переходил дорогу никому из них и в целом не создавал проблем. И все же его все недолюбливали. Возможно, Геббельса и Гиммлера раздражало то, что Морис

годами был неизменной тенью Гитлера.

«Верный Генрих» вообще видел в Эмиле Морисе замаскированного еврея, который обманным путем проник в окружение Гитлера. Но, кроме подозрений, веско обосновать еврейское происхождение Мориса он так и не смог, иначе телохранителю неизбежно пришел бы конец. Внешность Мориса была нетипичной для истинного арийца — он был смуглым и темноволосым, поскольку являлся потомком осевших в Германии французов.

Морис любил хорошо одеваться и походил на гангстера. Он обожал ярких женщин, роскошную жизнь, а также «пощекотать нервы», чтобы запах крови ударял в мозг. При этом Эмиль Морис в иных обстоятельствах вел себя тихо, предпочитая неизменно оставаться в тени фюрера.

Когда Гитлер нашел для себя в Баварских Альпах виллу и пригласил туда родную сестру с ее дочерью Гели Раубаль, телохранитель фюрера в короткий срок завоевал дружбу девушки.

Пересек ли он в своих отношениях с молодой Гели границы дозволенного и правда ли то, что он стал соперником самого Гитлера, установить теперь уже невозможно. Некоторые западные исследователи считают, что при всей своей неприязни Генрих Гиммлер и Эмиль Морис были в немалой мере озабочены сексуальными отношениями фюрера и Гели Раубаль, поэтому Морис в конце лета 1931 года вступил в сговор.

Не исключено, что в этом было замешано и третье, самое заинтересованное лицо — Адольф Гитлер. Быть может, поэтому по всей Баварии, а потом и Германии долгое время ширились слухи, что щеголеватый Эмиль Морис был специально нанят, чтобы играть роль соперника Гитлера перед самоубийством Гели. Было это самоубийство или убийство?

Историки констатируют тот факт, что практически ни в одном из документов нет сведений, где именно вечером и ночью с 17 на 18 сентября находился Эмиль Морис. Уехал вместе с «хозяином» в Гамбург и оставался там? В Гамбурге он вполне мог появиться и утром 18 числа, когда полицейский следователь уже осматривал огнестрельную рану в груди Гели Раубаль. Уж не сам ли Морис по приказу рейхсфюрера СС Гиммлера и спустил курок пистолета? Или роковой приказ был подкреплен молчаливым одобрением фюрера, потом долго замаливавшего грехи? Вполне возможно, «верный Генрих» вообще не имел к этому никакого отношения, а все было улажено тихо, «по-семейному».

Не в этом ли кроется тайная причина стойкой взаимной неприязни Гиммлера и Мориса, навсегда оказавшихся накрепко связанными этим преступлением по ликвидации любовницы

Гитлера?

Существуют косвенные факты участия Эмиля Мориса в таинственной гибели любовницы и родственницы фюрера. Так, например, после самоубийства Гели Раубаль телохранитель Гитлера тут же кинулся рьяно доказывать свою верность «хозяину», как бы пытаясь в кровавых преступлениях утопить свою вину и совесть.

Во время «Ночи длинных ножей», 30 июня 1934 года, отряд эсэсовцев под руководством Эмиля Мориса обнаружил в одном из номеров гостиницы курортного городка Бад-Висзее Эдмунда Хайнеса, заместителя руководителя штурмовых отрядов СА, он лежал в постели со своим молодым помощником. Гомосексуализм был в большой моде в СА.

По свидетельствам участников этой нацистской операции, Морис тут же коротко доложил Гитлеру об увиденном. В наушнике телефонной трубки раздался громкий крик фюрера:

— Безжалостно уничтожить эту разлагающуюся заразу!

Эмиль Морис не стал медлить и лично в упор расстрелял Эдмунда Хайнеса, которого незадолго до этого сам Гитлер вызволил из тюрьмы и назначил комиссаром полиции Бреслау.

Не кто иной, как Морис, взялся улаживать присущими ему способами и прочие личные дела Гитлера, которые были связаны с гибелью Гели Раубаль. Священник Бернхардт Штемпфле, по воле случая вовлеченный в любовную переписку Адольфа и Гели, оказался чересчур осведомленным о характере отношений Адольфа и его племянницы.

Эмиль Морис лично принял самое активное участие в уничтожении священнослужителя. Гитлер отблагодарил телохранителя и дал ему звание оберфюрера СС, соответствовавшее бригадному генералу, а в 1937 году назначил главой Общества профессиональных ремесленников в Мюнхене.

«Жил в Ростове Витя Черевичкин…»

Многие еще помнят, как начиналась эта послевоенная песня, но далеко не всем известны подробности биографии пионера-героя.

Младшая сестра Вити Черевичкина Анна Ивановна Аксененко живет в маленькой квартирке в пролетарском районе. Портреты Вити и его старшего брата Александра, погибших на войне, висят на стене в гостиной. Анне Ивановне нелегко вспоминать о том времени, хотя воспоминания все так же свежи в ее памяти…

Брат Витя имел непреодолимую страсть к разведению голубей. Это неудивительно, ведь увлечение голубями было тогда в моде среди мальчишек Ростова. Сизари, турманы, «лохмоногие», вяхири… Заядлый голубятник мог часами гонять в небе свою стаю, чтобы приманить к себе на колку (шест с перекладиной) какого-нибудь залетного дикаря. Громкий свист в два пальца, разухабистая походка, пара голубей за пазухой, деловой разговор голубиного знатока — все это было в почете в те годы.

Черевичкины жили на 28-й линии, недалеко от перекрестка с улицей 2-й Майской, скромно, если не сказать — бедно. Витин отец был на «Ростсельмаше» кузнецом-калильщиком, мать работала дворником. В семье к началу войны детей было четверо: Александр, Виктор, Анна и Галина. Старшему Саше было восемнадцать, младшей Галине — всего три годика.

Витя, как вспоминает Анна Ивановна, был аккуратным и спокойным парнем. Хорошо учился в школе, сначала в 26-й, затем отец перевел его в 15-ю. Продолжил обучение в ремесленном училище. Причиной была, конечно, бедность: в семье частенько не хватало еды, а в училище не только учили (Витя стал слесарем), но и кормили, выдавали одежду.

Ростов немцы оккупировали 21 ноября 1941 года. Анна Ивановна вспоминает, как танки с грохотом проходили по улицам. В парке им. Фрунзе стреляли — там проходила линия обороны наших войск. Немцы быстро ее сломали.

Неподалеку от дома Черевичкиных немцы расположили свой штаб. Улицу заполнили автомобили и мотоциклы, они стояли прямо на трамвайных путях. К счастью, первая немецкая оккупация Ростова длилась недолго — всего неделю.

Однако Витю немцы расстреляли 28 ноября, за день до того, как внезапным контрударом 56-й армии они были выбиты из Ростова. Анна Ивановна хорошо помнит тот день. Витя вышел из дома около двух часов — сказал, что пора голубей подкормить. Меньше чем через полчаса Витю во двор ввел немец с винтовкой в

руках. Они сразу направились внутрь двора, к сарайчику, где были голуби. Было понятно, что его застрелят прямо там, в сарае. Немец медлил, думая, что делать с голубями, а Витя тем временем откинул косяк, загораживающий леток, и голуби выпорхнули на улицу. Они расселись тут же, на крыше. Тогда немец повел Витю в штаб.

Ближе к вечеру к Черевичкиным пришла женщина-соседка, и сказала, что видела, как немцы вели избитого Витю в парк им. Фрунзе. Там уже было много мертвых тел — и убитых красноармейцев, и расстрелянных мирных ростовчан…

Искать его пошли наутро, 29 ноября. В ночи слышались выстрелы: это наступали советские войска. Фекла Васильевна с Аней обошли весь парк. Среди тел убитых нашли похожего мальчика-подростка, но это был не Витя. Домой вернулись ни с чем. А тем временем Ростов уже отбили красноармейцы.

Витиного старшего брата Александра вместе с другими юношами, у которых наступил призывной возраст, перед сдачей Ростова эвакуировали в Батайск. Он приехал домой к вечеру 29 ноября. И тогда же явился сосед ребят по фамилии Тютюнников. Он сказал, что видел расстрелянного Витю в парке им. Фрунзе.

Что делать с телом Вити, думали всем двором. Если привезти его в гробу домой, это могло окончательно погубить мать, здоровье которой было и так подорвано. Решили просить разрешения у командования похоронить Витю вместе с красноармейцами, погибшими в парке им. Фрунзе.

Погибших свозили в летний кинотеатр, находившийся в парке. Там же сколотили гробы. Похороны были в начале декабря в общей могиле, вырытой в центре парка. На похоронах присутствовало много людей. Анна Ивановна вспоминает, что было очень холодно…

А голуби из сарая улетели в тот же день, когда расстреляли Витю. Дотемна они сидели на крыше, не прячась в голубятню, а утром улетели, и больше их никто не видел.

За что был расстрелян Витя Черевичкин? Выполнял ли он задания Советской армии? Это, скорее всего, так и останется тайной.

Зацепка, которую оставили птицы, заключалась в том, что голуби в то время могли быть средством связи, быстрым и надежным. К тому же одним из направлений ОСОАВИАХИМа было сотрудничество с голубятниками. Исходя из этого, можно предположить, что Витя, живший прямо напротив штаба, посылал голубей с записками в Батайск, где стояли наши войска. Немцы, уже во время второй оккупации, под страхом смерти запрещали ростовчанам держать радиоприемники и голубей. А в ноябре

1941-го такой приказ издать они не успели.

Второй момент — голуби не вернулись в Витину голубятню. Если отбросить сентиментальную версию (почувствовали смерть хозяина), остается простое объяснение: их голубятня была где-то в другом месте, возможно в Батайске, у советских разведчиков. Отступая, военные могли дать Вите своих голубей и определенные разведывательные задания.

И наконец, третье. Витя был воспитан в духе своего времени — настоящим патриотом. В 1941 году он вступил в комсомол, и хотя билет он получить не успел, нашим разведчикам он отказывать бы не стал.

Ростов-на-Дону — первый советский город, освобожденный от немецкой оккупации в Великую Отечественную войну. То, что увидели здесь солдаты-освободители, потрясло их до глубины души. Снимки трупов расстрелянных людей публиковали все советские газеты. В подписанной Молотовым ноте Советского правительства по поводу зверств фашистов на оккупированных территориях, одним из обвинений был фотоснимок расстрелянного Вити с голубем в руках.

Витя лежит у стены, в серой ремесленной куртке, которую получил в училище. Анна Ивановна говорит, что в тот день на нем была еще шапка, красный шарф и ботинки с калошами. Шапку и калоши не нашли: кто-то снял с мертвого тела.

Примечательно, что он держит в руке мертвого голубя. Словно прятал его за пазухой до самого расстрела, а в последний миг хотел выпустить. Но не успел.

Жизнь и смерть «Лиса пустыни»

Эрвин Роммель родился 15 ноября 1891 года в Хейденхейме, недалеко от Ульма. В возрасте девятнадцати лет Эрвин, к тому времени окончивший государственную гимназию, делает выбор в пользу военной карьеры, и его юнкером зачисляют в Вюртембергский пехотный полк.

Во время Первой мировой войны Роммель служил в Румынии и Италии. В начале войны был младшим офицером, а закончил войну в чине капитана. Имел два ранения, был награжден Железным крестом и орденом «Pour le Murite» («За заслуги»). Для сослуживцев и противников очевидна была необычайная смелость Роммеля, независимость суждений и агрессивность в бою.

Ноябрьская революция 1918 года принесла Роммелю участие в подавлении выступлений коммунистов в Рурском промышленном районе. С 1919 года Роммель продолжал служить в рейхсвере. Сначала он был командиром роты, позднее взялся за преподавательскую работу. В 1937 году вышла книга Роммеля «Пехота наступает», которая привлекла внимание фюрера.

Во время Польской кампании Роммель получил назначение коменданта полевой ставки Гитлера, затем он возглавил 7-ю танковую дивизию 15-го корпуса, которая продвигалась в авангарде немецких частей, атаковавших территорию Франции весной 1940 года. Французская кампания проходила тяжелее Польской. Сначала французские солдаты и английский экспедиционный корпус оказывали упорное сопротивление. В результате английской контратаки под Аррасом 21 мая Роммель чуть было не попал в плен.

Отразив контрудар англичан, 7-я дивизия выступила через Ла-Бассе к Лиллю. Германское танковое войско чуть было не отрезало значительную часть английского экспедиционного корпуса. Избежать окружения 3-й английской дивизии, которой командовал генерал Монтгомери, помогло лишь чудо.

Форсировав Сомму, части Роммеля начали движение к Сене, отразив и оставив позади левое крыло врага. Английские и французские солдаты массово стали сдаваться в плен. Дивизия Роммеля первой достигла Ла-Манша и после эвакуации британской армии из Дюнкерка вошла в Шербур.

В январе 1941 года Эрвин Роммель, уже в звании генерал-майора, был назначен командующим немецким Африканским корпусом. Этот корпус отбыл в Африку выполнять важную задачу — оказать поддержку союзным итальянским войскам, находившимся на грани разгрома из-за успешных действий

англичан.

Во второй половине февраля Роммель прибыл в Триполи, где у него состоялась встреча с генералом Гарибольди, новым командующим итальянскими войсками в Африке. Генерал Грациани, занимавший это место до Гарибольди, ушел в отставку в результате тяжелых поражений итальянской армии.

Перед Африканским корпусом и Роммелем была поставлена задача, заняв оборону, остановить шествие английских войск. Но Эрвин Роммель не принял прямых указаний ОКВ и, вместо того чтобы довольствоваться обороной, перешел в контрнаступление. Под началом отважного генерала немногочисленные немецкие войска отбили англичан к Киренаике. Роммель блокировал хорошо укрепленный англичанами Тобрук, однако захватить его сразу не смог.

В мае — июне 1941 года английскими войсками были проведены две операции по наступлению, которые принесли им поражение. Эрвин Роммель за успех своих войск получил новое звание. Но победы Роммеля не только не радовали германское командование, но даже вызывали раздражение. Гальдер скомандовал своему заместителю Паулюсу изучить деятельность отважного Роммеля, получившего к тому времени прозвище «Лис пустыни». Паулюс еще раз настойчиво рекомендовал Роммелю перейти к обороне и в будущем не начинать наступление.

Но Роммель не мог терпеть пассивной обороны. К тому же он игнорировал приказы как итальянского командования в Северной Африке, формального его начальства, так и самого Муссолини.

Имея в распоряжении лишь две дивизии, Роммель вырывал победу там, где более многочисленные и лучше вооруженные итальянцы терпели поражение за поражением. Танки Роммеля не боролись с бронетехникой неприятеля, а в первую очередь были средством прорыва с заходом в тыл, за линию обороны врага. С английскими танками он предпочитал бороться при помощи минных заграждений и противотанковых ружей.

Роммель добился того, что на Африканском театре военных действий преобладало поддержание маневренности танковых подразделений, захват же территорий им был отодвинут на второй план.

В ноябре генерал Окинлек, занявший место генерала в отставке Уэйвелла, провел наступательную операцию под названием «Крестоносец». Войска англичан сумели отбить немцев от Тобрука и взялись за подготовку следующих сражений, планируя ударить в направлении Триполи.

Однако и Роммель смог тогда пополнить и довооружить свои войска, 2-й воздушный флот Кессельринга изгнал британский

флот из Средиземного моря, и немецкие транспорты получили возможность без труда плавать в Триполи.

Роммель отправил свои танковые части в новое наступление 21 января 1942 года. Пополнив свои запасы из захваченных вражеских складов, они смогли продолжить наступательное движение. Итальянцы отказались участвовать в операции, и все же Роммель уже на восьмой день взял порт Бенгази и продолжил наступление до Эль-Газала, где 7 февраля англичане сумели остановить его. Английские планы захвата Ливии рассыпались в прах, а Эрвин Роммель получил звание фельдмаршала.

Роммель возобновил наступление 26 мая. Прорывая ряды жестоко сопротивлявшихся англичан и сил «Свободной Франции», он вновь вышел к Тобруку и сразу завладел этой крепостью. Основные силы Роммеля были у ливийско-египетской границы 21 июня. Через неделю англичане сдали Мерса-Матрух. А на следующий день после этого Африканский корпус вышел к Эль-Аламейну. Это была железнодорожная станция, расположенная менее чем в ста километрах к западу от Александрии. Здесь наступление Роммеля остановилось. Попытки фельдмаршала прорвать английскую оборону в районе Эль-Аламейна не увенчались успехом. В июле генерал Окинлек сумел даже провести контрудар по танковым дивизиям Роммеля.

И хотя положение частей Роммеля было довольно тяжелым, все же он решил еще раз пойти на захват Александрии и Каира. Однако там его ждала ловушка, подготовленная новым командующим английской армией генералом Монтгомери. Монтгомери намеренно ослабил свой левый фланг, одновременно прикрыв его минными полями.

Начав наступление, немцы все время вели ожесточенные бои. Англичане имели огромный перевес в авиации. Роммель был вынужден обороняться, а 3 сентября его войска стали отходить на исходные позиции. Англичане получили передышку, в которой так нуждались, и стали планомерно готовить контрнаступление.

В конце октября Монтгомери сломал немецкую оборону у Эль-Аламейна, и 13 ноября англичане вступили в Тобрук. Но для Африканского корпуса это было лишь началом испытаний. Восьмого ноября союзники под командованием генерала Эйзенхауэра высадились в Тунисе.

В январе 1943 года английские войска вошли в Триполи. Предложение фельдмаршала о выводе экспедиционного корпуса из Африки отвергли, вместо этого он получил приказ атаковать союзников в Тунисе. В середине февраля войска Роммеля потерпели поражение у Кассеринского прохода. В мае Александер поставил группу армий «Тунис» в безвыходное положение.

В ночь с 12 на 13 мая немецко-итальянские воздушные и морские силы с материальной частью войск на борту переправились на Сицилию. В плену оказались 250 000 солдат фашистского блока. Командовал эвакуацией генерал-полковник фон Арним — негласный преемник Роммеля на Африканском театре военных действий. Роммеля уже ждало новое назначение, и он возглавил немецкие войска, находившиеся в Италии. До событий, сопровождавших свержение Муссолини, Роммель оставался в формальном подчинении у итальянского верховного командования. Однако сразу же после того, как стало известно о выходе Италии из коалиции стран «оси», части вермахта под командованием Роммеля разоружили итальянские войска и оккупировали Италию.

Роммель внес предложение — вывести войска из Южной Италии, но Альберт Кессельринг оказал ему противодействие, полагая, что немецкие войска смогут успешно сражаться к югу от Рима. Кессельринг был прав, позднее это стало очевидно. Он сохранил за собой командование вермахтом в Италии, тогда как Роммель был отозван в Берлин и получил перевод во Францию. Гитлер предоставил ему возможность контролировать строительство Атлантического вала.

Проведя проверку оборонительных сооружений Атлантического вала, Роммель сделал заключение, что германские войска вряд ли смогут помешать высадке союзников. Укрепления были недостроены, а большинство укрытий не выдержало бы взрывов крупнокалиберных снарядов и бомб.

Позднее Гитлер назначил Роммеля командующим группой армий «Б», прикрывавшей побережье от Голландии до устья Луары. Взявшись за новое дело, Роммель торопился выполнить поставленную перед ним задачу. Строительство укреплений постоянно ускорялось, побережье прикрыли проволочными заграждениями, а территорию пляжей заминировали.

По мнению Роммеля, самым эффективным методом борьбы с высадившимися войсками союзников могла быть массированная атака танковыми частями в первые двое суток после их высадки. Но командующий немецкими войсками на Западе фельдмаршал Рундштедт считал иначе. Тем не менее Гитлер все же выделил группе армий «Б» так необходимые ей три танковые дивизии.

Шестого июня союзники высадили десант в Нормандии — там, где, по мнению руководства ОКМ, о высадке не могло быть и речи из-за опасных прибрежных рифов. Роммель в этот день был на совещании в Германии. Отсутствовали почти все командиры дивизий и корпусов. Командующий 7-й армией Фридрих Дольман попытался провести танковую контратаку. Но немецкие танки

были остановлены воздушными налетами авиации противника. Роммель смог организовать контрудар лишь 9 июня, но было уже поздно. Союзные войска полным ходом высаживались на берег Нормандии, и ничто не могло им помешать.

Седьмого июня Роммель и Рундштедт прибыли на встречу с фюрером возле Суассона. Фюрер обвинил фельдмаршалов в неудаче в Нормандии за их неспособность поразить и остановить высадившихся союзников. На это Роммель ответил, что войска терпят бедствие в борьбе с противником, превосходящим их численностью. Кроме того, Эрвин Роммель потребовал от Гитлера прекращения войны ввиду очевидного отсутствия какой-либо перспективы. Гитлер раздраженно порекомендовал Роммелю беспокоиться только о своем участке фронта и не лезть в сферу внешней политики.

После очередной встречи с Адольфом Гитлером 29 июня в Оберзальцбурге Рундштедт потерял свой пост, а Роммель, хотя и остался на своем посту, окончательно лишился доверия фюрера. Убедившись, что вождь Германии не откажется от продолжения войны, Роммель вошел в контакт с «Черной капеллой» — группой офицеров, планировавших уничтожение Гитлера и желавших заключить мир с западными союзниками.

Покушение на Гитлера было назначено на 20 июля 1944 года. Но Роммель не стал очевидцем этих событий. Когда 17 июля фельдмаршал возвращался из поездки на фронт, его машину обстреляли истребители противника и автомобиль врезался в ограждения. Водитель погиб, а Роммель, ударом выброшенный из машины, получил тяжелую травму черепа и потерял много крови.

Покушение на Гитлера провалилось.

Гитлер не решился предать Роммеля, пользовавшегося огромной популярностью в войсках, открытому суду и вынудил фельдмаршала отравиться (14 октября), гарантировав его семье неприкосновенность. Официальное объявление гласило, что Роммель скончался от ранения, полученного на фронте.

Настоящие предатели «Молодой гвардии»

Проходят годы и десятилетия, а герои «Молодой гвардии» вызывали и продолжают вызывать восхищение новых поколений. Однако в середине 1950-х годов неожиданно раскрылись новые подробности в деле молодогвардейцев. Газетные публикации, подписанные Кимом Костенко, произвели в обществе эффект разорвавшейся бомбы.

В самом конце «хрущевской оттепели» специальный корреспондент «Комсомольской правды» Ким Костенко смог ознакомиться с секретными материалами, касающимися «Молодой гвардии». Журналист выяснил сенсационные факты. Оказалось, что герои романа Александра Фадеева «Молодая гвардия» — объявленные предателями члены организации Стахович, Выркова, Лядская, Полянская — на самом деле были честными патриотами. Кроме того, именно Виктор Третьякович (в книге — Стахович), а не Олег Кошевой был комиссаром «Молодой гвардии»! Третьяковича захватили в тот же день, что и Мошкова с Земнуховым. Храбрец не выдал своих и погиб смертью героя. А предателем подпольной организации был совсем другой человек — Геннадий Почепцов. Узнав о первых арестах, он испугался и донес в полицию, в предательском заявлении перечислив всех молодогвардейцев.

Вряд ли Александр Фадеев не знал этих серьезных фактов. Но повесть он писал как социальный заказ партии, и его консультировал майор из КГБ. Небезынтересно и то, что, когда Фадеев приехал в Краснодон, к нему попал документ, в котором кратко излагалась роль каждого подпольщика и отдельно были названы имена предателей: Третьякевича, Выриковой, Лядской и Полянской. До сих пор исследователи не смогли установить авторство подложного документа.

Большую роль в искажении правды сыграла и мать Олега Кошевого, у которой жил Фадеев. Роман основан на многих ее воспоминаниях. Семьи героев-краснодонцев сожалели о том, что писатель ни разу не зашел к ним, чтобы поговорить.

Вплоть до 1990 года на семье Третьяковичей стояло клеймо «семьи предателя». Годами родные собирали свидетельства очевидцев и документы о невиновности Виктора. И только несколько лет назад он наконец был реабилитирован.

В 1990 году настоящему командиру «Молодой гвардии» Ивану Туркеничу было посмертно присвоено звание Героя

Советского Союза. Этот случай и впрямь невероятен, так как Туркенич попал в Краснодон из немецкого плена, сбежав от нацистов.

Семнадцатилетняя Ольга Лядская, когда ее впервые схватили немцы, приглянулась заместителю начальника полиции Захарову, у которого оказался отдельный кабинет для интимных встреч. Через несколько дней ее мать с большим трудом выкупила дочь за бутылку самогона. Краснодон был освобожден, и Ольга рассказала следователю СМЕРШа свою историю. Тот решил ей «помочь» и дал девочке бумагу, на которой она не глядя поставила свою подпись. Это было признание в пособничестве оккупантам. За него Ольга Александровна была осуждена на десять лет заключения. А когда вышел роман «Молодая гвардия», она стала опасной государственной преступницей и очутилась на Лубянке. Власти хотели устроить над ней показательный процесс, но он не состоялся — у Лядской обнаружили тяжелую форму туберкулеза. Освободили «предательницу молодогвардейцев» только в 1956 году. В родном городе ее никто никогда не упрекнул. Ольге удалось окончить институт и даже родить ребенка. Однако в 1960-х годах вновь стали появляться публикации о «Молодой гвардии», в которых она опять фигурировала как предательница. Куда только Лядская не писала, требуя справедливости! Наконец письмо попало на стол к порядочному человеку — работнику прокуратуры, и он, тщательно изучив ее дело, снял с Ольги тяжелые обвинения.

От несправедливости пострадали и Зинаида Выркова, и Сима Полянская. Как сложилась судьба второй — неизвестно. Выркова видела Симу среди сосланных в Бугульме. Самой же Зинаиде Алексеевне довелось выстрадать и ссылку, и лагеря. Ее арест состоялся еще до выхода романа в свет. На свободу она вышла уже в 1944 году, но вскоре была исключена из комсомола. Зинаида Алексеевна вышла замуж, сменила фамилию, переехала жить в другой город. Но до конца ее преследовала молва: «А, та самая, которая „Молодую гвардию“ предала!» Много лет ни в чем не повинная женщина провела в страхе перед своим возможным арестом. Конечно, она тоже писала, пыталась достучаться до высших инстанций, но это не дало никаких результатов. Кстати сказать, оставшиеся в живых молодогвардейцы прекрасно знали о невиновности Третьяковича, Лядской, Выриковой, но предпочитали молчать…

Рыцарь «черного ордена» Вальтер Шелленберг

«Начальник „Аусланд-СД“ бригадефюрер СС Вальтер Шелленберг был самым молодым из всех начальников службы Главного управления имперской безопасности, работавших под руководством Гейдриха. Чтобы сделать подобную карьеру во время войны, надо было быть необычайно способным человеком, ибо обстановка требовала от носителя таких функций ежедневного доказательства своих способностей». Этот отзыв составил о Вальтере Шелленберге один из его ближайших сотрудников по разведке Национал-социалистической рабочей партии Германии.

Вальтер Шелленберг родился 16 января 1910 года в Саарбрюкене в семье немецких интеллигентов. Окончив гимназию, он поступил на юридический факультет Боннского университета и закончил его в начале 1920-х годов. Как позднее вспоминал сам Шелленберг, в 1923 году преподаватель факультета предложил ему вступить в ряды Национал-социалистической рабочей партии и сразу же — в СА. Тогда трудно было поверить, что нацисты сумеют захватить власть в Германии, но Шелленберг поверил в возможности нового движения и стал членом нацистской партии.

Шелленберг оказался способным разведчиком и организатором специфической политической разведывательной службы. Его жизнь полна темных тайн и загадок без ответов. Хотя сам Вальтер Шелленберг оставил после себя мемуары, книгу под названием «Лабиринт», большинство исследователей истории Третьего рейха справедливо полагают, что прожженный разведчик и опытнейший интриган вряд ли сказал в них правду. Шелленберг знал слишком много, чтобы «широко открывать рот». Он четко осознавал, что многие его бывшие «коллеги» по «черному ордену» СС, вновь объединенные в тайные организации, готовы сурово покарать любого отступника.

Несомненно, Шелленберг знал имена уцелевших нацистских главарей, место пребывания каждого из них и вымышленные имена, под которыми они могли скрываться. Среди них могли быть многие, кого спецслужбы союзников поспешно посчитали мертвыми — свидетели якобы опознали тела. Даже мемуары, сплетенные из лжи, бывший глава политической разведки Третьего рейха решился написать только узнав о своей неизлечимой стадии рака.

Согласно ряду авторитетных западных экспертов, ссылающихся на уцелевшие трофейные документы, в 1920-е годы Вальтер Шелленберг выехал из Германии в Прибалтику. Некоторое время он жил в Латвии, самостоятельной и независимой на тот момент стране. Якобы именно в Прибалтике молодой Шелленберг организовывал и сам принимал участие в деятельности террористических организаций пронацистски настроенной молодежи, отличавшейся особой жестокостью.

Считается, что в Германию Шелленберг вернулся только в 1929 году и какое-то время был занят охраной поместий зажиточных землевладельцев. Он собрал отряд преступников из деклассированных элементов, связанных со штурмовиками из СА. По их поручению люди Шелленберга прятали в имении оружие, и когда один из батраков случайно его обнаружил, Вальтер убил его своей рукой. Позднее, когда брат погибшего стал высказывать подозрения в отношении Шелленберга, тот убрал и его, выпустив в отчаянного крестьянина всю обойму из своего парабеллума.

Еще несколько подобных «подвигов» принесли Шелленбергу офицерский чин при вступлении в СС. Однако криминальная полиция занялась делом об убийстве братьев. Опытные немецкие сыщики быстро раскрыли преступление. Но нацисты позаботились о том, чтобы замять дело, и убийца остался на свободе. Да к тому же получил чин оберштурмфюрера СС. В других источниках говорится, что Шелленбергу присвоили звание обер-лейтенант.

Именно тогда Вальтер Шелленберг стал полноправным членом СС — в то время еще маленькой и странной организации, которая вскоре стала грозной вооруженной силой нацизма и хранительницей его самых мрачных тайн. Эсэсманы привлекали на свою сторону не только бандитов и убийц, им были крайне нужны образованные люди, которые бы разделяли идеи национал-социализма. Гиммлер, назначенный Гитлером 6 января 1929 года рейхсфюрером СС, прекрасно понимал: захватить власть — только половина дела, а вот удержаться на вершине пирамиды государственной власти гораздо сложнее. Нужно приложить немало сил и собрать вокруг себя способных, верных людей, на кого-то опираться в решении важных задач, которые ставил перед СС вождь партии Адольф Гитлер.

И здесь справедливо возникает вопрос: как Шелленберг мог попасть в политическую разведку, не имея никакого опыта оперативной, контрразведывательной или разведывательной работы? Это направление деятельности не терпит дилетантов, которые быстро ломают себе шею.

По некоторым данным, образованный Шелленберг с его

дипломом правоведа заинтересовал руководство СС, и в начале 1930-х годов его направили на работу за границу, где он служил целям немецкой разведки. В 1933 году, по некоторым сведениям, Вальтер Шелленберг прибыл в Нью-Йорк, в Соединенные Штаты Америки. Это происходило как раз перед тем, как в военном ведомстве Германии «молчаливый полковник» Николаи вновь занял место начальника военной разведки. Именно он создал в США агентурную разведывательную сеть, позднее получившую название «Бременские музыканты».

В январе 1933 года Гитлер стал рейхсканцлером, поэтому Шелленберг получил полную свободу действий. Хитрый, инициативный, безжалостный и циничный, работоспособный молодой разведчик создал при германском Генеральном консульстве специальный секретный отдел, возглавить который решил он сам. Естественно, активность Шелленберга получала одобрение и поддержку Берлина. В Америке Вальтер быстро наверстал пробелы в разведывательной и контрразведывательной практической работе — ему приходилось лично выполнять и организовывать проведение секретных операций, столь важных для его руководства, оставшегося в Германии. В Нью-Йорке он преуспел в оперативной работе, успехи были весьма впечатляющими: уже к 1936 году Шелленберг создал в США мощную разветвленную агентурную сеть политической разведки, без задержек и заминок снабжавшую Берлин политической информацией. Агенты Вальтера были уже во всех властных структурах, незаметно заполняли все слои американского общества и успешно заводили нужные связи на разных уровнях государственного управления. Именно поэтому в конце Второй мировой Шелленберг с легкостью нашел через свою агентуру нужные связи и быстро вышел на контакт с американцами по поводу секретных переговоров о сепаратном мире.

Организация увеличилась, и Шелленберг принял совершенно необычное и смелое для разведчика решение: он легализовал часть разведывательной сети, создав общественное объединение под названием «Друзья новой Германии». Агенты немецкой разведки, работавшие в этой легальной структуре, выполняли еще и контрразведывательные функции — они срывали работу американских спецслужб.

Вместе с тем Вальтер Шелленберг как истинный эсэсовец часто прибегал к грубому принуждению, заставляя немецких эмигрантов в США усердно работать на спецслужбы нацистов.

Вернувшись в Германию, Шелленберг побывал в различных аппаратах государственной власти, пока его профессионально выполненные на высоком уровне доклады о путях развития

германского законодательства не привлекли внимания всесильного главы СД Рейнхарда Гейдриха. Он пригласил Шелленберга к себе и предложил должность в своем ведомстве. В ноябре 1939 года Вальтер Шелленберг стал начальником отдела «Е» (контрразведка) в IV управлении РСХА, занимавшегося контрразведывательной работой. В 1941 году Шелленберг был переведен в VI управление РСХА (внешняя разведка) и занял пост заместителя начальника управления, фактически возглавив управление.

Большинство тайн Шелленберга остаются нераскрытыми. После победы над нацизмом Шелленберг был осужден в 1948 году всего на шесть лет! После суда, в 1951 году, он уже был на свободе и почему-то оказался в Швейцарии, а затем в Италии, где тогда было очень сильным влияние коммунистов. Ответ кроется, скорее всего, в том, что Италия того времени стала настоящей «ярмаркой шпионов». Там активно работали американцы, бродили четники, собирала информацию советская разведка, скрывались эсэсовцы, разыгрывали интриги британские агенты и мечтали вернуть прошлое итальянские чернорубашечники. Шелленбергу было, вероятно, все это по душе. Но может ли быть так, что в Италию его привело нечто иное?

Умер Вальтер Шелленберг в 1952 году, в Турине, в Италии, по официальной версии от рака. Тайны его подлинной биографии и профессиональной деятельности главного политического разведчика Третьего рейха ушли в небытие вместе с ним. Однако никто никогда не задавался вопросом, кто именно умер в Турине в 1952 году — Шелленберг или его двойник? Выдать за себя покойника, похоронить под своим именем и исчезнуть — на это рыцари «черного ордена» были большие мастера…

Кто такие гвардейцы широнинцы

Шла ранняя весна 1943 года. После Сталинградского сражения Красная армия перешла в наступление и в скором времени вышла к Харькову. Немцы создали мощную группировку в юго-западной части города. По численности и технически немцы превосходили наши войска. Село Тарановка под Харьковом было важным пунктом, захват которого открывал немецким войскам путь к городу не только с запада и севера, но и с юга. 78-й гвардейский полк 25-й гвардейской стрелковой дивизии, в который входил взвод лейтенанта Широнина, защищал позиции у железнодорожного переезда.

Со 2 по 6 марта 1943 года взвод Широнина выдержал несколько боев до подхода основных сил. 5 марта противник предпринял самую мощную попытку захватить переезд: 35 немецких танков и бронемашин атаковали позиции взвода. Единственное 45-миллиметровое орудие, имевшееся у наших солдат, было уничтожено сразу же, но бойцы огнем из противотанковых ружей, гранатами и бутылками с зажигательной смесью уничтожили 16 танков и бронемашин и свыше ста немецких солдат. Некоторые из бойцов взвода бросились с гранатами под вражеские танки, жертвуя своими жизнями. В живых осталось только шесть человек, остальные погибли, отражая атаку. Лейтенант Широнин был тяжело ранен.

Павел Менделеевич Шафаренко во время Великой Отечественной войны был командиром сначала воздушно-десантной бригады, затем — ряда общевойсковых соединений, в том числе легендарной 25-й гвардейской стрелковой дивизии. В своей книге «На разных фронтах. Записки командира дивизии» он поведал о героическом бое. Когда проводился смотр работ по обеспечению обороны, Шафаренко впервые увидел лейтенанта Широнина.

«Мы подошли ближе, и нам представился командир взвода лейтенант П. Н. Широнин. Я сразу вспомнил его фамилию. В конце февраля в бою за Червоное Широнин, прикрываясь дымом возникших пожаров, на трех самоходках с десантом гвардейцев с тыла ворвался в село и решил успех всего боя, почти не понеся потерь. Это был смелый и обдуманный маневр, в нем уже была видна командирская зрелость.

Передо мной стоял худощавый, спортивного вида лейтенант, но уже в годах, видимо из запаса. На мои вопросы он спокойно и обоснованно доложил по местности организацию своей обороны. Здесь уже успели поработать дивизионные саперы майора

Дорохова, и Широнин показал нам, где поставлены противотанковые и противопехотные мины, пояснил, как они прикрываются огнем. За короткое время его гвардейцы вместе с саперами успели оборудовать, кроме основных, и ряд ложных позиций.

Я подивился боевой смекалке воинов. Ложные позиции уводили врага от окопов взвода на переезде и намного увеличивали живучесть подразделения. Несколько таких позиций было устроено и на еще покрытом льдом пруду.

— Сколько людей у вас? Как с оружием и боеприпасами? — спросил я Широнина.

— Взвод пополнен до двадцати пяти человек, — начал докладывать он, — в том числе за счет сержантов и старшин, не имеющих подразделений в связи с большим некомплектом людей. Во взводе четыре коммуниста. Самые молодые — командир второго отделения сержант Сухин и бойцы Торопов и Шкодин, им по двадцать. Самый пожилой Андрей Аркадьевич Скворцов, ему уже сорок девять. Он принимал участие еще в Первой мировой войне, после Октября был в Красной гвардии, сражался против Колчака и басмачей. Восемь человек воюют с первого года войны, а остальные со второго…

Потом Широнин сказал, что командир полка дал ему все, в чем он нуждался, а также усилил 45-миллиметровой пушкой».

Широнинцы прекрасно понимали, что рискуют своими жизнями, но выполнили долг воина и защитника до конца. «Между тем вражеское самоходное орудие, покончив с пушкой, рванулось на переезд. Навстречу ему, на виду у своих боевых товарищей и противника, пополз сорокадевятилетний „папаша” взвода, бывший председатель сельсовета коммунист Андрей Аркадьевич Скворцов.

— Пулеметчикам прикрыть Скворцова! — крикнул Широнин.

Но и гитлеровцы усилили огонь. Андрей Аркадьевич был, видимо, ранен, но у него еще хватило сил бросить противотанковую гранату под гусеницы самоходки. Окутанная дымом, она, наехав на Скворцова, как будто бы споткнулась и остановилась.

Подвиг Андрея Аркадьевича Скворцова, славного представителя нашей старой гвардии, стал мерой поведения широнинцев. Заставил он, наверное, задуматься и гитлеровцев. Они понесли большие потери, их пехота залегла, а когда вырвавшийся вперед танк подорвался на мине, остальные машины остановились и стали пятиться. Первая атака была отбита», — писал Павел Менделеевич Шафаренко.

«Когда во взводе остались только тяжелораненые лейтенант

Широнин, старший сержант Вернигоренко и бойцы Букаев, Тюрин, Исаков и Торопов, единственный защитник позиций помощник Широнина коммунист старший сержант Александр Павлович Болтушкин бросился со связкой гранат под наползавший на него танк и подорвал его.

Легендарный бой завершился. Когда сюда прибыли бойцы других подразделений, они увидели перед позицией взвода 16 дымившихся танков, самоходных орудий, бронемашин и до сотни убитых гитлеровцев», — рассказывал в своей книге генерал Шафаренко.

Указом Президиума Верховного Совета СССР 18 марта 1943 года все 25 широнинцев были удостоены звания Героя Советского Союза. Все погибшие похоронены в братской могиле в Тарановке. Их покой охраняет Вечный огонь.

В честь легендарного взвода бойцов была названа одна из харьковских улиц.

Кстати, один из оставшихся в живых гвардейцев, Иван Григорьевич Вернигоренко, жил в Харькове, на ул. Гвардейцев Широнинцев, 77.

Диверсант № 1 — Отто Скорцени

Отто Скорцени (1908–1975) — самый известный в мире командир диверсионных спецподразделений Главного управления имперской безопасности нацистской Германии. Практически все операции, которые он планировал и проводил, — за редким исключением — были успешны. Необыкновенная смелость, внезапность, неожиданность замыслов и четкость их воплощения — вот отличительный «почерк» Скорцени, которого прозвали «диверсантом рейха № 1» и «личным диверсантом фюрера».

Скорцени родился в 1908 году в Вене в обеспеченной семье инженера. Окончив гимназию, Отто был принят в Венский университет. В то время были популярными студенческие дуэли, при которых особой доблестью считалось получить царапину шпагой на лице, после чего оставался шрам. Чем больше шрамов, тем задиристей и храбрее считался студент. На лице Отто Скорцени после студенческих лет и веселых пирушек вперемешку с дуэлями шрамов осталось четырнадцать!

В студенческие годы Отто Скорцени глубоко проникся идеями национал-социализма и вступил в профашистскую организацию «Добровольческий корпус», а чуть позднее — в «хеймвер», так называемый «Союз защиты родины». В 1930 году «хеймвер» открыто взял курс на фашистский режим в Италии, где диктатором стал Бенито Муссолини.

В отличие от многих «соратников», Скорцени был привержен немцам и в том же 1930 году вступил в Национал-социалистическую рабочую партию Германии. Вскоре он сблизился с австрийскими эсэсовцами, среди которых заметную роль играл Эрнст Кальтенбруннер.

После окончания университета Отто Скорцени работал управляющим строительной фирмой, но в то же время был тесно связан с Берлином — выполнял конфиденциальные задания, которые поручала ему партия. После аншлюса Австрии высокопоставленные сотрудники СД обратили на него самое серьезное внимание. Скорцени был высок ростом, имел атлетическое телосложение. Его происхождение, с точки зрения нацистов, было безупречно. К тому же он был смел, хитер, хорошо подготовлен идеологически. В 1939 году Отто Скорцени поступил в полк личной охраны Гитлера. Это элитное подразделение целиком состояло только из тщательно проверенных и отобранных членов «черного ордена» СС.

С началом Второй мировой войны Отто Скорцени проявил

себя как опытный диверсант и отличный специалист по работе с агентами.

В начале Второй мировой войны в составе войск СС Скорцени активно участвовал в боевых действиях на территории Франции и при нападении на Советский Союз. Когда Гитлер и рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер искали чашу Святого Грааля в горах на юге Франции и севере Испании, именно Скорцени получил суперсекретное и тайное поручение по проведению поисков. По некоторым сведениям, попытки отыскать реликвию Отто Скорцени не оставлял вплоть до капитуляции Германии в 1945 году.

В апреле 1943 года, уже будучи в звании гауптштурмфюрера СС, Отто Скорцени получил от знаменитого Вальтера Шелленберга личное приглашение на службу в управление внешней разведки, «Аусланд-СД» — VI отдел Главного управления имперской безопасности. Гениальный разведчик Шелленберг особенно ценил талант Скорцени. Зная о том доверии, которое ему оказывали лично Адольф Гитлер и рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, Шелленберг поручил штурмбаннфюреру СС руководство агентурной работой и диверсионной деятельностью за рубежом. Главным образом чистый прагматик Шелленберг видел в Отто Скорцени профессионала. Он прекрасно понимал, что главари Третьего рейха любят австрийца со шрамами на лице вовсе не за преданность идеалам национал-социализма, а за его высокие качества исполнителя, с чем и связана его необычайная удачливость при проведении диверсионных операций, многие из которых казались другим абсолютно неосуществимыми.

Отто Скорцени завоевал себе признательность и широкую популярность освобождением фашистского диктатора Бенито Муссолини, арестованного по приказу короля Италии. Муссолини был вывезен из Гран-Сассо на легком самолете в Рим, оттуда доставлен в Вену, а «диверсант № 1» стал в Германии национальным героем.

Странно, что такой ловкий и опытный человек 15 мая 1945 года попался американским службам в Штейермарке, вследствие чего почти два с половиной года провел в заключении. Естественно, все это время с ним тесно работали представители американских спецслужб. Возможно, они все же достигли каких-то соглашений с «диверсантом № 1». Иначе как объяснить тот факт, что в сентябре 1947 года Скорцени был судим американским военным трибуналом в Дахау и… оправдан по всем статьям обвинения!

Самый молодой летчик Второй мировой войны

Завершив очередной вылет, пилот У-2 эскадрильи связи заметил самолет, лежавший на брюхе на нейтральной полосе. Летчик подвел свою машину ближе и увидел, что кабина Ил-2 закрыта: значит, пилот находится внутри и, скорее всего, он ранен. Прийти на помощь летчику — дело чести для воздушных воинов. У-2 удачно приземлился на избитую взрывами нейтралку и остановился в тени штурмовика, опасаясь быть замеченным немцами. В кабине пилот обнаружил тяжело раненного в голову летчика — лейтенанта Бердникова; он выполнил свое задание по аэрофотосъемке, но доставить результаты съемки на базу уже не смог. Первым в У-2 перекочевал фотоаппарат с пленкой, затем ценой неимоверных усилий удалось переместить в самолет неподвижное тело спасенного летчика. Артиллеристы и танкисты советских войск, планировавшие в этом месте провести контратаку, при содействии штурмовиков отвлекли внимание немцев от наглого кукурузника. У-2 с ценным грузом, удачно взлетел и покинул нейтралку. За спасение товарища и доставку разведданных летчик Каманин получил орден Красной Звезды.

Эта фамилия уже была на слуху: его отец — Николай Петрович Каманин, Герой Советского Союза, легендарный летчик — участвовал в эпопее по спасению челюскинцев.

В июле 1942 года полковник Н. П. Каманин был назначен командиром 8-го смешанного, затем 5-го штурмового авиакорпуса. В начале 1943 года он получил звание генерал-майора. Генеральская жизнь помимо особой ответственности имеет и свои плюсы, к новому генералу переехала жена и сын Аркадий. Жена устроилась на работу при штабе корпуса. Сын Аркадий также категорически отказался возвращаться домой; учитывая его опыт — Аркадий успел несколько месяцев отработать механиком на одном из московских авиационных заводов, — отец назначил его механиком по спецоборудованию в эскадрилью связи своего корпуса.

Начальство, не раз убедившись в отличном знании матчасти молодым механиком, дало Аркадию повышение — он стал летать бортмехаником и штурманом-наблюдателем.

Однажды осколок ранил пилота машины, в которой находился Аркадий, и тот потерял сознание. Но парень не растерялся. Связные самолеты были оборудованы радио; по вызову Аркадия с земли поднялся опытный летчик, под

«дистанционным управлением» которого Аркадий Каманин идеально посадил машину. После этого случая он начал проходить уже официальную летную подготовку. Двух месяцев опытному авиамеханику хватило для того, чтобы сдать экзамен лично генерал-майору Н. П. Каманину.

Поначалу Летунок (прозвище Аркадия), сновал между аэродромами корпуса, но со временем ему стали поручать все более ответственные задания особенно после того, как он смог уйти на виражах от севшего на хвост «мессера». Во время одного из вылетов Аркадий спас лейтенанта Бердникова.

В Польше Аркадий спас еще одного боевого товарища: ожидая разрешения на посадку на аэродром истребительного авиаполка, он заметил, что один из пилотов взлетел с механиком на хвосте (чтобы не допустить капотирования при взлете по мокрому грунту, механики садились на хвост, главное было — вовремя спрыгнуть). Меткий выстрел из ракетницы дал знать летчику, уже успевшему убрать шасси, о неожиданном пассажире, и механик был снят с хвоста на земле, хотя и не без труда.

Когда в 1944 году сержант Аркадий Каманин за боевые заслуги получил свой второй орден Красной Звезды, ему было неполных шестнадцать лет.

Весной 1945 года старшина Аркадий Каманин доставил в партизанский отряд под Брно питание для рации и секретный пакет, совершив полуторачасовой полет за линию фронта по неизученному маршруту в горной местности со сложным рельефом. За этот вылет командование наградило юношу орденом Красного Знамени.

А после Великой Отечественной войны сбылась заветная мечта Аркадия: осенью 1946 года семнадцатилетний ветеран, кавалер орденов и медалей был зачислен на подготовительные курсы Академии имени Жуковского, той, которую до войны окончил его отец.

Но самому молодому пилоту Второй мировой войны Аркадийю Николаевичу Каманину не пришлось ее закончить — он умер от менингита 13 апреля 1947 года, навсегда оставшись восемнадцатилетним.

Адское пламя для Адольфа Эйхмана

Имя Адольфа Карла Эйхмана потрясло весь мир как имя одного из высокопоставленных эсэсовских офицеров, непосредственно ответственного за уничтожение миллионов евреев в период Второй мировой войны.

Эйхман появился на свет в 1906 году в старинном немецком городе Золингене, славном благодаря производству стальных изделий и, в частности, великолепных клинков. Однако вскоре его семья, гонимая бедностью, в поисках лучшей судьбы отправилась из Германии в Австрию, и свои молодые годы, по странному стечению обстоятельств, Адольф Эйхман провел там же, где в юности жил его будущий кумир и вождь национал-социалистического движения Адольф Гитлер. Речь идет об австрийском городке Линце.

Там Эйхман учился в народной школе, где сверстники за темный цвет волос и глаз прозвали мальчика «маленьким евреем». Это очень раздражало Адольфа, и он часто в бешенстве кричал:

— Я не еврей! Я немец! Я ненавижу всех евреев!

Антисемитизм был тогда обычным делом как в Германии, так и в Австрии, поэтому эти его заявления никого особенно не удивляли, а прозвище «маленький еврей» было для ребенка настоящим оскорблением. Говорят, что в ранней юности Эйхман якобы однажды поклялся делом доказать свою ненависть к еврейской нации.

Закончив в Тюрингии народную школу, Эйхман стал учиться электротехнике, однако недолго: семья не смогла оплатить его обучение. Адольф бросил учебу в университете и стал настойчиво искать работу. Вскоре ему удалось устроиться коммивояжером в одну из венских фирм по продаже нефтепродуктов.

Материалист и прагматик, Эйхман, тем не менее, как и многие истинные арийцы, иногда обращался к оккультизму и однажды получил предсказание от одной из старых гадалок. Этот случай известен с его же слов.

— У тебя темная судьба, — раскинув карты, сказала старуха, — очень многих людей ты отправишь в адский огонь, но потом и сам не сумеешь его избежать.

— Что ты бормочешь? Какой адский огонь?

— О, у тебя впереди блестящая карьера, — немедленно сменила тон гадалка. — Но она тоже среди черепов и костей. Зато власть, которую ты так любишь!

— Ты выжила из ума. — Эйхман бросил ей монету и ушел, но

слова старой гадалки запомнил.

Из Германии в середине 20-х годов XX века в Вену пришло сильное национал-социалистическое движение, и Эйхман нашел в национал-социалистах родственные души.

Сначала Эйхман участвовал в собраниях, митингах и маршах национал-социалистов. Затем довольно быстро перешел к активным действиям. В 1927 году он уже был членом молодежной секции организации австро-германских ветеранов, а в 1932 году членом национал-социалистической партии. Его активность и крайне реакционные взгляды настораживали власти Австрии, настроенные против нацистов. Эйхманом серьезно заинтересовалась полиция.

Боясь попасть под арест и оказаться в тюрьме, Эйхман сообщил родным, что покидает Вену и отправляется в Германию. Через несколько месяцев после его приезда Адольф Гитлер победил на выборах и Национал-социалистическая рабочая партия Германии фактически захватила власть в стране. Для Эйхмана это стало началом новой жизни. Уже в 1934 году он приложил все усилия, чтобы вступить в СД.

Ему с ходу хотелось взяться за оперативную работу, однако место досталось при картотеке. Впрочем, там он быстро себя проявил как трудолюбивый специалист и прирожденный организатор: картотека была приведена в идеальный порядок и заработала словно безупречный механизм. Его заметили в верхах, и Адольф получил перевод в IV управление, в гестапо, которым уже руководил Генрих Мюллер.

Скрупулезный канцелярист Мюллер по достоинству оценил старания Адольфа Эйхмана, и рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер получил хороший отзыв. В отзыве было отмечено, что Эйхман питает буквально звериную ненависть к евреям. Это качество Эйхмана понравилось рейхсфюреру, и он поинтересовался у Мюллера:

— Эйхман знает иврит?

— Думаю, да, — ответил шеф гестапо.

— Тогда мы его назначим в управление по еврейским делам, — заключил Гиммлер.

Так Эйхман стал непосредственно заниматься еврейским вопросом, причем не только в Германии. В 1937 году Эйхман посетил Палестину с секретной миссией. Его основной целью являлось налаживание контактов с лидерами арабского палестинского движения, враждебного евреям. По мнению западных исследователей, Эйхман планировал некий договор с арабами о диверсионной и террористической деятельности. Однако Палестина тогда являлась подмандатной территорией

Великобритании, и англичане выдворили эмиссара из Палестины.

Во фатерланде карьера Эйхмана стремительно шла вверх, и он вскоре получил звание оберштурмбаннфюрера СС. В эти годы он служил в Центральном имперском управлении по вопросам еврейской эмиграции, а затем получил назначение начальником подотдела Б-4 отдела IV Главного управления имперской безопасности. На закрытых совещаниях имперского уровня разрабатывалась стратегия будущей политики Третьего рейха в отношении «неполноценных рас», и Эйхман, один из главных специалистов по еврейскому вопросу, принимал в них участие.

Во время Второй мировой войны Эйхман был привлечен к «окончательному решению еврейского вопроса», как это было запланировано на Ванзейском совещании. Евреев депортировали в лагеря смерти со всех территорий, оккупированных вермахтом, и даже из стран-сателлитов Германии.

В начале осени 1944 года Адольф Эйхман доложил рейхсфюреру СС Гиммлеру о воплощении в жизнь плана решения еврейского вопроса. К моменту подготовки доклада уже было уничтожено порядка четырех миллионов евреев, и еще около двух миллионов уничтожили другие немецкие службы. Рейхсфюрер выразил свое полное удовлетворение.

Пророчество, полученное Эйхманом в Вене, сбывалось: головокружительная карьера среди человеческих черепов и костей и адского пламени печей и крематориев.

Эйхману не довелось побывать на фронте, хотя многие эсэсовцы участвовали в сражениях и даже получили ранения. В конце войны Эйхману удалось бежать ближе к западу, но там он был арестован американской контрразведкой. Американцы не сообразили, что к ним в руки попал палач народов. Поэтому Эйхмана направили в лагерь для интернированных лиц.

Адольф находился в лагере для перемещенных лиц до 1946 года, а затем совершил из него побег, как и с чьей помощью — неизвестно. Скорее всего, ему помогла уже активная тогда организация ODESSA, основы которой заложили Вальтер Шелленберг и Генрих Мюллер. Вполне вероятно, что они сами воспользовались созданными ими же каналами и не оставили в беде Эйхмана.

До 1952 года Эйхман с помощью тайных нацистских организаций, располагавших большими средствами, где-то скрывался, а затем перебрался в Южную Америку, там он постоянно переезжал из страны в страну, старательно запутывая следы. Наконец, в 1955 году он обосновался в Аргентине, в Буэнос-Айресе, под именем Клементо Рикардо. Эйхман осмелел, выписал к себе из Европы жену и двоих детей и даже официально

устроился на работу в филиал фирмы «Мерседес-Бенц».

Рассказывают, что во время очередной поездки по Южной Америке Эйхман случайно встретился с колдуном одного из индейских племен и, видимо, вспомнив, как он в молодости гадал в Вене, обратился к нему за предсказаниями.

— Ты плохой человек, — едва взглянув на него, сердито буркнул колдун. — На твоей совести очень много жизней и море крови.

— Откуда ты это можешь знать? — усмехнулся умевший владеть собой, но несколько обескураженный Эйхман.

— Тебе предсказали адское пламя? — в упор поглядел на него колдун. — Оно уже ждет! Времени осталось немного!

Колдун отвернулся и ушел, а эсэсовец постарался забыть о мрачном предсказании, как старался забыть о пророчествах гадалки из Вены.

Однако предсказание сбылось. В середине мая 1960 года его выследили и схватили тайные агенты израильской разведки, разыскивавшие Эйхмана по всему свету. Эсэсовца вывезли в Израиль, где в Иерусалиме он предстал перед судом.

В декабре 1961 года Эйхману огласили смертный приговор. 1 июня 1962 года его повесили в тюрьме города Рамла, тело сожгли, а прах развеяли над морем вдали от берега.

Адский огонь все-таки дождался Адольфа…

Взлет и падение Петра Грищенко

Когда-то его имя было на страницах всех газет, дружбой с ним гордились писатели и поэты. Легендарный истребитель кораблей вражеских сил Петр Грищенко был примером мужества, военной отваги и решительности на долгие годы. Адмиралы и Герои Советского Союза считали его своим учителем и наставником. Регулярно издавались его книги и научные трактаты. И вместе с тем начальство его не привечало — ни почестей, ни наград, ни повышений по службе. Зато любила его флотская молодежь. Он так и ушел из жизни — забытый и непонятый, не совершив многого из того, что было задумано.

И сегодня подвиги Петра Грищенко окружены тайной. Эта странная секретность до сих пор занимает умы историков. Чем объяснить такое странное отношение к нему руководства? Ведь он был не только лучшим из подводных асов СССР, но и ее национальным героем.

Двадцать второго июня 1941 года подводный минзаг Л-3, носивший одновременно еще и более гордое название «Фрунзевец», встретил в Либаве. Первые грохочущие взрывы Великой Отечественной войны прошли на Западном фронте, и командир Л-3 капитан 3-го ранга Грищенко получил приказ о немедленном выходе в море.

К началу войны Петр Грищенко был уже командиром подводных лодок с большим опытом. Мальчишка из глухой черниговской деревни, окончивший высшее военно-морское училище, прошел годы службы на нескольких подводных лодках. За плечами было и обучение в военно-морской академии.

После боев близ Либавы Петр Грищенко должен был по заданию руководства выставить неподалеку от Мемеля минное заграждение. Задачу свою он выполнил превосходно. Прошло буквально несколько дней, и произошло два мощных взрыва, которые подорвали два немецких груженых транспорта. — «Эгерау» и «Хенни» (их названия стали известны уже после войны).

На обратном пути Л-3 атаковали фашистские противолодочные катера, пытавшиеся уничтожить субмарину глубинными бомбами, но Грищенко повел себя как опытный командир. Умелый маневр спас подлодку от катеров, которые продолжали впустую глушить тротилом косяки балтийской рыбы, но от подводной бомбардировки минзаг все же пострадал. От близких разрывов лопнул стяжной болт кормовых горизонтальных рулей. Лодка трижды внезапно уходила на

глубину. Не оставалось ничего другого, как всплыть и в надводном положении выходить на малую глубину. Субмарина уцелела чудом. Однако было понятно, что до Риги минзагу не доплыть. События на фронте постоянно меняли расстановку сил, и, пока минзаг был на позиции, немцы захватили Либаву. Бои уже полным ходом шли на рижских улицах. Немного отдышаться подводникам удалось лишь в Таллинне. Но и последние сутки перед Таллинном тоже были тяжелыми. Советские сторожевые катера, приняв лодку за вражескую, чуть было не атаковали ее. А затем субмарине еще раз катастрофически не повезло — она прошла по своему же минному полю, о раскладке которого штаб Таллиннской базы забыл сообщить командиру Л-3. Чудом все обошлось!

Как только экипаж загрузил мины, «Фрунзевец» тотчас же вышел на вторую боевую ходку. Теперь курс подводной лодки лежал в самое логово врага — в Данцигскую бухту. Задачей Л-3 было выставить заграждения на пути противника, которого обнаружила разведка. Грищенко рисковал и жизнью команды, и своей. Но его расчет всегда поражал воображение дерзостью и тактическим гением командира, ведь немцы, протралив фарватер, были спокойны и уверенны в его полной безопасности!

В сентябре «Фрунзевец» снова отправился в боевой поход. Ситуация была повышенной трудности: немцы уже прорывались к Ленинграду, а у острова Эланд маячил их новенький линкор «Тирпиц», готовящий сокрушительный удар по надводным кораблям Балтийского флота, если те попытаются прорваться в Балтику. Этот поход был одним из самых трудных за все время войны и едва не закончился трагически. В бухте Сууркюля у острова Готланд субмарину неожиданно атаковали два фашистских торпедных катера. Однако подводники действовали решительно: открыли огонь сразу же, как только убедились, что катера не отвечают на позывные. Несколькими снарядами субмарина сбила главный катер.

Страшный 1941 год стал для Л-3 суровой боевой школой. Тогда командир Грищенко трижды совершал походы, уничтожив в результате четыре немецких судна. Но был ли этот результат важен? Безусловно — да, ведь каждый из потопленных транспортов с военными припасами по значению равнялся стрелковому полку. Взяв в расчет такое соотношение, можно с уверенностью утверждать, что за первый год войны Грищенко отправил на дно целую дивизию противника.

Зиму 1941–1942 годов, блокадное время, «Фрунзевец» простоял в Неве у набережной Ленинграда. В свой четвертый боевой поход Л-3 отбыла 9 августа 1942 года. Согласно боевому

распоряжению, Грищенко должен был выставить на запад от острова Борнхольм минное заграждение, после этого начать торпедную охоту за вражескими судами.

Первое потопление неприятельского транспорта торпедой произошло 18 августа. Днем Грищенко увидел в перископ большой караван. Выбрав самое крупное из суден, он атаковал его. Две выпущенные торпеды разнесли на куски пятнадцатитысячный танкер. А дальше привычное дело: яростная бомбежка сторожевых кораблей, часы томительного ожидания и отрыв от неприятеля.

Субмарина Грищенко прибыла на заданную позицию 25 августа и выставила минное заграждение. В тот же день она атаковала конвой из трех транспортов. Грищенко с такой точностью рассчитал свой маневр, что исхитрился залпом из четырех торпед поразить сразу два транспорта.

Еще несколько дней патрулирования — и на горизонте виднеется новый конвой. На этот раз это были восемь транспортов в сопровождении двух миноносцев. «Фрунзевец» немедленно начал маневры под перископом для выхода в атаку.

От толчка выброшенных смертоносных сигар субмарину едва не выбросило на поверхность. Когда Грищенко поднял перископ, эсминца на поверхности уже не было. Теперь настал черед самого крупного из транспортов. Четырехторпедный залп уничтожил цель в считаные секунды. Торпеды разорвали судно.

Девятого сентября «Фрунзевец» ошвартовался у пирса острова Лавенсари. Моряки сошли на берег со слезами счастья на глазах, потому что вернулись живыми. Радость возвращения была, впрочем, омрачена для Грищенко доносом его военкома. Военком Долматов доложил: «…Командир не всегда рационально использовал боезапас, например по конвою каравана противника выпущено сразу 4 торпеды». (Позднее такой способ атаки будет признан в советском флоте оптимальным.)

Отдых подводников был, разумеется, коротким — шла война. Визиты скоро закончились, и уже 27 октября 1942 года «Фрунзевец» вышел в свой очередной прорыв в Балтийское море. Уже при форсировании Финского залива «Фрунзевец» напоролся на мину. Раздался оглушительный взрыв прямо под субмариной. Каким-то чудом Л-3 избежала повреждений и благополучно продолжила свой путь.

Приказом наркома Кузнецова в феврале 1943 года П. Д. Грищенко был назначен старшим офицером отдела подводного плавания Балтийского флота, и в сентябре того же года переведен в разведотдел штаба флота, в котором он и пробыл до самого конца войны. До сих пор непонятно, кому понадобилось убрать

героя-подводника с боевых позиций в то время. когда был острый дефицит командиров такого уровня, как Петр Грищенко. Командование флотом дорожило им как специалистом высокого уровня, асом подводной войны и в то же время приняло абсурдное решение: командир был снят с подводной лодки как раз накануне присвоения ей звания гвардейской. Бескозырки с георгиевскими лентами матросы «Фрунзевца» наденут в марте 1943 года, спустя несколько недель после ухода своего командира. На мостике гвардейского минзага теперь стоял капитан-лейтенант В. Коновалов, воспитанник Грищенко. Во время войны уже под его командованием, «Фрунзевец» потопил десять и повредил один транспорт врага. В. Коновалову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Только много лет спустя стало известно, что подводной лодкой, когда ею командовал Петр Грищенко, было уничтожено восемнадцать неприятельских кораблей и судов. А еще более шестидесяти пяти тысяч тонн вражеского груза отправлено на морское дно. Ни у кого из отечественных подводных асов Великой Отечественной войны не было такого результата во время их боевых выходов — он просто поражает воображение. Даже для немецких подводников он был недосягаем.

Но где же заслуженные награды за блистательную службу Грищенко? Ни наград, ни новых званий. Сразу же после войны начали активно вытеснять с действующего флота. Отстраненный от действующего флота, Петр Грищенко серьезно занялся наукой, анализировал тактику действий подводных лодок во Второй мировой войне и составил бесценные рекомендации для подводников нового поколения. Он защитил диссертацию и в течение многих лет преподавал в военно-морских училищах.

Любопытны документы, в разное время подписанные непосредственными начальниками Грищенко: «…1. Достоин выдвижения на должность начальника военно-морского училища. 2. Достоин присвоения звания контр-адмирала. 3. В целях справедливости… считаю необходимым возбудить ходатайство перед ГК ВМФ о представлении товарища Грищенко к званию Героя Советского Союза… Заместитель начальника ЛВИМУ имени адмирала С. О. Макарова капитан 1-го ранга Недоедаев…» Но эти попытки не увенчались успехом, и справедливость не была восстановлена. По подсчетам дотошных ветеранов, командира Грищенко представляли к званию Героя Советского Союза более десяти раз.

Перешел ли Грищенко дорогу кому-то из флота или стал жертвой зависти — остается лишь гадать.

«Имперский укольщик» Теодор Морелль

Отменным здоровьем Адольф Гитлер похвастать не мог. В юности он терпел нужду и лишения, в молодости вел практически нищенское существование, к тому же перенес ранение в Первую мировую войну. Наследственность у фюрера также была плохая: его отец Алоис Гитлер часто болел, мать Клара (урожденная Пельцль) скончалась от рака в возрасте сорока семи лет.

Неудивительно, что Гитлер, когда появилась у него такая возможность, стал очень внимательно следить за состоянием своего здоровья: вовремя и хорошо питался, подолгу жил на горных курортах Баварии. В конце 20-х годов он уже мог позволить себе хорошего личного врача, окончательно определившись с его выбором в августе 1933 года, уже будучи канцлером.

Случилось так, что в автомобильной катастрофе пострадали племянница Адольфа и его адъютант Вильгельм Брюкнер. Рейхсфюрер Гиммлер предоставил ему врача, услугами которого пользовался сам и близкие ему люди. Это был Карл Брандт (1904–1948). Молодой врач понравился Гитлеру, а то, что племянница фюрера Фридл и Вилли Брюкнер очень быстро поправились, только уверило Адольфа, что он нашел того, кого давно искал. Брандт с тех пор стал личным врачом канцлера и вождя национал-социалистической партии.

В 1934 году Карлу Брандту присвоили звание генерал-майора СС и назначили рейхскомиссаром по здравоохранению и санитарии. Брандт долго пользовался любовью фюрера, но в конце апреля 1945 года был неожиданно обвинен в государственной измене. Врач не был казнен бывшими товарищами, хотя избежать смерти ему все же не удалось — позднее он попал в плен к союзникам и его расстреляли.

Но в 1935 году врач Карл Брандт нисколько не был озабочен тем, как скоро ему придется уступить кому-то свое место лейб-медика фюрера. Придворный фотограф Гитлера Генрих Гофман, обладатель эксклюзивного права фотографировать вождя, представил Гитлеру сорокадевятилетнего врача Теодора Морелля.

Морелль умело внедрялся в любое общество, был личностью, ловко карабкавшейся к вершинам власти, — кровавый ореол вокруг нацистской карьерной лестницы его ничуть не смущал.

Морелль родился в 1886 году в немецкой семье среднего достатка. Он выучился на фельдшера и отправился в Гамбург, где

решил попытать счастья и разбогатеть, поработав корабельным врачом. Корабельный врач уходил в дальние плавания, видел многие портовые города на разных континентах, но мечта о состоянии не сбылась — началась Первая мировая война.

Германия была разрушена, и Морелль отсиживался в провинции, занимаясь частной практикой. В конце 1920-х годов он решил, что оставаться в провинции невозможно, и перебрался в Берлин.

Практика корабельного врача помогла ему составить себе представление о венерических заболеваниях: моряки всех стран посещают бордели разных портов и приносят оттуда всякую заразу, с которой, естественно, бегут к корабельному доктору. Получив, таким образом, богатый опыт и практику, Морелль стал специалистом по кожным и венерическим заболеваниям. Он придумал и ловко распустил о себе легенду, что якобы он ученик лауреата Нобелевской премии знаменитого русского биолога Ильи Мечникова. И что Мечников открыл ему все секреты успешной борьбы с любыми инфекционными заболеваниями.

Действуя упорно и методично, начав с мелких актрис и актеров, малоизвестных художников и режиссеров, Морелль уверил всех в своей легенде и достаточно быстро стал популярным среди знаменитостей берлинской богемы, распущенной и развратной.

Личный фотограф Гитлера также был вхож в круги знаменитой богемной публики. Всем хотелось, чтобы их сфотографировал личный фотограф фюрера, это означало гарантированный успех, ведь ни одно издание не откажется взять работу Гофмана, быстро опубликует ее и разместит так, чтобы выглядела эффектно. Весьма состоятельному, к тому времени почти пятидесятилетнему Генриху Гофману тоже пришлось обратиться к специалисту по кожным и венерическим заболеваниям Теодору Мореллю. И Морелль вылечил личного фотографа Гитлера. Неудивительно, что Морелль произвел хорошее впечатление на Гофмана. Это был полноватый, с добродушно-улыбчивым лицом, с небольшой залысиной — от этого лоб казался высоким, в солидных роговых очках, обходительный и услужливый человек. И фотограф стал уговаривать фюрера обследоваться у понравившегося ему специалиста.

Адольф Гитлер знал Гофмана давно, еще с тех пор, когда в начале 20-х годов только начинал свою политическую карьеру. Гитлер не раз отдыхал в доме фотографа после бурных выступлений на политических митингах. Именно Генрих Гофман познакомил его с Евой Браун, которая вскоре стала любовницей

фюрера.

Канцлер согласился пройти обследование и, уступая настойчивым просьбам Гофмана, позволил представить ему доктора Морелля. Теодор обнаружил у фюрера полное истощение кишечного тракта, вызванное, по его словам, нервным переутомлением.

Лейб-медик и генерал СС доктор Карл Брандт высказал серьезные сомнения в правильности диагноза, который поставил Морелль, и назначенного им курса лечения, но Гитлер последовал всем рекомендациям едва знакомого врача.

В 1935 году у канцлера случилась досадная сыпь по всему телу, и Морелль быстро и эффектно вылечил Гитлера. Фюрер объявил Теодора Морелля своим личным лечащим врачом.

— Морелль спас мне жизнь, — заявил фюрер.

Врач после этого обрел неприкосновенность. Между тем медик при любом недомогании предписывал фюреру уколы, при этом делал их сам. За это заклятый враг лейб-медика рейхсмаршал авиации Герман Геринг стал язвительно называть его «имперский укольщик». Ева Браун, как могла, всячески избегала Морелля. «Верный Генрих» — рейхсфюрер СС Гиммлер — исподтишка следил за врачом, но, опасаясь разгневать Гитлера, своего мнения явно не высказывал.

Тем временем, оказавшись среди власть имущих Третьего рейха, авантюрист по натуре, Морелль состряпал о себе новую легенду. Теперь он был не только учеником самого Мечникова, но и… создателем пенициллина.

У кого-то эти нахальные басни вызывали злую усмешку, другие старались просто не обращать на них внимания, а Гитлер их словно не слышал.

Благосклонность владык Германии помогла Мореллю построить несколько фармацевтических фабрик, он разработал особые дезинфекционные средства от вшей — их успех не заставил себя долго ждать: на пороге уже стояла Вторая мировая война.

Что касается лечения фюрера, доктор не изменял своей прежней тактике — он колол Гитлеру амфетамины и использовал еще около тридцати опасных лекарств. От этого кожа Адольфа Гитлера иногда покрывалась пятнами, но Мореллю удавалось справляться с этим.

В начале 1940-х годов Карл Брандт с возмущением говорил о том, что Морелль умышленно травит фюрера опасными лекарственными препаратами с намерением вызвать болезнь Паркинсона. Гитлер оставался глухим ко всем предостережениям до тех пор, пока в 1943 году состояние его здоровья не начало

резко ухудшаться. Летом 1944 года, после известного покушения в ставке, врачу-эсэсовцу Карлу Брандту удалось одержать победу над Мореллем — того устранили от обязанностей личного врача Гитлера. Лейб-медиками вождя нации стали сам Карл Брандт и приглашенный им молодой врач Людвиг Штумпфеггер.

Какая все же тайна кроется за таким расположением Гитлера к Теодору Мореллю? Некоторые исследователи полагают, что Морелль воздействовал на фюрера гипнозом. Сам же Морелль был либо секретным агентом британских спецслужб, либо заговорщиком. Но мог выполнять чью-то волю, например какого-то влиятельного нацистского руководителя, стремившегося занять место Гитлера. Теодор травил фюрера постепенно, ибо убить его сразу означало бы подписать себе смертный приговор.

Доктор Морелль умер своей смертью в мае 1948 года в городке Тегензее.

Вот только вопрос: не помог ли кто-нибудь отправиться в мир иной бывшему лейб-медику фюрера? Не была ли его смерть мерой предосторожности, чтобы он не вздумал раскрыть тайны «лечения» Гитлера?

Кто стал прототипом радистки майора Вихря

Любимая советскими читателями повесть Юлиана Семенова «Майор Вихрь» подарила литературе персонажей, за которыми в жизни стояли вполне реальные люди. С военным разведчиком Овидием Горчаковым, который стал прототипом главного героя, ответственное задание Ставки Верховного главнокомандующего выполняла Тамара Сафронова.

Становиться разведчицей она не собиралась, это произошло случайно. Отец Тамары умер еще до войны, оставив мать одну с тремя детьми. Тамаре, старшей, пришлось бросить школу, хотя училась очень хорошо — все благодаря своей феноменальной памяти. Скромной зарплаты матери на семью не хватало, и Тамара пошла работать. По вечерам девочка ходила на курсы ОСОАВИАХИМа, учила азбуку Морзе. Прибывшие в сентябре 1941 года представители военной разведки выделили из группы сметливую Сафронову. Девушка хотела отказаться, но ее остановил суровый взгляд офицера: «Родине не возражают!» Так Тамара попала в группу из двадцати человек, которую под Москвой готовили для разведотдела Генерального штаба, с тем чтобы забросить потом в немецкий тыл. Тамара быстро освоилась с рацией, прыгала с парашютом, обучилась стрельбе, а также навыкам конспирации.

В январе 1942 года Тамару с группой из семи разведчиков, под кодовым названием «Пожарник», забросили на Брянщину. Две ночи подряд У-2 из-за обстрелов возвращался на аэродром. Лишь третья попытка оказалась удачной. Тамара по неопытности зацепилась за сосну стропами парашюта, но сумела выбраться и сразу разыскала своих. Перед заброской в Москве ей выдали зимнее пальто с цигейковым воротником, шерстяное платье, вязаный платок и легкие кожаные сапожки. В этом «обмундировании» она и прошагала всю войну, ни разу не надев военной формы. Фамилии носила разные — Киселева, Ромашина, Потулова.

Партизаны получали боеприпасы, продукты, медикаменты и могли отправлять в тыл раненых. Налаженная связь была жизненно необходима. Появление радистки вселяло оптимизм. Тамаре приходилось выходить на связь в ужасных условиях — под обстрелами, во время непрерывных карательных операций — гитлеровцы круглосуточно прочесывали лес. Особо опасным оказался переход, когда группа получила приказ

передислоцироваться под город Мглин. После жестокого боя из пятнадцати человек уцелели двое — радистка и командир. К пункту назначения они шли пешком почти триста километров. Нелегким был этот переход для худенькой девчонки, у которой была двадцатикилограммовая рация за спиной. Однажды они с командиром просидели в ледяной воде почти двенадцать часов, пережидая, пока пройдут немецкие колонны с орудиями и танками. Задание Центра они выполнили. Тамара Сафронова получила орден Красной Звезды.

Весной 1943 года Тамара с группой разведчиков очутилась в Белоруссии. Бесперебойная работа радистки доставила немцам много неприятностей, и за Тамарой началось охота. Все чаще она видела в небе «рамы», снабженные пеленгаторами. В конце концов группа попала в «петлю»: с востока — гитлеровцы, с запада — каратели из их местных пособников, с юга — болота. Лишь север был свободен, именно туда вытесняли разведчиков. И тогда они пошли через болото.

Группа из двадцати разведчиков, с которой шла Тамара, продвигалась по болоту гуськом. С тяжелой рацией, которую не доверяла никому (в штабе предупредили: «потеряешь — ответишь головой»), Тамара тащилась позади всех. Но вот раздался выстрел, и Тамара упала как подкошенная. Остальные решили, что пуля попала ей в спину. А она просто споткнулась, наступив в высокой траве на подол своего пальто. Грохнулась в болото на миг раньше выстрела, что ее и спасло. После перестрелки разведчики пытались найти девушку, но не смогли.

Когда девушка выбралась из болота, была уже глубокая ночь. Собрав все силы, она взвалила на себя рацию и блоки питания. Мокрая одежда стала втрое тяжелее. Из еды при ней была лишь стограммовая шоколадка.

Где-то через неделю вышла к своим — это была не Тамара, а ее тень, так ужасно она исхудала.

В Центре стало известно об этом эпизоде, и Сафронову взяли для выполнения особо важного задания. Возглавил группу опытный военный разведчик Овидий Горчаков, тот самый, которого описал Юлиан Семенов в повести «Майор Вихрь». Из Москвы прибыл представитель командования и передал суть задания. Польша готовилась к освобождению от немцев. На секретном заседании в Варшаве, состоявшемся ранней весной 1944 года, руководители Сопротивления из Крайовой Рады Народовой приняли решение послать в Москву делегацию из четырех человек. Их целью было наладить контакты с Союзом польских патриотов и Войском Польским, сформированным в СССР, а также с советским правительством.

На двух самолетах У-2 нужно было пересечь линию фронта. Тамара летела первой, гроза мешала нормально приземлиться. Но это было не главное. Посадочная полоса, которую расчистили в лесу партизаны, оказалась слишком короткой. «Рубите лес еще метров на пятьдесят!» — успел крикнуть на бреющем полете пилот.

Овидий и Тамара перед вылетом 14 мая 1944 года написали письма своим родным, оба знали, что полет может стать последним. Однако самолеты приземлились благополучно. В распоряжении было всего несколько минут, чтобы вместе с польскими пассажирами под покровом ночи взлететь незамеченными, ведь немецкие «мессеры» почти всю ночь кружили над лесом. Позже Тамара поймала на свой «Север» голос Левитана: «В Москву прибыли уполномоченные Крайовой Рады Народовой».

Партизанский отряд близ Бреста, где гости ожидали вылета, принял их согласно подпольным псевдонимам — Марек, Тадек, Янек, Казек. Позже стало известно, что среди них, в частности, были и будущий министр национальной обороны, а затем председатель Государственного совета ПНР маршал Мариан Спыхальский и будущий председатель совета министров ПНР Эдвард Осубка-Моравский. Выписку с этими данными из архива Генерального штаба Вооруженных Сил СССР позже прислал Тамаре Овидий Горчаков. Согласно выписке, в 1944 году она принимала участие в «важнейшей военно-политической операции, предпринятой по заданию Верховного главнокомандующего И. В. Сталина». Тамара Федоровна хранит эту бумагу до сих пор.

После доставки членов польского правительства Овидий Горчаков получил новое задание. Майор Вихрь снова отправился в тыл врага. После войны в одной из своих документальных повестей «Прыжок через фронт» Горчаков рассказал и о Тамаре, где вывел ее под именем Валентины Потуповой.

Четыре года войны подорвали здоровье юной радистки. С острым нервным заболеванием Тамара попала в госпиталь, где долго лечилась. У нее практически отнялись обе руки и ноги, она не могла ходить, не могла даже поднести ложку ко рту. Личная жизнь у нее не сложилась, но остался сын, которого она растила одна. Тридцать лет проработала проводницей.

Много лет подряд по ночам Тамара Федоровна видела один и тот же страшный сон: выпрыгнув из самолета, она стремительно летит к земле, а парашют не раскрывается…

Справедливой ли была казнь Рихарда Зорге?

Кем на самом деле был Зорге — крупнейшим шпионом Второй мировой войны или внимательным человеком, умевшим по отрывочным сведениям составлять цельную картину происходящего? Этот вопрос, по инициативе адвокатской палаты японского города Иокогама, вновь овладел умами специалистов по истории Второй мировой войны.

Группа из десяти адвокатов из этого города в свободное от основной работы время занялась тщательным изучением обстоятельств расследования дела Рихарда Зорге, последующего суда над ним и затем смертной казни.

В середине 1980-х годов в японском парламенте развернулась дискуссия о проекте закона об антишпионаже. Адвокаты из Иокогамы взялись выяснить, было ли на самом деле преступление. Конечно же, десять юристов во главе с господином Тосиаки Манабе, ставшим председателем «Комитета Зорге» в Иокогаме, понимали, что результат их исследования будет иметь для юриспруденции сугубо теоретическое значение и не повлечет за собой никаких практических последствий. Хотя кто знает…

В результате кропотливого труда совсем недавно на свет появился обширный юридический документ, сразу же получивший гриф «Для служебного пользования». Он был разослан в адвокатские палаты по всей Японии. Причина секретности объемистого документа обусловливалась, вероятно, тем, что адвокаты пришли к весьма неожиданным для властей выводам. Главный из них — смертный приговор, вынесенный Рихарду Зорге в 1941 году и приведенный в исполнение 7 ноября 1944 года, оказался грубой судебной ошибкой. Так господин Манабе представил свой вывод в устных беседах. В документе японцы были осторожны в высказываниях и речь шла о «серьезных сомнениях» относительно законности вынесенного приговора.

Впрочем, ни один из юристов не пытался оспорить тот факт, что Рихард Зорге был советским разведчиком, работавшим в Шанхае, а затем в Японии «под крышей» корреспондента немецкой газеты «Франкфуртер цайтунг». Задача разведчика состояла в анализе внешней политики Японии по отношению к Советскому Союзу, а также в оценке германо-японских отношений. Зорге довольно быстро заручился поддержкой

влиятельного круга лиц, получив их расположение и должное уважение, в первую очередь тогдашнего германского посла Отта. В результате многочисленных контактов Рихард Зорге передал в Москву сведения о том, что через месяц Германия совершит нападение на Советский Союз. Информация оказалась правдивой. А 15 октября 1941 года Зорге передал телеграфом, что Квантунская армия не планирует нападение на СССР. Это сообщение послужило основанием к принятию советским руководством решения о переброске дивизий Красной армии с Дальнего Востока на советско-германский фронт.

В октябре 1941 года Рихарда Зорге арестовали по подозрению в шпионаже и отдали под суд, закрытый для общественности. Ему предъявили обвинение в передаче иностранному государству информации военного характера, поставившей под угрозу национальную безопасность Японии. Основой для приговора являлась статья 4 закона о защите государственных тайн. Напрямую же Зорге обвинили в том, что он получил совершенно секретные материалы императорской конференции, на которой было принято решение вторгнуться не в Советский Союз, а в страны Юго-Восточной Азии.

Как раз эту часть обвинения, предъявленного Рихарду Зорге, адвокаты из Иокогамы посчитали необоснованной. Ознакомившись с огромным количеством актов, записей бесед и протоколов, они пришли к единогласному выводу: Зорге не получал прямой информации, а лишь анализировал и обобщал то, что узнавал от других лиц.

Адвокаты из Иокогамы приводят конкретный пример, когда Зорге приходилось получать информацию из двух разных источников. Посол Отт сообщил ему, что Япония намерена напасть на СССР. Однако он ссылался на министра иностранных дел Матсуоку, который принимал участие в императорской конференции.

Другим источником была цепочка из трех человек, среди которых был армейский офицер по фамилии Фидзи, ответивший на вопрос о том, как прошла императорская конференция, очень кратко: «Отлично». Посредники передали этот вопрос Зорге, и он, взвесив все «за» и «против», сделал собственный вывод — Япония не решится напасть на Советский Союз. И лишь затем сообщил в Центр.

Господин Манабе и его соратники пришли к совершенно очевидному выводу: ни «шпионаж», ни «разглашение государственных тайн» не имели место. Рихард Зорге был осужден и казнен за преступление, которого не было. Советский разведчик заплатил своей жизнью за аналитический вывод.

Для юристов из Иокогамы остается также неясным вопрос о том, почему адвокаты Рихарда Зорге допустили просрочку на один день в обжаловании приговора. Возникают подозрения, что судьи вообще не сообщили адвокатам о последнем сроке подачи заявки. Если бы это случилось, считает юрист Хосаку Кусанабе из «Комитета Зорге», то германский журналист, он же советский разведчик, остался бы в живых.

На чьей стороне был Вильгельм Канарис

Звание младшего морского офицера Канарис получил на борту немецкого крейсера «Дрезден». Он принимал участие в Фолклендской битве. В апреле 1915 года «Дрезден» затонул в чилийских водах, а экипаж был интернирован. С фальшивыми документами Канарис прошел через Анды до Буэнос-Айреса, где проник на борт парохода нейтральной Голландии, путь которого пролегал через Фалмут. Портовые власти Фалмута поверили его подложным документам, и он благополучно отправился в Берлин, куда прибыл в октябре 1916 года, намереваясь продолжить службу. Немецкое адмиралтейство отправило его с тайной миссией в Мадрид. Чем он занимался в Испании, неизвестно — материалы, хранящиеся в Мюнхенском институте современной истории, не проливают свет на его миссию. Возможно, поэтому появилось множество вымыслов о его предполагаемых связях с секретными агентами, в том числе и знаменитой Матой Хари.

Верность Канариса нацистскому режиму во время Второй мировой поставил под сомнение Ян Колвин в 1951 году, через два года после публикации биографии Канариса, написанной Карлом Хайнцаом Абсхагеном. Концепция книги Колвина «Канарис, шеф разведки» давала повод для горячих споров, так как в ней впервые высказывалось предположение, что Канарис был британским шпионом. На суперобложке значилось: «Был ли глава секретной службы Гитлера британским агентом?»

Через шесть лет Колвин вернулся к этой теме в переиздании книги «Канарис, шеф разведки», которая теперь называлась «Канарис, тайный враг Гитлера». В новом издании автор ссылается на свой первоначальный источник: «Сэр Кристофер Уорнер, покойный заместитель министра иностранных дел, чье случайное замечание за ланчем подсказало мне тему для этой книги, уже, когда она готовилась к выпуску в издательстве “Пен”».

Указание на Кристофера Уорнера сбивало с толку. Ко времени публикации книги «Канарис, глава разведки» Уорнер, британский посол в Бельгии, находился на самом пике своей дипломатической карьеры. Но увы, подтвердить слова Колвина он никак не мог, потому что к моменту оглашения его имени был уже мертв. Отсюда и возникают сомнения, действительно ли Уорнер предоставил Колвину эту информацию, ведь позже он приписывал ключевые сведения для написания книги самому

Стюарту Мензису — одному из руководителей британской разведки. Только к этому времени Мензис, как и Колвин, тоже скончался.

В 1969 году капитан Ф. У. Уинтерботем, бывший глава авиаотдела МИ-6, опубликовал свои мемуары, озаглавленные «Тайна и персонал». Он вспоминает, что в 1942 году все еще была возможность общаться с противником через агентов в Мадриде и Лиссабоне, хотя «было несколько странно, когда Канарис попытался сблизиться со своим прямым оппонентом, моим главным шефом».

Уинтерботем воздержался от уточнений об этой легкой попытке Канариса связаться с шефом британской разведки МИ-6 — Мензисом, и, конечно же, никто из живых старших офицеров МИ-6, служивших в Мадриде или Лиссабоне, сейчас не скажет о том, что об этом деле им было хоть что-нибудь известно. И хотя Уинтерботем, авторитетный внутренний источник, напрямую подтверждает явное намерение Канариса выйти на союзников, к этому спору, как оказалось, можно прибавить еще пару слов. Сведения, подобные тем, что их огласил Уинтерботем, стали повторяться. В том же 1969 году Ричард Дикон, например, сказал, что в 1942-м Мензис был готов начать прямые переговоры с Канарисом. «У Мензиса не было иллюзий в отношении Канариса. Он сознавал, что основной заботой адмирала было сохранение в неприкосновенности военной силы Германии».

В 1970 году французский журналист Андре Бриссо вновь затронул тему причастности Канариса к британской разведке в книге «Канарис». Бриссо опровергал идею Колвина о «британском агенте», называя ее «теорией, которую любой, кто прочтет эту книгу, отвергнет изложенные в ней размышления и разделит мое убеждение относительно того, что Канарис никогда не работал на секретные службы союзников».

Колвин настаивал на истинном положении дел согласно своей теории, открывая уже новый источник информации: «Нам никогда не станет известно, насколько тесны были личные контакты между Канарисом и шефом британской разведки, но я могу прибавить одну деталь, о которой умолчал при издании своей книги двадцать лет назад, так как упоминание ее тогда было бы слишком неосторожным. В октябре 1942 года, когда я объяснял генерал-майору сэру Стюарту Мензису в его вестминстерском офисе свою теорию о том, что его главный оппонент в Германии на самом деле работает против Гитлера ради скорейшего окончания войны, он прервал мою речь, с улыбкой сказав: “В общем-то мне известно, что у него на уме. Хотите встретиться с Канарисом?”»

Теперь все выглядит так, что сэр Кристофер Уорнер был не первым, кто сказал Колвину о Канарисе. Первым был сэр Стюарт Мензис. Невероятная деталь вызывает сомнения, хотя невозможность Колвина прежде предать огласке имя сэра Стюарта вовсе не обязательно говорит о том, что это все вымысел. Но, тем не менее, человек, которого он процитировал, Мензис, умер за год до того, в июне 1968 года и, следовательно, не мог прокомментировать приписываемые ему слова. Колвин приводит дословно свою беседу с Мензисом: «…когда я заявил, что готов встретиться с адмиралом, генерал Мензис сказал: “Мне надо послать с вами человека постарше. Вы не против? Я не сомневаюсь в ваших способностях, но вы молоды, а я хотел бы дать понять Канарису, что воспринимаю его серьезно”. Все было оговорено с тем, что сэру Стюарту потребуется неделя или две на то, чтобы получить официальное одобрение моей кандидатуры и одного из его людей на встречу с Канарисом».

По словам Колвина, план провалился из-за официальной оппозиции. Мензис говорил, что «мы должны быть очень осторожны, дабы не обидеть русских». То, что Мензис просит молодого газетчика принять участие в столь деликатном и важном деле, уже настораживает. Но еще менее вероятно то, что в 1943 году в Испании якобы состоялась встреча Мензиса и Канариса.

Эту нестыковку подметил Гейнц Хен в своем солидном исследовании «Канарис»: «Летом 1943 года шеф абвера достиг своей первой цели».

Генерал Мензис и Донован передали своему немецкому партнеру сообщение: они ожидают его в Испании, и вскоре после этого начальники всех трех разведок собрались в Сантандере.

Впервые прозвучало напрямую, что Мензис лично виделся с Канарисом. Появление на арене событий генерала Билла Донована, начальника американской стратегической службы (ACC), еще больше запутывает и без того странную историю. Хен заявляет, что его источником был бывший офицер абвера, Ф. Юстус фон Айнем, который якобы присутствовал на встрече в качестве члена личного штаба Канариса. Если слова Хена об информанте правдивы, то выходит, что он обладал исключительным положением, располагая информацией о всех внутренних делах Белого дома и британского министерства иностранных дел, ибо тот же фон Айнем, как считается, сделал следующее заявление: «Рузвельт устроил самонадеянному шефу ACC большую трепку, а главе английской разведки пришлось приложить немало усилий, чтобы умалить значение своей поездки в Испанию в глазах британского МИДа».

История «тайного флирта с представителями союзников» теперь превратилась в конфликт между Рузвельтом и Донованом, а также между Мензисом и министерством иностранных дел. Ясно лишь, что никаких подтверждающих документов не найти ни в бумагах времен войны, ни в воспоминаниях коллег двух союзнических начальников.

В своей книге «Шпионы Гитлера» американский историк Дэвид Кан заявляет: «Даже хотя его положение, как главы секретной службы, предоставляло ему огромные преимущества, он ни разу не попытался убить Гитлера или даже низвергнуть его (самое большее — он укрывал некоторых людей, находившихся в розыске). Он никогда не выдавал никаких военных секретов союзникам».

С этим утверждением не согласился Пьер Галант. В своей книге «Операция “Валькирия”» он настаивает на том, что Канарис играл большую роль в заговоре (и не в одном!) против Гитлера, целью которого было убить фюрера.

Первый заговор относится к сентябрю 1938 года, когда «Канарис написал адресованный немецкому народу манифест с подробным перечнем преступлений нацистов». Накануне второй попытки, сорвавшейся в сентябре 1943 года, по мнению некоторых авторов, «адмирал Канарис приготовил для берлинских подпольщиков самолет».

Как ни странно, но ближе всех к разгадке тайны, окружавшей невидимую для глаза деятельность Канариса, подошел Ян Колвин. В 1951 году в книге «Канарис, шеф разведки» он рассказывает, как один польский дипломат, приглашенный в гости дамой, которую он обозначает как «мадам Дж.», взял и его с собой. Дама жила тогда в маленьком домике в графстве Суррей. Колвин вспоминает: «Сперва она напоила нас чаем, и когда я спросил ее, знала ли она Канариса, то заговорила без остановки: “Я попрошу вас не упоминать моего имени и не говорить ничего, что указало бы на меня, потому что я не хочу еще раз рассказывать эту историю, а предпочитаю сделать это лишь один раз. Мой муж и я жили до войны в Берлине. Мы знали поляков из тамошней колонии и имели кое-какие связи среди немцев. Я помню встречу с некоторыми немецкими генералами в доме нашего военного атташе”».

История будоражит воображение, поскольку таинственная дама настаивала на том, что именно она была связующим звеном между британской разведкой и Канарисом. Она припоминала, как ее первое знакомство с Канарисом сильно обрадовало и польские, и британские власти в Швейцарии. «Когда она упомянула это имя снова, поляки выказали большой интерес и британцы

отреагировали так же. Они хотели услышать о нем больше. Мадам Дж. осталась в Швейцарии».

Она не сомневалась, что работала подобным образом на британскую разведку, и описывала свои тайные встречи с Канарисом в нейтральном Берне так: «Особенно сильно меня трогало то напряжение, с каким он рассуждал об их планах в отношении Гитлера. Я иногда спрашивала британцев — должна ли я подтолкнуть его? Но они были очень осторожны в таких делах и ничего мне не говорили. Их разведка, однако, умела хранить секреты, и в течение всей войны эта связь осталась нераскрытой».

Может быть, больше, чем ее история, удивляло отношение к ней Колвина. После того как автор книги приводит беседу с «мадам Дж.», тема неожиданно закрывается и он больше к ней ни разу не возвращается. Почему? Если его источнику можно верить, этот вопрос не возник бы на пустом месте. Поскольку нет ясных объяснений в «Канарисе, шефе разведки», то можно заключить, что и сам автор не имел внятного ответа на подобный вопрос. Судя по тому, что ни один из биографов Канариса впоследствии не упоминал таинственной «мадам Дж.», эта история не вызвала у них никакого доверия.

В 1981 году исследователь загадок Второй мировой войны Найджел Уэст отслеживал связи операций военного времени в Швейцарии. По чистой случайности он встретился с офицером секретной службы в отставке, служившим в Берне сразу после войны. Хотя он с трудом смог припомнить имя, но все же настаивал на том, что «жена бывшего польского атташе в Берлине была нашим связным с Канарисом». Затем выяснилось, что польским военным атташе был полковник Антоний Шиманский и что его жену звали Галина. Удивленный Уэст отыскал одного сотрудника британской секретной службы, служившего в Берне в войну, и узнал об агенте, который был известен ему только как «Зет 5/1».

Через сорок с лишним лет тайны наконец закончились. Канарис в самом деле имел связь с секретной разведывательной службой во время войны, используя перемещенную польку как канал. Летом 1983 года Уэст встретился с Галиной Шиманской в доме ее внука в Мобиле, штат Алабама. Хотя ей тогда был уже восьмой десяток, она смогла рассказать много нового о встречах с Канарисом.

Итак, новые подробности вместе с историей мадам Шиманской, с указанием ее настоящего имени, появились в книге Н. Уэста «МИ-6: операции британской секретной разведывательной службы в 1909–1945 годах». Тогда же два

журналиста «Санди таймс», Барри Пенроуз и Саймон Фримен, побеседовали с отставным офицером британской разведки Эндрю Кингом, который знал о деталях ее дела: «Мы говорили с Эндрю Кингом, который в то время был офицером МИ-6 в Швейцарии. Он сказал нам, что Канарис предупредил Шиманскую в конце осени 1940 года о планах Гитлера напасть на Россию в следующем году. Он сказал, что Канарис и Шиманская явно понимали, хотя и не говорили друг другу, что эта информация попадет в Лондон».

Это был уникальный случай, чтобы служащий разведки «раскололся» и подтвердил, что Канарис по доброй воле передавал важную стратегическую информацию союзникам.

Ольга Чехова — «государственная актриса Германии»

Ольга Чехова принадлежала к самой высокой элите российской интеллигенции. Статусом своим она обязана как имени великого писателя Антона Чехова, так и имени великого актера Михаила Чехова, первой женой которого она была. Если бы не они, возможно, для нас Ольга Константиновна навсегда осталась бы весьма достойной носительницей знаменитой фамилии — прекрасной актрисой, очаровательной женщиной и личностью с сильным, цельным характером. Однако судьба распорядилась так, что об Ольге Чеховой заговорили как о неординарной личности, чьи неожиданные возможности проявились именно во время войны. Загадочная жизнь Ольги Чеховой вызывает неподдельный интерес.

Отец Ольги, Константин Книппер, был министром путей сообщения и принадлежал к числу российских чиновников, водивших дружбу с блистательными умами России. Однажды, перечитывая письма своего возлюбленного, немецкого летчика, погибшего во время войны, она заметила: «Когда я читаю эти строки, передо мной появляются картины моего детства. Я вижу Льва Толстого, как он посмотрел на меня во время той незабываемой прогулки. И сказал: “Ты должна ненавидеть войну и тех, кто ее ведет…”».

Но самые яркие воспоминания из детства связаны у Ольги с другим почитаемым русским писателем. Она вспоминает, как был болен ее младший братишка — будущий композитор Лев Книппер, автор песни «Полюшко-поле». Лежа в кровати в затемненной комнате, он был не в состоянии двигаться из-за тугого корсета.

«Около кровати сидит врач. Он ласково говорит с Лео и показывает ему маленький граммофон, который принес с собой. Лео улыбается радостно и благодарно, несмотря на боль. Он невероятно музыкален. Врач это знает. Граммофон является одним из средств терапии.

Доктор строен, его овальное лицо обрамлено темными волосами и красивой бородкой. Его глаза сияют необычайным блеском. Это мужественное сияние помогает пациентам больше, чем медицина. Он хорошо знает детское сердце и не прописывает таблетки, которые трудно глотать, но все любят принимать его капли…

Этот доктор — знаменитый писатель Антон Павлович Чехов

— мой дядя».

Но на самом деле Чехов не был родным дядей Ольги, он женился на ее тете — известной в русском театре актрисе Ольге Леонардовне Книппер. Приехав в очередной раз к любимой тетушке в Москву, зимой 1914 года, Ольга Константиновна в семнадцать лет тайно обвенчалась с племянником великого писателя — Михаилом Чеховым.

У Михаила и Ольги в августе 1915 года появилась дочь, однако они не были счастливы в браке. Но это неудивительно, ведь у обоих супругов была на уме лишь карьера и слава.

Оля с детства собиралась стать актрисой. Не скрывая гордости, она приводила рассказ о посещении их дома Элеонорой Дузе, гастролировавшей в то время в Петербурге. Иностранка пронзительно посмотрела на маленькую Олю и шепнула ей на ухо, погладив по голове «Ты будешь знаменитой артисткой, малышка…»

Слезы брызнули из глаз девочки, а удивленная звезда изрекла свою знаменитую фразу: «Почему ты плачешь? Разве ты боишься стать актрисой? Только ты должна знать — на сцену надо идти нагой…»

Смысл этих слов Ольга постигла спустя много лет. Оказывается, Дузе вовсе не имела в виду буквальную наготу тела, а выразила сокровенную мысль о том, что на сцене душа должна быть нараспашку.

Так или иначе, в актерской школе, которую прошла Ольга, об искренности и правде существования забыть было невозможно — протеже Книппер-Чеховой посещала студию Московского Художественного театра, ее учителем был Константин Сергеевич Станиславский, а первым партнером в «Гамлете» — будущий великий актер Михаил Чехов. За роль Офелии Ольгу хвалили и поздравляли, но дальнейшая ее жизнь на сцене не состоялась. В пылу молодости она растратила огромное количество времени на скандалы со своим молодым, нервным, гениальным мужем; вынашивала и нянчила дочку, а потом начались годы войны и революции.

К 1921 году Ольга окончательно рассталась с Михаилом, оставив, впрочем, себе его фамилию, и поехала в Германию: якобы для съемок фильма по приглашению. Но в те годы люди покидали родину не для заработка, а, скорее, в поисках лучшей жизни. К тому же Ольга не знала немецкого языка, поэтому — какую работу могла найти актриса? Однако она была красивой, кино было немым, а Ольга умела приспосабливаться. Она познакомилась на вечеринке с крупным продюсером Эрихом Поммером, который помог Ольге Чеховой устроиться в картину

«Замок Фогелед».

Свое первое впечатление от новой работы на съемочной площадке в Германии Ольга описала в книге «Мои часы идут иначе» как совершенно ужасное. Актриса привыкла к вдумчивым, серьезным, неторопливым репетициям, тщательному изучению драматургии в течение не одного месяца. В кино же эпизоды проходили в череде беспорядочной суматохи, в тесноте, под крики, ругань, смех, стук молотков. «Такая практика требует от актера невероятной концентрации душевных и физических сил», — написала она. Но актриса быстро привыкла к новым методам работы, которые были ей совершенно чужды и далеки от почитаемой ею системы Станиславского. Когда срок визы истек, нужно было что-то окончательно решать, и Ольга приняла решение остаться в Германии навсегда.

Уроки немецкого языка у профессора Даниэля, стоившие больших денег, и собственное усердие вскоре привели к тому, что наша героиня практически без акцента заговорила на чужом языке, а в середине 1920-х годов даже подписала контракт с берлинским театром «Ренессанс».

Предложений сниматься яркая, жизнерадостная, волевая Ольга получала очень много. Так она стала популярной актрисой немого кино. Ее пригласили в Париж: у режиссера Эвальда Андре Дюпона она сыграла звезду варьете.

С приходом в кино звука успех также не покидал актрису. Одной из самых ярких была роль в фильме «Трое с бензоколонки», который впоследствии стал классикой мирового кинематографа. Дочь Ольги рано вышла замуж, так что актриса была свободна от материнских обязанностей, которые все же иногда напоминали о себе (Аду воспитывала бабушка). Теперь Ольга стала молодой преуспевающей «бизнес-леди» и смогла открыть свою собственную фирму по производству кинофильмов.

Она свободно распоряжалась кассой фирмы. Но однажды, выписав очередной чек на крупную сумму для выбранного ею нового автомобиля, она с ужасом обнаружила, что на ее счету осталось лишь тридцать марок. И только вмешательство богатого любовника, главы банка в Лейпциге, спасло кинозвезду от тюрьмы.

Обеспеченные мужчины в жизни Ольги занимали далеко не последнее место. Поклонников у нее было много, и ничего в том удивительного нет — она была необычайно красива. Но среди тех, кто занял особое место в ее судьбе, нашлись и одиозные фигуры, и это обстоятельство до сих пор подогревает интерес к личности Ольги Чеховой.

Пришедшие к власти Гитлер и Геббельс пригласили в 1933

году Ольгу Чехову на официальный прием, где состоялось знакомство актрисы с новыми лидерами Германии. Позднее Чехова отзывалась пренебрежительно о своих влиятельных друзьях, но как бы она ни хотела представить читателю свое нежелание общаться с ними, факт остается фактом. Ни один прием не обходился без ее звездного присутствия.

Невозможно утаить и тесную дружбу актрисы с Геббельсом и его супругой. Например, министр народного просвещения и пропаганды не пропускал ни одной красивой женщины. В салоне госпожи Чеховой он легко мог знакомиться с хорошенькими актрисами, поэтому и любил посещать дом Ольги. После смерти актрисы возник слух о том, что таким образом Ольга Чехова работала на русскую разведку. Якобы ее завербовали. По версии одного из авторов, Ольге принадлежат буквально все самые эпохальные донесения в сталинскую ставку: дата начала войны против Советского Союза, число выпускаемых в рейхе за год танков и самолетов, Сталинградское наступление и многое другое.

Уже в 1935 году Ольга Чехова получила высокое звание «государственной актрисы Германии». Геббельс посетил все премьеры с ее участием, а фюрер дарил дорогие безделушки по всякому поводу, например к очередному юбилейному спектаклю. Непроверенным фактом в биографии актрисы является утверждение, будто она посещала Москву в 1945 году. После столь тесных взаимоотношений с верхушкой фашистского государства вряд ли можно себе представить, чтобы ее просто так приняли на родине. И лишь неоценимая помощь ее как агента НКВД могла оправдать Чехову. Но документального подтверждения этого факта, кроме ее собственного письма в Москву к родственнице спустя тридцать лет, не сохранилось. Это остается неподкрепленным рассказом честолюбивой актрисы.

Закончилась война. Постепенно угасала популярность Ольги, увядала ее красота. Дочь Ада трагически погибла в авиакатастрофе, и теперь внучка Вера стала единственным смыслом жизни Чеховой. Мужчины не задерживались в ее жизни, и, оставшись одна, она всерьез задумалась над тем, как обеспечить себе достойную старость.

В 1955 году Ольга решила открыть салон «Ольга Чехов Косметик», и фирма успешно стартовала. У Чеховой оказался настоящий талант. Она многому научилась в Институтах красоты в Париже, Брюсселе, но главное ее достоинство заключалось в творческом потенциале, который она обратила на благо женского здоровья и гармонии. Через несколько лет салон Ольги Чеховой стал одним из самых известных в Европе, и успех сопровождал

его до конца дней Ольги Константиновны. Она смогла материально обеспечить и членов своей семьи. Внучка Вера поступила на сцену Мюнхенского драматического театра. А Ольга, пока могла двигаться, каждый год 15 июля приезжала в местечко Баденвейлер, где много лет назад скончался Антон Павлович Чехов.

«Дутый лев» Вернер фон Бломберг

Вернер фон Бломберг (1878–1946) родился 2 сентября в Померании, в городе Штаргарде. Он обучался в кадетском корпусе и прошел службу немецким офицером в войсках Германии. В Первой мировой войне фон Бломберг принимал участие как офицер Генерального штаба, а затем занимал ряд ответственных должностей в министерстве рейхсвера. С января 1933 года он стал министром рейхсвера, а с 1935 года — военным министром, активно участвовал в создании вермахта.

Гитлер присвоил фон Бломбергу звание фельдмаршала за особые заслуги перед фатерландом, но в офицерской среде Вернера недолюбливали, хотя, отдавая должное ему как офицеру, считали умным и порядочным человеком. Среди сотрудников его насмешливо прозвали «дутый лев» и не одобряли его заискиваний перед нацистами. А сам военный министр опасался значительного усиления роли в жизни германского государства и общества гитлеровских спецслужб. Кроме того, он был обеспокоен курсом на Вторую мировую войну, который пропагандировал новый рейхсканцлер. С одной стороны, фон Бломберг активно участвовал в возрождении военной мощи Германии, с другой — панически боялся новой катастрофы, подобной той, что постигла Германию в конце Первой мировой, когда держава вынужденно капитулировала. На секретном совещании в рейхсканцелярии фон Бломберг возразил фюреру относительно его слишком самонадеянных планов завоевания территории Европы, чем и вызвал его недовольство.

Получив задание рейхсфюрера Гиммлера, его заместитель Гейдрих и начальник гестапо Мюллер сразу же приступили к разработке плана операции и реализации намеченных в нем мероприятий. Работали они быстро, профессионально и осторожно.

К началу 1938 года 59-летний фон Бломберг давно овдовел, а его дети от первого брака выросли. Дочь вышла замуж за сына генерала Вильгельма Кейтеля, который охотно породнился с военным министром. Фельдмаршал был закоренелым холостяком, но не затворником, поэтому не отказывал себе в удовольствии и часто выходил в свет. Он помалу привык к всевозможным развлечениям, поэтому знакомство с молодой и очень привлекательной Евой Грун ничем не насторожило вдовца. Вскоре он начал серьезно подумывать о втором браке, несмотря на значительную разницу в возрасте — Еве едва исполнилось двадцать три года.

Министр был настойчив в ухаживаниях, и девушка согласилась выйти за него замуж.

Двенадцатого января 1938 года немецкие газеты в разделах светской хроники и в статьях об официальных мероприятиях поместили сообщение, что военный министр фельдмаршал фон Бломберг в Берлине сочетался законным браком с фрейлейн Евой Грун. Свадьба прошла с гражданской церемонией, без церковного обряда. В то время в Германии заключение браков и прочие акты гражданского состояния принято было проводить без посредничества церкви, поскольку со стороны национал-социалистов служители культа и вообще религия подвергались серьезной критике и даже ожесточенным нападкам. Газеты сообщали, что свадьба в новой семье фон Бломбергов прошла довольно скромно, в чисто семейной обстановке. Зато свидетелями на свадьбе были сам Адольф Гитлер и Герман Геринг!

Это была бы самая обычная история, если бы не одно любопытное обстоятельство. Нет ничего удивительного в том, что на свадьбе побывали фюрер и командующий авиацией — жених был министром обороны! Удивляло другое: не было ни одной фотографии со свадьбы. Вот это настораживало, учитывая, что там присутствовали Гитлер, Геринг и другие высокопоставленные лица. Никаких сведений и про невесту — имя, возраст, и на этом конец.

После свадьбы военного министра начальнику полицай-президиума Берлина графу Вольфу Генриху фон Гелльдорфу некие «доброхоты» намекнули на то, что, мол, неплохо было бы поинтересоваться происхождением супруги министра.

Граф сдержанно ответил на это, что ему известно о скромном положении, которое занимали родители невесты.

— Скромность семьи далеко не всегда является гарантией порядочности и целомудрия, — заметили они.

Как бывший армейский офицер и аристократ граф фон Гелльдорф целиком находился в плену многих сословных предрассудков, хотя занимал видные посты и имел высокие звания в СА и СС. И тогда он отдал распоряжение получить любые сведения о фрейлейн Еве Грун, ставшей женой фельдмаршала фон Бломберга, и доложить ему лично о результатах проверки. Уже на следующий день на стол шефа образцовой берлинской полиции легла детальная справка о Еве Грун, 1914 года рождения.

Немецкая полиция в профессиональном отношении по праву считалась в Европе одной из самых хорошо подготовленных. Поэтому информация, собранная ищейками, была самой

достоверной. Фрейлейн Грун родилась в рабочем предместье столицы Пруссии Нойкельне, пользовавшемся в области дурной славой. С тринадцати-четырнадцати лет эта «девушка» начала заниматься проституцией, за что неоднократно задерживалась полицией Берлина и нескольких других крупных немецких городов, куда она не раз выезжала «на заработки». Ее хорошо знали в криминальной полиции Берлина и даже чуть ли не разыскивали по подозрению в совершении заурядной кражи (подчиненные графа располагали отпечатками пальцев Грун). Кроме того, полиции было доподлинно известно, что после 1933 года, то есть когда национал-социалисты уже пришли к власти, Ева Грун принимала активное участие в порнобизнесе, позируя для порнографических открыток.

Дочитав страницу, граф фон Гелльдорф несколько минут сидел неподвижно, пытаясь прийти в себя. Теперь стало отчетливо ясно, почему в газетах не опубликовали ни одной фотографии молодой пары. Как профессионал он понимал: инцидент был умело срежиссирован, но как порядочный человек (позднее он резко выступал против погромов и был казнен за участие в заговоре против Гитлера в 1944 году) граф решил предпринять необходимые меры, дабы избежать грандиозного скандала, который должен был вот-вот разразиться.

Весь ужас, полагал граф, состоял в том, что этот «несчастный случай» мог бросить тень на Адольфа Гитлера и Германа Геринга, которые необдуманно согласились стать свидетелями на свадьбе военного министра. А глава берлинской полиции не поинтересовался о невесте господина министра и не предупредил вождя национал-социалистической партии и его ближайшего соратника, в какую скверную историю они могут попасть. Этого графу никогда не простят! Поэтому, все как следует взвесив, граф фон Гелльдорф взял копию справки и поспешил к генералу Кейтелю. Вильгельм Бодуин Иоганн Кейтель в то время служил на посту начальника военно-политического управления военного министерства. Будущий генерал-фельдмаршал фактически был заместителем, к тому же близким товарищем военного министра Вернера фон Бломберга, так легко попавшегося на крючок этой берлинской путаны и воровки. И пусть она была хороша собой и не лишена обаяния, от этого она не становилась порядочней.

Расчет графа Гелльдорфа состоял в том, что раз уж сын Кейтеля женат на дочери фон Бломберга от первого брака, то генерал «по-свойски» как-то вытянет из этой дурной истории своего непосредственного начальника и друга.

Но начальник берлинского полицай-президиума промахнулся: Кейтель наотрез отказался сообщать фон Бломбергу

о грозившей ему опасности — страшный скандал мог разразиться в любую минуту. Он мотивировал это тем, что в создавшейся ситуации замешаны самые высокопоставленные люди. Поэтому фон Гелльдорфу следовало бы, очевидно, немедленно сообщить полученные сведения относительно Грун прежде всего самому фюреру. К сожалению, рейхсканцлер находился в Баварии, в Мюнхене, но, к счастью, в Берлине был Герман Геринг. А фон Бломберг, узнав эту грязную тайну, может выйти из себя и совершить что-нибудь ужасное.

Гелльдорф неожиданно понял, что не сможет рассчитывать на помощь Кейтеля, упорно не желавшего связывать свое имя с возможными скандальными разоблачениями, и тогда поспешил к командующему авиацией Герингу.

— У меня плохие новости, — с порога высказал фон Гелльдорф и без обиняков рассказал все о новоявленной фрау фон Бломберг.

Пока граф говорил, лицо Геринга все больше наливалось кровью, так что Гелльдорф осекся, испугавшись, не хватит ли тучного Германа удар. Возможно, следовало как-то смягчить информацию, но как, если военный министр сочетался гражданским браком с воровкой и проституткой?!

— Какой ужас! — Геринг промокнул потный лоб платком. — Как мы сообщим об этом фюреру? Бедный фон Бломберг!

Геринг поблагодарил фон Гелльдорфа и обещал не допустить скандала. 24 января он встретил вернувшегося из Мюнхена Гитлера и рассказал ему о тайне молодой жены фон Бломберга; фюрер сразу понял, откуда подул ледяной ветер, но ничуть не подал виду и в присутствии нескольких приближенных нарочито сильно возмутился произошедшим — он истерически закричал:

— Этот позорный для министра союз должен быть расторгнут!

Герман Геринг старался успокоить фюрера и предложил оптимальный выход из сложившейся ситуации — временно запретить фон Бломбергу появляться в рейхсканцелярии и вообще носить военную форму, чтобы не позорить мундир и всю армию рейха. А собственная честь уже является личным делом фельдмаршала.

Гитлер согласился и поручил Герингу тяжелый разговор с фон Бломбергом. Геринг постарался как можно быстрее выполнить это неприятное поручение.

Фельдмаршал до конца выслушал «толстого Германа», но чем дальше он слушал, тем больше приходил в ужас от возможности стать участником грандиозного скандала. Как представитель военной касты, согласно неписанному офицерскому кодексу

чести, фон Бломбергу следовало поставить решительную точку в этой ужасной истории — застрелиться. Однако фюрер не желал смерти фон Бломберга.

Геринг передал все пожелания Гитлера разбитому позором военному министру и неожиданно предложил ему крупную сумму в валюте, чтобы фон Бломберг мог покинуть страну, осесть в далекой заграница и не возвращаться, если не никогда, то, по крайней мере, очень долго. Слухи в Германии когда-нибудь улягутся, и скандал потеряет ту силу, которая сегодня способна опорочить пожилого фельдмаршала. Теперь уже, скорее всего, в отставке.

Самое странное в этой ситуации оказалось то, что несчастный фон Бломберг, даже когда ему открылась правда о Еве Грун, не развелся с ней, а повез жену на отдых в Италию, на курорты острова Капри: в конце января 1938 года Ева с супругом уже грелись под лучами средиземноморского солнца. А в верхних эшелонах военного министерства Германии, среди генералитета, многие искренне недоумевали: как случилось, что фельдмаршалу запросто подсунули молодую проститутку?

Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер и его подручные Гейдрих и Мюллер уладили дело всего за три месяца. Когда Гитлера спросили, кого он видит преемником фельдмаршала на посту военного министра, фюрер ответил:

— Генерал-полковника Вернера фон Фрича.

И практически тут же возникло «Дело Фрича»…

Дело барона Фрича: опальный генерал

Барон Вернер фон Фрич, генерал-полковник, главнокомандующий сухопутными войсками, способный и несгибаемо стойкий офицер старой закалки, считался самым вероятным «наследником» Бломберга на посту военного министра и главнокомандующего вооруженными силами. Но эта должность привлекала и самого рейхсминистра Геринга. Подозревали, что он намеренно толкнул Бломберга на брак с особой, чье сомнительное прошлое было хорошо известно рейхсмаршалу. Ему надо было проложить себе дорогу к этому посту. Однако сам «дутый Лев» об этом не догадывался и при своей последней аудиенции с фюрером 27 января предложил назначить на свою должность именно Геринга. Гитлер, однако, знал своего партайгеноссе очень хорошо: Геринг, как утверждал великий фюрер, слишком любит исполнять собственные желания, кроме того, ему недостает усердия. Но Гитлер недолюбливал и генерала фон Фрича. Барон фон Фрич имел смелость открыто говорить о своей нелюбви к нацистам, особенно к СС. Это обстоятельство не ускользнуло от Гитлера, а у Генриха Гиммлера, руководителя СС и полиции, всегда вызывало сильное желание ликвидировать опасного соперника, который находился во главе армии. И вот ему представился повод, которого он так долго ждал. Вернее, он сам его сотворил, выдумав настолько наглую ложь, что в нее сложно было поверить. Еще не забылся случай с Бломбергом, когда Гиммлер затеял еще более громкий скандал.

Двадцать пятого января Геринг показал Гитлеру полицейское досье на жену Бломберга. Но он припас еще один, решающий козырь, кстати предоставленный Гиммлером и его главным помощником Гейдрихом, шефом СД секретной службы СС. Те утверждали, что генерал фон Фрич обвинялся по статье 175 Уголовного кодекса Германии (склонение к гомосексуализму)и, начиная с 1935 года, платил шантажировавшему его бывшему заключенному, чтобы это не афишировалось. Документы, предоставленные гестапо, оказались настолько убедительными, что Гитлер готов был поверить в правдивость предъявляемых Фричу обвинений. Бломберг не сделал попыток переубедить фюрера — свой гнев он вылил на Фрича, вероятно, в отместку за реакцию подчиненных на его свадьбу.

Полковник Хоссбах, адъютант Гитлера, лично присутствовал при чтении гестаповского документа. Он был сражен

услышанным и, в нарушение приказа Гитлера не разглашать это Фричу, немедленно поехал на квартиру главнокомандующего сухопутными силами, чтобы сообщить о том, какие ему собираются предъявить обвинения и чем это ему может угрожать. Барон был потрясен. «Это грязная ложь!» — взорвался он, а немного успокоившись, дал офицеру честное слово, что эти обвинения не имеют под собой никакой почвы. Ранним утром следующего дня Хоссбах, не задумываясь о последствиях, доложил фюреру о своей встрече с генералом и о том, что тот категорически отверг предъявляемые ему обвинения. Он убеждал Гитлера переговорить с Фричем, чтобы тот мог лично оправдаться перед фюрером.

К удивлению Хоссбаха, Гитлер согласился с его предложением и поздним вечером того же дня Фрич был вызван в рейхсканцелярию. Там его ждало такое испытание, к которому он, будучи потомственным аристократом и офицером до мозга костей, был абсолютно не готов. Аудиенция прошла в библиотеке канцелярии в присутствии Гиммлера и Геринга. После того как Гитлер перечислил Фричу предъявляемые ему обвинения, генерал дал честное слово офицера, что они несправедливы. Но в Третьем рейхе такие словесные заверения не учитывались. И вот Гиммлер, три года ждавший этого случая, провел через боковую дверь невзрачного маленького человечка с внешностью типичного дегенерата. Это был самый странный и, пожалуй, самый отвратительный посетитель, когда-либо заходивший в здание рейхсканцелярии. Звали его Ганс Шмидт, и у него был длинный «послужной список» пребывания в тюрьмах, начиная с исправительного заведения для малолетних преступников. Его слабостью, как выяснилось, было шпионить за гомосексуалистами, чтобы впоследствии шантажировать их. Теперь он во всеуслашание заявил, что узнает в генерале фон Фриче того армейского офицера, которого он застукал в темном переулке возле Потсдамского вокзала в Берлине в то время, когда тот совершал противоестественный акт с человеком, известным в преступном мире под кличкой Баварец Джо. Многие годы, уверял Шмидт трех самых главных людей Третьего рейха, этот офицер платил ему за молчание. Выплаты обрывались только тогда, когда шантажист в очередной раз отправлялся в тюрьму.

Генерал Фрич был настолько возмущен и оскорблен, что даже потерял дар речи. Сам факт, что глава германского государства, наследник Гинденбурга и Гогенцоллернов, пригласил подобного человека в такое место с такой целью, поразил его. Молчание Фрича Гитлер расценил как подтверждение истинности обвинения и стал настаивать на его отставке. Фрич не согласился

с решением фюрера и потребовал офицерского суда чести, но в планы Гитлера не входило выносить это дело на суд общественности. Это был ниспосланный небесами случай расправиться с оппозицией в генеральской среде, которая не желала преклоняться перед его, Гитлера, гением, и он не мог упустить такую возможность. Там же, в рейхсканцелярии, он приказал Фричу отправляться в отпуск на неограниченный срок, что означало отстранение от поста главнокомандующего сухопутными войсками.

На следующий день фюрер обсуждал с Кейтелем кандидатуру преемника не только Бломберга, но и Фрича. В дневнике Йодля, для которого главным источником информации был Кейтель, появились записи, из которых можно заключить, что предстоит ряд перемещений не только среди армейского командования, но и в самой армии. Тем не менее в ходе предварительного расследования было доказано, что жертвой Шмидта на самом деле стал однофамилец генерала в звании ротмистра. Это был прикованный к постели отставной кавалерист, а Гиммлер и Гейдрих знали об этом, но ничего не предприняли. Председательствующему на суде Герингу пришлось признать невиновность фон Фрича.

Восемнадцатого марта 1938 года фон Фрич был оправдан и восстановлен в рядах армии, а в 1939-м стал почетным шефом 12-го артиллерийского полка, входившего в состав 12-й пехотной дивизии. В его рядах он участвовал в боях против польской армии в ходе сентябрьской кампании в Польше. Генералы Кейтель и фон Браухич советовали назначить Фрича командующим войсками в Восточной Пруссии или одной из групп армий, но Гитлер отказал, мотивируя это тем, что в этом случае придется давать войска и фон Бломбергу, к чему он, Гитлер, еще не готов. 22 сентября фон Фрич погиб под Варшавой. По свидетельству генерала Манштейна, фон Фрич, будучи не в силах мириться с нацистским режимом, искал в бою смерти и воспрепятствовал перевязке своей раны. По мнению же генерала Кейтеля, смерть Фрича была трагической случайностью: генерал был сражен шальной пулей во время беседы с офицерами штаба дивизии и скончался через несколько минут. Он стал первым немецким генералом, погибшим во Второй мировой войне, и единственным, погибшим в ходе сентябрьской кампании в Польше.

Пилот Иван Федоров

Он воевал в Испании, дрался в воздушных боях над Хасаном, Халхин-Голом, участвовал в Финской кампании, сражался на фронтах Великой Отечественной войны… Летал на 297 типах самолетов, испытал более двухсот. Был товарищем Валерия Чкалова, Михаила Громова, Степана Супруна и Петра Стефановского. Во время Великой Отечественной войны лично сбил 49 самолетов противника и еще 47 в группе. Ни разу не был сбит, покидал свои истребители, лишь когда враг шел на таран. Трижды представлялся к званию Героя Советского Союза, однако «Золотую Звезду» получил только в 1948 году. Речь идет о выдающемся летчике Иване Евграфовиче Федорове.

Впервые Иван Федоров поднялся в небо в 1929 году пятнадцатилетнем мальчишкой на собственноручно построенном планере. В 1932 году он поступил в школу военных пилотов, которую окончил с наивысшими летными характеристиками.

В Луганской школе военных пилотов Иван получил опыт пилотирования самых разных самолетов: «Авро-504», «Фоккер Д-7», И-2бис, И-5. В девятнадцать лет Иван стал командиром эскадрильи, летал на И-15 и И-16, оттачивал навыки пилота, обучался военному делу сам и обучал этому других.

В 1937 году он получил первый боевой опыт. А дело было так. Над Красной площадью в Москве прошел парад, и Иван Федоров вместе с другими пилотами был приглашен в Кремль. Пользуясь случаем, двенадцать самых опытных летчиков решили просить командировать их в Испанию, где тогда шли военные действия. Летчики попросили Ивана быть их представителем. Федоров, увидев Ворошилова, сразу уверенно обратился к нему. Нарком, посоветовавшись со Сталиным, дал добро.

Первую победу Иван Федоров одержал 17 июня. После сигнала тревоги он вылетел на перехват группы бомбардировщиков, которых прикрывали новейшие немецкие истребители «Мессершмитт-109» из легиона «Кондор». В комплекте пилота не хватало парашюта, но летчик заметил его отсутствие уже в воздухе. Отважный пилот врезался в группу вражеских самолетов и, сманеврировав, длинной очередью сбил Ме-109. В личном деле за номером 8803 значится, что за время службы в Испании Федоров «совершил 286 боевых вылетов, провел 36 воздушных боев, в которых показал исключительные образцы воздушного боя». Сбил 24 самолета противника (11 лично и 13 в группе), дважды осуществил таран противника. Помимо награждения двумя орденами Красного Знамени

Федоров в числе других отличившихся в боях был представлен к званию Героя Советского Союза. Однако его безупречную репутацию испортило участие в потасовке на праздничном банкете в Москве, которая возникла между танкистами и летчиками. Воины поспорили о важности роли родов войск, и Иван ввязался в драку.

После Испании Федорова направили сначала в Китай, а затем на Халхин-Гол.

Началась Великая Отечественная война, и Федоров обратился к командующему ВВС РККА с рапортом — направить его на фронт. Но его, имевшего за плечами большой опыт летчика-испытателя, отправили в Горький на завод № 21 работать ведущим пилотом. Там Федоров облетывал новые ЛаГГ-3, которые затем переправлялись прямиком на фронт. Рапорты бывалого летчика на имя директора завода и командования ВВС с просьбой отправить его на фронт оставались без ответа. Тогда Федоров решился на отчаянный шаг. В конце июля он совершил на новеньком истребителе три «мертвые петли», закончив смертельно опасные маневры под мостом через Оку. Охрана моста открыла огонь по хулигану, а он, попрощавшись по радио с друзьями, взял курс на запад, в 3-ю воздушную армию генерала Громова.

В подмосковном Монине Федоров посадил самолет для дозаправки. На аэродроме еще не знали об «угоне» и, заправившись без проблем, Иван продолжил полет в направлении Калинина. Посадку удалось совершить на крупном аэродроме с командным пунктом. Самолет обступили любопытные, встретил его и сам Михаил Громов на своем «кадиллаке» — подарке Рузвельта, который генерал получил в 1937 году за совершенный им беспосадочный перелет Москва — Калифорния через Северный полюс. «Товарищ генерал! Летчик-испытатель майор Федоров прибыл к вам для прохождения фронтовой практики!» — отрапортовал Иван. А в это время над аэродромом засекли вражеский разведчик Хе-111. Федоров сразу получил разрешение испытать «новый самолет в боевых условиях» и поднял машину в воздух. В течение короткого боя Федоров атаковал и сбил немца. Громов лично поздравил майора: «Будем считать, что ваша фронтовая практика началась».

В августе 1942 года в составе 3-й воздушной армии, воевавшей на Калининском фронте, был сформирован полк летчиков-штрафников. Это был беспрецедентный в то время шаг, на который командование фронта пошло для того, чтобы взять реванш над немецкой авиацией. В воздухе действовала группа немецких асов. Свои самолеты они украшали изображениями

игральных карт всех мастей, за что наши летчики прозвали их «картежниками». Советская авиация несла реальные потери. Командующий 3-й воздушной армией генерал Громов предложил маршалу Коневу создать специальную группу из опытных летчиков, которым грозил штрафной батальон, и поставить перед ними задачу прикрыть от бомбежек советские войска и любой ценой уничтожить «картежников».

Громов осознанно брал на себя эту огромную ответственность. В середине августа на аэродром Башарово стали прибывать пилоты, в предписаниях которых значилось: «Направляется в группу истребителей-штрафников». Группа насчитывала 64 человека, оставалось определиться с командиром. Лучшие асы Андрей Боровых, Василий Зайцев и Анатолий Онуфриенко (впоследствии Герои Советского Союза) отказались. Но новоприбывший Иван Федоров сам изъявил желание стать командиром штрафников. Для организации группы ему дали срок две недели. Группа получила новые истребители Як-1 и Як-7 и приняла участие в боях. После первых же боевых вылетов стало понятно, что командир поторопился со своим решением. Звеньям группы удалось отбиться от врага, но действовали они разрозненно. Федоров даже вынужден был таранить немецкий бомбардировщик колесами шасси, после чего приземлился с помощью парашюта.

Однако Федоров наладил работу группы: штрафники стали драться более организованно и напористо. Позднее к ним на усиление были переведены и лучшие истребители армии: Зайцев, Боровых, Онуфриенко и Баранов.

Однажды Федоров возвращался из воздушной разведки, ведя Андрея Боровых, как вдруг у линии фронта показалась большая группа Ме-109. По разрисованным фюзеляжам летчики догадались, что встретили долгожданных «картежников». Наши летчики оказались в опасности: к ним двоим направлялось четырнадцать «мессеров», однако встретили врага боем. Сначала заходом в лоб они разделили группу надвое, затем вовлекли противника в схватку на виражах. «Як» Федорова был поражен прицельным огнем немца, и он принял молниеносное решение — ввести противника в заблуждение маневром, который был похож на падение самолета. Один из «мессеров» с фигурой дракона на фюзеляже без опасений подлетел близко к Федорову, от которого неожиданно получил очередь в упор. Стремительно падая, он врезался в землю. «Мессер» с червовым тузом на боку попался на ту же удочку. Боровых тем временем ликвидировал «пиковую даму». Уцелевшие «картежники» скрылись.

Между тем в Москве не забыли о том, что летчик Федоров

самовольно сбежал на фронт. В сентябре Военный совет ВВС РККА получил из Горького депешу: «Прошу вернуть Федорова И. Е. для использования его в качестве летчика-испытателя». Громов лично ответил директору завода № 21: «Летчик-испытатель вашего завода майор Федоров с согласия народного комиссара авиапромышленности тов. Шахурина временно переведен для выполнения спецзаданий по боевой работе в истребительную авиацию Калининского фронта». Таким образом конфликт был исчерпан.

Два месяца «штрафная» группа под командованием Федорова успешно работала на фронте: отбивала налеты вражеских бомбардировщиков, сопровождала своих штурмовиков и прикрывала с воздуха пехоту и артиллерию. Пилоты группы получали отличия и возвращались в родные полки — соединение Федорова со временем «растаяло». Оставшуюся команду лучших из лучших генерал Громов преобразовал в полк асов под командованием Ивана Федорова. Какое-то время Федоров летал вместе со своими товарищами, а затем был назначен командиром 256-й авиадивизии.

За время командования отрядом штрафников Федоров сбил 15 и подбил три фашистских самолета. Но, несмотря на эти достижения, его так и не представили к награде. Об этом лишь в январе 1944 года вспомнил командир 6-го истребительного авиакорпуса полковник Жильцов, подписывая боевую характеристику к представлению Ивана Евграфовича Федорова на получение звания Героя Советского Союза. Но и на сей раз о нем «забыли».

До конца войны Иван Евграфович находился в должности заместителя 269-й Краснознаменной дивизии полковника Додонова. Он много летал и воевал на самолетах разных марок. И за всю войну, как ни странно, он был награжден лишь тремя орденами: двумя Отечественной войны 1-й и 2-й степеней и Александра Невского.

Уже в 1945 году его представили за обучение военных летчиков приемам воздушного боя к ордену Красного Знамени, но эта награда почему-то не дошла до Федорова. Что было причиной такой несправедливости? Скорее всего, отношения Ивана Евграфовича с вышестоящим начальством не складывались, потому что руководству Федоров был неудобен из-за своей непредсказуемости.

Сразу по окончании войны Федоров вернулся в конструкторское бюро Семена Алексеевича Лавочкина. В мире авиации наступила эра сверхзвуковых полетов. Скорости полетов постоянно росли, и ученым пришлось столкнуться с таким

явлением, как звуковой барьер. В декабре 1948 года Федоров в паре с летчиком Соколовским приступил к задаче преодоления звукового барьера. Во время испытаний выяснилось, что Федоров на реактивных самолетах Лавочкина побил около трех десятков мировых рекордов.

Однажды главного конструктора вызвали к Сталину. Семен Алексеевич, зная, что вождь может задавать вопросы о поведении сверхзвукового истребителя в воздухе, взял с собой и Федорова. Сталин ознакомился с документами по Ла-176. Лавочкин представил летчика-испытателя: «Это, Иосиф Виссарионович, наш шеф-пилот. Воевал, испытывает наши реактивные самолеты». Сталин спросил, какие просьбы есть у главного конструктора к нему. И Семен Алексеевич ответил: «Чтобы пилот стал Героем». Благодаря ходатайству Лавочкина в марте 1948 года Иван Федоров все-таки получил заслуженную Звезду Героя Советского Союза.

Последний боевой вылет Федоров осуществил в Корее. Летая на маневренном МиГ-15, он отправил на землю семь американских и южнокорейских самолетов.

Когда на самом деле умер Рудольф Гесс

Безжизненное тело Рудольфа Гесса нашли во дворике тюрьмы Шпандау в Западном Берлине. Гесс висел в петле. Шел 1987 год, бывшему нацисту № 2, личному другу Гитлера, исполнилось девяносто три года. Причины самоубийства официальные источники называли разные: нервный срыв, усталость от пожизненного заключения, согласно приговору Нюрнбергского трибунала, болезни, возрастные изменения.

Однако, по мнению нескольких человек — сына Гесса, Вольфа Рюдигера, адвоката Зайдля и директора Мюнхенского института судебной медицины доктора Шпана, Рудольф Гесс был убит. Даже спустя полвека после окончания Второй мировой войны кому-то из тайных врагов понадобилась смерть Гесса, последнего оставшегося в живых динозавра Третьего рейха. Но кому? Была ли это британская секретная служба?

Более пятидесяти лет эта тайна будоражит военных историков, но они до сих пор так и не нашли достоверного объяснения некоторым таинственным событиям. Не говоря уже о документально подтвержденных фактах, которые наверняка есть в засекреченных архивах спецслужб нескольких стран бывшей антигитлеровской коалиции. Существующие военные архивы Великобритании до сих пор не рассекречены.

В конце сентября 1973 года Хью Томас, хирург, работавший в английском военном госпитале, расположенном в Западном Берлине, прибыл по службе в тюрьму-крепость Шпандау.

Доктор Томас, не афишируя своих занятий, начал поиски записей с историей болезни Рудольфа Гесса или его медицинских карт. Врач нашел в Берлине официальную фотокопию медицинских и некоторых других документов Рудольфа Гесса, касавшихся периода Первой мировой войны. В них была запись о том, что 8 августа 1917 года Рудольф Гесс получил пулевое ранение в левое легкое.

Британский военный врач решил перестраховаться и получил сведения от самой супруги бывшего нацистского главаря — Ильзы Гесс, которая письменно подтвердила данные медицинской карты.

Томас отлично понимал, что эти факты могут свидетельствовать только об одном: в тюрьме-крепости Шпандау он осматривал не Рудольфа Гесса, а совершенно другого человека! Таким образом, заключенный № 7 — не бывший нацист

№ 2!

Хью Томас обратился к факту тайного перелета Рудольфа Гесса из Германии в Англию в мае 1941 года. Официальная версия, в течение многих лет не опровергнутая, гласила, что Гесс прибыл в Шотландию и нанес визит некоторым английским политическим деятелям. Английская сторона высказала намерение провести переговоры с немецкими руководителями по поводу заключения сепаратного мира с Германией. Но Гесс мог не только назначить тайные переговоры, но и начать их, поскольку обладал достаточными полномочиями и политическим весом.

Позднее выяснилось (по счастливой случайности), что бывший адъютант Рудольфа Гесса — Карлхайнц Пинч был еще жив. Этот человек присутствовал лично 10 мая 1941 года на аэродроме при подготовке Гесса к полету и его отлете в Англию. Кроме того, Пинч сделал снимки на свой фотоаппарат и даже сохранил их. При исследовании снимков Пинча специалисты установили номер самолета Гесса — NIC-11. В то же время в военном музее города Дэксфорта в Великобритании хранится самолет, на котором якобы в мае 1941 года прибыл в Шотландию Гесс. Но его номер отличается от номера на снимках: NJ + OQ. Используя сделанные адъютантом Пинчем фотографии, специалисты заключили, что самолет, на котором поднялся в воздух Рудольф Гесс, не имел под крыльями дополнительных резервуаров для топлива. А самолет, который встретили в Шотландии, имел такие резервуары, и один из них, отлетевший от плоскости, обнаружили 11 мая 1941 года в реке Клайд.

В результате анализа всех данных возникло больше вопросов, чем ответов. Возможность промежуточной посадки для самолета, который пилотировал Гесс, была полностью исключена: он нигде не мог сесть и сменить машину. Германские радарные установки непрерывно отслеживали полет самолета Гесса до Северного моря, а позднее его перехватила английская радарная станция противовоздушной обороны. Все-таки второй год шла мировая война.

Согласно воспоминаниям Пинча, Рудольфу Гессу перед вылетом не подошел летный комбинезон, и он обратился к своему приятелю Хельмуту Кадену:

— Дай мне свой комбинезон.

— Он тебе слишком велик, — рассмеялся Каден, поскольку был крупнее Гесса.

— Ничего, зато нигде не жмет. Э, да тут на подкладке написано твое имя! — заметил Гесс, надевая комбинезон.

— Да, я всегда помечаю свои вещи, — подтвердил Каден. — Смотри, чтобы тебя случайно не приняли за меня.

Позднее было установлено, что немецкий офицер, приземлившийся в Шотландии и при задержании назвавшийся Рудольфом Гессом, был одет в комбинезон летчика, который был в точности его размера, и на подкладке его летного костюма подписи с фамилией Хельмута Кадена не было.

Западные историки сообщают, что приземлившийся в Шотландии человек вообще не имел при себе никаких документов, удостоверяющих его личность. Тут, очевидно, кроется какой-то секрет: почему его идентификацию провели при столь странных обстоятельствах? На процедуре не присутствовал ни один дипломат или профессиональный разведчик Великобритании, который бы хорошо знал в лицо Рудольфа Гесса и мог его легко опознать. Эмигранты из Германии неоднократно встречались с Гессом, но и они не были приглашены. В то же время сэр Уинстон Черчилль лично отдал секретный приказ: фотографировать пленника строго запрещено!

Опознание задержанного летчика проводили герцог Гамильтон и сэр Киркпатрик. Первый, согласно официальным данным, ни разу не видел ранее Рудольфа Гесса, а второй был знаком с нацистом № 2 весьма плохо. Но оба пришли к заключению, что перед ними не кто иной, как близкий сподвижник и друг Гитлера, один из руководителей национал-социалистов Германии Рудольф Гесс.

Когда на Нюрнбергском процессе англичане предоставили на трибунал человека, которого называли Рудольфом Гессом, он вел себя по меньшей мере странно. На протяжении всего процесса симулировал амнезию, постоянно отказывался от своих же показаний, и, самое главное, остальные обвиняемые не могли его узнать. Только один из нацистских лидеров, Герман Геринг, безоговорочно «узнал» Гесса.

В тюрьме человек, которого называли Гессом, по причинам, до сих пор не выясненным, избегал своих бывших товарищей по партии и нацистскому правительству. А самое удивительное, что он категорически отказывался от встречи с родственниками и семьей. Гесс согласился увидеться с женой и сыном, которого оставил, когда мальчику исполнилось всего три года, только в 1969 году: спустя 25 лет после вынесения приговора о пожизненном заключении. Маловероятно, что это просто отсутствие желания видеть родных, которым он доставил немало страданий.

В 1979 году хирург Хью Томас предоставил официальное требование, чтобы узника Шпандау освидетельствовала международная экспертная группа. Но все его требования и обращения были проигнорированы. Все материалы о перелете

Рудольфа Гесса, о его допросах и прочем надежно засекречены. Согласно британским законам, все грифы секретности снимаются спустя пятьдесят лет, но в отношении дела Гесса это правило почему-то не выполняется до сих пор — и в начале XXI века материалы остаются совершенно секретными.

Если в тюрьме Шпандау отбывал заключение и повесился совсем не нацист № 2 Рудольф Гесс, то что же тогда произошло с настоящим Гессом?

Скорее всего, борьба за власть в Третьем рейхе имела для Гесса самые тяжелые последствия. Самолет, на котором он вылетел в Британию, просто сбили над Северным морем. И концы в воду. Эта версия согласуется с тем, что только Герман Геринг, бывший командующий люфтваффе, которому фюрер мог поручить выполнение операции по устранению Гесса, сразу же «узнал» привезенного англичанами человека.

Нациста № 2, возможно, убрали еще в Германии. В Англию отправили двойника. Но тогда как адъютант мог ошибиться и не узнать «хозяина»? Могли ли подменить Гесса уже в Великобритании, заранее оговорив детали с нацистами? Могли.

Большое количество правдоподобных и откровенно вымышленных версий существует относительно личности Гесса после 1941 года. Правдивая информация, которая могла бы пролить свет на тайну нациста № 2, строго засекречена. Сколько осталось ждать до раскрытия последних секретов Второй мировой войны — неизвестно.

Александр Покрышкин — трижды Герой Советского Союза

Родился Александр в 1913 году в Новониколаевске (сейчас Новосибирск) в семье бедных переселенцев. Мальчик с детства знал нужду и с четырнадцати лет уже начал работать. В авиашколу Саша пошел учиться потому, что полеты в небе были его заветной мечтой. Но школа, как оказалось, готовила только будущих авиатехников. Окончив эту школу и хорошо изучив матчасть, Покрышкин продолжил учебу в аэроклубе и вскоре экстерном сдал экзамены на «отлично». Затем он блестяще окончил Качинское училище летчиков и получил направление в 55-й ИАП, дислокация которого находилась в районе города Бельцы, недалеко от границы СССР и Румынии. За два месяца до начала войны этот полк был перевооружен на новейшие истребители МиГ-3.

Целью Покрышкина было освоение высшего пилотажа, и молодой летчик все силы и знания отдавал совершенствованию своего боевого и летного мастерства. Так, например, вначале Саша плохо стрелял по «конусу», но, упорно тренируясь, он смог стать одним из лучших снайперов полка. Летчикам в воздухе хуже давались правые развороты, поэтому он намеренно тренировался именно в резких маневрах в правую сторону. Резкие маневры Покрышкин оттачивал с большим усердием. Чтобы выдерживать сверхнагрузки, летчик усиленно занимался спортом. О том, насколько серьезно он относился к своему делу, говорит то, что летчик даже подсчитал, сколько времени требуется системе руля самолета, чтобы вывести машину в маневр.

Свой первый самолет Покрышкин сбил в первый день войны — 22 июня 1941 года. И это был… советский ближний бомбардировщик Су-2, приземлившийся на фюзеляж в поле. Обстановка начала войны, мобилизация и суета спасли будущего аса от серьезного наказания. Но строгий выговор он получил. Уже на следующий день Покрышкин совершил разведывательный вылет и ликвидировал немецкий Bf. 109. Отвлекшись на падающий самолет, он тут же сам получил очередь из вражеских орудий и едва дотянул до аэродрома. Командир высоко оценил успех летчика, и Покрышкина стали часто посылать на разведку. Возвращаться на базу с полным боекомплектом было не в правилах Покрышкина. Он получал выговоры, но снова и снова вступал в бой с неприятелем. Однажды он чудом спасся от гибели: хвостовой стрелок немецкого Ju. 88 прицельно попал в

самолет Покрышкина. Пуля разбила козырек фонаря кабины, но опасность аварии была очень велика.

Однажды, пролетая над Прутом, Покрышкин произвел атаку понтонного моста и был сбит осколками зенитного снаряда. Парашютируя истребителем, он упал прямо на лес и потерял сознание. Придя в себя, он трое суток возвращался через линию фронта на свой аэродром, где его уже все считали мертвым. Покрышкин вновь включился в боевые действия и сразу же стал летать на штурм вражеских позиций в сопровождении бомбардировщиков.

Пятого октября пара Покрышкина во время полета в разведке была внезапно атакована четверкой Bf. 109. Лишившись ведомого, советский летчик самостоятельно смог уничтожить один истребитель противника и на подбитом самолете попытался вырваться из боя. Три оставшихся «мессершмитта» бросились в погоню, расстреливая уязвимый МиГ Покрышкина. «Грохот… Удар головой о приборную доску — и я теряю сознание…» — вспоминал А. Покрышкин.

После тяжелых боев 1941 года 55-й ИАП был перемещен в тыл на переформирование и вскоре был переименован в 16-й гвардейский истребительный авиаполк. Летчики получили новые самолеты Як-1, и эта часть снова попала на фронт в июне следующего года. В течение шести месяцев Покрышкин одержал на «Яке» не менее семи побед. Среди сбитых немецких самолетов были два Ju. 88 и четыре Bf. 109.

Весной 1943 года полк получил новую матчасть — американские истребители P-39 «Аэрокобра». На этих самолетах летчики 16-го ГИАП попали в самый центр сражений авиации — на Кубань. Согласно официальной статистике, Покрышкин сбил над Кубанью шестнадцать вражеских самолетов, но на самом деле это число было гораздо больше. Только 12 апреля в районе станицы Крымской он истребил четыре машины Bf. 109, а 28 апреля в одном бою сбил целых пять немецких «лаптежников» Ju. 87. Облетая территорию в составе патруля, советский ас никогда не шел по прямой, чтобы не терять скорости в небольшой зоне. Его самолет передвигался волнообразно, по траектории наклонного эллипса.

Двадцать четвертого мая Покрышкину присвоили звание Героя Советского Союза. К этому времени им было сбито уже двадцать пять вражеских самолетов. Через три месяца он получил вторую Золотую Звезду. Сражаясь с самолетами люфтваффе на юге Украины, Покрышкин истребил еще восемнадцать «юнкерсов», включая два высотных разведчика. В ноябре 1943 года, используя подвесные баки, он выследил Ju. 52,

действующие на воздушных путях над Черным морем. В ходе четырех вылетов в переменчивую морскую погоду А. Покрышкин отправил на дно пять трехмоторных транспортников.

В мае 1944 года Александр Иванович Покрышкин получил назначение командиром 9-й гвардейской авиадивизии, но высокая должность не оторвала героя от боевых полетов, и ас до конца года присоединил к списку личных побед очередные семь сбитых самолетов. Боевая история самого известного аса СССР завершилась в Берлине. Всего за годы войны он совершил 650 вылетов, провел 156 воздушных боев, сбил 59 вражеских самолетов лично и шесть — в группе.

«Серый кардинал» Мартин Борман

Рейхсляйтер, начальник штаба заместителя фюрера, личный секретарь и ближайший советник Адольфа Гитлера к концу Второй мировой войны был самым могущественным чиновником империи. Среди прочих главарей Третьего рейха Мартин Борман является одной из самых загадочных и таинственных фигур — недаром и друзья, и враги прозвали его «серым кардиналом».

Мартин Борман родился 17 июня 1900 года в Хальберштадте в семье сержанта кавалерийского полка, а умер… Официально он погиб в 1945 году, в мае или самом конце апреля, но точную дату называть остерегаются. Это связано с тем обстоятельством, что Мартин Борман стал единственным из всех фашистских лидеров, кому Международный военный трибунал в Нюрнберге вынужден был вынести смертный приговор заочно.

Неужели Мартин Борман в самом деле спас свою жизнь, каким-то чудом бежав из бункера под рейхсканцелярией и выйдя из окруженного наступающими частями Красной армии Берлина?

Исторически оправданная версия, которую охотно поддерживала и советская литература, описывает события примерно так. После самоубийства — или имитации самоубийства — Адольфа Гитлера и его жены Евы Браун, толком не успевшей побыть фрау Гитлер, власть в бункере под рейхсканцелярией полностью взял в свои руки Мартин Борман. Он немедленно принял решение прорываться через линии наступающих солдат Красной армии.

Уцелевший Вилли Мюллер — личный портной Адольфа Гитлера, который находился в тот момент в бункере, — вспомнил, что в период с 21.00 до 23.00 1 мая 1945 года все, кто решился следовать плану Бормана, покинули фюрербункер. Среди покинувших бункер был и сам рейхсляйтер. Картину дальнейших событий можно восстановить лишь с помощью метода исторической реконструкции.

Скорее всего, из бункера фюрера беглецы вышли ночью, в темноте и без каких-либо приключений сумели спокойно добраться до станции метро. Там они спустились вниз и при свете фонарей прошли по тоннелю до станции Фридрихштрассе. До сих пор все шло по плану, но, поднявшись на поверхность, Борман и его спутники наверняка сильно приуныли — переправиться через Шпрее оказалось практически невозможно из-за отсутствия лодки. Они не могли соорудить даже плот! К тому же на другом берегу реки уже ждали боевые порядки наступающих советских частей. Для переправы через реку оставалась только одна

возможность — тихо пробраться или пробиться по мосту Вейдендамер.

Естественно, прорываться сквозь боевые порядки регулярных фронтовых частей Красной армии с легким стрелковым оружием было бы настоящим безумием, если не самоубийством. Но тут судьба преподнесла беглецам неожиданный и щедрый, поистине королевский подарок — в нужном им направлении прорывалась немецкая танковая группа, численностью не менее двадцати боевых машин. Этот факт документально отражен даже в мемуарах Маршала Советского Союза Г. К. Жукова: прорыв проходил поздно вечером 1 мая на участке 52-й гвардейской стрелковой дивизии.

Советское командование опасалось, что танки могут вывезти из осажденного города кого-то из немецкого руководства. Поэтому был отдан приказ срочно перекрыть все пути на запад и северо-запад. Когда беглецы бросились на мост Вейдендамер догонять танки, им сразу пришлось отступить под пулями советских солдат. Ведущий танк подбили, и ситуация резко изменилась. «Подарок судьбы» обернулся новыми неприятностями.

Скорее всего, попав под обстрел, группа разделилась — Аксман и еще несколько человек с ним отправились по железнодорожному пути в западном направлении, к вокзалу Лерте. Борман и Штумпфеггер отважились идти по Инвалиденштрассе на восток.

Инвалиденштрассе возле вокзала Лерте вела к железнодорожному мосту Инвалиденбрюкк — якобы именно там Аксман почти сразу наткнулся на трупы Мартина Бормана и Штумпфеггера. Эти показания бывший шеф гитлерюгенда дал следствию в 1947 году во время допроса представителями спецслужб союзников.

Спецслужбы организовали проверку, которая показала, что спустя некоторое время — примерно три-четыре дня — мертвые тела наконец обнаружили и убрали с путей служащие железной дороги. Считается, что их похоронили недалеко от моста, под высоким старым тополем. В карманах шинели Штумпфеггера были письма и военный билет на его имя. Начальник вокзальной почты узнал адрес жены эсэсовца и сообщил ей место захоронения ее мужа.

Однако совершенно справедливо замечено: в карманах шинели обнаружили письма и военный билет на имя Штумпфеггера, и это еще не означает, что убитый на самом деле был тем самым эсэсовским врачом Штумпфеггером. На теле второго беглеца, которого предположительно посчитали

Мартином Борманом, вообще не оказалось никаких документов, по которым можно было бы установить личность погибшего.

Прошло двадцать лет, и на месте захоронения эсэсовца и Бормана власти и союзные спецслужбы обыскали весь участок, однако никакого захоронения, останков — костей, одежды — не нашли. Не было там и старого тополя или хотя бы каких-то следов, указывавших на то, что на том месте когда-либо росло дерево. Возможно, отправленное супруге эсэсовца письмо — еще одно ловко продуманное звено в длинной цепочке старательно созданных ложных следов.

Прошло еще семь лет, и двое рабочих, трудившихся на прокладке в этом районе траншеи для городских коммуникаций, 8 декабря 1972 года обнаружили два скелета. Франкфуртский прокурор Рихтер, занимавшийся делом Бормана, распорядился, чтобы скелеты передали на экспертизу. По росту они практически соответствовали данным эсэсовца — 190 см, и Мартина Бормана — 170 см. Рентгенографическое исследование обнаружило следы прижизненных переломов: у Штумпфеггера на левом предплечье, а у Бормана на правой ключице — он получил этот перелом при падении с лошади в 1941 году. О переломе эсэсмана существовала запись при его жизни в медицинской карте.

Идентификация челюстей эсэсовского врача не вызвала никаких сомнений, что скелет принадлежит Штумпфеггеру, а вот схема челюстей Мартина Бормана отсутствовала.

В 1945 году врач Гюго Блашке, стоматолог нацистских главарей, по памяти восстановил схему челюстей Бормана. Ее взяли из архива и пришли к выводу, что она фактически соответствует челюсти спорного скелета, за исключением золотого моста на трех передних зубах.

Однако дотошные немцы просеяли всю землю на месте находки. Спустя три месяца они обнаружили золотой мост, который по своей форме идеально подходил к найденной челюсти. Затем разыскали старого протезиста Фрица Эхтмана, который узнал работу, сделанную им для Мартина Бормана.

Четвертого сентября 1973 года, согласно рапорту окружного прокурора Рихтера, окружной трибунал Франкфурта отменил ордер на арест Мартина Бормана, выданный 4 июля 1961 года. Если верить всем этим доказательствам, то рейхсляйтер, начальник штаба заместителя фюрера, личный секретарь и ближайший соратник Гитлера умер в Берлине на мосту Инвалиденбрюкк 2 мая 1945 года примерно в три часа утра.

Но правда ли это?

Существует более двух десятков всевозможных версий и предположений о возможной гибели и жизни Бормана после мая

1945 года.

В последние годы XX века СМИ сообщили, что генетический анализ костей, обнаруженных на месте возможной гибели рейхсляйтера, подтверждает родство Мартина Бормана с 83-летней Амалией Волсборн, сестрой матери Бормана — Антонией.

Можно ли считать, что это исследование поставило точку в таинственной и загадочной истории одного из самых страшных злодеев в Третьем рейхе? Или вслед за недоверчивыми искателями истины нужно сказать: несмотря ни на что сомнения остаются?

Подвиг Лидии Лисовской

Двадцать седьмого октября 1944 года в селе Каменка, вблизи шоссейной дороги Острог — Шумск, были обнаружены трупы двух женщин с пулевыми ранениями. При них нашли документы на имя Лисовской Лидии Ивановны, 1910 года рождения, и Микоты Марии Макарьевны, 1924 года рождения. По опросам местного населения следствие установило, что около 19.00 26 октября на шоссе остановилась шеститонная грузовая машина, в кузове которой находились две женщины и трое или четверо мужчин в форме Советской армии. Первой с машины сошла Микота, а когда Лисовская хотела подать ей из кузова чемодан, раздалось три выстрела. Мария Микота была убита сразу. Машина рванула с места, и Лидия Лисовская, раненная первым выстрелом, была добита и выброшена из машины дальше по шоссе.

Автомашина быстро ушла по направлению к городу Шумску. Проезжая Шумское КПП, на требование бойцов контрольно-пропускного пункта не остановилась, а, разбив на ходу шлагбаум, умчалась на Кременец. Задержать ее не удалось.

Среди документов убитых было выданное управлением НКГБ по Львовской области удостоверение со следующим текстом: «Выдано настоящее тов. Лисовской Лидии Ивановне в том, что она направляется в распоряжение УНКГБ по Ровенской области в г. Ровно. Просьба ко всем воинским и гражданским властям оказывать всемерную помощь в продвижении т. Лисовской к месту назначения».

Народный комиссар государственной безопасности Меркулов приказал провести тщательное расследование по делу похищения и убийства Лисовской и Микоты. Само расследование проводилось под непосредственным контролем начальника 4-го управления НКГБ СССР Судоплатова.

Кем же была тридцатичетырехлетняя Лидия Лисовская, если ее смерть так встревожила высшее руководство органов госбезопасности? Ответ на этот вопрос дают недавно рассекреченные материалы Центрального архива ФСБ России.

Демчинская — девичья фамилия Лидии Ивановны Лисовской. До войны она была замужем за польским офицером, который в чине капитана принял участие в боях против германской армии в 1939 году, был пленен и попал в фашистский концлагерь.

Нападение Германии на СССР застало Лидию в ее родном городе Ровно. Когда город захватили немцы, она работала помощником повара в столовой, обслуживавшей офицеров и

сотрудников лагеря военнопленных. С риском для жизни женщина помогла бежать нескольким советским солдатам. Среди них был и Владимир Грязных, примкнувший к партизанскому отряду «Победители».

Во время войны Ровно немцами был назван столицей оккупированной Украины. Там располагались все основные военные и административные органы управления оккупантов, здесь же проживал фашистский гауляйтер Украины Эрих Кох. Именно поэтому в начале 1942 года под Ровно была заброшена оперативная группа 4-го управления НКГБ «Победители» во главе с опытным разведчиком Дмитрием Николаевичем Медведевым. Чуть позднее к отряду присоединился под псевдонимом «Грачев» Николай Иванович Кузнецов, имевший специальное задание руководства.

Среди главных задач партизан было создание сети конспиративных и явочных квартир в Ровно, привлечение в отряд жителей города, работавших в оккупационных учреждениях. Вот почему сообщение Грязных о Лисовской заинтересовало чекистов и к ее проверке был подключен разведчик Николай Гнидюк, легализовавшийся в городе под видом мелкого торговца Яна Багинского.

К этому времени Лидии удалось устроиться официанткой в казино хозштаба оккупационных войск в Украине, во главе штаба стоял генерал Кернер. Познакомившись с Лидией, Гнидюк убедился, что она искренна в своей ненависти к фашистам. Было решено открыть женщине, что Николай — партизан. На это Лисовская сообщила, что имеет возможность отравить Кернера, если партизаны дадут ей яд. Но разведчики видели ее совсем в иной роли.

В мае 1943 года немецкие офицеры — завсегдатаи казино — предложили Лисовской принять на постой недавно прибывшего в город обер-лейтенанта Пауля Зиберта. (Для дополнительного заработка она иногда сдавала немцам комнату в своей квартире.) Зиберт устраивал на квартире встречи с другими немцами, с которыми знакомила его Лидия. Она, со своей стороны, говорила обер-лейтенанту о неминуемом поражении Германии и о необходимости обеспечить свое существование в будущем.

Это породило серьезные сомнения у партизан — не прощупывает ли Лисовская Пауля Зиберта по заданию гестапо? Сомнения рассеялись, когда Лидия вновь попросила у Гнидюка яд, на этот раз для того, чтобы убить своего постояльца, признавшегося ей в том, что лично принимал участие в расстрелах военнопленных. Проверка закончилась. Зиберт, он же специальный агент 4-го управления НКГБ Николай Кузнецов,

раскрылся перед Лисовской как советский разведчик. С этого времени Лидия стала его ближайшей помощницей.

Лидия помогала Кузнецову завязывать знакомства с немецкими офицерами и собирать информацию о высокопоставленных фашистских чиновниках в Ровно. Кроме того, она привлекла к разведывательной работе свою двоюродную сестру Марию Микоту, которая по заданию партизан стала агентом гестапо. Теперь в отряде смогли заранее узнавать о карательных рейдах немцев, а Кузнецов познакомился с офицером СС фон Ортелем, входившим в команду известного немецкого диверсанта Отто Скорцени.

Из разговора с Ортелем советский разведчик сделал вывод о том, что немцы готовят диверсионную акцию во время встречи глав СССР, США и Великобритании в иранской столице. В Центре сообщение Кузнецова не оставили без внимания, и в Тегеране были предприняты дополнительные меры безопасности, и операция, тщательно подготовленная Скорцени, провалилась.

Осенью 1943 года Лидия Лисовская по заданию Николая Кузнецова устроилась экономкой к командующему восточными армиями особого назначения генерал-майору Ильгену. Он являлся ключевой фигурой в руководстве вооруженными формированиями националистического толка, состоявшими из бывших граждан СССР, которые перешли на сторону оккупантов.

К ноябрю Лидия смогла сообщить партизанам подробные данные о распорядке жизни, наружной охране, времени отъездов и приездов генерала Ильгена, другие необходимые сведения. На 15 ноября 1943 года была запланирована операция, в которой приняли участие Николай Кузнецов, его ближайший соратник Николай Струтинский, а также два новых партизана — Стефаньский и Каминский, для которых это задание являлось своеобразной проверкой.

Пятнадцатого ноября в 16.15 четверо партизан подъехали на легковой автомашине к дому Ильгена. Кузнецов был одет в форму капитана немецкой армии, Струтинский — в форму рядового, Стефаньский был в форме лейтенанта, а Каминский — в форме сотрудника рейхскомиссариата.

У дома дежурил часовой из перешедших на сторону немцев казаков Василий Луковский. Возле него остался для наблюдения Струтинский. Кузнецов с двумя помощниками вошел внутрь, где их ждали Лисовская и Микота. В доме находился денщик Ильгена казак Михаил Мясников, которого сразу же обезоружили и посадили в изолированную комнату, предложив подумать, не хочет ли он примкнуть к партизанам. Ровно в пять к дому подъехал легковой автомобиль. Из машины вышел генерал и

направился к дому. Его шофер дождался, когда Ильген войдет в дом, и только после этого уехал.

В доме Ильгена встретила Лидия, которая постаралась отвлечь его разговором. Кузнецов, Стефаньский и Каминский стояли у дверей в коридоре, приготовившись к нападению. Когда Ильген начал раздеваться, в дом вошел Струтинский в форме рядового немецкой армии. Генерал громко спросил: «Что тебе надо?» Кузнецов тотчас бросился на него, схватил за горло и заткнул кляпом рот. Каминский завязал Ильгену руки, но, как оказалось, сделал это плохо.

Затем все вышли к автомобилю. Кузнецов вел генерала, остальные — казаков. В пяти метрах от машины Ильген вырвался, руки у него оказались развязаны. Физически крепкий, в прошлом — отличный боксер, он ударил Кузнецова в лицо и стал громко звать на помощь. Партизаны подбежали к Кузнецову, утихомирили Ильгена и положили его в автомашину.

С соседней улицы выбежали четыре немца с криками «Что происходит?», и показалась смена караула. Кузнецов невозмутимо подошел к немцам и заявил, что поймали бандита, а всех четверых он вынужден арестовать и доставить в гестапо. Немцы начали оправдываться, что они — работники рейхскомиссариата и к делу не причастны, просили их отпустить. Кузнецов настойчиво предлагал им следовать за ним, потом арестовал одного из них — наиболее активного, оказавшегося личным шофером гауляйтера Эриха Коха.

Шофера Коха посадили в автомобиль с партизанами, Ильгеном и казаками. Кузнецов остался с тремя вооруженными немцами, не спеша записал их фамилии, после чего «отпустил». Пока новый караул у дома Ильгена пытался разобраться, куда делся старый часовой, Кузнецов спокойно прошел к машине и партизаны уехали на конспиративную квартиру.

Чтобы создать алиби для Лидии, ее заблаговременно отправили на встречу с офицером гестапо в людное место, где было много знавших ее военных. Помимо этого, по заданию партизан денщик Ильгена Михаил Мясников оставил на столе в кабинете генерала записку: «Спасибо за кашу, ухожу к партизанам и забираю с собой генерала. Смерть немецким оккупантам! Казак Мясников».

После освобождения Ровенской области советскими войсками партизанский отряд «Победители» расформировали. За смелость, проявленную в борьбе с оккупантами, Лидия Ивановна Лисовская была представлена к ордену Отечественной войны I степени.

Тщательное расследование обстоятельств ее гибели, проведенное в 1944–1945 годах, к сожалению, не дало результата.

Почему Лисовская и Микота не поехали в Ровно поездом, хотя для них были куплены железнодорожные билеты? Скорее всего, они стали жертвой фашистских агентов, которые действовали на территории Украины и после освобождения от оккупантов.

Тайна «майора Мартина»

В местечке Хуэльва, в испанской Андалузии, на кладбище есть памятник английскому майору Уильяму Мартину, погибшему в авиакатастрофе 24 апреля 1943 года. Но, как стало недавно известно из архивов английской «Интеллидженс сервис», под могильным камнем нет никакого майора!

На кладбище покоится прах английского бродяги, труп которого сыграл выдающуюся роль в дезинформации немецкого генерального штаба, спасшей жизнь многим тысячам солдат при высадке союзных войск в Италии.

«Майор Мартин» был при жизни лондонским бродягой, более того, хроническим алкоголиком (именно потому в свое время его даже не призвали на военную службу). В один похмельный день Майкл Глиндвир, как его звали на самом деле, к тому же постоянный клиент психиатрических больниц, бросился в Темзу, таким образом распрощавшись со своей незавидной жизнью.

В это время Черчилль и Рузвельт были озабочены проблемой высадки десанта в Италии, поэтому дали задание своим секретным службам придумать операцию по дезинформации немцев. Решение пришло офицеру «Интеллидженс сервис» Монтегю, который и придумал подкинуть немецким шпионам в Испании, где они чувствовали себя вполне комфортно, «псевдоофицера» с липовыми документами о месте высадки. По идее Монтегю, предполагалось сымитировать авиакатастрофу над морем у берегов Испании, где обычно пролегал маршрут британских самолетов при перелетах в Европу. Поскольку Испания была нашпигована немецкими агентами, Монтегю не сомневался, что «погибший летчик» с «секретными» документами в итоге попадет к нацистам. Тогда-то для выполнения этой оригинальной операции и было востребовано из лондонского морга тело бродяги Майкла Глиндвира.

Для придания достоверности личности «майора Мартина» в карманы его мундира вложили фотографию «невесты», два потертых письма от нее, письмо от «отца», якобы возражающего против их брака до окончания войны, требование из банка о возвращении ссуды в 80 фунтов стерлингов и даже два билета в кино с соответствующей датой. Специальная «посылка» для германского абвера состояла из трех писем, заключенных в непромокаемый портфельчик, пристегнутый к руке «летчика». В одном из них член королевской фамилии и заместитель главнокомандующего лорд Маунтбаттен сообщал командующему английским флотом на Средиземном море адмиралу Канингему

некоторые безобидные факты и просил оказывать майору Мартину, выполняющему важное поручение, всяческое содействие. В другом письме Маунтбаттен обращался к Верховному главнокомандующему генералу Эйзенхауэру с просьбой сообщить о выходе интересующей его книги и подчеркивал значимость личности «майора».

В третьем — ключе всей операции по «дезе», получившей название «Отравленная котлета», — Маунтбаттен (оригинальным почерком автора) советовал командующему английскими войсками в Тунисе генералу Александеру готовить операцию высадки союзных сил в Греции и на острове Сардиния, а в качестве отвлекающего маневра устроить небольшую провокацию в Сицилии. В каждое письмо вложили ресницу, которая при вскрытии должна была непременно вылететь «на волю».

В апреле все было готово для проведения операции, и все ожидали итогового дня высадки — дня «Икс».

Труп Глиндвира в обстановке строжайшей секретности изъяли из холодильника, одели в форму майора ВВС и в специальной капсуле погрузили на подводную лодку «Сераф», чтобы через несколько дней спустить его за борт около города Хуэльва, где, по данным английской разведки, жил «надежный» нацистский агент.

План удался с точностью «до миллиметра». После некоторого времени плавания труп подобрал испанский рыбак, который передал его испанским властям. Те, естественно, тут же сообщили об этом факте немецкому агенту. Агент тщательно скопировал обнаруженные документы, аккуратно водворил их на место и 13 мая они были вручены английскому консулу в Хуэльве.

Тем временем Лондон для придания операции еще большей достоверности бомбардировал консула шифрованными телеграммами с требованиями во что бы то ни стало разыскать труп «майора» и, главное, портфель с письмами.

Проверка писем англичанами подтвердила исчезновение «контрольных» ресниц, что означало полный успех операции «Отравленная котлета». Черчилль на пути в Вашингтон получил телеграмму с текстом: «Котлета проглочена».

А в Берлине деятели абвера с ликованием размахивали копиями писем, в результате чего вермахт получил приказы о соответствующей передислокации войск в места высадки союзников, указанные в письме.

В результате операции «Отравленная котлета» высадка союзных войск 10 июня 1943 года прошла в Сицилии малой кровью, а на кладбище в Хуэльве появился памятник «майору Мартину», сооруженный на деньги английского консульства.

Последние дни рейхсфюрера

В самых авторитетных справочниках и энциклопедиях говорится, что Гиммлер был арестован 21 мая 1945 года британскими военными властями. И ни единого слова о наших соотечественниках.

Попробуем на основании рассекреченных документов восстановить историческую правду о задержании Гиммлера и его смерти.

Двадцать восьмого апреля 1945 года ближайший советник фюрера Мартин Борман доложил Гитлеру переданные по радио сообщения мировых информационных агентств о том, что Генрих Гиммлер от своего имени предложил политическому руководству США и Великобритании капитуляцию Германии.

Для Гитлера сообщение о предательстве его бывшего любимца стало очередным разочарованием в ближайших соратниках. За несколько дней до этого поступила информация о попытке измены со стороны рейхсмаршала Германа Геринга, которого Гитлер ранее официально объявил своим преемником. Вслед за Герингом Гиммлер был исключен из партии, лишен всех наград и объявлен вне закона.

От смерти Гиммлера спасло то, что Гитлер решил уйти из жизни и 30 апреля принял испытанный вначале на своей овчарке цианистый калий.

Гиммлер попытался использовать последнюю возможность сохранить свою жизнь — незаметно выбраться из окружения и затеряться в толпе беженцев.

Больше всего он опасался встречи с советскими контрразведчиками и, предприняв необходимые меры маскировки (заготовил фальшивые документы, сбрил усы, наложил повязку на один глаз, переоделся в гражданскую одежду), стал пробираться в сопровождении двух телохранителей на запад Германии, подальше от советских войск.

По иронии судьбы встреча Гиммлера с нашими солдатами все же состоялась. И в одночасье рухнули все его планы побега на Запад.

По окончании войны заключенные фашистских концлагерей на территории Германии до отправки на родину находились во временных сборно-пересылочных пунктах как в советской оккупационной зоне, так и в зонах оккупации союзных войск. Бывшие военнопленные, которые не были больны или истощены до крайности, как правило, записывались в комендантские роты и принимали участие в патрулировании местности. В мае 1945 года

в комендантскую роту сборного пункта № 619 в городе Цевен, располагавшегося на территории английской зоны оккупации, записались рядовые Советской армии И. Сидоров и В. Губарев.

В 9.00 21 мая 1945 года они заступили в совместный патруль с шестью английскими военнослужащими, старшим среди которых был капрал. Вооруженные винтовками, наши солдаты вдвоем патрулировали окраину местечка Майнштадта. В 19.00 они зашли в дом, где английские солдаты разговаривали, курили и пили кофе. Капрал предложил русским отдохнуть или же сделать еще один обход, так как машина за патрулем должна была прийти примерно через полчаса.

Наши солдаты решили еще раз пройтись по окраине Майнштадта и вскоре заметили, как из кустов, крадучись, вышли три немца, намереваясь пересечь дорогу и уйти в лес. Губарев с Сидоровым побежали за ними, и, когда оставалось метров двести, скомандовали по-немецки: «Хальт!» («Стой!»). Один сразу остановился, двое других сделали вид, что не слышали окрика, и продолжали идти вперед. Тогда Губарев произвел предупредительный выстрел вверх, и оба солдата взяли немцев на мушку.

Задержанные представились немецкими солдатами. Но Сидоров с Губаревым видели, что на них надеты офицерские плащи, а на двоих — офицерские брюки (Гиммлер был в штатском). Когда задержанных доставили к англичанам, немцы стали показывать знаками, что они больны. Гиммлер, у которого в руках была палка в виде костыля и повязка на глазу, симулировал последствия ранения. Английским солдатам не очень-то хотелось вместо казармы ехать в комендатуру, терять время на объяснение дежурному офицеру обстоятельств задержания. И они предложили отпустить немцев, сказав, что им неохота возиться с больными. Но Губарев и Сидоров настояли на доставке задержанных к военному коменданту.

Дня через три оба наших солдата снова заступили в патруль. На площади в ожидании машины собралось шестнадцать человек русских, к которым подошли английский офицер и переводчик. Офицер поинтересовался, кто задержал троих немцев. Когда вперед выступили Сидоров и Губарев, переводчик спросил: «Вы знаете, кого вы привели? Тот, у кого был перевязан глаз, — глава гестапо и ближайший помощник Гитлера — Гиммлер».

За проявленную бдительность начальник сборного пункта № 619 майор Годлевский объявил 26 мая 1945 года Губареву и Сидорову благодарность и наградил каждого «пакетом Красного Креста».

На гауптвахте лагеря № 619 английские военнослужащие

обыскали трех задержанных немцев и отобрали у них часы, компасы и карты. По свидетельству вышеупомянутого майора Годлевского, у того, кого впоследствии идентифицировали как Гиммлера, была найдена колбочка с каким-то раствором. Гиммлер заявил, что в ней лекарство от желудка, после чего колбу ему вернули.

В штабе контрразведки ему приказали раздеться и устроили тщательный личный осмотр с целью определить, нет ли на теле Гиммлера и «в отверстиях тела» каких-либо посторонних предметов. (Англичане имели уже печальный опыт, когда покончил с собой задержанный адмирал Фриденбург.)

Закончив осматривать туловище и конечности Гиммлера, капитан британской медслужбы Уэллс решил проверить, не спрятал ли рейхсфюрер что-нибудь во рту. Оттягивая щеки задержанного в стороны, офицер увидел в полости между нижней челюстью и щекой небольшой предмет с синей головкой. Попытка вытолкнуть этот предмет изо рта Гиммлера пальцем не удалась, тот быстро поместил ампулу между зубов и раскусил ее. По комнате распространился сильный запах миндаля, свойственный цианистому калию. Все предпринятые меры для возвращения Гиммлера к жизни не дали результата…

Так, за полгода до вынесения нацистским преступникам приговора на Нюрнбергском процессе один из самых зловещих деятелей Третьего рейха ушел от прямой ответственности.

«Чужой» генерал

В ночь на 3 мая 1945 года у границы крошечного Лихтенштейна появилась группа людей в немецкой форме. Пограничники уж было приготовились отражать нападение незваных гостей, как тут из немецкой машины выскочил человек и закричал: «Не стреляйте, здесь русский генерал».

Как вскоре выяснилось, пришедшая со стороны Австрии воинская часть входила в состав вермахта и состояла из русских белоэмигрантов и перешедших на сторону фашистов советских военнопленных. Ими командовал генерал-майор Артур Хольмстон, настоящая фамилия которого была Смысловский, по национальности русский. Там же, прямо на границе, все одетые в немецкую форму военные были разоружены и интернированы.

Смысловский не Власов, о нем на территории бывшего Советского Союза мало кто знает. Одним из первых о нем написал в недавно вышедшей в России книге «Незнакомый Лихтенштейн» бывший посол в Швейцарии и по совместительству в Лихтенштейне А. И. Степанов.

Граф Борис Алексеевич Смысловский родился в 1897 году в Финляндии, в ту пору входившей в состав Российской империи. Его мать Элеонора Малахова была крестной одной из сестер императора, дед — генерал от инфантерии Малахов, в 1905 году командовавший войсками Московского военного округа. Об отце Смысловского, «невысоком бородатом офицере» царской армии, упоминает в своей книге «Август четырнадцатого» Солженицын.

Наш герой тоже был царским гвардейским офицером, в годы Гражданской войны сражался на стороне белогвардейцев и затем покинул Россию. Установлено, что в 1920-е годы он был связан с германской разведкой. После нападения Германии на Советский Союз Смысловский возглавил разведывательно-диверсионную службу, агенты которой, в частности, использовались для подрывной работы в тылу советских войск.

В начале 1945 года Смысловский, став генерал-майором, под псевдонимом Артур Хольмстон возглавил 6-тысячную «Первую Русскую национальную армию», все командные посты в которой занимали эмигранты. Но при всей враждебности к СССР он был достаточно расчетлив, быстро разобрался в том, что Германию ожидает неминуемое поражение, а следовательно, ему надо думать о собственном спасении. Но где укрыться после войны? Смысловский понимал, что если он окажется в расположении войск западных союзников, то все равно есть риск быть выданным Советскому Союзу. Поэтому решил искать нейтральное

государство, причем такое, где его появление было бы малозаметным. Выбор пал на Лихтенштейн.

Судьба тех, кто вместе со Смысловским пришел в Лихтенштейн, решалась в течение нескольких лет. Уже в августе 1945 года в княжестве появились представители Советской военной миссии, которым было поручено добиться репатриации членов группы Смысловского в Советский Союз. Состоялись сложные переговоры с представителями правительства Лихтенштейна. О них рассказал бырон фон Фальц-Фейн.

Члены миссии встречались с интернированными, не скупились на заверения в том, что возвратившимся на родину никто не будет угрожать. Был даже устроен праздничный вечер, во время которого пели русские песни и произносили тосты за возвращение на родину. Многие решили вернуться. Некоторые из них работали у лихтенштейнских фермеров. При расставании лихтенштейнцы просили написать, как добрались, как устроились. «Но, насколько мне известно, — закончил свой рассказ Эдуард Александрович, — ни одно письмо так и не пришло».

В редакцию «Труда» пришло письмо от проживающего в Переславле-Залесском П. Астахова, который с августа по ноябрь 1945 года работал переводчиком Советской репатриационной комиссии. По воспоминаниям Астахова, интернированные поначалу встретили советских военных холодно, репликами типа: «Кончайте агитировать, господа! Добровольцев ищите в другом месте». Один из интернированных прямо заявил: «Знайте, мы служили в Красной армии, мы любим свою родину — Россию, мы любим свой народ, оставленных там близких. Но знайте и то, что пока в СССР будет существовать Сталин и клика его приспешников, наш возврат в Россию не состоится».

Но не все так думали. Некий человек по фамилии Анкудинов высказался за возвращение домой. «Пусть нам будет трудно, — сказал он, — нас ожидает разоренная страна, но мы ее граждане, мы вернемся на родную землю, где все близко и дорого». Уже в августе началось возвращение интернированных в Советский Союз.

Уехали не все. Сам Смысловский, несмотря на требования советской стороны о его выдаче, оставался в Лихтенштейне до августа 1947 года, пока вместе с группой своих бывших подчиненных не перебрался в Аргентину, где стал советником президента Перона по борьбе с партизанами. Одновременно он весьма преуспел в бизнесе. Накопленный капитал позволил Смысловскому в 1966 году возвратиться и окончательно обосноваться в Лихтенштейне. Здесь он и умер в 1988 году, на 91-

м году жизни.

Почему же Смысловскому удалось избежать участи Власова, Каминского, Краснова, Семенова, Шкуро и других, кто воевал на стороне фашистов против своей страны? Дело в том, что в годы войны граф был тесно связан с военной контрразведкой, действовавшей на территории Советского Союза. То, что он знал, представляло большой интерес для западных спецслужб, поэтому они не были заинтересованы в его выдаче Советскому Союзу и поэтому всю свою послевоенную жизнь Смысловский находился под их негласным покровительством.

Покушения на фюрера

Вечером 8 ноября 1939 года три тысячи нацистов собрались в зале мюнхенской пивной «Бюргербройкеллер», чтобы по традиции отметить годовщину путча, начатого здесь в 1923 году Адольфом Гитлером. С тех пор в этот день фюрер собирал своих старых бойцов. Незадолго до 20.00 появился Гитлер — вид у него был озабоченный. Поднявшись на трибуну после бурной овации, он заклеймил Англию и закончил свою речь такими словами:

— Мы покажем этим господам, на что способна сила сорока восьми миллионов, спаянных единой волей! Мы победим!

Духовой оркестр грянул «Хорста Весселя». Речь фюрера продолжалась около пятидесяти минут. Торопливо пожав несколько рук, Гитлер покинул пивную в 21.09. В сопровождении свиты Гитлер отправился на вокзал и в 21.31 отбыл в Берлин.

Зал «Бюргербройкеллер» опустел за несколько минут. В нем остались только немногие члены партии, десять полицейских и эсэсовцев, а также обслуживающий персонал пивной. Внезапно в 21.20 здание потряс чудовищный взрыв, обрушивший балки потолка и колонны. Из-под обломков извлекли семь человек погибших и шестьдесят три раненых. Бомба взорвалась в нескольких метрах от того места, где во время речи стоял Гитлер.

Фюрер узнал о взрыве только во время остановки поезда в Нюрнберге. Дрожащим от волнения голосом он воскликнул: «Если я покинул "Бюргербройкеллер“ раньше обычного, значит Провидению угодно, чтобы я исполнил свое предназначение».

Примерно около 22.00 в квартире шефа криминальной полиции Артура Небе раздался телефонный звонок Рейнхарда Гейдриха. Заместитель главы СС Гиммлера приказал Небе возглавить комиссию по расследованию покушения на фюрера и немедленно вылететь в Мюнхен. Сам же Гиммлер позвонил начальнику контрразведки Вальтеру Шелленбергу и сообщил ему приказ Гитлера — завтра же арестовать двух английских шпионов Беста и Стивенса, встретившись с ними в голландском городе Венло под видом борца с нацизмом. Фюрер считал, что за спиной террористов стояли британские спецслужбы…

Следователям Небе потребовался всего час, чтобы обнаружить в развалинах пивной части адской машины. По заключению экспертов, бомба оказалась самоделкой, хотя механизм был часовым, а взрывчатое вещество тем, что использовалось при изготовлении мин.

Вскоре следствие вышло на часовщика, который продал часы для бомбы. Он дал точное описание примет покупателя: молодой

человек лет тридцати, продолговатое лицо, темные волосы, густые брови, сильный швабский акцент. Поскольку бомба находилась в колонне и была замаскирована пробковым деревом, разыскали и торговца, который его продал. Торговец дополнил показания часовщика. Наконец нашли и слесаря, который предоставил мастерскую молодому швабу, работавшему над каким-то изобретением. Более того, похожего человека уже несколько недель видели в «Бюргербройкеллер». Владелец пивной припомнил, что как-то в октябре застал молодого шваба после закрытия заведения в туалетной комнате. Незнакомец объяснил, что зашел в туалет перевязать фурункул и его по ошибке заперли.

Полученную информацию Небе передал людям Мюллера и запросил шефа гестапо о человеке с подобными приметами. Ответ пришел незамедлительно. Гестаповцы получили телеграмму, в которой сообщалось, что вечером 8 ноября на пограничном посту Лорраха при попытке тайно перейти в Швейцарию был задержан некий Георг Эльзер, столяр-краснодеревщик тридцати шести лет, уроженец Вюртемберга. При обыске у него обнаружили деталь детонатора и почтовую открытку с изображением зала «Бюргербройкеллера», где одна из колонн была помечена красным карандашным крестиком.

Небе одновременно обрадовался и растерялся. Эльзер был явно причастен к покушению, но вдруг он лишь пешка в руках людей, задевать которых опасно?

Десятого ноября Эльзера под конвоем привезли в Мюнхен. Допрос вел сам Небе. При виде спокойного и умного человека он понял, что Эльзер не из простаков. Задержанный располагал алиби — в день покушения он находился в Констанце. На вопрос, зачем же он пытался бежать в Швейцарию, Эльзер откровенно ответил: «Я не хотел воевать». Ему велели раздеться. Так и есть — колени шваба были красными и распухли. Ведь он много часов провел, стоя на коленях возле колонны.

Помолчав, Эльзер признался в том, что совершил покушение. Кто же его направлял? Эльзер отрицательно покачал головой: «Никто». Так, значит, он действовал один? «Да, один», — подтвердил Эльзер. Фюрера он решил убить потому, что ненавидит диктаторов. После прихода Гитлера к власти рабочие стали жить хуже, а когда Германия аннексировала Австрию, Эльзер понял, что фюрер на этом не остановится и втянет страну в войну. И тогда осенью 1938 года он решил действовать.

Поражает упорство, которое проявил Эльзер. Ровно за год до покушения он побывал в «Бюргербройкеллер» сразу же после тогдашней речи фюрера и как следует осмотрел место, на котором стояла его трибуна. Эльзер удостоверился, что каждый

год трибуна ставится именно туда. Выходя из пивной, Эльзер знал твердо — действовать он будет здесь. В его распоряжении оставался год. Год на подготовку убийства Гитлера.

И в течение этого времени Эльзер готовился днем и ночью: воровал взрывчатку из оружейной мастерской, где работал, а затем проверял ее в саду своего дяди. В августе 1939 года он поселился в Мюнхене. Соблюдая осторожность, Эльзер за три месяца четыре раза менял квартиру. Взрывчатку он перевозил в большом чемодане, а часовой механизм изготовлял из часовой фурнитуры в мастерских слесаря, механика и столяра.

На допросах Эльзер ничего не скрывал и откровенно рассказывал следователям обо всем. Следователи были поражены тем, что столяр смог самостоятельно изготовить взрывчатое устройство с двумя детонаторами — замедленного действия и электрическим. Нишу в колонне Эльзер начал готовить с начала октября. Вечером он приходил с чемоданом в пивную, перед закрытием шел в туалетную комнату, а затем работал всю ночь. Мусор Эльзер выносил в чемодане и бросал в реку. На изготовление ниши для бомбы у Эльзера ушло тридцать пять ночей. В ночь с 5 на 6 ноября он установил взрывной механизм с тем расчетом, чтобы взрыв произошел восьмого числа между 21.15 и 21.30. В ночь с 7 на 8 ноября Эльзер последний раз проверил механизм и утром назначенного им дня покушения сел в поезд на Кельн — город, который он заранее наметил для перехода границы.

Оказавшись в 20.30 около таможенного поста, Эльзер слушает по радио трансляцию речи фюрера. Вот-вот прозвучит взрыв! Все узнают, что Гитлер мертв, и мир вздохнет спокойно. Благоразумие подсказывало швабу, что надо быстрее переходить в Швейцарию. Но Эльзер стоял как завороженный — он хотел дослушать речь до конца. Вдруг его схватил сзади какой-то таможенник, которому поведение Эльзера показалось подозрительным. Но зачем же Эльзер взял с собой часть детонатора и почтовую открытку? — задали вопрос следователи. «С целью просить политического убежища», — ответил допрашиваемый. Он рассчитывал, что детонатор и открытка с видом зала «Бюргербройкеллер» помогут ему.

До 1941 года Эльзер оставался в Берлине в руках гестапо. Летом его перевели в концлагерь под Ораниенбургом.

Между тем в окружении Канариса продолжали считать, что Эльзер действовал не в одиночку и что речь идет о махинации гестапо.

Нельзя умолчать о странных признаниях Эльзера своим товарищам по несчастью в Дахау — британскому шпиону Бесту и

пастору Нимеллеру. Вот как они передают то, что рассказал им Эльзер.

Летом 1939 года Эльзер как сочувствующий коммунистам был помещен в Дахау. В октябре того же года в лагере появились два незнакомца и потребовали привести Эльзера. В разговоре наедине ему было сказано, что надо уничтожить нескольких предателей из окружения фюрера и с этой целью взорвать бомбу в «Бюргербройкеллере» после ухода Гитлера. Взамен Эльзеру обещали лучшее обращение, вдоволь сигарет, а после выполнения задания — эмиграцию в Швейцарию. В начале ноября Эльзера привезли в пивную, где он поместил бомбу в указанную колонну. Затем вечером 8 ноября сообщники Эльзера проводили его до швейцарской границы и, снабдив денежной суммой и той самой почтовой открыткой, исчезли. Почти сразу же Эльзера арестовали.

Удивительный рассказ, и нет оснований сомневаться в искренности британского агента и пастора. Однако вряд ли стоит так уж слепо верить Эльзеру — бог весть что рассказывают, сидя в заключении. Вспомним хотя бы свидетельские показания слесаря, механика и столяра. Все они видели Эльзера — тот был один и на свободе. Вспомним показания владельца пивной, заставшего как-то Эльзера в туалетной комнате.

И тем не менее версия спровоцированного покушения продолжает жить. Считают, например, что двое неизвестных, имевших дело с Эльзером, были гестаповцами, а бомба управлялась по радио, что исключало риск преждевременного взрыва.

Остаются непонятными привилегии Эльзера в концлагерях. Но эти «награды» были весьма относительны. Не будем забывать про лицо Эльзера в кровоподтеках и его окровавленный костюм после допросов. Из Эльзера хотели выбить правду, но так ее и не добились.

Есть и еще объяснение хорошего обращения с Эльзером. Связано оно с оккультной атмосферой гитлеровской Германии. Быть может, разгадка кроется в признании немецкого дипломата Гизевиуса — одного из тех, кто был посвящен во многие тайны нацистской верхушки. По мнению Гизевиуса, фюрер считал, что жизнь его неразрывна с жизнью столяра Эльзера, поэтому убивать его нельзя. Но в апреле 1945 года, когда рушилось все, сохранять жизнь Эльзеру больше не было смысла.

Пятого апреля Георг Эльзер был расстрелян и сожжен в лагерной печи по приказу Гиммлера.

Настоящий человек Алексей Маресьев

Тысяча девятьсот шестнадцатый год подарил Советскому Союзу будущего человека-легенду — Алексея Маресьева. Родился мальчик в городе Камышин Волгоградской области в многодетной семье. С самого детства у него было слабое здоровье, он часто болел малярией. Его мать воспитывала сыновей одна, так как отец, вернувшись с войны, скончался от ран. Зароботок уборщицы деревообрабатывающего завода не позволял жить роскошно, и мальчиков с детства приучили к труду.

На строительство Комсомольска-на-Амуре Маресьев отправился по заданию партии и комсомола. Там он начал заниматься в аэроклубе, и тогда же у него возникло непреодолимое желание стать профессиональным летчиком. Призванный в армию, он был зачислен в авиационные погранотряды на Сахалине. Однако реальных полетов еще не было, они оставались лишь в мечтах молодого человека.

Первый опыт полетов пришел к Маресьеву лишь в 1940 году в городе Батайске во время пребывания в военной школе. Там же, в Батайске, встретил войну. Упорное стремление стать отличным летчиком не прошло даром. Сбитые неприятельские истребители следовали один за другим. И уже к концу марта первого года боевых полетов на счету летчика было четыре неприятельские машины.

В марте 1942 года его перебросили на Северо-Западный фронт, а в апреле с молодым пилотом случилось несчастье. Его самолет подбили, и летчик, планируя к земле, намеревался сесть на занесенное снегом лесное болотце. Однако мощности машины не хватило, и она со всей силы рухнула на могучие стволы деревьев. Маресьев остался жив, но получил серьезное ранение. Ползком в течение восемнадцати дней добирался он к своим. Как удалось выжить Алексею Петровичу — непонятно. Сам он не любил рассказывать об этом. Летчик дополз до деревни, и там его заметили деревенские мальчишки Малин и Вихров, которым он и обязан своим спасением. Местные жители оказывали Алексею Петровичу посильную помощь, однако в деревне не было профессионального врача, и обмороженные ноги сильно воспалились. После его транспортировки в ближайший госпиталь их пришлось ампутировать, так как развилась гангрена.

Маресьев был страшно подавлен. И только железная воля не

дала ему сломаться. Диагноз врачей о его профнепригодности не стал для него приговором. Он долго и усердно тренировался с протезами и в июне 1943 года вернулся в строй. Эта была самая большая победа Маресьева, и это был самый великий его подвиг.

На Брянском фронте командиры опасались выпускать в небо инвалида. Алексей Петрович сам очень переживал, но попросил дать ему шанс проверить себя. Позволил вновь подняться Маресьеву в небо Александр Числов, став таким образом «крестным отцом» великого советского летчика.

Алексею Петровичу пришлось воевать в составе 63-го истребительного авиационного полка на Курской дуге. Он был заместителем командира эскадрильи. В августе 1943 года Маресьев в одном бою сбил сразу три вражеских истребителя. Ему присвоили звание Героя Советского Союза.

Слава о безногом летчике-герое быстро облетела военные части. В 15-ю воздушную армию стали прибывать корреспонденты. Тогда и познакомился Маресьев с автором «Повести о настоящем человеке». Так появился всем известный Мересьев — прототип героя войны. События, описанные в произведении, действительно имели место, за исключением романа с девушкой, образ которой тем не менее понравился Алексею Петровичу.

Затем Маресьев воевал в Прибалтике, стал штурманом полка. Всего он сделал 86 боевых вылетов, сбив одиннадцать самолетов противника: до ранения четыре и семь — с протезами.

В июне 1944 года майор Маресьев становится инспектором-летчиком Управления ВВС. В 1946 году он был уволен из ВВС. Свои последние вылеты на самолете (учебном У-2) Алексей Петрович совершил в начале 50-х годов в качестве инструктора спецшколы ВВС в Москве. На этом его небесная эпопея закончилась. И началась новая. Со свойственным ему упорством он взялся за учебу: окончил Высшую партийную школу при ЦК КПСС, затем аспирантуру, стал кандидатом исторических наук. Алексей Петрович Маресьев вошел в состав Советского комитета ветеранов войны.

До самой смерти этот человек не поддавался недугам и удивлял окружающих своей жизнерадостностью. Жил он небогато, но никогда не жаловался на судьбу, а находясь на фронте, даже не замечал своих физических недостатков. Правда, мечтал он управлять «Аэрокоброй», но не мог, так как конструкция этих машин предполагает ножной тормоз, а с протезами это был слишком большой риск.

Скончался этот удивительный человек в 2001 году, накануне встречи, посвященной его восьмидесятипятилетию.

Афера с «дневниками Гитлера»

Герд Хайдеман, тридцать два года проработавший в популярном немецком журнале «Штерн», был настолько увлечен изучением истории нацизма, что в 1973 году даже продал свой дом в Гамбурге, чтобы купить бывшую яхту Германа Геринга «Карин-2».

Вскоре яхта Геринга стала своеобразным морским клубом, где пожилые наци чувствовали себя героями прошедшей войны, вспоминали былые подвиги и поднимали бокалы, провозглашая тосты в память Адольфа Гитлера.

В конце 1970-х годов Хайдеман уже считался своим человеком среди выживших нацистов. Благодаря этому репортеру удалось узнать великую тайну об уцелевших личных дневниках фюрера. История этих сенсационных исторических документов такова. Во второй половине апреля 1945 года советники Гитлера предложили ему перевезти секретные документы Третьего рейха и его личный архив в тайное место в Баварских Альпах.

Гитлер согласился. Десять самолетов с секретным грузом вылетели из Берлина, но до цели добралось только девять, один самолет был сбит. Хайдеману рассказали, что, узнав, какой из самолетов разбился, Гитлер назвал это катастрофой, ведь именно там находился его личный архив — письма, документы, записки, а главное — дневники, которые якобы сгорели во время аварии. Неделю спустя Гитлер покончил жизнь самоубийством.

Однако дневники Гитлера не сгорели — часть секретного груза успел вытащить из-под обломков самолета немецкий крестьянин, припрятавший дневники фюрера до лучших времен. В конце концов одна из тетрадок, исписанная неразборчивым почерком Гитлера, оказалась у коллекционера фашистских реликвий Фрица Штепеля.

В январе 1980 года Хайдеман выехал в Штутгарт, где встретился со Штепелем. Богатый коллекционер, вероятно, почувствовал в Герде родственную душу, поэтому и показал ему святая святых своей коллекции — мемориал Гитлера. Здесь были фотографии, письма, плакаты, открытки, различные предметы, а главное — дневник фюрера.

История с дневниками Гитлера разворачивалась на фоне все возрастающего интереса к фашистскому прошлому Германии. К началу 1970-х годов подросло поколение немцев, не отягощенных виной за преступления нацистов. Спустя тридцать лет после смерти Гитлера его имя вновь стало популярным.

На гребне этого интереса Хайдеман и решил раскрутить

сенсацию с дневниками Гитлера. Это сулило не только хорошие деньги, но и всемирную славу.

Первым делом о дневнике Гитлера Хайдеман сообщил Генри Наннену, издателю «Штерн», но, к своему удивлению, не нашел у него поддержки. Однако Хайдеман не угомонился и обратился к Манфреду Фишеру — директору-распорядителю компании, которой принадлежал «Штерн». Фишер воскликнул: «Отличная история! Берем!»

Заручившись согласием Фишера, Хайдеман вновь пришел к Штепелю, чтобы выкупить дневник и узнать его историю. Коллекционер рассказал, что получил дневник от профессора Конрада Фишера.

Фишер оказался маленьким лысым мужчиной. Он занимался коммерцией и коллекционировал нацистское наследие. Профессор подтвердил, что именно он продал дневник Штепелю, и сообщил о еще двадцати семи томах, которые при наличии денег вполне можно было бы приобрести. Потрясенный, Хайдеман отказывался верить в такую удачу, но профессор говорил весьма убедительно, и репортер «Штерн» ушел от него в полной уверенности, что в руках у него настоящая сенсация.

Профессор хотел получить один миллион долларов и по сорок тысяч за каждый новый том дневников. Хайдеман обратился к Манфреду Фишеру, и тот сказал: «Нет проблем». Кроме того, профессор Фишер потребовал значительное время на доставку документов. По его словам, дневники были спрятаны в тайниках по всей Восточной Германии. Время профессору дали, а Манфред Фишер решил не раскрывать тайну дневников, пока «Штерн» не приобретет все тома.

После получения очередного дневника Хайдеман приносил его в журнал «Штерн», где его с трепетом листали, а затем переправляли в секретный банковский сейф в Цюрихе. Когда зашла речь о последнем томе, Манфред Фишер решил провести целый ряд мероприятий, предшествующих публикации. Но тут профессор поразил Хайдемана и руководство «Штерн» известием, что дневников Гитлера на самом деле намного больше — шестьдесят семь! На их доставку опять требовались годы…

«Штерн» больше не мог ждать, ведь было заплачено почти четыре миллиона долларов. Дневники Гитлера решили обнародовать 22 апреля 1983 года. Парадоксально, но только после выплаты такой огромной суммы документы стали проверять на подлинность…

Предварительные результаты обнадеживали. Известный американский графолог Ордвей Хилтон заявил, что, по его мнению, это почерк Гитлера. Бегло ознакомились с дневниками

английский историк Хью Тревор-Ропер и Герхард Уайнберг из университета Северной Каролины. Они также пришли к выводу, что дневники настоящие.

С целью максимальной раскрутки сенсации «Штерн» пригласил популярную в Германии телеведущую Барбару Дикманн, чтобы она сняла фильм о дневниках Гитлера.

Как только Дикманн встретилась с Хайдеманом, у нее сразу возникли сомнения относительно его душевного здоровья.

Руководство «Штерн» торопилось. Историку Тревору-Роперу практически не дали времени, чтобы подробно ознакомиться с рукописями. Он был настроен довольно скептически, но, когда увидел дневники и получил заверения в порядочности посредника, подтвердил подлинность документов. Однако опубликовать свое заключение он согласился лишь после того, как ему предоставят возможность поговорить с Хайдеманом.

Двадцать первого апреля 1983 года руководство «Штерн» на пресс-конференции сообщило о сенсационной находке. Гордый Хайдеман демонстрировал дневники фюрера собравшимся журналистам.

Двадцать третьего апреля лондонская «Таймс» напечатала статью о дневниках Гитлера, где сообщалось, что Тревор-Ропер признал дневники подлинными. По иронии судьбы именно в тот день, когда «Таймс», вопреки договоренности, напечатала его положительное заключение, Тревор-Ропер наконец встретился с Хайдеманом.

Хайдеман историку не понравился: он отвечал уклончиво, постоянно путался и не вызывал никакого доверия. В тот же день Тревор-Ропер позвонил в редакцию «Таймс» и предложил отменить публикацию, так как у него появились серьезные сомнения относительно подлинности документов. Однако маховик сенсации уже был запущен.

Двадцать четвертого апреля в Германии тиражом два миллиона экземпляров вышла первая часть записок Гитлера, в тот же день выдержки из дневников появились и в лондонской «Таймс». Люди выстраивались в очередь к газетным киоскам, а тираж «Штерн» подскочил сразу на триста тысяч.

Тем временем в редакции «Штерн» уже знали, что, согласно заключению Федерального архива Германии, дневники являются подделкой.

Когда «Штерн» 4 мая опубликовал вторую часть дневников, представители Федерального архива уже в обход журнала обратились к населению Германии и назвали дневники наглой, абсурдной и поверхностной подделкой. Наконец был обнаружен и один из источников, использованных фальсификаторами, —

книга Макса Домаруса «Гитлер: речи и заявления. 1932–1945». Разразился грандиозный скандал.

Кто же так хитро обвел вокруг пальца руководство «Штерн»? Профессором К. Фишером оказался Конрад Куяу, владелец небольшого магазинчика в Штутгарте, торгующий нацистской символикой.

Не было никаких дневников фюрера, не было сбитого самолета, всю эту историю придумал сам Куяу, он же написал и более двух десятков томов дневников Гитлера, подделывая почерк фюрера.

Этот талантливый мошенник даже не чувствовал себя виноватым. По его словам, он создал неплохой товар, использовав при написании дневников в качестве источников около шестисот книг и тысячи двухсот газет.

«Хотелось скорее прогнать фашистов с нашей земли…»

Звание Героя с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» Николай Матвеевич Андрейко получил за подвиг в 1943 году во время форсирования Днепра.

В то октябрьское раннее утро густой туман окутал Днепр. Накануне всю ночь бойцы батальона в ближайшем лесу готовили плавсредства. 193-я стрелковая дивизия 65-й армии Центрального фронта, в которой служил старший телефонист Николай Андрейко, получила приказ с ходу форсировать Днепр под Лоевом Гомельской области. Враг на противоположном высоком берегу превратил свои позиции в крепость. Потерпев поражение на Курской дуге, гитлеровцы всеми силами пытались остановить наступление наших войск.

Вечером в батальоне прошел митинг. Командир дивизии разъяснил обстановку и поставил задачу: «Перед нами Днепр — великая река трех народов, за ним Правобережная Украина, Белоруссия. Нас ждут наши матери, дети… Поклянемся же, что завтра мы будем на правом берегу. Кто готов идти первым? Выйти из строя!..» Все триста пятьдесят бойцов шагнули вперед.

Первыми приказ преодолеть широкий Днепр и закрепиться на правом берегу получили связисты. На пяти бревнах, связанных ветками, закрепили катушку с кабелем, и, как только ударили «катюши», Николай Андрейко, Иван Будилин и Федор Шорохов оттолкнулись от берега. Под прикрытием артиллерии добрались до середины реки. Николай успел распустить кабель, чтобы во избежание разрывов тот ушел на дно.

А потом начался настоящий ад. Фашисты вели шквальный огонь. Снаряды сыпались со всех сторон, вздымая фонтаны воды. Маленький плот швыряло из стороны в сторону. Саперными лопатками они гребли, стараясь как-то маневрировать между разрывами. От одного из разрывов плот развалился. Трое смельчаков оказались в воде. Уцепившись за бревна, гребли к берегу. Увидели, что за ними прорываются к берегу лодка и еще один плот. Это придало сил. Все трое доплыли до мели, выбрались незаметно для окопавшихся фашистов и забросали их гранатами. Подоспевшие товарищи с боем продвигались по траншее, а Николай устанавливал связь.

— Мы на берегу, — доложил он командиру.

— Закрепляйтесь. Удержать плацдарм до подхода основных сил! — прозвучал приказ.

Заняв около ста метров вражеской траншеи, одиннадцать бойцов в течение суток удерживали этот пятачок, корректируя огонь артиллерии. Наутро наши части форсировали Днепр.

На следующий день, когда батальон гнал врага от Днепра, за спиной Николая разорвался снаряд. Это было третье его ранение. С июля 1941 года бывший модельщик Харьковского завода им. Коминтерна (ныне им. В. Малышева) Николай Андрейко воевал и под Севастополем, и под Воронежем, и на Курской дуге, форсировал Десну, Сож, Днепр. После ранений возвращался в строй. После третьего ранения его сочли убитым. В спешке наступления, не разобравшись, решили похоронить. Только внимательность одного из бойцов похоронной команды, заметившего в парне признаки жизни, спасла Николая.

Почти год врачи боролись за его жизнь. В полевом госпитале Николай узнал, что ему присвоили звание Героя Советского Союза. Николаю шел тогда двадцать второй год.

Вернуться к любимому делу модельщика искалеченная правая рука не позволяла. Николай Андрейко пошел учиться. Окончил планово-экономический техникум и почти полвека проработал на родном заводе им. В. Малышева. Был экономистом, начальником бюро труда и зарплаты цеха. О том, как трудился Николай Матвеевич, говорят его послевоенные награды — орден Трудового Красного Знамени, орден Богдана Хмельницкого II степени.

Николай Матвеевич активно работал в комитете Международного союза ветеранов войны и вместе с побратимами добивался присвоения Харькову звания «Город воинской славы».